

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(43)'2013

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2013

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед.наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

кандидат филологических наук, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2013. – Вып. 1(43). – 220 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим Министерство образования и науки РФ за материальную поддержку проекта в рамках госзадания № 6.2985.2011 — «Политическая метафорология».

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 1 (43)

Подписано в печать 4.03.2013. Формат 60x84/8.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. — 22,8. Тираж 500 экз. Заказ 4070.
Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2013
© Политическая лингвистика, 2013

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

1(43)'2013

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)
Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
-------------------	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Воркачев С. Г. Краснодар, Россия	«Народный автомобиль» и «элитные гробы»: ассоциативное поле лингвоидеологемы.....	9
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Япония в определениях-репликах: дискурсивный контекст как фактор текстообразования	19
Сипко Й. Прешов, Словакия	Фрагменты языковой картины президентских выборов в Чехии в 2013 г.....	33
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Проявление основных архетипических образов в американской политической карикатуре	39

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Амиров В. М. Екатеринбург, Россия	Мотивация воюющих сторон в современном журналистском военном дискурсе	59
Завьялова Н. А. Екатеринбург, Россия	Идиомы и политика: седая старина или острейшие вопросы повседневности?	62
Керимов Р. Д. Кемерово, Россия	Метафоризация физиологических процессов в немецкой социальной коммуникации	72
Кравцова Л. П. Вильнюс, Литва	Политические партии и общественные движения: палитра современной политической жизни в гипертексте «Толкового словаря русского языка начала XXI века»	89
Тельминов Г. Н. Екатеринбург, Россия	Коммуникативные тактики позитивной вежливости в американской интернет-рекламе.....	100
Тихонова С. А. Омск, Россия	Барак Обама как мишень прецедентности в политической карикатуре США.....	107
Шапиева Д. З. Москва, Россия	Специфика формирования взгляда на политических лидеров России в начале XXI века в британских и американских СМИ.....	115
Шилихина К. М. Воронеж, Россия	Ироническое выражение деонтической оценки в общественно-политическом дискурсе	121

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Богоявленская Ю. В. Екатеринбург, Россия	Парцелляция в сильных позициях медиатекста	128
Зотеева Т. С. Саратов, Россия	Государственный гимн как жанр политического дискурса.....	133
Каменева В. А. Рабкина Н. В. Кемерово, Россия	Функциональный и прагматический потенциал демотиваторов как визуально-вербальной формы современной интернет-коммуникации	144

Кенжебалина Г. Н. Павлодар, Казахстан	Коды культуры в дискурсе СМИ Казахстана.....	152
Лалетина А. О. Нижний Новгород, Россия	Глобализация и языковая политика в сфере образования: опыт России и США	158
Ленская С. В. Киев, Украина	Украинская новеллистика «расстрелянного возрождения»: проблема размывания жанровых границ в малой прозе.....	164
Пасько И. В. Днепропетровск, Украина	Поэтическая интерпретация катастрофизма мира в творчестве Михаила Ореста.....	170
Цепенникова А. Н. Лесной, Россия	Образы русских эмигранток XX и XXI вв. в рассказах Н. Тэффи и Д. Рубиной.....	176

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Ворошилова М. Б. Злоказов К. В. Карапетян А. А. Екатеринбург, Россия	Отрывок про скинхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы.....	181
Стернин И. А. Воронеж, Россия	Неполиткорректные наименования лиц в языковом сознании носителя языка	191

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Спиридонов Д. В. Филатова К. Л. Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Французская лингвистическая советология: Андре Мазон.....	198
Мазон А.	Лексика войны и революции в России (1914—1918). Введение. Аббревиация	203

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика..	211
Пирогов Н. А. Екатеринбург, Россия	Перспективные направления лингвистических исследований: хроника работы диссертационного совета Д 212.283.02 в 2012 году.....	213
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика».....		215

CONTENTS

EDITORIAL 8

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Vorkachev S. G. “Popular car” and “Elite coffins”:
Krasnodar, Russia associative field of ideological word..... 9

Ruzhentseva N. B. Japan in attributes and comments:
Ekaterinburg, Russia discursive context as a factor of text formation 19

Sipko J. Fragments of language world picture
Prešov, Slovakia of Presidential elections
in the Czech Republic in 2013..... 33

Shustrova E. V. Basic archetypical images
Ekaterinburg, Russia in modern American political cartoon..... 39

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Amirov V. M. Motivation of belligerent parties
Ekaterinburg, Russia in a modern journalistic military discourse 59

Zavyalova N. A. Idioms and politics: age-old antiquity
Ekaterinburg, Russia or burning issues of present? 62

Kerimov R. D. Metaphorization of physiological processes
Kemerovo, Russia in the German social communication..... 72

Kravtsova L. P. Political parties and public movement:
Vilnius, Lithuania the palette of contemporary political life
in hypertext of “Explanatory dictionary
of the Russian language of the beginning of XXI century” 89

Telminov G. N. Communicative tactics of positive politeness
Ekaterinburg, Russia in American Internet advertising 100

Tikhonova S. A. Barack Obama as a target of precedent phenomena
Omsk, Russia in the US political caricature..... 107

Shapieva D. Z. Portrayal of Russian political leaders
Moscow, Russia in the early XXI century
in the British and American Mass-Media 115

Shilikhina K. M. Ironic expression of deontic evaluation
Voronezh, Russia in public political discourse..... 121

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Bogoyavlenskaya Yu. V. Parcellation in strong positions of Media text..... 128
Ekaterinburg, Russia

Zoteyeva T. S. National anthem
Saratov, Russia as a genre of political discourse 133

Kameneva V. A. The functional and pragmatic potential
Rabkina N. V. of demotivators as a visual-verbal form
Kemerovo, Russia of modern Internet communication 144

Kenzhebalina G. N. Pavlodar, Kazakhstan	Cultural codes in Kazachstans' Mass-Media discourse	152
Laletina A. O. Nizhny Novgorod, Russia	Globalization and language acquisition policy: Russian and American practices	158
Lenskaya S. V. Kiev, Ukraine	Problem of erode of genre boundaries in short stories (based on Ukrainian short stories of "Executed Renaissance")	164
Pasko I. V. Dnepropetrovsk, Ukraine	The poetical interpretation of world-catastrophism in Michailo Orest's poetry	170
Tsepennikova A. N. Lesnoy, Russia	Images of the Russian emigrants of the XX and XXI centuries in the stories by N. Teffi and D. Rubina	176

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Voroshilova M. B. Zlokazov K. V. Karapetyan A. A. Ekaterinburg, Russia	An extract about a skinhead: experience of complex psychological and linguistic expertise	181
Sternin I. A. Voronezh, Russia	Politically incorrect national names in language consciousness of language's possessor	193

PART 5. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Spiridonov D. V. Filatova K. L. Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia	French linguistic Sovietology: André Mazon	198
Mazon A. Strasbourg, France <i>Transl. by K. L. Filatova, D. V. Spiridonov</i>	Lexis of War and Revolution in Russia (1914—1918). Introduction. Abbreviation	203

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	Juridical linguistics: forensic linguistic expertise, lingo-conflictology, juridical-linguistic hermeneutics	211
Pirogov N. A. Ekaterinburg, Russia	Promising trends in linguistic research works: Chronicle of Dissertation Council Д 212.283.02 in 2012	213
Manuscripts requirements		215

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет очередной номер журнала «Политическая лингвистика».

Основные рубрики журнала остаются прежними. Раздел «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои материалы доктора наук, профессора С. Г. Воркачев (Краснодар, Россия), В. А. Каменева (Кемерово, Россия), Н. Б. Руженцева (Екатеринбург, Россия), Й. Сипко (Прешов, Словакия), И. А. Стернин (Воронеж, Россия), Е. В. Шустрова (Екатеринбург, Россия).

Раздел «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

Мы уже печатали статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики. В этом номере для подобных публикаций впервые введен специальный раздел.

В разделе «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки. **К сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров для этого раздела. Поэтому мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, одобренного редакцией. Напоминаем, что публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите.**

Напоминаем основные принципы редакционной политики.

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической кор-

ректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат, за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Мы не располагаем средствами для оплаты труда профессиональных переводчиков. Вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета journals.uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы также удовлетворить заявки на пересылку этого и предшествующих выпусков в печатном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

**С уважением
и надеждой на сотрудничество:**

д-р филол. наук, проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'371
ББК Ш103.2

ГСНТИ 16.21.51; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

С. Г. Воркачев S. G. Vorkachev
Краснодар, Россия Krasnodar, Russia

«НАРОДНЫЙ АВТОМОБИЛЬ» И «ЭЛИТНЫЕ ГРОБЫ»: АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ЛИНГВОИДЕОЛОГЕМЫ

Аннотация. Исследуется эволюция аксиологической коннотативной окраски прилагательных «народный» и «элитный» как единиц ассоциативного поля лингвоидеологемы «народ».

Ключевые слова: народ; элита; лингвоидеологема; аксиологический окрас.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Контактная информация: 350006, г. Краснодар, ул. Красная, 135, ауд. 110.
e-mail: svork@mail.ru.

“POPULAR CAR” AND “ELITE COFFINS”: ASSOCIATIVE FIELD OF IDEOLOGICAL WORD

Abstract. Investigated is the evolution of axiological connotative tinge in the meaning of the adjectives “narodny” and “elitny” as units of associative field of the ideological word “narod” (“people”).

Key words: people; élite; ideological word; connotative tinge.

About the author: Vorkachev Segey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Scientific-Technical Translation Department.

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

110.

По большому счету, «лингвоидеологема» — это разновидность лингвокультурного концепта и, так же как последний, отличается от культурного концепта своей языковой составляющей, а от идеологемы — закрепленностью за определенными языковыми средствами выражения.

Языковая составляющая лингвокультурных единиц, которую можно назвать «значимостной», определяется главным образом местом, которое занимает имя лингвокультурной единицы в лексической системе языка, куда входят парадигматика, синтагматика и этимология этого имени, а также, очевидно, соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательная продуктивность [См. подр.: Воркачев 2007: 103—105].

Как по семантическим фрагментам, рассредоточенным в употреблении частеречных производных и лексико-семантических вариантов имени справедливости, можно воссоздать «формулу справедливости» [См.: Воркачев 2009], так же, очевидно, по ассоциативным связям имени «народ» можно воссоздать и в чем-то дополнить семантический образ соответствующей лингвоидеологемы.

По данным русской лексикографии, синонимический ряд лексем, соотносимых с лингвоидеологемой *народ*, представлен следующими единицами: *народ, толпа, население, публика, нация, племя, национальность, раса, чернь, народность, простона-*

родье, — среди которых безусловным лидером по частоте употребления выступает *народ* [См.: Воркачев 2012: 19]. К этому ряду на сегодняшний день с полным основанием можно добавить лексему *быдло* [См.: Воркачев 2012а], заменившую ныне малоупотребительные *чернь* и *простонародье*, атрибутивную синтагму *народные массы* и терминологизированную единицу *народонаселение*. Общим, объединительным признаком слов этого семантического ряда является указание на некое множество индивидов, а различаются члены данного ряда главным образом по этническому и оценочному признакам. Здесь можно отметить, что в числе синонимов лексемы *народ* оказываются оценочные *толпа, чернь, простонародье, быдло* и вполне нейтральное *население*.

Конфигурации синонимического и антонимического полей лексемы *народ*, безусловно, отличаются как количественно, так и качественно. В число «официальных», словарных и языковых, антонимов этой лексемы по количественному признаку (объему обозначаемого множества) попадает *человек (индивид, личность)*, противостоящий всем ее лексико-семантическим вариантам (*люди вообще, народ-этнос, народ-нация, простой народ* и пр.), а по социальному признаку — *элита* в любой ее ипостаси (*власть, интеллигенция, духовенство* и пр.), противостоящая только *собственно народу (народным массам, трудовому народу, простым людям* и пр.).

В то же самое время в отношении речевой, контекстуальной антонимии к лексеме «народ» могут вступать практически все члены ее синонимического ряда, противопоставляясь ей по соответствующему дифференциальному признаку, который в данном случае становится предикативным. (В качестве источника материала для исследования использовалась в том числе и электронная база данных «Национального корпуса русского языка» [Национальный корпус русского языка]).

Так, по признаку бесформенности и гетерогенности народу противопоставит «толпа»: **Не толпа, не быдло, а то, что образует особую форму, — народ, о чем плохо говорить нельзя, ибо это понятие мистическое** (Чуев).

Частичный синоним народа — население — превращается в его антоним в контексте предикации такого признака, как единство целей и образ совместного будущего: **Ведь народ, это не население, народ — это лучшее, что есть в каждом из нас, и это ощущение, духовное присутствие в певце, в артисте — оно всегда ощутимо, и это нечто, что выделяет таких — немногих совсем — больших художников среди артистов тоже замечательных, но академического плана** (РИА Новости. 2007. 10.15); **Это должна быть организация, в которой бы варилась стратегия русского развития, которая бы превращала наше деградирующее население, ориентированное только на удовлетворение животных потребностей, в народ, одержимый великими целями** (АиФ. 2010. № 10); **Раз нет образа будущего, то называть страной то место, где мы сейчас живем, пока рано. Так же рано называть народом людей, которые тут живут. У нас не страна, а географическое пространство, не народ, а народонаселение** (АиФ. 2011. № 29); **Другое дело страна. Здесь сложнее. Наверное, вначале она должна сама поменяться, в смысле население её должно народом стать, а уж потом можно подумать об отказе от двойного названия и двуглавого птицы-герба?** (Вольная Кубань. 2012.10.04).

Такой синоним «народа», как «быдло», превращается в его антоним в контексте предикации положительного аксиологического признака народа как творца истории и единственного источника легитимизации власти: **Мы же люди. Народ, а не быдло. И должны ощущать социальное целое, к которому принадлежим, как нечто драгоценное и, увы, хрупкое** (Комсомольская правда. 2003.10.07); **Народ говорит: мы не быдло, и заявляет это откровенно** (Новый регион 2. 2007).

Далее сопоставим семантику и функционирование антонимичных прилагательных *народный* и *элитный/элитарный*.

I. НАРОДНЫЙ (-ая, -ое). В тематической группе «народ» это самое значимое суффиксальное производное, имеющее свои собственные префиксальные производные: *обще-, между-, все-, анти-, простонародный*, причем *общенародный* и *всенародный* отличаются от *народного* стилевым регистром и оттенком усилительности [См.: Евгеньева 2001, т. 1: 610]. Как и ее производящая основа «народ», лексема «народный» крайне многозначна, ее семантические границы четко не определены, и это дает основания утверждать, что «народное» — это «самое темное, непроработанное понятие в нашем языке» (В. Пьецух).

Хотя по частоте речевого употребления прилагательное «народный» отстает от своей производящей основы («народный» — частота 84.87 ipm, ранг 1295; «народ» — частота 374.86 ipm, ранг 245 [Шаров]), оно в полной мере сохраняет манипулятивно-идеологический потенциал существительного «народ» и постоянно появляется в названиях различных политических партий и общественных организаций — «Народная партия», «Народная воля», «Народный фронт» и даже «Народная расправа»: **Народная партия пойдёт на выборы партийным списком и не будет блокироваться с „Единой Россией“ — такое решение принял пленум Народной партии** (Газета. 2003.06.30); **А вот после 1861 года сразу возникла „Земля и воля“, следом — обыкновенные убийцы-террористы: „Народная расправа“ Нечаева, „Ад“ Ишутина и „Народная воля“ Желябова, затем плехановское „Освобождение труда“, РСДРП, просто эсеры и эсеры-террористы, меньшевики-большевики и так далее до РКП (б)** (Вестник США. 2003. 11.26).

Попадая в почетные звания и названия государственных институтов и должностей, слово это выступает также индикатором советской эпохи — *народный артист/художник/врач, народный суд, народный судья, народный заседатель, народный комиссар/комиссариат* и пр.: **Из старых друзей его хоронил народный артист СССР Борис Ливанов, с которым он был в конфликте, а писатели и коллеги выразили соболезнование через сообщение — скончался, дескать, член Литературного фонда** (Есин); **В райкоме партии на комиссии старых большевиков будущий народный художник России, опозорив Ленком, не смог ответить на вопрос, когда родился Фидель Кастро** (Захаров); **Час ищу по переулкам**

этот *Зюзинский народный суд* (Столица. 1997.06.17); *Помню, народный судья Чикваидзе обратился к моей бывшей жене* (Довлатов); *Нет, ты погоди, — деду удалось вставить словечко. — Вот я теперь есть народный заседатель* (Тахтамышев); *Я не народный комиссар, — отвечает мать, — обойдутся и без моего портрета* (Рыбаков).

Статус лексемы «народный» по отношению к основным семантическим разрядам имени прилагательного (качественные и относительные) по меньшей мере двусмыслен: «народный» может функционировать и как относительное прилагательное (*народное ополчение, народное восстание, народный избранник* и пр.), и как качественное, приобретая в последнем случае все свойства качественного прилагательного — способность изменяться по степеням сравнения, определяться количественными наречиями, образовывать соотносительные наречия на -о, -е и принимать краткую форму [См.: Виноградов 1947: 204; Шрамм 1979: 6]: *Поэтому там, где народ как бы всего „народнее“ — в армии, — люди ходят строем, одинаково и одеваются одинаково и на то, что им говорят — на приказы, — должны отвечать равно, не раздумывая и не размышляя* (Шаров); *А что у нас есть народнее аристократа Пушкина?* (Пьецух); *Депутаты все полигональные — возни меньше и лица народнее* (Пелевин); *В Москве писали и печатали книги гораздо правильнее, если можно сказать, гораздо народнее, нежели в Петербурге* (Греч); *Одним словом, за всю тысячелетнюю историю России это был самый народный режим, может быть, самые органичные восемьдесят лет для нашего ограниченно самостоятельного населения, недаром русачок по нему вздыхает да охает до сих пор* (Пьецух); *Будь ты самый народный артист, а если к тебе приехали домой и нацелились в тебя микрфоном, никуда не денешься!* (Стаднюк).

Собственно говоря, способность прилагательного «народный» передавать значения обоих семантических разрядов отражена уже в его лексикографическом толковании: «принадлежащий народу, свойственный ему, созданный народом» [Евгеньева 2001, т. 1: 610], «относящийся к народу, принадлежащий народу; свойственный, соответствующий духу народа» [Ожегов 1953: 345], где «свойственный» и «соответствующий» отправляют к качественной, оценочной и скалярной стороне определяемого предмета, соотносимой с неким идеалом (эталоном, нормой) представлений о народе [См.: Шрамм 1979: 18], в то время как «принадле-

жащий», «созданный» и «относящийся» отправляют к производящей основе в целом [См.: Павлов 1960: 68], а сама лексема «народный» соотносится с различными предложными и беспредложными конструкциями, содержащими имя «народ»: *избранный народом, вышедший из народа, представляющий народ, предназначенный для народа, мечта народа, счастье народа, благо народа* и пр.

Значительная часть сочетаний прилагательного «народный» с определяемыми существительными представляет собой «привычные сочетания слов» [Шайкевич 1995: 162], присутствующие в сознании носителей языка в «готовом виде» (испанское *frases hechas*), в форме штампов и речевых стереотипов, и тяготеющие к фразеологизации: *народный избранник, народное ополчение, народное добро, народный мститель, народный умелец* и пр.

Нужно сказать, что «мощность множества» имен, которые могут определяться лексемой «народный», по своей «силе» ненамного отличается от мощности множества имен, определяемых лексемой «родной» [См.: Воркачев 2011: 175]. В понятии «народ», по большому счету, персонифицируется множество отдельных личностей, обладающих физическим, духовным и социальным «Я» [См.: Мейли 1982: 132—134; Джемс 1982, 61—63]: народ что-то делает (*народные мастера, умельцы, целители, учителя, академики* и пр.), страдает (*народные страдания*) и испытывает счастье (*народное счастье*), мечтает (*народная мечта*), судится и судит (*народный суд, народный заседатель*), покупает и продает (*народный автомобиль, товары народного потребления*) и пр.

В семантику прилагательного «народный» переходит «по наследству» большая часть признаков производящих лексико-семантических вариантов (ЛСВ) лексемы «народ» [См.: Воркачев 2012: 19—21]. Прилагательное образуется от следующих ЛСВ:

— «народ-люди» как совокупность нескольких лиц: *Вход в камеру открылся и постепенно и вдруг. Медленно скользил народный поток* (Гроссман); *Ветер срывал пыль с окрестных глиняных холмов и обдавал ею народные массы* (Лимонов); *Пока она шла в галерее Ланкапа, то есть в течение месяца, к ней не зарастала народная тропа* (Аксенов);

— «народ-население» как жители той или иной страны; этот вариант закономерен еще и потому, что прилагательного от имени «население» в русском языке не существует: *Массовое бегство от избирательных урн,*

голосование против всех или за какого-нибудь „городского сумасшедшего“, сознательная порча бюллетеней — это **народный ответ** на выборы без выбора (Выжуртович); Во время Великой Отечественной войны на **народные пожертвования** строились танки и самолеты (Зайцева);

— «народ-этнос»: **Народный костюм** — это образ матери, чистоты, гармонии, достоинства, а современная мода — это сексуальная агрессивность (Народное творчество. 2004); **Христианский чин венчания**, имеющий иное происхождение и иной круг символов, нежели **народный свадебный ритуал**, требует отдельного исследования с точки зрения канонов православной обрядности и здесь не рассматривается (Народное творчество. 2004); **Народный быт** издавна хранил богатство символов, связанных с птицей (Наука и жизнь. 2009); **Обряд старинный, народный**, с языческой плотской подкладкой, но в нем произведены кое-какие позднейшие изменения (Русская Жизнь. 2008);

— «народ-нация»: В экономике таким типом универсализма является рыночная капиталистическая система, основанная на денежном эквиваленте, в области политики — демократия и **народный суверенитет**, в социальной сфере — либеральный индивидуализм и формально-правовое регулирование конфликтных отношений (Отечественные записки. 2003); **Требует тут же себе бронированный автомобиль и телохранителей**, и все это за **народный, государственный счет** (Жизнь национальностей. 2002.06.05); **Народный, государственный характер науки** Сталинской эпохи определил ее невиданный в истории наукой рост (Наука и жизнь. 1950); **Вместо нее установка — используй свое служебное положение для создания роскоши себе и своему окружению, можешь потратить на это государственные, народные деньги** (Советская Россия. 2003.02.15);

— «собственно народ» как основная трудовая масса страны: **Олигархов в России ненавидят**, и потому кампания против них может опираться на **народный гнев** (Время МН. 2003); Ясно, что не опереточному Жириновскому изображать **народный гнев против режима** (Новая газета. 2003.01.30); В последние дни силовики подбросили дровишек в **народный гнев**, направленный на **богачей** (Лошак); Вы показали миру, что и над сословием **дворян есть суд народный** (Шишков); Отныне в судьбах государств будут играть большую роль **трудящиеся массы, народные слои** (Бердяев); С определенного времени в России фактически

было две культуры — **господская и народная** (Перевезенцев).

Не образует адъективных производных такое лексикографически зафиксированное ЛСВ лексемы «народ», как группа людей, имеющих общие признаки — **подьяческий народ, мальчишек радостный народ, птичий народ, лесной народ** и пр. [См.: БАС, т. 7: 448], — очевидно, в силу того, что здесь «народ» выступает в связке с определением.

Прилагательные, производные от ЛСВ «народ-люди» и «народ-население», аксиологически и идеологически нейтральны; прилагательные, производные от ЛСВ «народ-этнос» и «народ-нация», приобретают оценочные и субъектно-позиционные коннотации, будучи конкретизированными соответствующими этнонимами: кто-то не любит русское народное, кто-то — американское народное, кто-то — арабское народное и пр., а кто-то, наоборот, любит все это. В то же самое время аксиологичность и идеологичность в полном мере присутствуют в большей части речевых употреблений прилагательных, производных от ЛСВ «собственно народ» — большинство населения, трудящиеся массы, не элита.

Естественно, высокая эмоционально-оценочная тональность имени «народ» в советский период [См.: Васильев 2007: 74], когда народ был по существу тотемным идолом, кумиром эпохи, перешла «по наследству» и производному прилагательному: всё народное по умолчанию оценивалось положительно — **народная власть, народная армия, народное искусство, народный суд, народное образование, народное достояние** и пр.: **На то она и поставлена, чтоб формировать гармонически развитую личность, если, конечно, это народная, национальная власть** (Советская Россия. 2003.08.19); **Подлинно народный характер власти трудящихся устраняет всякую возможность противоречия между властью и народом** (Наука и жизнь. 1950); **„Идет война народная, священная война“**, — **распевала десятилетиями вся страна** (Известия. 2002. 05.07); **„Среди нас, — сказал Сталин, — находится настоящий народный снайпер, попросим его“** (Искандер); **В. Ф. Шаталов и С. Н. Лысенкова получили звание „народный учитель СССР“ в 1990 году** (Наука и жизнь. 2009); **В СССР артисты получали звания „заслуженный“, а если очень заслуженный, то „народный“** (Вестник США. 2003.10.01).

Лексикографические источники фиксируют как устаревшее следующее значение прилагательного «народный», соотносимое с ЛСВ «народ-чернь», «народ-простолу-

дины»: ...в дореволюционной России — предназначенный для низших слоев общества, общедоступный [МАС 1981, т. 2: 389]; ...в эксплуататорском государстве — устроенный специально для низших слоев общества [БАС, т. 7: 452]; ...общедоступный, для непривилегированных слоев населения [Ушаков 2000, т. 2: 414]. С этой семантикой прилагательное употребляется в таких сочетаниях, как *народная чайная, народная столовая, народное гулянье* и пр.: *14 июля пошел я в народную баню* (Пушкин); *Я успокоился, увидев азбуку и арифметику, изданную для народных училищ* (Пушкин). Однако наблюдения над современным речевым употреблением лексемы «народный» свидетельствуют о том, что с постоянно усиливающимся расслоением российского общества пейоративный, уничижительный оттенок в ее семантике мало-помалу восстанавливается [См.: Васильев 2007: 75], и лексикографическую помету «устарелое», видимо, скоро придется снимать.

«Технически» аксиологизация прилагательного «народный» осуществляется двумя основными путями: 1) через «наведение» оценки в результате частого появления в одной связке с оценочными существительными; 2) через «наведение» оценки в результате частого появления в иронических, переосмысленных контекстах.

Положительная оценка иррадирует на «народный» с положительно окрашенных имен существительных (*герой, мудрость, достояние, гений, память, защитник, опыт, мастер, благодетель* и пр.), отрицательная — с отрицательно окрашенных (*идиотизм, примитив* и пр.): *Он народный герой, он народный певец, он Актер, Поэт и Личность с самой большой буквы* (Козаков); *Это был замечательный человек, народный мудрец, но он не имел прямого влияния на наши умственные течения XIX в.* (Бердяев); *Народная смекалка и знание биологических особенностей отдельных овощных культур дают возможность использовать для их выращивания сетчатые заборы, террасы, беседки, арки, вертикальные шпалеры* (Сад своими руками. 2003.05.15); *Когда вождь, великий победитель и благодетель народный, возвращается с места славной своей победы, пред ним несут знаки его достоинства, трофеи его, его знамя* (Журнал Московской патриархии. 2004.03.29); *На глазах у зрителей мастера выкладывали каминь и резали деревянные ложки, а народный умелец Валерий Махмутов демонстрировал ботинок для Гулливера... 240-го размера* (Бизнес-журнал. 2004.01.22); *Хорошо, когда по-*

лезные вещи не насаждаются сверху, как те же колхозы или хрущевская кукуруза, а создаются внутри самого общества, превращаясь в бесценный народный опыт (Вестник США. 2003.07.23).

«Наведенная» положительная окраска позволяет использовать прилагательное «народный» в качестве «слова-манипулятора», подобного слову «новый» [Суздальцева 2012: 265], в дискурсе торговой и политической рекламы с целью соответствующего речевого воздействия на сознание адресата: *Сеть коммерческих банков за рубежом включает в себя банки в Австрии — Донау-банк, Великобритании — Московский народный банк (основан в 1915 г.)* (Гайдар); *В 1920 году здесь помещался распределитель хлебобулочных изделий „Народный поставщик“* (Наука и жизнь. 2006); *Разворачивание кампании „Народный референдум“ должно быть в центре деятельности предвыборных штабов* (Советская Россия. 2003.08.09); *„Народное Радио“ информирует слушателей о сопротивлении антинародным реформам ежедневно на частоте 612 кГц, на отметке 490 м шкалы средних волн* (Молния. 2001.07.10).

Отрицательная оценка «наводится» на «народный» ироническим и саркастическим контекстом, в котором происходит переоценка ценностей и замена аксиологического знака на противоположный — «плюса» на «минус»: *народный академик* оказывается мракобесом, *народный маршал* — губителем солдат, *народный герой* — разбойником, а *народные умельцы* срезают медные провода под напряжением, чтобы сдать их в металлолом, например: *Столь же серьезно „народный академик“ объяснял: „Воробушек — птица малая, ножки у него тонехонькие, а смотри ты, как в лютый мороз по снегу прыгает!“* (Вернский); *Нечто подобное заявлял позже и „народный академик“, который в пику генетикам утверждал, что „люди у нас не рождаются, а становятся“* (Знание — сила. 2003); *И если многих великих полководцев, теперь уже оправданных историей, можно и нужно поименовать человеческими браконьерами, маршал Жуков по достоинству займет среди них одно из первых мест — первое место, самое первое, неоспоримо принадлежит его отцу и учителю, самовоскормленному генералиссимусу, достойным выкормышем которого и был „народный маршал“* (Астафьев); *Недавно совсем, в сорок четвертом году, народный маршал по весенней слякоти погнал послушное войско догонять и уничтожать ненавистную*

и страшную Первую танковую армию врага, увязнувшую в грязи под Каменец-Подольском (Астафьев).

В современном речевом употреблении прилагательного «народный» вырисовываются два типа оценочных оппозиций:

1) *народный* как любимый народом — большинством населения — и популярный, со знаком «плюс»: *Впереди встречи со всеми непосредственными конкурентами, а значит, народная команда по-прежнему останется народной, по крайней мере, до середины марта* (Известия. 2003. 01.28); *Фильм этот — воистину народный, любимый всеми, из тех, что можно смотреть десятки раз, и каждый раз с огромным удовольствием* (Известия. 2002.03.31); *Поэтому мебель из ДСП остается более востребованной, чем массив. ДСП — народный материал* (Мебельный бизнес. 2003.05.15); *Котел пошел в продаже нарасхват и в обиходе получил название „народный“* (Строительство. 2003.01.27) — противостоит народному как доступному для народа, т. е. общедоступному и тем самым второсортному, дешевому, со знаком «минус» (как сейчас стали говорить, «бюджетному»): *Вот „Рено“ обещает создать машину за 5 тысяч долларов. Это „народная машина“? Помимо всего прочего, дешевый автомобиль хорошим быть не может по определению* (Известия. 2001.10.22); *Кроме того, что значит „народный автомобиль“? Дешевый?* (Известия. 2001.10.22); *Мы не хотим, чтобы у нас появились народные бани — как народный автомобиль, плохонький, зато дешевый* (Известия. 2001. 09.23); *Долой интеллигентскую болезненность, трепетность и нерешительность! Даешь искусство народное, площадное, копеечное!* (Козинцев); *Он придумал выпускать в России мыло „Народное“ по копейке за штуку* (Столица. 1997.01.06); *„Кетамин“ шел в Россию как „народный“ наркотик* (Скворцов);

2) *народный* как проверенный временем, надежный, поскольку присущ народу, со знаком «плюс»: *Хорошо, когда полезные вещи не насаждаются сверху, как те же колхозы или хрущевская кукуруза, а создаются внутри самого общества, превращаясь в бесценный народный опыт* (Вестник США. 2003. 07.23); *В Чердынском крае известен уникальный пример пользования рисованным календарем. Разнообразен у русских народный лечебный опыт* (Жизнь национальностей. 2001.12.28); *У него народный вкус, на мякине его не проведешь, не всучишь фальшивку* (Вознесенский); *А Твардовский смело ввел в стихи и язык*

солдатский, совершенно народный (Паустовский); *Народное чутье, народный вкус — суровые регуляторы речи, и если бы не эта суровость, язык в каких-нибудь пять-десять лет весь зарос бы словесной крапивой* (Чуковский) — противостоит народному как чему-то сделанному непрофессионально, некачественно, «самопальному», со знаком «минус»: *Чехардин, прищурившись, взглянул на картину: — „Народный примитив... Впрочем, не без чего-то“* (Грекова); *Стоимость анализа — 100 у. е. Народный метод очистки воды. Этот метод не лишен здравого смысла, хотя степень очистки воды можно считать достаточно условной* (Сад своими руками. 2002.12.15); *Объявился народный целитель, притащивший целый ворох рецептов, где главными составляющими заявлены водка, хрен и неизменный „Хэппитоник“* (Романова, Романов); *Кроме того, что он работает рядовым инженером на телевидении — этот народный умелец содержит на нашей даче частную мастерскую по ремонту „Жигулей“* (Радзинский); *Множество языков, задействованных при их образовании, достаточно короткие основы, обилие омонимов и народная этимология способствовали тому, что иногда фамилии имеют до пяти возможных толкований и применительно к разным семьям каждое из них может быть справедливым* (Наука и жизнь. 2009); *На коньяк пало презрительное народное мнение, что он „пахнет клопами“* (Е. Попов).

Как представляется, пейоризация оценочных коннотаций в семантике прилагательного «народный» связана с изменением «модальной (как она называется в психологии [См.: Стефаненко 2004: 61]) личности» — личности, наиболее часто встречающейся в данном обществе: на смену личности коллективистской, ориентированной на большинство, приходит личность, ориентированная на индивидуализм и элитарность, для которой общедоступность и непрофессионализм являются признаками «черни» и «быдла».

II. ЭЛИТНЫЙ (-ая, -ое), ЭЛИТАРНЫЙ (-ая, -ое). В русской лексикографии у существительного «элита» выделяются четыре ЛСВ: 1) лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-либо растений, животных, получаемые путем селекции для выведения новых сортов; 2) лучшие представители общества или какой-либо его части [МАС 1981, т. 2: 758; Ожегов, Шведова 1998: 910; Ефремова 2001: 1055; Кузнецов 1998: 1521]; 3) выпускаемые селекционными станциями и семеноводческими хозяйствами семена культурных растений с гарантией чистосортности

[БАС, т. 17: 1841]; 4) сам отбор элитных растений или животных (с.-х.) [Ушаков 2000, т. 4: 1417]. Из всех этих ЛСВ со значением «собственно народ» антонимически соотносим лишь один: «лучшие представители общества или какой-либо его части».

В словаре С. И. Ожегова (1953) «элита» и ее производные не представлены вовсе, «элитарный» представлен лишь в Малом академическом словаре [МАС 1981], толково-словообразовательном словаре Т. Ф. Ефремовой и словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

Слово «элита» — заимствование из французского языка, в котором *élite* имеет значение «ensemble des personnes considérées comme les meilleures, les plus remarquables d'un groupe, d'une communauté» [Petit Robert 1990: 619] — «люди, которые считаются лучшими, самыми заметными в своей группе, в своем сообществе». Этимологически *élite* восходит к латинскому *electus*, -a, -um — страдательному причастию от глагола *eligerе*, означающего «1) выдергивать, удалять, полоть; 2) вырывать с корнем, искоренять; 3) выбирать, избирать» [Дворецкий 1949: 316]. Между ЛСВ лексемы «лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-либо растений, животных» (элита₁) и «лучшие представители общества или какой-либо его части» (элита₂) складываются отношения метафорической производности: результат искусственной селекции переносится на отбор социальный, отнюдь не подконтрольный чьей-либо воле и в этом смысле «естественный».

В лексикографии у существительного «элита» фиксируются два адъективных производных — *элитный* и *элитарный*, причем везде производность от ЛСВ «лучшие представители общества или какой-либо его части» отмечается лишь для последнего прилагательного: «элитарный — прилагательное к элита (во 2 значении)» [МАС 1981, т. 2: 758; Ожегов-Шведова 1998: 910; Ефремова 2001: 1055], а за «элитным» закреплена производность исключительно от «сельскохозяйственных» ЛСВ.

Судя по данным русских толковых словарей, прилагательные *элитный* и *элитарный* — паронимы, т. е. однокоренные лексические единицы, принадлежащие к одной части речи, с различным суффиксальным оформлением и значением [См.: Бельчиков 1990: 368]. Эти прилагательные отличаются также частотностью употребления: по данным частотного словаря, *элитный* частотнее *элитарного* более чем в два раза («элитный» : «элитарный» = 4.48 ipm : 1.99 ipm [Шаров]). По данным Национального корпуса

русского языка, эта разница еще значительно и приближается к трем порядкам.

В то же самое время наблюдения над современным речевым употреблением лексемы *элитный* со всей очевидностью свидетельствуют о том, что она из паронима к *элитарному* превратилась в частичный синоним последнего, в значительной мере потеснив его в функции производного от ЛСВ «лучшие представители общества или какой-либо его части»: *Эту квартиру оплатил мой отец, а разрешение вселиться в такой элитарный дом, конечно, получила для внучки Овчинникова* (Тарасов); *Понятие „элитарный дом“ появилось в середине 90-х* (Карьера. 2003.11.01); *Он знает, где в Москве находится первый „настоящий“ элитный дом, построенный в 1997-м году и пять лет подряд считавшийся самым лучшим* (Русская Жизнь. 2008); *Выбирая загородный дом, покупатель ищет либо идеальное соотношение цены и качества, либо эксклюзив, точнее сказать, Элитный Дом с большой буквы* (Homes & Gardens. 2004. 12.01); *Оказывается, студентка элитарного Института международных отношений, дочь генерала ФСБ, на самом деле чистит клетки грызунам* (Донцова); *Возможно, престижному, элитарному институту, каким был ВГИК, партийные органы вменили в обязанность подбирать людей из народа, ничем не приметных, но и ничем не испорченных* (Нахапетов); *Ходил я там кругами, чесал репу и вспоминал нашу нищенскую „восьмую“ столовку, кормившую не заштатный колледж, а элитный Ленинградский университет* (Шиманский).

В первом шаге семантика прилагательного *элитный* расширяется по схеме метафорического переноса, переходит из биологической области в область социальную: «лучшие, отборные экземпляры каких-нибудь растений или животных» [Ушаков 2000, т. 4: 1417] превращаются в «лучших представителей общества или какой-либо его части» [МАС 1981, т. 2: 758]. В следующем шаге значение *элитного* развивается через ассоциации *лучшего с дорогим*, а *дорогого* (*Понты дороже денег!*) с престижным, имиджевым — *эксклюзивным, премиум-классом*, которые появляются в одном смысловом ряду с *элитным*: *Сначала чиновники устанавливали такую арендную плату, что она была по карману только продавцам дорогого, элитного товара* (Биржа плюс свой дом. 2002.12.16); *Имея снисхождение к людским слабостям, Нина служила официанткой в дорогом элитном кафе, незамужняя и прекрасная* (Сахновский); *И имиджу компании, производящей дорогие элитные*

сигары, как нельзя лучше отвечают шахматы (64 — Шахматное обозрение. 2004. 02.15); В торговле к предметам роскоши еще с советских времен и до сегодняшнего дня относят: ювелирные изделия, дорогостоящую посуду, содержащую в своей отделке драгоценные металлы (золото, серебро), дорогостоящие меховые и кожаные изделия **эксклюзивных и элитных производителей...** (Встреча. 2003.02.26); Когда же обе стороны преисполнятся решимости — миру являются настоящие **эксклюзивные проекты, необычные, современные, элитные** (Ландшафтный дизайн. 2003.03.15); **Клубы высшей категории (5-й) часто называют элитными или premium** (Карьера. 2003.11).

В современном речевом употреблении можно встретить промежуточные, переходные формы **элитного**, в которых ясно просматривается модель сознательной селекции. Это номинации боевых подразделений и их членов и спортивных команд, которые действительно отбираются: **Основной упор должен делаться на подготовку оптимальных элитных подразделений, способных решать широкий круг задач, в том числе и выполнять миротворческие миссии** (Зарубежное военное обозрение. 2004.05.2); **А перед моим выпуском приехал офицер из элитный отряд** (Солдат удачи. 2004. 04.07); **А перед начальником не слишком богатого склада все равны: и элитный десантник** из Тулы, и одичавший ефрейтор отдельного трубопрокатного батальона, расквартированного в амурской тайге (Столица. 1997.10.28); **В элитных командах люди получают по полторы тысячи долларов за этап: за сезон что-то набегает** (АиФ. 2001.06.06); **Россия ведет трудную гонку в пелотоне элитных команд** (Известия. 2001.09.10); **Среди элитных горнолыжников только счастливицам удается избежать на протяжении карьеры серьезных травм** (Известия. 2003. 02.16); **Согласен, у большинства элитных спринтеров маленький рост, и это дает определенное преимущество** (Известия. 2002.01.28).

Более того, перенос биологического на социальное обыгрывается в случаях «наложения» генетики на элитарность: **Если вместо элитных кинопород иногда приходится довольствоваться вторым сортом, не беда** (Коммерсантъ-Daily. 1996.01.20); **Можно ли, уничтожив крестьянство как класс, ликвидировав элитный генофонд, стать народом, не глупее поляков или китайцев?** (Захаров); **А в лифте, в коридоре**

быстро растущий элитный пес уже сам все знал — не лаял (Маканин); **Я вспомню эти особняки, когда через много лет заведу элитного эрдельтерьера с родословной из ГДР** (Арро).

Распространение речевого использования **элитного** на область **элитарного** сопровождается повышением степени мелиоризации семантики этого прилагательного: 'лучший, отборный' становится 'самым лучшим, предназначенным для избранных'. Процесс этот в определенном смысле дополняет пейоризацию прилагательного **народный**. Наблюдается также определенная аналогия в моделях манипулятивного воздействия этих прилагательных: **народный** — хороший, потому что присущ большей части населения, надежен, проверен временем, **элитный** — хороший, потому что предназначен для элиты, избранных, и в силу это качественен и престижен. **Народный**, как и **элитный**, используется в качестве «словаманипулятора» в дискурсе торговой и политической рекламы, в частности входит в состав торговых фирм: **А то, что это вино дорогое и экспортируется в Россию только одной организацией — концерном „Элитные вина“** (Леонов, Макеев). И вообще использование **элитного** в качестве определения — апелляция к человеческому тщеславию, к желанию причаститься к числу «избранных», отсюда и **элитные** сигары и вина, **элитное** бельё, духовки, пельмени и даже **элитные** гробы: **Внушительная коллекция виски, перечень элитных сигар и огромная бильярдная не оставляют равнодушными истинных джентльменов** (Домовой. 2002.03.04); **Он избегает престижных московских тусовок, не заказывает в ресторанах элитные вина по несколько тысяч долларов за бутылку** (АиФ. 2003); **Всем известная „Дикая орхидея“, отметившая летом 2002 года свое 9-летие, представила москвичам 25 сентября сего года новую коллекцию элитного белья и домашней одежды сезона осень-зима 2002/03 (100 % здоровья. 2002.11.11); Пиролиз — принадлежность элитных духовок, поскольку такой температурный режим предполагает хорошую теплоизоляцию, а для встроенных духовок — и систему внешнего охлаждения** (Homes & Gardens, 2004.12.01).

Лингвоидеологический характер **элитного/элитарного** проявляется в замене положительного аксиологического знака этих лексем отрицательным со сменой позиционирования субъекта речи — элитарность приветствуется далеко не всеми: **Устойчивое теперь словосочетание „элитный дом“** (пример: „Продаем пентхаус на Крас-

ной Пресне с видом на Белый дом под офис **элитного класса** или **элитные квартиры**) — вот это и есть „черная метка“, врученная моему народу (Ипличевский); Теперь он призывает контру отвернуть от народа **жирный, элитный зад** и повернуться к нему лицом, „что явно годится быть лицом и ягодицей“ (Молния. 2001. 07.10); Лейтенанту Анылкину вырвать у большевиков свое счастье — свою „женитьбу по-балтийски“ — помогли изменения политической конъюнктуры (конец Берии) и **элитный поддон**? (Немзер); Здесь буржуи, видимо, собираются размещать бутики и **элитные фитнес-клубы**, стриптиз-бары, интим-салоны и прочую **погань** (Правда. 2004.10.29); После этого случая четверо налетчиков стали ходить в **элитные кабаки**, как на работу (Криминальная хроника. 2003.06.10); Особенно негодовали дружно сбившиеся в **элитные стаи** члены „творческих союзов“ (Карапетян); Среди валютных **элитарных проституток** 70 процентов составляют молодые женщины в возрасте до 30 лет (Шахиджанян); Знала больше, чем интердевочки, готовилась в **элитные путаны** (Савельев); Куда ни плюнь — „супер“, куда не доплюнул — „элитта“. **Элитные подразделения, элитарные клубы**, сливочный бомонд (Мишин); Пострадавший за эротику мастер обнаженного тела. Знаток **элитарного блюда** в стиле бодиарт (Столица. 1997.03.04); Золотой зал музея стал престижным местом **элитных сборищ**, презентаций и фуршетов сильных мира сего (Вестник США. 2003.07.09).

Прилагательные **элитарный** и **элитный** в социальной функции определяют главным образом имена, отправляющие к потреблению и условиям быта представителей «элиты» — от момента рождения до могилы. Это «лучшие» родильные дома, детсады, школы, вузы, апартаменты, товары, магазины, рестораны, клубы, курорты, клиники, гробы и пр.: Я, разумеется, имею в виду **элитный брачный рынок** — ведь есть же обнадеживающее понятие: сделать хорошую партию (Пищикова); Но, родив первую дочку в **элитном столичном роддоме**, она предпочла второго ребенка рожать дома старым бабушкиным способом: негативные воспоминания о первых родах и уходе за ребенком оказались посильнее страха родить самой, даже без помощи акушерки (АиФ. 2003); Естественно, что **элитные детские сады** стремятся занять как можно лучшие места в городе (Вслух о... 2003. 07.01); Есть два типа **школ: элитные** и для шпаны (Известия. 2001.09.07); Почему-

то в этом очень трудном, **элитном** и еще черт знает каком **институте для особенно умных** не приняты были обыкновенные студенческие штучки вроде шпаргалок или списывания друг у друга контрольных во время отлучек в туалет (Устинова); Все началось с того, что пансионату „Югра“, принадлежащему Ханты-Мансийскому автономному округу, не доставало **элитного пляжа** (Известия. 2001.11.23); Кино и литература выбирают красивую смерть: на яхте, в швейцарском шале, в Париже, а если в Москве, то в **элитном ночном клубе** для гомосексуалистов, политиков или предпринимателей (Козырева); Говорят, в **элитных клиниках** в Москве платят много, но, думаю, туда без нужных знакомств не попасть (Известия. 2002.12.24); В рамках жесткой рыночной конкуренции похоронные бюро предлагают своим клиентам множество дополнительных услуг: фото- и видеосъемку на похоронах, оркестр, почетный караул, банкетные залы, **элитные гробы** и даже пятидесятипроцентные скидки для ветеранов ВОВ (Хулиган. 2004.08.15).

Проведенное исследование ассоциативного поля лингвоидеологемы «народ», как представляется, позволяет прийти к следующим заключениям.

В число языковых антонимов этой лексемы по количественному признаку попадает человек (*индивид, личность*), противостоящий всем ее ЛСВ, а по социальному признаку — *элита* в любой ее ипостаси, противостоящая только *собственно народу*. В то же время в отношении речевой, контекстуальной антонимии к лексеме *народ* могут вступать практически все члены ее синонимического ряда, противопоставляясь ей по соответствующему дифференциальному признаку, который в таком случае становится предикативным.

В ассоциативном поле *народ* самое значимое суффиксальное производное — прилагательное *народный*. Хотя по частоте речевого употребления это производное отстает от своей производящей основы, оно в полной мере сохраняет манипулятивно-идеологический потенциал существительного *народ* и постоянно появляется в названиях различных политических партий и общественных организаций. Попадая в почетные звания и в названия государственных институтов и должностей, слово это выступает также индикатором советской эпохи. В семантику прилагательного *народный* переходит «по наследству» большая часть признаков производящих ЛСВ лексемы *народ*. Наблюдения над современным речевым упот-

реблением лексемы *народный* свидетельствуют о том, что с постоянно усиливающимся расслоением российского общества пейоративный, уничижительный оттенок в ее семантике, который был присущ этой лексеме лет двести тому назад, мало-помалу восстанавливается. Как представляется, пейоризация оценочных коннотаций в семантике прилагательного *народный* связана с изменением «модальной личности»: на смену личности коллективистской, ориентированной на большинство, приходит личность, ориентированная на индивидуализм и элитарность, для которой общедоступность и непрофессионализм являются признаками «черни» и «быдла».

В лексикографии у существительного *элита* фиксируются два адъективных производных — *элитный* и *элитарный*, причем везде производность от ЛСВ 'лучшие представители общества или какой-либо его части' отмечается лишь для последнего прилагательного, а за *элитным* закреплена производность исключительно от «сельскохозяйственных» ЛСВ. Судя по данным русских толковых словарей, прилагательные *элитный* и *элитарный* — паронимы. В то же время наблюдения над современным речевым употреблением лексемы *элитный* со всей очевидностью свидетельствуют о том, что она из паронима к *элитарному* превратилась в частичный синоним последнего, в значительной мере вытеснив его в функции производного от ЛСВ 'лучшие представители общества или какой-либо его части'. Распространение речевого использования *элитного* на область *элитарного* сопровождается повышением степени мелиоризации семантики этого прилагательного: 'лучший, отборный' становится 'самым лучшим, предназначенным для избранных'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю. А. Паронимия // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 368.
2. Васильев А. Д. Манипулятивные игры в слова // Филология и человек. № 4. — Барнаул, 2007. С. 67—77.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М. -Л., 1947.
4. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. — М., 2007.
5. Воркачев С. Г. «Палеонтология правды»: значимостная составляющая лингвокультурной идеи справедливости в русском языке // Вестн. Иркут.

гос. лингвистического ун-та. Сер. Филология. 2009. № 1. С. 76—85.

6. Воркачев С. Г. «Геном Родины»: метаморфозы метафоры // Родина, правда, смысл жизни: опыт русской лингвоидеологии : моногр. — Saarbrücken, 2011. С. 169—191.

7. Воркачев С. Г. Лингвоидеологема «народ» в лексикографическом представлении // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах: когнитивная лингвистика и концептуальные исследования. — Киев, 2012. С. 17—23.

8. Воркачев С. Г. «Быдло» как ключевое слово Рунета // Политическая лингвистика. 2012а. № 3(41). С. 16—26.

9. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — М., 1949.

10. Джемс У. Личность // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 61—70.

11. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. — М., 2001.

12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. — М., 2001.

13. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. — СПб., 1998.

14. Мейли Р. Различные аспекты Я // Психология личности. Тексты. — М., 1982. С. 132—141.

15. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1953.

17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1998.

18. Павлов В. М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 65—70.

19. МАС = Словарь русского языка : в 4 т. — М., 1981.

20. БАС = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М. ; Л., 1951—1965.

21. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М., 2004.

22. Суздальцева В. Н. Семантика слова и манипулирование общественным сознанием // Стилистика завтрашнего дня. — М., 2012. С. 255—268.

23. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. — М., 2000.

24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М., 2003.

25. Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. — М., 1995.

26. Шаров С. А. Частотный словарь русского языка / Рос. НИИ искусственного интеллекта (электронная версия).

27. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. — Л., 1979.

28. *Petit Robert*: Dictionnaire de la langue française. T. 1. — P., 1990.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.521
ББК Ш12/17

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия**N. B. Ruzhentseva**
Ekaterinburg, Russia**ЯПОНИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ-РЕПЛИКАХ:
ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТЕКСТ
КАК ФАКТОР ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ****JAPAN IN ATTRIBUTES AND COMMENTS:
DISCOURSIIVE CONTEXT
AS A FACTOR OF TEXT FORMATION**

Аннотация. Рассматривается влияние широкого дискурсивного контекста (эпохи 50-х — конца 80-х гг. XX в.) на представления о Японии известных советских публицистов, репрезентированные в определениях этой страны. Сделана попытка проследить динамику данных представлений, вскрыть при этом причины и формы публицистической полемики, отразившиеся, в свою очередь, в корпусе атрибуций Японии и их характере.

Abstract. The influence of broad discursive context (1950s — end of 1980s) on the conception of Japan presented by the Soviet publicists in the attributes of this country is discussed. An attempt is undertaken to follow the dynamics of these conceptions, to disclose the reasons and types of publicistic dispute, reflected in the corpus of attributes of Japan and their character.

Ключевые слова: Япония; межнациональный дискурс; контекст эпохи; советская публицистика второй половины XX века; определения логические и метафорические; факторы текстообразования; полемика внешняя и внутренняя.

Key words: Japan; international discourse; context of the epoch; Soviet publicistic of the Xxth century; logical and metaphorical attributes; factors of text formation; internal and external polemics.

Сведения об авторе: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: verbalis@mail.ru.

...Я в долгу...

перед вишнями Японии —
перед всем,

про что

не успел написать.

В. Маяковский

Не нами сказано: «От мысли к слову». Не нами сказано и иное: «Мысль изреченная есть ложь». Едва ли слово «ложь» в этом ярком поэтическом образе соответствует истине, но путь от мысли к слову, как и путь от замысла к тексту, тернист. На этом пути словесная формулировка мысли может неоднократно меняться, а замысел — облекаться в разные формы текстовой репрезентации. Происходит это под влиянием целого корпуса факторов текстообразования, детерминирующих условия выбора того или иного речевого (текстового) средства выражения мысли.

Н. А. Купина считает, что основная функция факторов текстообразования — это «превращение разрозненных языковых средств в связанное целое; они цементируют текст, скрепляют его. Текстообразующие факторы цементируют отбор и комбинацию языковых средств текста» [Купина 1980: 39]. Вслед за В. А. Кухаренко Н. А. Купина под-

разделяет факторы текстообразования на «объективные — действующие при образовании любого текста, и субъективные — действующие при образовании отдельных художественных текстов», относя к объективным (внелингвистическим, внешним) факторам «языковую норму; функциональный стиль; ситуацию (фрагмент действительности, который отражен в тексте) и связанный с ней смысл; тип изложения (повествование, рассуждение, описание); жанр художественного произведения», а к субъективным — «характер ситуации (реальная, условная), личность автора, его мировоззрение, характер персонажей, идейно-эстетическую направленность произведения» [Там же].

С развитием дискурсивных исследований система факторов текстообразования трактуется значительно шире — в нее стали включать очень большой круг дискурсивно-прагматических условий, оказывающих

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Руженцева Н. Б., 2013

влияние на устную и письменную коммуникацию: «Значительное воздействие на коммуникативный процесс оказывают социокультурные условия общения, которые можно представить как совокупность социальных, идеологических, правовых, экономических особенностей жизни данного этноса или социума» [Виноградов 1996: 146]. Собственно говоря, дискурс в настоящее время рассматривается именно как фактор текстообразования, т. е. феномен, детерминирующий специфику речевых репрезентаций в той или иной области; ср., например, формулировки в заглавиях научных работ: ...*в интернет-дискурсе, в газетно-журнальном дискурсе, в рекламном дискурсе, в радио- и теледискурсе* и др.

С учетом сказанного под **дискурсивным контекстом** мы понимаем еще более широкое явление — **эпоху** рече-/текстопорождения с ее **социокультурными условиями общения**. Сдвиг, колебание любого из этих условий оказывает непосредственное или опосредованное, эксплицитное или имплицитное (но все же ощутимое) влияние на продуцируемую речь/текст. Адресанты осознанно или неосознанно приспособляются к этим колебаниям и отвечают **текстом-репликой** (высказыванием) прежде всего на **запрос эпохи**, под влиянием которого формируется в конечном счете и ее речевая ситуация.

Цель данной статьи связана с попыткой выявить зависимость определений понятия «Япония» от двух факторов текстообразования. Первый — это дискурсивный контекст эпохи, в которую был создан тот или иной текст. Второй — это само публицистическое произведение в единстве его формы, содержания и прагматической рамки текстопорождения. Из сказанного следует, что определения в публицистическом тексте нужно рассматривать как органичную часть его целостной организации, детерминированную индивидуальным авторским замыслом, который, в свою очередь, во многом обусловлен именно дискурсивным контекстом.

О Японии в рамках публицистики писали многие русские, советские и постсоветские авторы. Прекрасный обзор публикаций русских авторов о Японии дан в диссертации Л. В. Жилиной «Формирование общественного мнения россиян о Японии и японцах в конце XX — начале XXI вв.: по материалам журнальной публицистики» [Жилина 2006].

Материалом для данной статьи послужили публикации о Японии, созданные русскоязычными авторами во второй половине XX в. (50-е — конец 80-х гг.). Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в связи

с внешнеполитическими факторами информация о Японии была малодоступна советскому читателю, и в послесталинский период эту страну нужно было «открывать заново»: «Колоссальный ущерб востоковедческой науке, равно как и выработке объективного или хотя бы многостороннего взгляда на Японию в публицистике, нанесли репрессии сталинского периода. Япония рассматривалась, прежде всего, как союзник США. Вместе с тем после восстановления советско-японских дипломатических отношений в 1956 году существенно расширились источники информации о Японии, которые позволили советским людям получить более объективные сведения. В некоторых журнальных очерках их авторы освещали различные аспекты жизни японского народа, пытались передать свои непосредственные наблюдения, свое восприятие происходившего в Японии синтеза традиционной японской и западной культур» [Жилина 2006].

Конкретизируя материал, отметим, что мы использовали публикации, максимально близкие по факторам текстообразования: это публицистические тексты, посвященные Японии и написанные носителями русского языка, их авторы — известные журналисты и писатели, гендерный фактор авторов идентичен (все тексты созданы мужчинами). Внешне тексты в основном различаются социокультурными условиями эпохи, в которую произведения были написаны. К данным текстам относятся следующие:

- И. Эренбург «Японские заметки» (1957 г., послесталинская эпоха холодной войны);
- В. Овчинников «Ветка сакуры» (1971 г., отголоски хрущевской «оттепели», начало периода застоя);
- Д. Гранин «Сад камней» (1972 г., тот же период);
- В. Цветов «Пятнадцатый камень сада Реандзи» (1986 г., начало перестройки; однако книга складывалась еще в эпоху застоя, во время работы автора корреспондентом в Японии);
- Ю. Тавровский «Двухэтажная Япония» (1989 г., вторая половина перестроечного периода, ослабление цензуры СМИ).

Все эти произведения имеют единую точку отсчета — **замысел** их авторов, состоящий в том, чтобы отразить собственный взгляд на Японию, сделать его достоянием читателя. Каков же путь авторов от мысли к слову? Как **мы** пишем **о них** (в данном случае о японцах) в нетождественных для публицистического дискурса контекстах эпохи?

Для анализа мы использовали высказывания трех типов:

1) «Япония — это...» (определения-дефиниции);

2) «Япония (какая? какова?)» (атрибутивные конструкции, содержащие в первой части указание на то, **что** определяется, а во второй части — на то, **посредством чего** это понятие определяется);

3) «Япония подобна (чему?)» (определения-сопоставления).

Выбор подобных высказываний позволяет, на наш взгляд, проследить специфику определений Японии в зависимости от эпохи, в которую был создан текст, и от авторского замысла, напрямую связанного с творческой индивидуальностью пишущего.

Традиционно выделяют два основных типа определений — логические и риторические (метафорические). Логические определения — это дефиниции, отражающие существенные признаки предмета или явления, т. е. репрезентирующие фактуальную информацию. Такие определения содержат родовые понятия, к которым относятся определяемое явление, и те признаки, которые выделяют данный предмет из ряда подобных.

С опорой на концепцию разграничения фона и фигуры, выдвинутую Л. Талми, мы будем считать нейтральным фоном для последующих определений Японии в публицистике второй половины XX в. логическое определение этой страны, данное во втором издании БСЭ [БСЭ 1957]. В 1950-х гг., в условиях ограниченного доступа к информации о Японии, оно было основным для массового читателя:

• **Япония (Нихон или Ниппон) — государство, расположенное на островах Тихого океана, у вост. побережья Азии.**

Это логическое определение дополняется в БСЭ рядом других дефиниций, репрезентирующих разные стороны бытия Японии:

• **Япония — страна преимущественно средневысотных лесистых гор, местами с более высокими конусами вулканов.**

• **Япония — одна из наиболее сейсмичных областей Земли.**

• **Япония относится к числу стран с высокой плотностью населения.**

• **Япония — буржуазно-помещичье государство, по форме правления — наследственная конституционная монархия.** И т. д.

Хотелось бы подчеркнуть важную для данной работы мысль: строгое разграничение логических и метафорических определений в рамках законченного публицистического текста представляется нам малоперспективным. С нашей точки зрения, можно говорить лишь о преобладании в публицистическом определении фактуальной или

образной информации или об их сочетании. Для метафорического определения важно прежде всего присутствие в нем авторского начала. Поэтому под **метафорическим определением** мы понимаем прежде всего **определение-суждение**, в котором эксплицирована авторская позиция. Малоперспективным представляется нам и изолированный анализ метафорических определений. Корпус определений необходимо, на наш взгляд, рассматривать целостно, так как он подчинен закону комбинаторики текстовых единиц в соответствии с факторами текстообразования, детерминирующими отбор речевых средств.

В связи со сказанным выше следует упомянуть о том, что, кроме логического определения, данного в БСЭ, и нескольких подобных академических определений, к началу 50-х г. XX в. были известны и иные определения Японии. Их можно с известной долей условности свести к нескольким основным видам, обусловленным разными дискурсивными контекстами:

• **Япония — Страна восходящего солнца** (определение — историческая аллюзия, известное в том числе по трудам русских путешественников — капитана В. Головина, побывавшего в японском плену, И. Гончарова («Фрегат Паллада») и др.).

• **Япония — милитаристская страна** (определение детерминировано хронологически близкой межгосударственной ситуацией — взаимоотношениями между СССР и Японией в предвоенные, военные и послевоенные годы).

• **Япония — наш основной конкурент на Дальнем Востоке** (определение детерминировано исторической ситуацией — памятью о Русско-японской войне, о событиях, связанных с Порт-Артуром, разгромом русского флота под Цусимой, крейсером «Варяг» и т. д.).

• **Япония — страна последствий атомных взрывов, Хиросимы и Нагасаки** (определение детерминировано хронологически близкой внешнеполитической ситуацией).

• **Япония — страна самураев, микадо, гейш, кимоно, чайной церемонии, хризантем и иных экзотических проявлений** (определение восходит к стереотипам восприятия, детерминированным традиционной символикой Японии, ее искусством, дошедшим до России и Европы).

Без сомнения, эти определения, взгляды на Японию были хорошо известны советским писателям и публицистам — людям образованным, эрудированным, прекрасно умеющим переводить «мысль в слово».

И тем не менее определения Японии в их книгах оказались далеко не тождественными, так как текстопорождение шло в разных для публицистического дискурса контекстах, во многом определяемых временем публикаций, идеологической обстановкой в СССР, цензурным прессингом, замыслом авторов и одной из их интенций — желанием «отстроиться от предшественников», показать Японию со своей, индивидуальной точки зрения. Мы выделили несколько типов контекстов, детерминирующих содержание и форму определений Японии. Это контекст полемики с Европой и США (определения И. Эренбурга), непolemический контекст (определения В. Овчинникова), контекст советской дискуссии «физиков» и «лириков» 60-х гг. XX в. (определения Д. Гранина), контекст двойной (внешней и внутренней) полемики (развенчание мифов о Японии в определениях В. Цветова) и, наконец, контекст скрытой полемики с публицистами-предшественниками (индивидуально-авторские определения Ю. Тавровского).

Рассмотрим все пять вариантов, предварительно заметив следующее. Во многих случаях мы сознательно игнорируем направленность определения (антропоцентричность, природоцентричность и др.), так как нас интересует ответ на иные вопросы: как на определения Японии влияла эпоха текстопорождения? Poleмичны или непolemичны эти определения? Каковы аспекты полемики? Чем обусловлен дифференцированный перевод мысли в слово при общности стилистических параметров, близости жанровых характеристик текста, почти полной идентичности прагматической рамки (субъектной организации текста, в частности факторов автора и адресата), а также идентичности отправной точки авторского замысла — желания рассказать о Японии массовому советскому читателю? Иными словами, нас интересует ответ на вопрос не столько о том, **что** (какая форма высказывания, т. е. определения Японии) было характерно для публицистики второй половины XX в., сколько **почему** наблюдаются эти дифференцированные формы определений.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ И. ЭРЕНБУРГА В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ С ЗАПАДОМ

И. Эренбург стал первооткрывателем Японии для массового советского читателя. Однако замысел его «Японских заметок», написанных в 1957 г., уже конкретизирован относительно общей для всех указанных выше авторов точки отсчета. «Японские заметки» насквозь polemичны, и polemичны они именно потому, что написаны в условиях

противостояния двух систем, холодной войны. Автор полемизирует:

а) с представлениями о Японии, отраженными в европейской литературе: *В двадцатом веке Япония не раз привлекала к себе внимание Запада. Ее описывали многие крупные писатели — Бернард Шоу, Клодель, Дюамель, многие другие. ...Вспоминаю все, что мне приводилось читать о Японии, я вижу, насколько многие описания этой страны были условными, а суждения о ней парадоксальными и вряд ли справедливыми. Японцам не повезло... их изображали только одной краской — или розовой, или черной... Символом розовой Японии была куколка с черными гладкими волосами... Были и такие западные авторы, которых Япония возмущала... В книгах этих авторов Япония была страной самураев, жаждущих рубить и крушить, страной харакири и пыток, коварства и жестокости, беспрекословного повиновения и дьявольской хитрости;*

б) с представлениями о Японии современного западного буржуа: *Для миллионов западных буржуа Япония была игрушечным миром с гейшами и с бумажными фонариками, с цаплями и драконами, с ирисами и с веерами, с хризантемами и с церемониями... Падкость западного буржуа на экзотику объяснялась скукой его жизни, бухгалтерией чувств, механикой развлечений. Он влюблялся в мнимую Индию йогов и баядерок, в вымышленный Китай премудрых мандаринов, в воображаемую Японию, улыбку и розовую;*

в) с фактами американского влияния на Японию: *В одном американском журнале я недавно прочитал следующие строки: „Япония в газетном понятии — Дальний Восток, однако за последнее десятилетие в роковом споре между Востоком и Западом она примкнула к последнему. Я имею в виду не только политику, даже меньше всего политику, а культурные устремления среднего японца. Мы можем теперь называть Японию Дальним Западом“...*

Polemический контекст «Японских заметок» определяет, в свою очередь, и polemическую направленность определений. С одной стороны, в тексте есть собственно polemические определения, функция которых — неприятие (отрицание) Америки, ее действий и американского образа жизни:

• **Эта страна не Дальний Восток и, уж конечно, не Дальний Запад.**

• **Япония не Америка, азиатам свойственны душевное углубление, созерцание, стремление постичь смысл жизни.**

• **Япония теперь не просто одна из стран — она истец. Пока люди не покинут с атомным оружием, не будет ни у кого спокойной совести** (определение-намеки на взрывы американских бомб в Хиросиме и Нагасаки).

С другой стороны, полемичность определений И. Эренбурга состоит, на наш взгляд, в том, что автор пытается с их помощью «снять» чужие представления о Японии, элиминировать западную, часто однозначную, лобовую точку зрения на эту страну. Сам И. Эренбург пишет по этому поводу: *Не настало ли время отказаться от чересчур легких определений, которые только усиливают непонимание и порождают горечь разубверений?* Поэтому определения И. Эренбурга даже в рамках небольшого текста способствуют фокусировке внимания читателя на сложности, неоднозначности Японии:

• **Япония — сложнейший мир, ее культура — чудесный сплав национального гения и вкладов иных культур** (антропоцентрическое, культурологическое определение).

• **История Японии похожа на реку: то ее загораживают шлюзы, то она стремительно несет, становится горным водопадом** (природоцентрическое определение).

• **Это страна и очень старая, и очень молодая** (антропоцентрическое и одновременно природоцентрическое определение).

• **Япония от себя не отречется** (антропоцентрическое определение, репрезентированное эллиптической конструкцией; полный вариант высказывания: «Япония — это страна, которая от себя не отречется»).

Интересно аллюзийное метафорическое определение Японии-корабля, заканчивающее заметку и восходящее к известному устойчивому обороту «Попутного ветра!»:

• **Кораблем останется в моей памяти Япония. Пусть ветер будет ему попутным!**

Таким образом, полемичность замысла (и всего текста «Японских заметок») детерминирует наличие двух типов полемических определений — антизападных в целом и антиамериканских в частности. Япония у И. Эренбурга не «розовая» и не «черная», она не Америка и не «Дальний Запад», а страна сложная, противоречивая, «старая и молодая», а главное — движущаяся в своем направлении.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ В. ОВЧИННИКОВА В НЕПОЛЕМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Книга В. Овчинникова «Ветка сакуры» вышла в 1971 г. в издательстве «Молодая гвардия», однако складывалась она во вре-

мя корреспондентской работы автора в Японии во вторую половину 1960-х гг., когда в СССР еще ощущались последствия хрущевской «оттепели», а период застоя только начинался. Мы считаем, что именно время относительной идеологической свободы определило и конкретизировало замысел автора — показать читателю Японию не в контексте идеологического противостояния (уступкой идеологическому диктату является, на наш взгляд, лишь конец книги, и в первую очередь небольшая глава «Скользкий откос», посвященная внешней политике Японии), а как иную по сравнению с СССР страну, сложную, во многом непонятную и парадоксальную: *...Люди здесь не только иначе говорят: они по-иному чувствуют, у них свой подход к жизни, иные формы выражения забот и радостей.*

Неполемичность «Ветки сакуры» подчеркивается и композиционным приемом: после каждой главы приводятся высказывания о Японии, сделанные разными (российскими, советскими и зарубежными) авторами в разное время и поддерживающие мысли В. Овчинникова. Цитируются в том числе американские авторы: Рафаэл Штейнберг («Почему трудно писать о Японии»), Джон Рандольф («Афоризмы о Японии»), Фрэнк Гибней («Япония: хрупкая сверхдержава») и др. Подборка высказываний свидетельствует, что В. Овчинников стремился «встроить» свои наблюдения и выводы в общемировой фонд знаний и суждений о Японии, внести в него свой вклад, не вступая в конфронтацию с предшественниками. По этому поводу в книге есть много авторских замечаний, например: *Сопоставление поразительной восприимчивости к новому с самобытностью вековых традиций служит лейтмотивом всего, что пишется о Японии вот уже на протяжении целого столетия.*

Замысел автора — показать читателю разностороннюю и в чем-то парадоксальную Японию — детерминирует и разнообразие определений этой страны. С известной долей условности среди них можно выделить следующие типы.

• Историкоцентрические, лингвистические, символические и поэтические определения:

– **«Путь гор»** — таково одно из толкований древнего имени этой страны — **Ямато**... *Имя Ямато напоминает, что сотворение Японии еще не завершено. Капли, упавшие с божественного копья, еще не остыли окончательно.*

– **Страна огнедышащих гор** больше известна как **Страна восходящего солнца**. *И второе образное назва-*

- ние Японии поэтизирует уже не время, а место ее рождения.
- Социокультурные определения:
 - **Япония — страна ассоциаций**, члены которых не только соперничают, но и сотрудничают, сочетают конкуренцию между собой с взаимной информацией.
 - Техногенные определения:
 - **Япония — царство транзисторов.**
 - **...Япония стала первым кораблестроителем мира.**
 - Некоторые исследователи уподобляют Страну восходящего солнца гигантской компании — **акционерному обществу „Япония инкорпорейтед“.**
 - Определения-сопоставления (прямые и отрицательные):
 - Среди развитых капиталистических стран **Япония весьма схожа с Англией** четкостью общественной иерархии. В обеих островных странах любой контакт между людьми тут же указывает на социальную дистанцию между ними.
 - Япония сейчас **не та, что во времена художника Хиросигэ**. Япония меняется по-своему, по-японски: меняется ради того, чтобы в условиях современности оставаться сама собой.
 - Определения, подчеркивающие парадоксальность, непредсказуемость Японии:
 - **...„японская Япония“**, почти не подверженная переменам, присутствует везде и во всем. Это как бы **оборотная сторона медали.**
 - Вопреки первому впечатлению, что в облике Японии **сегодняшний день полностью заслонил вчерашний**, незримое присутствие прошлого сказывается донныне. Слово камень, лежащий на дне потока, оно не выпирает на поверхность, но дает о себе знать завихрениями и водоворотами.
 - Япония порой бывает **страной внезапных перемен**, крутых поворотов, совершаемых после продолжительного промедления.
 - **Ультрасовременная Япония** кончается не так уж далеко от вершины — пожалуй, там же, где проходит по Фудзи граница снегов в период цветения сакуры. А ниже, на добрые две трети пути до подножия, попадаешь как бы в иной мир, в иной век.
 - Современная Япония является собой как бы **двойкий пример** для человечества: и положительный, и отрицательный.
 - Широкие и узкие антропоцентрические и природоцентрические определения:
 - Япония — это **страна, где природа и человек состязаются в неустовстве**. Здесь постоянно дает о себе знать необузданность стихийных сил. Но здесь же на каждом шагу видишь следы упорнейшего человеческого труда.
 - С этим **дальневосточным соседом** нам суждено всегда жить бок о бок. А кому не известна истина: у **соседа** могут быть свои взгляды, склонности, привычки, но чтобы ужиться с ним, надо знать его характер.
 - Япония — это **страна зеленых гор и морских заливов, страна живописнейших панорам...** В Японии соседствуют север и юг.
 - Япония — **страна своеобразного климата**, где весна, лето, осень и зима очерчены чрезвычайно четко и сменяют друг друга на редкость пунктуально.
 - Определения-аллюзии (отсылки к трудам российских и западных авторов):
 - ...В лице Японии они (европейцы) имеют дело со **страною, проникнутою совершенно своеобразным, вполне самостоятельным духом, зрелым и глубоко разработанным** (Г. Востоков).
 - Как старое и новое сплелось в Японии — какими силами? Говорят, что **сердцем Японии в старом, умом в новом** (Б. Пильняк).
 - <Япония> — **страна, изобилующая теми элементами природы, которые стимулируют поэтическую практику и формирование чувствительной души, а именно горами, морями, а также четкой сменой четырех времен года** (Бернард Рудофски, США).
 - Япония — **страна групп** (Джордж Микеш, Англия).
 - Япония — **страна, которая обладает одной из самых передовых и действенных школьных систем** (Уильям Форбис, США).
 - Больше, чем какая-либо страна Востока, **Япония осталась сама собой** (Уильям Форбис, США).
 - **Подлинная Япония — это бессчетные часы, а иногда и десятилетия**

тилетия тяжелого труда, нужно-го, чтобы японский сад выглядел воплощением простоты. Это хо-лод, от которого зимой содрога-ются обитатели картинных япон-ских жилищ. Это обреченность всю жизнь есть рис и соленые ово-щи. Это крестьяне, которые из го-да в год гнут спины на полях и не могут потом распрямиться, дожи-вая свой век сгорбленными карика-турами на человеческие существа. Это студенты, стоящие в очере-ди, чтобы продать свою кровь и ку-пить себе книги (Б. Мэнт, США).

- Япония — *третья великая держа-ва* (Робер Гийен, Франция).
- Япония является *страной сюрпри-зов*. Она часто подтверждала это своей историей вплоть до самого недавнего времени (Робер Гийен, Франция).
- Япония по отношению к Азии то же, что Азия по отношению к Ев-ропе (Эрнст фон Гессе-Вартег, Гер-мания).
- Япония как номер один. Уроки для Америки (Эзра Фогел).
- Япония стала одной из *ведущих индустриальных держав мира* (Роберт Одзаки, Япония).

Множественность и разнообразие опре-делений Японии в «Ветке сакуры» являются, как мы считаем, частью ответа-реплики В. Овчинникова на запрос эпохи. Сведение идеологического компонента к минимуму и его замена на объемный культурологический компонент, внутренняя неполемичность кни-ги, ее благожелательная тональность, жела-ние автора «встроить» свое произведение в мировой «японский тезаурус» — все это бы-ло созвучно прежде всего настроениям по-коления шестидесятников, поколения «отте-пели», ощущавшему необходимость замены классовой идеологии на систему общечело-веческих ценностей.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ Д. ГРАНИНА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ «ФИЗИКОВ» И «ЛИРИКОВ»

Определения Японии, принадлежащие Д. Гранину, даны в своеобразном контексте. Замысел и форма его «Сада камней» сфор-мировались под влиянием активно шедшей в СССР в 60-х г. XX века дискуссии «физи-ков» и «лириков» (рационалистов и людей с чувственно-эмпирическим восприятием ми-ра). Суть этой дискуссии сформулировал устами своего героя сам Д. Гранин, писатель и публицист, автор популярнейшей книги

о физиках «Иду на грозу»: *Он считает, что либо-либо. Либо наука, либо поэзия. Что ежели наука не знает, зачем павлину такой роскошный хвост, то рационалисты не станут любоваться этим хвостом. Что для таких, как я, главное — полезность, разумность. Рационалист для него бран-ное слово. Он не чувствует, что павлиний хвост для ученого — еще большее чудо, если его нельзя объяснить законами эво-люции.*

В свою очередь, композиция и субъект-ная организация «Сада камней» подчинены попытке объяснить малознакомую советско-му человеку страну с разных точек зрения. Япония дается в двух ракурсах — это взгляд журналиста Глеба Фокина и взгляд физика Николая Сомова: *Дорогой у каждого из нас постепенно появлялась своя Япония, мы с Сомовым как бы смотрели в разные сторо-ны, мы словно двигались в разных плоско-стях, и только в Киото пути наши пере-секлись.* «Лирик» Глеб Фокин замечает в Япо-нии ее внешнюю экзотическую сторону, искусство и литературу, поэзию, а также бытовые неурядицы и потребление, несопоставимое с потреблением в тогдашнем СССР. Кроме того, «лирик» воспринимает Японию через призму собственной жизни: детства, войны, отношений с женщиной и т. д. «Физик» Ни-колай Сомов воспринимает Японию через призму мира и войны, противостояния СССР и Америки, мирного и разрушительного ато-ма и своей собственной судьбы как ученого; в отличие от Фокина, Сомов видит и разви-тие процессов глобализации. Два заданные Д. Граниным взгляда на Японию отражаются и в определениях страны.

ГЛЕБ ФОКИН (определения носят куль-турологический характер или репрезентиру-ют отголоски личных впечатлений):

- *Китай назывался когда-то Небесной империей. Но я понял, что это ошибка. Имелась в виду Япония. Древние воздухо-плаватели приняли Японию за Китай.*

- *Они были старые, эти камни. Пожалуй, они и впрямь походили на острова, на ту Японию, которую я увидел впервые из са-молета.*

- *Сад это как японские трехстишия. Япония тут ни при чем. Япония всего лишь фон, задник, вроде этой земляной стены.*

- *...чем-то она (Юкия) похожа на мою Японию, которая была и которой не было, и которая одарила меня красотой и любо-вью, и тем не менее...*

В уста Глеба Фокина Д. Гранин вклады-вает и определения Японии, данные самими японцами:

• **...обязательная Япония** — широко известная, выставленная напоказ, размноженная на великолепных открытках — объемных, стереоскопических, подмигивающих. Япония, экспонированная на международных выставках, сидящая в чайных домиках.

• Особенно отличался маленький Ямаи-сан. Он утверждал, что я попал в **страну безумия и абсурда**. В этой **Абсурдии** все заняты куплей-продажей.

• **Япония состоит из лавочек, магазинчиков, киосков, рестораничек, рынков, автоматов, универмагов, они повсюду, им нет конца.**

• **За горечью его насмешек хранилась и другая Япония. Она хранилась внутри этой сумасшедшей карусели, как сказочный ларец за семью печатями.**

Глеб Фокин дает образные, аллюзийные, метафорические определения и конкретным реалиям Японии, например ее городам:

• **Старинный Токио, которого нет и не будет. Этот город напомнил Киото, Курасики, отчасти Таллин и старый Псков, он был похож на Зурбаган, на города, где в детстве мы совершаем подвиги и любим безответно, преданно, как любят, когда еще не знают любви.**

• **...Город расплзался, сливаясь в бесформенно-грязноватую массу, сходил на нет и все же тянулся бесчисленными деревянными домиками, стиснутыми до духоты. И дальше уже неразлично колыхалось что-то едкое, нечистое, словно дыхание больного. Даже Сомов был несколько подавлен этой панорамой:**

— **Похоже на мусорную свалку,** — сказал я.

НИКОЛАЙ СОМОВ (определения носят антивоенный, идеологизированный характер):

• **Япония была для меня: Хиросима, Нагасаки, август 1945 года и тот внезапный поворот в моей судьбе после атомного взрыва.**

В антивоенном ключе даются и чужие определения Японии, которые вспоминает Сомов:

• **Мы летим в ночной мгле сквозь грозу, вперед и прямо к империи.**

• **Где-то впереди за этими огромными горами белых туч лежит Япония, страна нашего врага** (высказывания американского журналиста Лоуренса, получившего премию Пулитцера за серию очерков о бомбежах Японии).

Метафорические определения японских городов есть и в речи Сомова, однако в них актуализируется либо смысл «одинаковые»,

«похожие», либо просматривается все та же антивоенная (антимилитаристская) направленность:

• **Там Черемушки, Купчино. Тот же стандарт. Мы поносим наших архитекторов, они — своих. В Токио строят, как в Барнауле. И квартиры такие же.**

• **Киото был отравлен горечью Нагасаки.**

Д. Гранин не только газетно-журнальный публицист, он прежде всего писатель, художник слова, поэтому в его произведении гораздо больше, чем у И. Эренбурга и В. Овчинникова, **выводимых определений**, т. е. таких, у которых форма высказывания «Япония — это...» не прямая, а имплицитная, но очень легко восстанавливаемая из контекста; ср.:

• **Так вот что тебе нужно, — сказал я. — Рики и гейши. Чтобы самураи делали перед дворцом харакири. Чтобы несли в паланкине микадо. Ты ищешь мадам Баттерфляй и тому подобную ветошь.**

Выводимое определение: **Япония — старая, экзотическая страна.**

• **Контрасты — это не только дворцы и трущобы, это еще пачинко и Сад камней. И там и тут была Япония. Крайние полюса ее души.**

Выводимое определение: **Япония — страна контрастов.**

• **В натуре он (Токио) был скучен. Даже Нью-Йорк с крыши „Эмпайр стейт билдинг“ не казался таким безнадежно серым, как Токио. Солнце уличающе высветило пепельно-серую бетонную геометрию зданий, площадей, эстакад, стадионов. Редкие сады и парки ничего не могли поделать с этой каменно-чадящей пустыней. Собственно, пустыни-то не было, что-то там внизу копошилось, сверкало, дымилось. По бетонным лентам ползли поезда, машины, и в пазах улиц шныряли машины, но все равно ощущение безжизненного механизма исходило от этого бетонного устройства. Огромный механизм работал, железо двигалось, но назначение этой огромной распластанной машины было непонятно. Она не имела определенного профиля, четких границ. Она поражала лишь размерами.**

Выводимое определение города: **Токио — механизм, машина.**

Итак, контекст эпохи (дискуссия «физиков» и «лириков») детерминировал двойную точку зрения Д. Гранина на Японию, а последняя, в свою очередь, наложила отпечаток на смысловую и оценочную направленность определений Японии, на их двойственность (культурологические определения и определения с антивоенной направленностью).

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ В. ЦВЕТОВА
В КОНТЕКСТЕ ДВОЙНОЙ ПОЛЕМИКИ
«ПОДЦЕНЗУРНОЕ»
РАЗВЕНЧАНИЕ МИФОВ О ЯПОНИИ)**

«Пятнадцатый камень сада Реандзи», книга В. Цветова, известного советского журналиста-международника, вышла в 1986 г., в начале перестроечного периода, в издательстве «Политиздат». Однако складывалась она, без сомнения, раньше — во время работы В. Цветова собственным корреспондентом в Японии, в условиях жесткой идеологической цензуры (закон о СМИ был принят лишь в 1990 г.). Степень давления цензуры на публикации, посвященные зарубежью, в разные годы советской власти была различной. Меньше, чем у В. Цветова, цензурный фон ощущается в произведениях И. Эренбурга и В. Овчинникова, однако степень подконтрольности подобных публикаций в целом была очень велика. Отступничество от идеологии марксизма-ленинизма каралось жестко, ср. фрагменты из творческой биографии талантливейшего Виктора Некрасова:

- *В те же годы (во второй половине 1950-х и 1960-е) Виктор Некрасов совершает несколько поездок за рубеж. Его зарубежные очерки („Первое знакомство“ (1958), „По обе стороны океана“ (1962), „Месяц во Франции“ (1965), написанные с присущей ему наблюдательностью и независимостью, вызвали резкую критику в печати за „нейтральность“ в изображении буржуазной действительности, за отсутствие изображения социальных контрастов и т. д. „Турист с тросточкой“ — так назывался фельетон М. Стуруа в газете „Известия“, редактировавшаяся А. Аджубеем (зять Н. Хрущева) [Некрасов Виктор Платонович].*

- *(Виктор Некрасов) в 1960-е посетил Италию, США и Францию. Свои впечатления писатель описал в очерках, за которые в разгромной статье Мэлоара Стуруа „Турист с тросточкой“ был обвинен в „низкоклонстве перед Западом“ [Википедия].*

Подобной «нейтральности в изображении буржуазной действительности» В. Цветов позволить себе, видимо, не мог. Одним из условий цензуры была опора публицистики на произведения классиков марксизма-ленинизма, и, рассказывая о Японии, В. Цветов не мог это требование обойти: *Было бы неправильно, если бы мы игнорировали те пути и способы, с помощью которых японцы достигают высоких показателей. Думается нелишне вспомнить ленинские слова: „Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом*

капитализма“. Цензура печати в СССР определила и наличие в тексте «Пятнадцатого камня...» сильного идеологического компонента, и полемический взгляд В. Цветова на Японию и японскую действительность.

С кем/чем же полемизирует В. Цветов? С мифами о Японии, создаваемыми и своими (советскими), и западными авторами (об отношении советской идеологии к «низкоклонству перед Западом» см. выше). Приведем лишь некоторые предметы полемики.

- *Полемика с отражением японской действительности в советской литературе: Мас-титый литератор озаглавил свой роман из японской жизни словом, которое звучит по-японски, но которого в японском языке нет и никогда не было. Однако литератор и, судя по всему, издательство, выпустившее роман, были непоколебимо уверены, что в переводе иероглифы означают: „совершенно секретно“, и убеждали в этом читателя.*

- *Полемика с представлениями о Японии «буржуазных ученых», политиков и финансистов (обратим внимание на обличительный пафос В. Цветова при репрезентации этих представлений): Объяснение японского рывка действием закона неравномерности экономического развития капитализма показалось слишком рискованным для буржуазных ученых. Они предпочли науке мифы и легенды и ступили на тропинку, давно протоптанную церковниками, изобретя в лице Японии нового Мессию... Такова идея огромного числа книг, что сочинены в США и Западной Европе и снабжены кружащими голову названиями: „Подымающееся японское сверхгосударство“, „Японский вызов“, „Япония — первая в мире“.*

Таким образом, общий замысел (отразить свое видение Японии) конкретизируется В. Цветовым в русле двойной полемики — со «своими» и с «чужими». Полемическая установка, в свою очередь, определяет идею книги (развенчать систему мифов — о японцах-трудоголиках, о позитивном характере японской общности, о японской вежливости, о благосостоянии Японии и японцев и т. д.), идеологический компонент в содержании книги, ее композицию и пафос и, наконец, корпус определений Японии, используемых в тексте. Этот корпус включает:

1. Определения «буржуазных ученых», а также определения западных и восточных политиков и финансистов, с которыми «подцензурный» журналист В. Цветов либо не согласен, либо вынужден соглашаться лишь частично:

- *„‘Пакс Американа’ идет на убыль, — сказал далее финансист (Цунао*

Окумура) и подвел к главному, что хотел внушить, — **сердце Тихоокеанского региона — это Япония** со стомиллионным монорасовым населением... В словах финансового воротилы заключена определенная доля истины“.

Подобные определения у В. Цветова могут быть и «выводимыми», т. е. легко восстанавливаемыми из контекста; ср., например, легко выводимое метафорическое определение типа «Япония — розовая страна»:

- Два американских государственных секретаря — Сайрус Вэнс в администрации Картера и Джордж Шульц в рейгановском правительстве — **розовым цветом** рисовали японского, самого преданного союзника Соединенных Штатов, но тревоги своей скрыть все же не могли.

2. Зарубежные (западные и восточные) определения Японии, с которыми В. Цветов соглашается, так как они соответствуют концепции книги — развенчанию мифов об этой стране:

- ...западногерманский журнал „Ауссенполитик“ выразил тревогу по поводу того, что „с большим трудом удается совмещать в своих представлениях **Японию — страну созерцательного мировоззрения, эстетического отношения к действительности, коллективизма в человеческих отношениях, тесной связи человека с природой, край храмов и садов — с Японией, страной жестокой, безжалостной конкуренции, внушительной тяжелой промышленности, технического прогресса, растущей численности промышленных роботов, городов-гигантов и многих других последствий мощного роста экономики**“... С необходимостью больше знать и правильнее понимать Японию приходится, я думаю, согласиться и нам.

3. Собственные определения В. Цветова (в том числе «выводимые»), подчиненные «развенчанию мифов».

- Миф № 1: О Японии рождаются легенды вредные и даже опасные, и одна из них — легенда о необыкновенном японском трудолюбии.

Идеологизированная точка зрения В. Цветова: *Да и откуда в классовом обществе взяться любви к труду?..*

Поддерживающая точка зрения (высказывание японского менеджера Мицуюки Масацугу): *Таким образом, молодежь эксплуа-*

тируют дважды: сначала как „работающую машину“, а потом как „потребляющую машину“. Без той и другой капиталистическое производство существовать не может. И получается, что молодежь одновременно и „трудоголики“, и „вещеголики“, то есть она — механизм, одновременно выполняющий функции производства и потребления.

«Выводимые» определения: **Япония — это механизм, машина; Япония — это страна не трудоголиков, а вещьеголиков**, и др.

- Миф № 2 — японская общинность как позитивное явление.

Точка зрения В. Цветова: *Выполнение долга признательности общине, выражающееся в скрупулезном следовании правилу — интересы общины важнее личных, требует дорогой платы, попраiania в себе всего личного и, бывает, человеческого.*

Определения Японии.

Прямое: **Япония — страна, где люди живут и действуют, „как все“.**

«Выводимое»: **Япония — страна, где люди подобны забитым гвоздям.** Ср. контекст, который детерминирует подобное определение: *У японцев есть поговорка: „Забивать гвозди“. По возвысившейся над группой индивидуальности могут ударить, как бьют по шляпке гвоздя, влезшего из доски. Удары тем сильнее и, следовательно, больнее, чем больше шляпка и заметнее гвоздь. И далеко не у всякого японца появляется желание, а главное — хватает мужества сделаться торчащим гвоздем. Если же голова индивидуальности оказывается прочней шляпки гвоздя и упрямо лезет наружу, группа впадает в растерянность, ей неуютно рядом с индивидуальностью, она старается отделиться от нее, порвать с ней.*

Возможно и сходное «выводимое» определение (**Япония — шаблонизированная страна**), детерминируемое следующим контекстом: *Японец стремится встроить себя, выражаясь научно-техническим языком нынешней эпохи, в поточную линию из таких же, как он, ничем не выделяющихся людей, чтобы обрести возможность действовать согласно требованиям группы, общины. Многовековое заколачивание гвоздей получило завершение. Тотальная шаблонизация имеет, однако, в Японии примечательную оборотную сторону.*

- Миф № 3 — о японской вежливости. Опровергаемые точки зрения относительно этой черты японского национального характера даны В. Цветовым в аллюзийном, отсылочном ключе.

Отсылка к мнению американского японоведа: „Японская вежливость имеет глубочайшие корни в истории народа. Она — неотъемлемая и прекрасная сторона японского характера“, — писал признанный на рубеже прошлого и настоящего столетий японовец американец Лафкадио Херн.

Полемическая точка зрения В. Цветова: Так что же: вежливость — и впрямь черта японского характера? Ничего подобного.

Поддерживающая точка зрения: В шутку Киплинг сказал, что „болезненная вежливость японцев ведет начало от широко распространенной и приметной привычки носить мечи“. Японец — сама любезность потому, подтрунивал Киплинг, что те, с кем он общался, тоже были вооружены. Суть схвачена Киплингом правильно — японская вежливость распространяется не по горизонтали, а по вертикали, причем лишь в одном направлении — снизу вверх. Те, у кого меньше мечей, денег, власти, житейского опыта, проявляют вежливость, я бы даже сказал — подобострастие, к тем, у кого мечей, денег, власти, опыта больше. И это — улица с односторонним движением.

Прямое определение: Япония получила наименование „котагэсэнэ куни“ — „**страны, где люди не спорят**“.

- Миф № 4, основанный на представлениях о Японии, отраженных в советском массовом сознании: Советское научное японоведение — самое, пожалуй, обширное и основательное. И в то же время широкая публика знает о Японии обидно мало в сравнении с той ролью, какую играет Япония в современном мире. Икебана, карате, чайная церемония, названия „Тоёта“ и „Сони“, которые у всех на слуху, не в счет. Ведь нельзя же в конце концов слыть сведущим в русской жизни, освоив рецепт приготовления борща по-московски, правила игры в лапту и научившись расшифровывать сокращения „ЗИЛ“ и „ВЭФ“.

Точка зрения В. Цветова: Японский быт, характер японцев, их представления о жизни — это еще и Алисино Зазеркалье, где очень многое оказывается не таким, иным и даже диаметрально противоположным тому, что привыкли представлять мы.

«Выводимое» определение: **Япония — это Зазеркалье Льюиса Кэрролла.**

- Миф № 5 — о благосостоянии Японии и ее граждан: В популярном ежемесячнике „Тюо корон“ я наткнулся на статью, озаглавленную без излишней скромности: „Япония — единственная в мире сверхдержава благосостояния“. Чиновник государственного Управления по науке и технике

Яцухиро Накагава написал: „Япония — ведущая в мире держава в смысле мер, которые она предпринимает для благосостояния своих граждан, и в смысле богатства и изобилия, которыми ее граждане наслаждаются в повседневной жизни“.

Точка зрения В. Цветова: мы обязаны повернуть японскую медаль к свету и оборотной ее стороной.

Поддерживающая точка зрения (лишь одна из множества): „Японцы живут в гнетущей, удушающей атмосфере“, — сделал вывод Юдзи Аида, профессор Киотского университета, большой знаток духовного склада японцев.

«Выводимое» определение (одно из множества возможных): **Япония — больная страна.** Оно детерминировано следующим, к примеру, контекстом: Пассивное наблюдение над приборами, изоляция от процесса непосредственного производства способствуют потере внимания, полной или частичной дисквалификации, утрате интереса к труду. Такая атмосфера вызвала эпидемию болезни „намари“, дословно — „притупление“. О ней не сообщают медицинские справочники, но японцы страдают самой острой формой этого недуга. Газета „Нихон кэйдай“ привела симптомы: сначала критическое отношение ко всему, что окружает больного, затем — пессимизм, мизантропия и, наконец, — полное безразличие.

«Развенчание мифов» проводится В. Цветовым и в других ракурсах. Так, контекст «Пятнадцатого камня...» дает основания для формулировки определений Японии как **страны самоубийц, страны бегства от действительности, в том числе в традиционную японскую эстетику, страны агрессии и насилия, страны одиночества, печали, мизантропии и безразличия** и т. д.

В целом атрибуцию Японии в тексте В. Цветова, писавшего о ней в подцензурном контексте советской идеологии, полемизирующей с идеологией буржуазной, можно суммировать в комплексном выводимом определении типа **Современная Япония во многом похожа на средневековую деревенскую общину**, ср.: В 1970 году 30,4 процента японских юношей и девушек назвали цех, контору местом, где они „чувствуют, что жизнь их проходит не напрасно“. Десять лет спустя молодых людей, удовлетворенных условиями труда, основанными на принципах средневековой деревенской общины, осталось только 16,5 процента. Сколько их окажется в 1990 году? В свете подобной тенденции приобретают особую значимость итоги опроса, в ходе которого 80 процентов японских рабочих заявили, что „для

улучшения жизни необходимо, помимо собственных усилий, изменить и политику“.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ Ю. ТАВРОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ СКРЫТОЙ ПОЛЕМИКИ

Книга Ю. Тавровского «Двухэтажная Япония» была написана в 1989 г., в период перестроечных изменений в СССР. В предыдущем разделе мы сознательно не коснулись сложнейшего вопроса о «самоцензурном» контексте «Пятнадцатого камня сада Рёандзи», хотя жесткая внешняя цензура не могла не повлиять и на самоцензуру В. Цветова, без сомнения талантливого публициста. Эта самоцензура отразилась и в аспектах полемики, и в авторской убежденности, проявляющейся в пафосе «Пятнадцатого камня...», однако вопрос о самоцензурном контексте требует отдельного и глубокого исследования. В связи же с книгой Ю. Тавровского следует напомнить, что в 1989 г. цензура СМИ в СССР была ослаблена, а это привело и к уменьшению самоцензуры. Как следствие, путь Ю. Тавровского от мысли к слову был иным, чем у его предшественников.

Сам автор формулирует замысел книги вполне однозначно и традиционно: *С желанием расширить представления о соседней державе, помочь почерпнуть из ее опыта самое интересное автор представляет эту книгу очерков читателю.* Однако, как было сказано выше, Ю. Тавровский писал, с одной стороны, в условиях ослабления внешней цензуры и самоцензуры, с другой — над ним тяготела необходимость «отстройки от конкурентов», и прежде всего от сильных публицистов В. Овчинникова и В. Цветова. Все это, без сомнения, повлияло на форму реализации авторского замысла, усилило в ней индивидуальное начало.

На уровне определений страны сказанное реализуется двояко: автор использует два ведущих (репрезентирующих авторскую идею и выполняющих композиционную функцию) определения. Первое из них — метафорическая индивидуально-авторская прямая атрибуция (Япония — какая?) в самом названии книги — «Двухэтажная Япония». Это определение Японии Ю. Тавровский объясняет сам:

Почему эта книга названа „Двухэтажная Япония“?..

Прежде всего потому, что именно таким было первое впечатление от страны, чьи города и деревни, зачастую сливаясь друг с другом, заполнены именно двухэтажными строениями...

„Двухэтажность“ — это очевидный разрыв в уровне развития между Хонсю,

главным из четырех самых больших Японских островов, и тремя остальными...

„Двухэтажность“ — это продолжающийся отток в города жителей принесенной в жертву „экспортной стратегии“ промышленной деревни...

„Двухэтажность“ — это бросающаяся в глаза разница между оснащенными роботами и компьютерами крупными предприятиями и работающими на них средними и мелкими заводами... Это — разница в положении охваченной профсоюзным движением рабочей верхушки, составляющей чуть больше четверти трудящихся, и остальной массой...

„Двухэтажность“ — это, наконец, то ненормальное положение, при котором японские капиталы текут на стимулирование американской экономики, хотя сама Япония страдает от недостатка средств...

Из приведенных интерпретаций заглавия книги очерков ясно видно, что индивидуально-авторское метафорическое определение Японии носит оппозитивный характер: остров Хонсю — и остальные острова; деревня — и город; крупные предприятия — и мелкие заводы; рабочая верхушка — и остальная масса; японские капиталы — и стимулирование американской экономики. Ю. Тавровский вкладывает в определение **двухэтажная Япония** не столько чувства и эмоции, сколько мысли о современном состоянии Японии, концентрируя их в достаточно емком образе, репрезентирующем иную, чем у предшественников-публицистов, точку зрения на страну.

Второй тип индивидуально-авторского определения Японии можно назвать **квази-определением**: атрибуция Японии дается автором не прямо, а через важнейшую реалию древней и современной Японии — гору Фудзияму (Фудзи-сан, или просто Фудзи). На наш взгляд, имплицитная полемичность связана и с использованием этого приема (предшественники-публицисты к нему не обращались). Вся первая глава, включающая 7 очерков, подчинена образу Фудзи — символу Японии; ср. скрытую полемику с В. Овчинниковым и В. Цветовым в приведенном высказывании: *Фудзияма прочно удерживает первое место среди символов Страны восходящего солнца, опережая сакуру, роботов, компьютеры и автомобили.* Ю. Тавровский делает акцент на том, что и сами японцы точно так же воспринимают Фудзи: *У японских военных священная гора Фудзи в большом почете. Отлично понимая ее значение как символа Страны восходящего солнца, они очень часто изображают себя защитниками Фудзи-сан, а следова-*

тельно, и всей Японии. Понимать Японию — значит понимать Фудзи: *Без Фудзи-сан не поймешь Японию, не узнав Японию, не оценишь Фудзи-сан, то приветливо сверкающую своей седой вершиной, то сурово укутанную в седую мантию тумана. Любить Японию — это значит любить Фудзи: Ну, а чтобы боготворить Фудзи-сан, слагать о ней стихи и легенды, изображать ее на бесчисленных гравюрах-„уикез“ и современных картинах, посвящать ей песни, книги, фотоальбомы и многочисленные кинофильмы? Для этого нужно совсем немного, любить свою землю, каждую ее гору, реку, озеро, вулкан, уметь восхищаться той красотой, которая рядом с тобой...*

С опорой на образ Фудзиямы строится и композиция главы, которая состоит из отдельных очерков. Центральная фигура главы — это сам автор-повествователь, который совершает восхождение на гору и в связи с ней описывает важнейшие негативные процессы в современной Японии. К таким процессам относятся «наступление „стальных воротничков“» (рассказ о заводе, производящем современнейшую робототехнику), «ад у подножья Фудзиямы» (рассказ о воензированной школе для управленцев), «лес смерти» (рассказ об эпидемии самоубийств), а также рассказы о вымирании деревень, японских и американских военных баз вокруг горы, последствиях атомных взрывов, в том числе американских испытаний водородной бомбы на атолле Бикини.

И все же Фудзи-Япония для Ю. Тавровского прекрасна, о чем свидетельствует пафос, оценочность его квазиопределений, будь они антропоцентрическими или природоцентрическими, своими или заимствованными, прямыми или выводимыми:

- *Фудзи-сан, символ любимой родины, еще издали приветствует возвращающихся с добычей пахарей моря.*
- *Фудзияма ... остается непревзойденной царицей японской природы, символом мощи, совершенства форм и пропорций.*
- *Они (японцы) все так же будут любоваться своей единственной и неповторимой Фудзи-сан.*
- *„Дождь застилает все вокруг. Но Фудзи-сан все равно источает очарование, даже оставаясь невидимой“ (из стихотворения японского поэта Мацуо Басё).*
- *...если взирать с ее вершины, Фудзи-сан имеет мужественный облик, а если смотреть от подножия — женственный.*
- *...главное чудо Японских островов.*

- *...знаменитая гора.*
- *...священная гора Фудзи.*
- *...милая сердцу каждого японца Фудзи-сан.*
- *...вечная Фудзи-сан.*
- *...вечный символ Японии.*

Однако центральным индивидуально-авторским определением Японии-Фудзи, репрезентирующим не только мысли Ю. Тавровского, но прежде всего его эмоции, чувства, является ее уподобление **драгоценному камню в оправе**: *Фудзи-сан можно уподобить необычайно крупному и прекрасному драгоценному камню, который передается в наследство из поколения в поколение неизменным, окруженным легендами и преданиями. Камень этот люди вставляют в оправы, меняющиеся со сменой эпох... Пришельцы с юга не только унаследовали культ поклонения Фудзи-сан и само ее название „Фунчи“, то есть „огненная гора“. Они создали новую „оправу“ горы из рисовых полей, деревень под тростниковыми крышами, белостенных самурайских замков.*

Совокупный текст книги Ю. Тавровского позволяет, как нам кажется, выделить в качестве центральных именно эти определения Японии: «Двухэтажная Япония» и «Япония-Фудзи, подобная драгоценному камню в оправе, созданной в разные эпохи человеческим трудом». Эти определения имплицитно полемизируют с названиями книг предшественников («Ветка сакуры», «Сад камней», «Пятнадцатый камень сада Реандзи»), а как следствие, — с их видением Японии (в открытую полемику Ю. Тавровский не вступает). Скрытая полемичность определяет и тот факт, что оба центральных определения Ю. Тавровского являются метафорическими, индивидуально-авторскими, иными, чем у предшественников-публицистов. Эти определения апеллируют к разуму, отражая мысли автора (первая атрибуция) и к эмоциям, чувствам (вторая атрибуция). Важнейшая функция этих определений — текстообразующая, композиционная: вокруг них строится авторский рассказ о Японии, ограниченный на котором нам не позволяет ограниченный объем статьи.

Публицистическое слово — это воздействующее слово. Воздействовать на массового адресата без учета того, в какую эпоху осуществляется коммуникация, какова общая и речевая ситуация этой эпохи, невозможно или в высшей степени затруднительно. Поэтому публицист осознанно или неосознанно выбирает слово под влиянием эпохи. Его речевая деятельность во многом осуществляется именно **в ответ на ее запрос**, определяющий, варьирующий и изме-

няющий форму представления авторского замысла. В целом на текстовую реализацию последнего (в рамках атрибуции Японии российской публицистикой второй половины XX в.) влияют время, в которое было написано произведение, степень цензурного давления, контекст (полемиический или неполемиический), стереотипы массового сознания, чужой взгляд на Японию, в том числе точки зрения предшественников-публицистов, писавших об этой стране.

Наибольший, на наш взгляд, интерес представляет влияние широкого дискурсивного контекста как фактора текстообразования на полемиическую/неполемиическую форму подачи информации. Эпоха холодной войны диктует И. Эренбургу два типа определений Японии (прямые и отрицательные); отголоски хрущевской «оттепели» «снимают» полемиичность определений у В. Овчинникова; дискуссия «физиков» и «лириков» детерминирует корпус определений Д. Гранина, а также их смысловую и оценочную направленность; наличие внешней и внутренней цензуры влияет на негативную оценочность и двойную полемиичность определений В. Цветова, а ослабление цензуры и необходимость «отстройки от предшественников» — на атрибуции Ю. Тавровского. Характер атрибуций Японии определяется также идиостилевой спецификой текста, детерминирующей вид определения (логическое или метафорическое, прямое или «выводимое» из контекста, непосредственная дефиниция Японии или квазиопределение),

а также пафос определения, мысли, чувства и эмоции, вкладываемые авторами в высказывание.

Тексты типа *мы о них* и *они о нас* являются неотъемлемой составляющей межнационального дискурса именно потому, что в них отражены попытки проникновения в иное национальное сознание. Подобные тексты нужно, на наш взгляд, не только писать, но и изучать — ведь они являются важнейшим средством формирования общественного мнения об окружающем Россию мире, о наших ближних и дальних соседях.

ЛИТЕРАТУРА

1. БСЭ = Большая советская энциклопедия. В 51 т. Т. 49 / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. — М. : Большая сов. энцикл., 1957.
2. *Википедия* : свободная энцикл. : сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
3. *Виноградов С. И.* Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // *Культура русской речи и эффективность общения*. — М. : Наука, 1996. С. 121—152.
4. *Жилина Л. В.* Формирование общественного мнения россиян о Японии и японцах в конце XX — начале XXI вв.: по материалам журнальной публицистики : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Омск, 2006. URL: http://www.dissland.com/catalog/formirovanie_obshchestvennogo_mneniya_rossiyan_o_yaponii_i_yapontsah_v_kontse_xx_nachale_xxi_vv_po_m.html.
5. *Купина Н. А.* Лингвистический анализ художественного текста. — М. : Просвещение, 1980.
6. *Некрасов Виктор Платонович* : (биография) // *Люди и книги — мемуары великих, труды неизвестных*. URL: <http://az-libr.ru/index.shtml?Persons&D5A/5bb025a0/index>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Л. М. Цонева

Й. Сипко J. Sipko

Прешов, Словакия Prešov, Slovakia

**ФРАГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ
ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ
В ЧЕХИИ В 2013 Г.****FRAGMENTS OF LANGUAGE WORLD
PICTURE OF PRESIDENTIAL ELECTIONS IN
THE CZECH REPUBLIC IN 2013**

Аннотация. Рассматривается президентская кампания во время первых прямых выборов президента Чехии. На материале текстов СМИ и выступлений основных кандидатов анализируются особенности аргументации, общие и национально-специфические характеристики агонического дискурса. Выявляется, что особое значение приобретали апелляции к личным характеристикам кандидатов и историческим прецедентам.

Ключевые слова: политическая лингвистика; агонический дискурс; лингвокультурема; парадокс; языковая картина мира.

Сведения об авторе: Сипко Йозеф, профессор, директор Института русистики и славянских языков.

Место работы: Прешовский университет.

Контактная информация: Ul. 17. novembra 15, 080 01 Prešov, Slovakia.
e-mail: sipko_j0@unipo.sk.

Abstract. Presidential election campaign during the first direct elections of the president in the Czech Republic is discussed. On the basis of Mass media texts and addresses of the main candidates, peculiarities of argumentation, specific features of agonistic discourse are revealed. It is proved that the emphasis is laid upon appeals to personal characteristics of the candidates and to historic precedents.

Key words: political linguistics; agonistic discourse; lingo-cultural unit; paradox; language world picture.

About the author: Sipko Josef, Professor, Director of the Institute of the Russian and Slavic Languages.

Place of employment: University of Prešov in Prešov.

1. ВВЕДЕНИЕ. Когда в чешском парламенте был принят законопроект о **прямых выборах президента**, то данная тема стала одной из главных в чешских и словацких СМИ. Таким образом, мы в очередной раз могли убедиться в полной оправданности филологического исследования в рамках **политической лингвистики** [Чудинов 2010]. Политический дискурс содержит в себе в первую очередь целый ряд **аксиологических особенностей**, в рамках которых идут поиски ценностей главным образом по отношению к конкретной этнокультурной среде [Алефиренко 2010]. То, что в процессе политической борьбы всё нагляднее функционируют языковые единицы с периферии аксиологической шкалы [Арутюнова 1988], полностью подтвердилось в настоящем исследовании. Собранный и прокомментированный нами материал позволяет воссоздать определенные фрагменты **языковой картины мира** [Колшанский 2006], по крайней мере по отношению к чешской языковой среде. Наряду с этим появляется возможность сопоставлять данные этнокультурные особенности с аналогичными реалиями в других странах [Сипко 2008]. Мы пытаемся использовать методологию политической лингвистики в тесном соприкосновении с **лингвокультурологическими** приемами [Воробьев

1997; Красных 2002; Маслова 2004]. Главным объектом исследования являются словацкие («Правда», далее обозначается как «П.») и чешские СМИ («Первый канал Чешского телевидения», сокращенно обозначается как «ЧВТ-1»). Конкретные иллюстрации мы приводим в собственном переводе на русский язык.

2. ГЕРОИ ЧЕШСКИХ ВЫБОРОВ. С самого начала президентской предвыборной кампании в Чехии регулярно стали появляться фамилии возможных претендентов на высший политический пост в стране, и постепенно 11 человек заняли позицию президентских кандидатов. Среди них чаще всего упоминали фамилии главных: бывшего премьера и председателя *Чешской социал-демократической партии* (ČSSD — ЧСДП) *Милоша Земана*, а также бывшего премьера беспартийного *Яна Фишера*. Однако во второй тур президентских выборов неожиданно вышел действующий вице-премьер, министр иностранных дел и председатель правительственной партии ТОП 09 76-летний *Карл Шварценберг*. В дискуссию относительно нового президента активно вступал действующий президент *Вацлав Клаус*, один из главных идеологов разделения Чехословакии в 1993 г., бывший премьер, председатель парламента, основоположник и предсе-

This contribution is the result of the project implementation: *Establishing a Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Research and Development Operational Programme funded by the ERDF.

датель правой *Гражданской демократической партии* (ODS — ГДП): *Кандидатами в президенты страны должны стать люди, которые для страны что-то сделали. Милош Земан к ним относится* (П. 29.5.2012).

Феномен Клауса был очень ярким для всей предвыборной кампании. В. Клаус откровенно стал поддерживать М. Земана, хотя формально и политически ближе ему должен был быть соперник Земана, князь Шварценберг. Сам Шварценберг это полностью осознавал и отвергал политический союз «Клаус — Земан»: *Вацлав Клаус и Милош Земан образовали большую властную структуру. Дело в том, допустим ли мы, чтобы она была и дальше у власти* (П. 21.1.2013).

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ЕЕ ТЕМЫ. В этом политическом контексте лагеря обоих президентских кандидатов часто бескомпромиссно атаковали друг друга. Иногда Земан и Шварценберг вынуждены были даже публично извиняться. В адрес Шварценберга высказывались упреки из-за его супруги, которая является австрийкой и не владеет чешским языком. Жена действующего президента Ливия Клаусова тоже откровенно высказалась в поддержку М. Земана, причем воспользовалась именно вышеприведенными аргументами: *Не хочу, чтобы после меня на Пражский град пришла первая леди, которая будет говорить только на немецком языке* (П. 13.1.2013).

Необходимо заметить, что у Шварценберга был определенный шанс победить, поскольку у определенной части чешского населения существовал отрицательный образ М. Земана. Но все-таки у Земана было больше сторонников.

Очень сложной темой в Чехии, так же как в Словакии, являются *Декреты президента Бенеша*, на основе которых после Второй мировой войны были выселены из тогдашней Чехословакии при поддержке союзников около трех миллионов немцев за сотрудничество с гитлеровской Германией. На одних теледебатах в защиту выселенных выступил Шварценберг: *За то, что мы сделали судетским немцам, нас бы теперь судили в Международном суде* (ЧТВ-1.14.1.2013). Эти слова вызвали в чешской общественности много откликов, в которых Шварценберга остро критиковали. Среди его радикальных оппонентов выделялся и ветеран войны 95-летний генерал А. Беер: *Вы принизили героизм чешских патриотов и нас, солдат. Это позор, что такой человек выдвинул свою кандидатуру* (ЧТВ-1. 23.1.2013).

На президентских теледебатах Земану тоже напомнили некоторые его заявления в

поддержку выселенных немцев. Его ответ на критику с этой стороны подтвердил, что тема *выселения судетских немцев* представляет собой и в наше время живой и очень чувствительный политический вопрос: *Да, я осудил выселение судетских немцев, которое было названо диким выселением, поскольку оно не соответствовало Потсдамским соглашениям. Кроме этого, я данное выселение тогда приравнивал к сталинским миграционным приемам* (ЧТВ-1. 23.1.2013).

Однако во время теледебатов на вопрос, связанный с этой фундаментальной чешско-немецкой темой, о том, намерен ли он, став президентом, извиниться перед немцами за их выселение из чешских Судет, Земан однозначно ответил: *Мне не за что перед ними извиняться* (ЧТВ-1. 14.1.2013).

Ассоциации с Россией прозвучали и в некоторых репликах Шварценберга. На вопрос о том, что бы он изменил в своей жизни, он ответил относительно неожиданно: *Я до сих пор жалею, что забыл русский язык, которому меня научил отец* (ЧТВ-1. 14.1.2013).

4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ БОРЮЩИХСЯ ЛАГЕРЕЙ. Оба главных кандидата создали определенные представления о собственных политических ценностях. Сам Шварценберг находил своих сторонников в больших городах, среди интеллектуалов, а также среди части молодежи. Земана больше поддерживали жители деревень, рабочие, частично тоже интеллектуалы, стоящие ближе к простому чешскому человеку. Закономерно президентский поединок между этими двумя лагерями стал в принципе поединком между левыми (Земан) и правыми (Шварценберг). Но по сути дела Чехия разделилась на три больших лагеря, из которых самым многочисленным был первый, не голосующий. Таким образом, Чехия разделилась на три политические группы:

1. Самая многочисленная, игнорировавшая президентских кандидатов и не пришедшая на президентские выборы (около 40 %).

2. Сторонники Земана, который набрал на президентских выборах около 55 % голосов.

3. Сторонники Шварценберга, который набрал на президентских выборах около 45 % голосов.

Указанное разделение чешского общества стало довольно острым. Наблюдатели отмечали, что это принесет в чешское общество целый ряд негативных явлений, часто звучали призывы к примирению, но диагноз был однозначен: *Земан или Шварценберг? До сих пор ничто не разделяло чехов так, как первые прямые президентские выборы* (П. 23.1.2013).

Сторонники обоих кандидатов остро атаковали своих соперников. Критика иногда касалась даже некоторых деталей. Уже упомянутая поддержка *Земана* со стороны действующего президента *Клауса* отразилась в оригинальном словотворчестве: *На пиджаке красный значок, ориентация на Россию — Земаноклаус* (Р. 26.1.2013).

Аналогичная критика была направлена в адрес *Шварценберга*. Упрекам подверглась ориентация на Запад, в отрицательном контексте вспоминалось его богатство и политическая зависимость от однопартийца и министра финансов *Калоусека*: *Кукла Калоусека. Колит богатство, продает народ и действует только в интересах своей семьи* (П. 26.1.2013).

Земана считают **политиком левой ориентации** и, по всей вероятности, поэтому он и стал президентом. *Шварценберг* больше связан с миром богатых, и на этой основе возникали ассоциации с временами, когда дворянство и аристократия играли ведущую роль в обществе. Одним из символов этой древности является лексема *динозавр*, которая появилась в комментарии-реакции на заявление *Шварценберга* о том, что он представляет *нового человека*: *Динозавр и новый человек* (П. 26.1.2013).

Определение *новый человек* применительно к *Шварценбергу* звучало парадоксально, особенно с учетом всего сказанного выше о его происхождении, но все-таки в предвыборной кампании оно использовалось: *На основе некомпетентности считают Шварценберга новым человеком и борцом против политических динозавров* (П. 26.1.2013).

В связи с этим интересно заметить, что после падения социализма данная метафора употреблялась в политической борьбе при отрицательной характеристике бывших коммунистов, которые и в новых условиях активно вступали в политическую жизнь страны. Их называли *ленинозаврами*.

В отдельных репликах президентские кандидаты высказывали также иронические замечания в адрес друг друга. Поскольку *Шварценберг* носит титул *князя* и является представителем знатного дворянского рода, а фамилия *Земан* в Чехии обозначает представителя мелкого дворянства, второй кандидат сделал следующее наблюдение: *У князей было право первой ночи. Они пользовались им по отношению к крепостным девушкам. Поэтому они стали дегенератами. У земанов такого права не было. Мы должны были любовь девушки завоевать, поэтому мы не стали дегенератами* (П. 21.1.2013).

5. КУЛЬМИНАЦИЯ БОРЬБЫ ЗА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА. Чем ближе становился день 2-го тура президентских выборов (25—26 января 2013 г.), тем острее становилась предвыборная борьба. Проявилась следующая закономерность: язык предвыборной кампании расширялся за счет выражений из военной и спортивной среды. Это хорошо демонстрировала карикатура, изображавшая обоих кандидатов в виде борцов. Под карикатурой была «информация»: *Шварценберг версус Земан. Решающий поединок. 2-й раунд* (П. 14.1.2013).

Были разработаны подробные прогнозы относительно результатов президентских выборов. В них содержались и географические данные о регионах, в которых лидирует конкретный кандидат. Оказалось, как уже сказано выше, что в городах было больше сторонников *Шварценберга*, в деревенской среде лидировал *Земан*: *В пограничье лидирует Земан* (П. 26.1.2013).

Подобные данные требовали соответствующей реакции со стороны оппонента. Моравия считалась политической базой *Земана*, поэтому на нее обращал все больше внимания лагерь *Шварценберга*: *Шварценберг борется за Моравию* (П. 16.1.2013).

Многие избиратели полностью осознавали недостатки своих кандидатов, но в таких случаях на всех выборах, в том числе парламентских, когда избиратели мало кем довольны, действует известная стратегия выбирать *меньшее зло*. Люди идут на выборы с той целью, чтобы исполнились их определенные ожидания: *С Земаном никакой славы не завоеваем, но все-таки он лучше* (П. 26.1.2013).

Несмотря на критическое отношение избирателей к своим кандидатам, в подобных случаях их выбирают, поскольку видят в них воплощение некоторых надежд: *Кандидаты на пост президента стали символами* (П. 26.1.2013).

6. В БОРЬБУ ВСТУПАЮТ ИЗВЕСТНЫЕ ЛИЦА. С самого начала предвыборной борьбы между обоими главными президентскими кандидатами было очевидно, что их сторонники в политическом отношении довольно сильно отличаются. *Земана* поддерживала, кроме жителей и политиков левой ориентации, значительная часть военных ветеранов, а также некоторые известные представители чешской культуры: популярная актриса *Й. Богдалова*, певцы *Д. Гулка*, *Ф. Р. Чех*, артист *И. Дейдар* и др. Последний из перечисленных сторонников *Земана* был исключен из группы, которая снимала новый фильм, поскольку режиссер оказался сторонником *Шварценберга*. В его лагере были

режиссер и артист *Й. Сврак*, режиссер *Й. Мензл*, певец *И. Младек* и многократная олимпийская чемпионка по спортивной гимнастике с 1964 по 1968 г. *В. Чаславска*. Она за свою откровенную критику оккупации Чехословакии в 1968 г. пострадала и была до 1989 г. изолирована. Накануне президентских выборов 24 января 2013 г. проходили последние теледебаты на ЧТВ-1, в которых избранные сторонники кандидатов могли задать вопросы кандидатам-противникам. Самым напряженным оказался момент, когда *Чаславска* задала вопрос *М. Земану*: *Как вы себя чувствуете при сознании того, что вас поддерживают также представители преступной коммунистической партии?*

Земан показал себя и на этот раз как человек опытный. Он вспомнил Олимпийские игры 1968 г. в Мехико, где *В. Чаславска* завоевала 4 золотые олимпийские медали: *Вы, уважаемая госпожа Чаславска, одну из своих четырех золотых олимпийских медалей вручили Первому секретарю той же преступной Коммунистической партии Чехословакии Александру Дубчеку.*

Последовала острая полемика между *Земаном* и *Чаславской*, не принесшая никому пользы. Естественно, подобные непримиримые позиции являются на первый взгляд для зрителей и журналистов привлекательными, но, с другой стороны, они очевидно разделяют народ. Ведь *В. Чаславска* была в те трагические годы настоящим героем и любимцем всего народа. Теперь, когда она включилась в политическую борьбу, очевидно, часть этого народа могла отвернуться от нее из-за политики.

7. БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ И ПОСЛЕ ВЫБОРОВ. Сразу после победы *Земана* появились многочисленные комментарии относительно результатов чешских президентских выборов. Социально-исторический контекст с языковой игрой был включен в заголовок, в котором слова *князь* и *земан* стоят в однозначной смысловой оппозиции (см. выше): *Земан победил князя* (П. 28.1.2013).

Слово *князь* стало определенной ценностью, предпосылкой для создания иерархии, обозначения высокого социального положения, противопоставленного низовому. Известный «оскаровский» режиссер *Й. Мензл* это выразил следующими словами: *Я голосовал за Шварценберга именно потому, что он князь* (П. 29.1.2013).

Таким образом, политическая борьба двух лагерей продолжалась и после выборов. Одной из очередных чешских тем стала *амнистия президента Клауса*, в результате которой на свободу вышло свыше 6 тысяч

заключенных. Приблизительно 80 % населения Чехии было против нее. *Амнистия* стала объектом многих споров. *Земан*, несмотря на явный политический союз с *Клаусом*, заявил: *Всех, кто готовил эту амнистию, выброшу из Града* (ЧТВ-1. 28.1.2013).

Чешско-немецкая тема осталась актуальной и после выборов. Немецкая газета «Die Welt» откровенно рекомендовала германским властям не приглашать *чешского президента Земана* на официальный визит в Германию.

В рамках послевыборной политической борьбы между лагерями *Земана* и *Шварценберга* появились их новые оценки. В первые дни после выборов победивший *Земан* получил не очень лестную характеристику: *Хитрый интеллеktуал или простой популист?* (П. 28.1.2013).

Некоторые комментарии можно считать даже некорректными. В данном случае имеем дело с распространенной журналистской тенденцией почти всех политиков характеризовать отрицательно: *Перемена а-ля Земан. На Градчанах в коротком времени поселится политик, который ради собственного успеха способен подлезать собственный уровень* (П. 28.1.2013).

В целях отрицательной оценки регулярно употребляются перифразы известных крылатых выражений. В нашем случае прецедентным источником послужил Макиавелли, с помощью цитат из которого относительно регулярно критикуют *Земана*: *Победил кандидат, который руководствуется лозунгом «Цель оправдывает средства»* (П. 28.1.2013).

8. НОВЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ. Президентские выборы в Чехии ввели в актуальную коммуникацию лингвокультуру [Воробьев 1997] *первая девушка* — *prvá slečna*. Первый раз ее употребил *Земан*, когда представил журналистам свою привлекательную 18-летнюю дочку *Екатерину* — *Кашенку*. Психологической предпосылкой данного выражения стало отсутствие жен обоих кандидатов в предвыборной кампании, и в СМИ встречались рассуждения о том, будут ли они способны выполнять роль *первой леди*. Очевидно, указанное словосочетание журналистом понравилось: *Первая девушка верит, что отцу помогла получить каждый десятый голос* (П. 28.1.2013).

Сразу после выборов, начиная с субботы 26 января 2013 г., на ЧТВ-1 проходили первые теледебаты с новоизбранным президентом Чехии *М. Земаном*. Кроме всего прочего, тот стал остро нападать на правительство

премьера *П. Нечаса* и прямо заявил, что поскольку у этого главы правительства в обществе только 8 %-ная поддержка и в нем находятся представители партии *Людям — Lidem*, которые не были избраны на последних парламентских выборах, такое правительство нельзя считать представительным, и поэтому необходимы досрочные выборы. Данный факт сообщался почти военной терминологией с определенной долей популизма со стороны *Земана*: **Земан завоевал Град и стал наступать на слабое правительство. Он заявил: „У правительства только 8 %-ная поддержка и президент, избранный в прямом всеобщем голосовании, является голосом народа“** (П. 28.1.2013).

Поскольку предвыборная кампания разделила чешское общество, часто отдельные представители напоминали о необходимости примирения. И в этом случае стала употребляться военная терминология с метафорическим значением слова *окопы*: **Новый президент вряд ли засыплет окопы** (П. 28.1.2013).

На одном из очередных теледебатов *Земан* заверил телеведущего, что не станет *аллигатором*. Однако, в полной противоположности с этим, указанная метафора стала источником для соответствующих оценок нового президента: **Для кого станет угрозой аллигатор на Граде?** (П. 28.1.2013).

Хотя президентские выборы считаются очень серьезным событием и вызывают много споров, острую полемику и страсти, закономерно должна появиться и юмористическая реакция. К таким можно отнести карикатуру на *Земана*, рядом с которым находится пародированный текст чешского государственного гимна:

**А вот красавец Земан,
Земан чешский, президент мой...**

**A to je ten krásny Zeman,
Zeman český, prezident muj...**

(П. 28.1.2013).

Поскольку инаугурация нового президента была назначена на 8 марта 2013 г., у него было достаточно времени для подготовки к занятию президентского поста. На ЧТВ-1 в вечерних теленовостях появилась рубрика с регулярной информацией о деятельности новоизбранного президента. Передавали информацию о его расписании, встречах, о личной охране и т. д. В особенности внимание привлекали вышеуказанные слова о *слабом правительстве П. Нечаса*, а также о возможных досрочных парламентских выборах. Но когда *Земан* с *Нечасом* 5 февраля 2013 г. встретились, то в вечерних теленовостях сообщалось, что встреча произошла

в обстановке примирения, хотя несколько дней раньше *Земан* заявил: **При широком толковании Конституции президент может снять правительство** (П. 1.2.2013).

9. ДРУЗЬЯ ИЛИ НЕДРУГИ? Особое внимание привлекла к себе встреча действующего президента *Клауса* с новоизбранным президентом *Земаном*. Были подчеркнуты принципиальные политические отличия между ними, но также личное уважение друг к другу. *Клаус* перед телекамерами с улыбкой публично заявил: **Я принципиально не согласен почти со всеми взглядами господина Земана, и я считаю его смертельным врагом.**

Тем самым они играли роли политиков, обладающих непримиримыми взглядами, но взаимно уважающих друг друга. Сам *Земан* в одном разговоре припомнил, в чем они отличаются. Было подчеркнуто, что у *Клауса*, в отличие от *Земана*, нет чувства юмора. Еще когда в начале 3 тысячелетия оба занимали высокие политические посты (*Клаус* — председателя парламена, *Земан* — премьера) и в Чехии были большие наводнения, то они вместе пролетали на вертолете над пострадавшими регионами страны. *Земан* вспоминал: **Я Клаусу как-то сказал: „Вашек, половина народа ненавидит меня, и вторая половина ненавидит тебя. Если бы теперь вертолет упал, то весь народ будет счастливым.“ После этого Клаус со мной перестал разговаривать** (П. 29.1.2013).

Во всей политической карьере *М. Земана* судьбоносную роль играет *В. Клаус*. Оба политика не скрывали своих взаимных симпатий, несмотря на то что они выражали противоположные политические взгляды. Противники *Земана* подчеркивали отрицательную роль *Опозиционного договора* между тогдашним премьером и председателем левой ЧПСД (ČSSD) и председателем парламента и правой ГДП (ODS). *Шварценберг* данный политический союз в начале 2000-х гг. тогдашних сильнейших правых и левых партий комментировал, употребив слово *пашалик* как символ власти турков в Средние века на оккупированных территориях: **„Клаус и Земан образовали в Чехии два пашалика“** (ЧТВ-1. 14.1.2013).

После выборов ассоциации между *Земаном* и *Клаусом* вызывала перифраза известной политологической дефиниции, что *война* — это продолжение политики другими средствами: **Земан — это продолжение Клауса другими средствами** (П. 28.1.2013).

Клаус, как показано выше, не скрывал своей поддержки *Земана*. В одном интервью сразу после выборов *Клаус* прокомментировал их результаты известным выражением

первого чешского президента после распада социализма *В. Гавела: Правда и любовь победили ложь и ненависть* (П. 28.1.2013).

В первую очередь это задело побежденного *Шварценберга*, поскольку тот был в свое время канцлером президента *Гавела*, по праву считался его близким сотрудником и соратником в борьбе против тоталитаризма. В адрес *Клауса Шварценберга* заявил: *Хоть чему-то научился у Гавела* (П. 30.1.2013).

10. КТО ЖЕ В КОНЦЕ КОНЦОВ ПОБЕДИЛ? *Шварценберг*, как было сказано выше, назвал *Земана* в предвыборной борьбе *человеком прошлого, а себя человеком современности*. Эти словосочетания приобрели определенную коммуникативную и оценочную функциональность, но не для всех они звучали убедительно. Тем более что *Шварценбергу* 76 лет, и он представитель бывшей дворянской аристократии: *Хуже уже не будет. Земан, человек прошлого, не представляет никаких изменений. А не представлял бы их Шварценберг, человек современности* (П. 28.1.2013).

Еще до президентских выборов в Чехии словаки политики высказывали свои позиции сдержанно и дипломатически говорили, что данные выборы представляют собой дело чешских избирателей и что они выбор чешских жителей примут. Но после выборов некоторые словацкие политики однозначно выразили свое удовлетворение победой *Земана*. Например, словацкий премьер и председатель политической партии *Смер (Направление)* — *социальная демократия* свое мнение выразил такими словами: *Я хочу поздравить Милоша Земана, которого знаю долгие годы и считаю его своим личным другом* (П. 29.1.2013).

Относительно политической дружбы словацкого премьера с новым чешским президентом не было сомнений. Аналогичное мнение было публично высказано и по отношению к французскому президенту *Ф. Олланду*, представителю французских социалистов: *Взаимопонимание будет между новым чешским президентом, Фицо и Олландом* (П. 29.1.2013).

Уже упоминаемый немецкий феномен в биографии *К. Шварценберга* вызвал многообразные комментарии. Очевидно, что заниженная степень его «чешства» сыграла на руку *Земану*, хотя в то же время *немецкие* корни среди сторонников *Шварценберга* оценивались сквозь призму отрицания расизма и этнофобии. Типичным является

следующий пример: *Это напоминает пример бывшего президента Хорватии Ф. Туджмана, который высказал мнение, что для него хорошо, что его супруга не является ни сербкой, ни еврейкой* (П. 30.1.2013).

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В контексте чешских президентских выборов политический дискурс приобрел некоторые своеобразные особенности. На первое место выходит **язык вражды** на фоне иногда почти искусственного деления общества на *левых* и *правых*. Это доказывают **парадоксы**. Ведь *правый Клаус* однозначно поддерживал *левого Земана* против *правого Шварценберга*. Тем самым подтверждается, что политическая борьба в значительной степени приобретает **личные показатели**. Выразительным феноменом политической борьбы являются **исторические прецеденты**, к которым в Чехии принадлежит немецкий вопрос, концентрированный в лингвокультуре *выселение судетских немцев*. Особое внимание заслуживает **язык предвыборной борьбы**. В ее рамках появляются **новые языковые единицы (актуалемы?)**, которые в концентрированном виде кодируют многие характеристики этноколлектива.

На примере исследования чешских президентских выборов 2013 г. можно обнаружить вполне конкретные лингвокультурные показатели соответствующей языковой среды. Поскольку политическая борьба приносит с собой **крайние формы** вражеской коммуникации, то и их языковое отображение расширяет когнитивную картину эпохи данного этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. — М.: Флинта : Наука, 2010.
2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988.
3. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология. Теория и методы. — М.: Наука, 1997.
4. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. — М.: КомКнига, 2006.
5. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002.
6. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. — М.: Academia, 2004.
7. *Сипко Й.* В поисках истинного смысла. — Prešov : FF PU, 2008.
8. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. — М.: Флинта : Наука, 2010.

ИСТОЧНИКИ

9. *Правда* = П. : газ.
10. *ЧВТ-1* = Первый канал Чешского телевидения.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 81'27:811.111
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Е. В. Шустрова Е. V. Shustrova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ПРОЯВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ
АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ
В АМЕРИКАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ**

**BASIC ARCHETYPICAL IMAGES
IN MODERN AMERICAN
POLITICAL CARTOON**

Аннотация. Исследуются основные архетипические образы, которыми действующий президент США и другие ведущие американские политики наделяются в современной американской карикатуре. Описаны основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании карикатурных образов.

Abstract. The paper investigates basic archetypal images that are applied to Barack Obama and other leading American politicians in modern American caricature. We also give examples of transferred meanings, pun, decomposition of set-expressions and analyze images that are deeply rooted in culture. All these form the basis for satire and irony in political cartoons.

Ключевые слова: К. Г. Юнг; архетип; архетипический образ; политический дискурс; политическая карикатура; Барак Обама.

Key words: C. G. Jung; archetype; basic archetypal image; political discourse; political cartoon; Barack Obama.

Сведения об авторе: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.

About the author: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 459.
e-mail: shustovaev@mail.ru.

В этом обзоре мы проследим, как базовые архетипы, выделенные К. Г. Юнгом, преломляются и, возрождаясь, работают в политической карикатуре. Сначала вспомним отправные положения гипотез К. Г. Юнга: «Архетип в себе <...> есть некий непредставимый наглядно фактор, некая диспозиция, которая в какой-то момент развития человеческого духа приходит в действие, начиная выстраивать материал сознания в определенные фигуры» [Юнг http]; «Термин „архетип“ часто понимают неправильно — как означающий некоторые вполне определенные мифологические образы или сюжеты. Таковые, однако, суть лишь осознанные представления, и было бы нелепо полагать, что они с их изменчивостью могут передаваться по наследству» [Там же]; «Архетип проявляется в тенденции формирования этих представлений вокруг одной центральной идеи: представления могут значительно отличаться деталями, но идея, лежащая в основе, остается неизменной. Существует, например, много представлений о братской вражде, но сама идея не меняется» [Там же]; «Архетипы оживают только тогда, когда вы терпеливо пытаетесь разобраться в том, почему они что-то значат для человека и каким образом открывают ему свое значение. ... Сам по себе архетип пуст и чисто

формален — ничего, кроме способности сформировать возможности представления, которая задана априори. Сами представления не являются унаследованными, но лишь формы, и в этом отношении они соответствуют в каждом случае инстинктам, которые также определяются только формой» [Юнг http]; «Субъективное переживание тесно связано с архетипами и осуществляется через выраженные символическим образом определенные универсальные мифологические мотивы или архетипические образы. Последние являются основными компонентами любых религий, мифологий, легенд и сказок всех времен и народов. Архетипические образы присутствуют в снах и видениях, в ряде экстатических переживаний, а также при некоторых психических расстройствах. Встреча с архетипическим образом всегда сопровождается сильным эмоциональным переживанием, сообщающим индивиду чувство надличностной энергии, некоей силы, явно превосходящей индивидуальное эго. Показательными в данном случае являются сопереживания человека в храме или на митинге. ... Теоретически возможно любое число архетипов» [Там же]; «Бесполезно заучивать наизусть список названий архетипов. Они являются комплексами переживаний, вступающих в нашу лич-

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Шустрова Е. В., 2013

ностную жизнь и воздействующих на нее как судьба» [Там же].

К другим важным чертам архетипа можно отнести следующие:

- При отражении в сознательном архетип — структура коллективного бессознательного — получает как концепт, так и символ.
- Архетип является цельной, амбивалентной структурой и имеет позитивный и негативный аспекты, находящие отражение в архетипичных образах.
- Архетип устойчив к попыткам исказить его структуру.
- Архетип обладает чертами, связывающими его с жизнью как процессом, либо элементами таковой; не бывает «оторванных от жизни» архетипов.
- Архетип обладает сильным влиянием на эмоции человека.
- Архетипы обладают собственной инициативой: они заключают в себе определенный способ реагирования. В благоприятной для его проявления ситуации архетип способен порождать мысли и импульсы, таким образом вмешиваясь в нее, возможно, исказить при этом истинные намерения человека. Архетип — самостоятельная область психики.

• В архетипах заключена специфическая собственная энергетика [Юнг [http](#)].

Еще раз подчеркнем, что по К. Г. Юнгу единого перечня архетипов не существует, как не существует и единого универсального списка архетипических образов. Последние варьируются не только в зависимости от эпохи и лингвокультуры, но и от индивида к индивиду. Тем не менее основными архетипами души К. Г. Юнг считал архетипы Тени, Анимы и Анимуса, Старого Мудреца, Самости, Маски (Персоны), Великой Матери. Эти архетипы могут находить реальное воплощение в архетипических образах андрогина, Святого Грааля, Бога, Спасителя, Троицы, ангелов и демонов, трикстера, искусителя, эльфических существ, воды, мирового океана, ветра, огня, дерева жизни, различных растений, животных и птиц, частей тела и т. д. [Юнг [http](#)].

Политическая карикатура тоже во многом строится на мифах, стереотипных представлениях, сплаве образов, персонажей, сюжетных линий, понятий, присущих той или иной лингвокультуре. Поэтому карикатуру, как и любую графику, можно проанализировать с точки зрения конкретных способов проявления архетипических структур. Обратимся к материалу современной американской политической карикатуры.

В результате анализа мы выявили, что из архетипов души в американской карика-

туре на Б. Обаму доминируют следующие: **архетип Тени, Анимы и Анимуса, Старого Мудреца, Самости, Персоны, или Маски, Великой Матери и Дитя**. Рассмотрим возможные архетипические образы.

АРХЕТИП ТЕНИ. Тень — «это архетипическая форма, состоящая из материала, подавленного сознанием; ее содержание включает те тенденции, желания, воспоминания и опыты, которые отсекаются человеком как несовместимые с персоной и противоречащие социальным стандартам и идеалам» [К. Г. Юнг и аналитическая психология]. «Три (рассматривавшихся до сих пор) архетипа — Тень, Анима и старый мудрец — в непосредственном опыте чаще всего выступают персонифицированно» [Юнг [http](#)].

Исходя из описания практического разбора конкретных мифов, видений и снов, приводимых К. Г. Юнгом, можно заключить, что Тень часто проявляется в виде какой-то неприятной личности, антагонистичной ценностям видящего ее человека. В карикатуре на Б. Обаму в качестве персонифицированных архетипических образов Тени появляются **Гитлер и Сталин в одном лице, Че Гевара, Наполеон, Фидель Кастро и Усама бен Ладен**.

Здесь, безусловно, нужно учитывать общекультурные установки. Очевидно, что образ Наполеона Бонапарта несет совершенно разную прагматику для американцев и французов, а следовательно, будет считаться проявлением разных архетипов. В обществе США все эти лидеры воспринимаются как одиозные личности, поэтому, когда их образ накладывается на образ Б. Обамы, основной смысл таков: политические решения, принимаемые президентом, несут прямую угрозу безопасности США, чужды американскому обществу, навязаны извне.

Всем известно, чем закончилась история Третьего рейха и СССР. Это же (исходя из карикатуры) грозит и США, если граждане вовремя не осознают, что ими управляет безумец, маньяк, неспособный на сострадание. Обратим внимание и на образ нашей планеты (рис.1). Хрупкий светящийся шарик на карикатуре легко соотносится с тем же образом в фильме Ч. Чаплина «Великий диктатор». Напомним, что в соответствующем эпизоде диктатор Тормении (название страны образовано от слов *Germany* и *torment* 'муки, источник мучений, орудие пытки'; от последнего слова с помощью конверсии образуется глагол 'мучить, пытать') играет с большим воздушным шаром, воплощающим мир. В результате «игры» мир лопается. Еще один похожий образ мы увидим ниже. Это представление земного шара как

мяча (волейбольного или баскетбольного) в руках политика. С точки зрения теории метафорического моделирования перед нами фреймы двух моделей — «Политика — это игра» и «Политика — это спорт». С точки зрения архетипичных образов в данном случае Тень несет смыслы жестокости, разрушения, апокалипсиса. Кстати, самый популярный персонаж Ч. Чаплина, Бродяга (Tramp), считается ярким проявлением образа трикстера, о котором мы скажем чуть ниже. В «Великом диктаторе» Бродяга появляется последний раз, завершая свою кинематографическую карьеру. Там он становится жителем гетто, цирюльником, как две капли воды похожим на Гинкеля-диктатора. Конечно, этот компонент тоже должен оставить свой след, учитывая популярность фильмов Ч. Чаплина. И карикатура с образом Гитлера привносит не только первое проявление Духа в его страшном, сокрушительном смысле, но и второе проявление в образе трикстера (ср. рис.13).

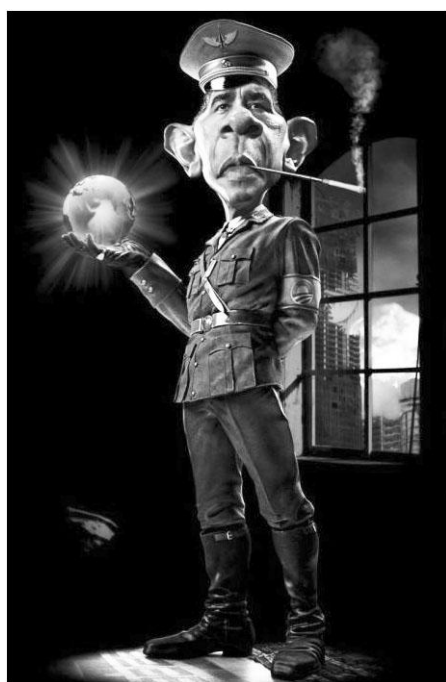

Рис.1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

В случае с Тенью по имени Че Гевара (рис. 2, 3) используется сопоставление с такими элементами внутренней политики Б. Обамы, как увеличение налогов на богатство, уменьшение финансирования определенных областей, что в консервативных кругах воспринимается как стремление ввести практики коммунизма.

Образ Наполеона Бонапарта был зафиксирован в связи с двумя ситуациями: вручением Б. Обаме Нобелевской премии мира и разливом нефти. В первом случае (рис. 4) основу пародирования составляет агрессивный компонент. Он же ложится в основу сопоставления внешней политики США и политики Наполеона. Сложно представить Наполеона Бонапарта в виде первого миротворца.

Во втором случае (рис. 5) используется языковая игра. Б. Обама в образе Наполеона печально признает, что разлив нефти не был его Катриной, он был его Ватерлоо. Здесь можно увидеть и элементы других прецедентных ситуаций, в частности последствия урагана Катрина 2005 г., которые повлияли на голосование против республиканцев, от партии которых ранее был избран Дж. Буш-мл. Последствия Ватерлоо тоже известны. Обратимся к элементам языковой игры. В первой части карикатуры это знаки пунктуации. Восклицательный знак нарисован с таким расчетом, чтобы его можно было

принять одновременно за запятую и точку. Если немного пренебречь правилами грамматики, то получится два прочтения: *The oil spill is not my Katrina!* — *Разлив нефти — это не моя Катрина!* и *The oil spill is not my, Katrina.* — *Катрина, это не я пролил нефть.* Любопытно и слово *Waterloo*. По-английски его можно написать иначе: *water loo*. Так получится уже совсем другое значение — «водяная уборная» или «туалет в воде», т. е. описание результата действий США. Собственные имена допускают еще одно толкование. При произнесении вслух вторую часть слова *Waterloo* воспринимается как уменьшительная форма женского имени *Lou (Lu, Lo)*. Тогда, по аналогии с предложением *The oil spill is not my, Katrina / Катрина, это не я пролил нефть* вторую фразу можно прочитать как *It's my water, Lou!* — *Лу, это моя вода!* Если вспомнить американскую карикатуру начала и середины XX в., то на ум придут образы маленьких негритят, которые, купаясь, превращают воду в чернила [См. подробнее: Шустрова 2012: 176—199].

Еще одна трактовка связана с сокращением LO [load oil] — это 1) нефть, закачиваемая в скважину при гидроразрыве; 2) афрезис *hello*. Получается, что Б. Обама противоречит самому себе, что отражено в игре слов: *Катрина, это не я пролил нефть! Это моя водяная нефть!* Прочитать можно и так: *Разлив нефти — это не моя Катрина! Это мой водный привет!* Зная, что *hello* часто используется для передачи сарказма, иронии, изумления, можно легко предложить, например, такой перевод: *Это мое водное изумление!* Тем не менее учтем, что *hello* не эквивалентно русскому *привет* в значении «Вот и все, каюк!».

Образ Усамы бен Ладена (или места, которое он должен был занимать) появляется в период выборов 2012 г. для обозначения безусловных успехов Б. Обамы в борьбе с террористом № 1 (рис. 6, 7). Об этом было особенно важно напомнить после появившихся в разгар президентской гонки репортажей о том, что человек, тело которого предъявляли в качестве тела Усамы бен Ладена, на самом деле был кем-то другим. В период первой президентской кампании Б. Обамы трактовка этого образа была совсем иной (см. ниже).

Карикатура с образами Б. Обамы, Фиделя Кастро — личности, глубоко ненавистной в США, — Микки-Мауса и Гомера Симпсона представляет собой совмещение проявлений архетипа Тени в ее первом (одиозном, пугающем) и втором (смеховом) варианте (рис. 8). Все три действующих персонажа входят в команду президента и занимаются вопросами экономики США. Понятно, как

этим вопросами может заниматься Фидель Кастро, преемник и соратник Че Гевары. Милый Симпсон давно стал синонимом придурка. Он непроходимо глуп, неспособен сконцентрироваться, патологически ленив и склонен к алкоголизму. Ему также присущи приступы взрывного, беспричинного гнева, когда он готов убить своих домочадцев. Вторичные значения, которые появились в современном английском у имени *Mickey Mouse* — 1) несерьезный; маловажный, ненужный; 2) пошлый, сентиментальный (о поп-музыке); 3) чересчур подробный, мелочный; 4) муровый, дурацкий (сленг). Обратим внимание, что Микки-Маус сидит прямо напротив Б. Обамы, становясь его своеобразной тенью. Не мешает напомнить и о том, что изображения Микки-Мауса изначально были пародией на актеров «Шоу менестрелей» и основывались на стереотипном пародийном восприятии афроамериканца.

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Второе возможное воплощение архетипа Тени мы уже упомянули. Это образ, противоположный образу героя — образ **трикстера**. Трикстер — «плут, веселый обманщик, шут, двойник, злобный проказник, пересмешник, мастер перемен и разрушитель стереотипов» [Гендикова, Ракитина 2008: 172].

В работе «О психологии образа трикстера» К. Г. Юнг пишет: «Здесь трикстер представлен противоречивыми тенденциями бессознательного и в некоторых случаях — подобием второй личности детского или подчиненного характера, похожей на личности, которые заявляют о себе на спиритических сеансах и типичны для полтергейста. Я думаю, что нашел подходящее определение для этого компонента характера, когда назвал его Тенью. На культурном уровне он воспринимается как личные ошибки, или промахи, которые затем рассматриваются как дефекты сознательной личности. Мы уверены, что в карнавальных и им подобных обычаях мы находим пережитки коллективного образа Тени, которая доказывает, что личная Тень частично коренится в коллективной фигуре сознания. Эта коллективная фигура постепенно разрушается под воздействием цивилизации, оставляя в фольклоре следы, которые трудно распознать» [Юнг http].

Данный персонаж неизменно присутствует в так называемом плутовском романе. «В рекламе архетип трикстера используется для создания образа свободной, не сдерживаемой никакими условностями, не подчиненной разуму личности, в которой сильно игровое и бунтарское начало» [Чистова 2011: 398].

Что касается афроамериканского дискурса в целом, то для него трикстер — один из самых популярных и частотных персонажей. Афроамериканский трикстер имеет свои особенности. В афроамериканский дискурс он приходит из легенд Африки, в том числе преданий религиозного характера, связанных с богом Езу. В европейской традиции ближе всего к нему стоит Гермес. Езу призван исполнять роль посредника между высшим божеством и миром людей. В ряде легенд он сливается с образом обезьяны. Именно в этом трансформированном образе он предстает в афроамериканском фольклоре и верованиях. Напомним, что в афроамериканской художественной литературе и песенном творчестве трикстер воплощает безобидную возможность психологической самореабилитации без реальной угрозы обществу, закону и порядку. Это то, что мы видим в языковом материале. В графическом все несколько иначе: нарушения запретов несут угрозу обществу. Так, Б. Обама изображен в образе мошенника, весело исправляющего факты своей биографии (рис. 9) или же проматывающего деньги будущих поколений американцев (рис. 10). Здесь сливаются две традиции — белая и афроамериканская. Так появляются изображения ловкач, который представляет угрозу обществу.

Некоторые карикатуры, выполненные с опорой на этот образ, носят ярко выраженную расовую окраску. Например, «новое» свидетельство о рождении Б. Обамы (рис. 11) гласит, что его мать зовут *Batty McNativist*, а отца — *Rabid Nutburger*.

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Это — намек на попытку ряда консерваторов после выборов 2008 г. доказать, что Б. Обама не имел права избираться на высший пост, потому что он не гражданин США, а кениец. Показательны имена «родителей». *Batty* — сумасшедшая, *McNativist* — средне-статистическая дама, преследуемая страхами на расовой почве. Что касается имени «отца», то необходимо вспомнить, что слово *Rabid* отсылает к фильму ужасов «*Rabid*» (1977 г.), посвященному созданию вампира, который поражает своей жаждой крови все население города. Кроме того, прилагательное *rabid* означает '1) бешеный; 2) неистовый, яростный; фанатичный', а в качестве медицинского термина — '1) относящийся к бешенству; 2) страдающий бешенством'. Па-

раллельно с этим используется прием языковой игры, построенный на близком по звучанию и графике оформлении двух лексем: *rabid* и *rabbit*. Последнее слово нередко используется в качестве унижительного прозвища афроамериканцев. Фамилия «родителя», *Nutburger*, имеет следующие значения: 1) a person with a shaky grasp on reality; a person with disruptive responses to life's situation; one who reacts extremely to life's minor annoyances; 2) someone who holds a theory that is so dubious as to incite derisive laughter from those who hear it. Таким образом, «отца» зовут «„черный“ Вампир-психопат».

Вторая подобная карикатура связана с образом Езу, который управляет четырьмя обезьянками, воплощающими граждан США

(рис. 12). Над обезьянками навис тяжелый камень государственного долга, который вот-вот их прикончит. А Езу-Обама, находясь в безопасности, пытается истолковать волю богов по орехам Ифы. В нашей лингвокультуре это аналогично гаданию на кофейной гуще: прогноз будет столь же неопределен и ненадежен. Сам Б. Обама, действительно, нередко прибегает к тому, что приписывалось Езу, но далеко не к гаданию. Это искусство *signifyin'* (*signifying*), которое связано с афроамериканской устной традицией [См. подробнее: Шустрова 2007, 2010: 77—91.] У Б. Обамы *signifying* принимает форму ссылок и намеков, с одной стороны, на дискурс других американских президентов, на их опыт и устремления, с другой — на собственные более ранние обращения. В то же время Б. Обама выступает в роли истолкователя воли других президентов США. В результате с точки зрения риторики возникают эффект полной преемственности и оправданности действий сегодняшнего президента с учетом уже пройденного пути, основанный на логике, и эффект единого речевого пространства.

Уже упомянутый Бродяга обретает в карикатуре новую жизнь. Если вспомнить фильмы Ч. Чаплина, это очень трогательный, неунывающий герой, всегда призывающий к миру, радости, новым дорогам. Он помог выжить многим американцам и сделал Ч. Чаплина легендой мирового кинематографа (интересно, что сам Ч. Чаплин даже не имел американского гражданства — он был подданным Великобритании).

С одной стороны, этот персонаж можно воспринимать как символ успеха. С другой стороны, Бродяга — достаточно безответственный тип, не имеющий ни нормальных (в традиционном американском представлении) условий жизни, ни стабильной зарплаты, причем часто он и не стремится долго удержаться на каком-то месте. Его судьба — дорога. Его вид нелеп, при всех стараниях выглядеть джентльменом. Разве может такой смешной человек занимать пост президента США? Да и чем закончилась жизнь самого Ч. Чаплина в США, тоже не секрет. Его обвинили в симпатии к коммунизму и выдворили из страны из-за нежелания снимать кино в соответствии с политическими установками США. С учетом всего этого в карикатуре можно усмотреть уже знакомый элемент чуждости, несогласия с политическими традициями, приводящего к остракизму.

На наш взгляд, еще одна трансформация образа трикстера наблюдается в карикатурах с куклой, в частности с Пиноккио — аналогом Буратино. Пиноккио (персонаж книги Карло Коллоди «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы») в западной литературной традиции — один из ярких примеров трикстера. Когда образ куклы соединяется с Б. Обамой, подспудно возникает связь не только с легкоуправляемой марионеткой, но и с чертами трикстера, от которого можно ожидать чего угодно (рис. 14). Правда, представление политика в образе куклы далеко не ново и в карикатуре может использоваться для изображения не только Б. Обамы, но и других ключевых игроков американской политической сцены (рис. 15).

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Еще один персонаж, призванный напомнить и о трикстере, и о кукле (марионетке) — это совершенно оторванное от реальности существо: обкуренный робот, пребывающий в своих иллюзиях (рис. 16, 17).

Другой роботообразный персонаж способен только на две вещи: «невыносимо долго принимать решения» и «красиво говорить» (рис. 18). На этом таланты заканчиваются.

Сходен с ним и попрыгунчик на лужайке перед Белым домом (рис. 19).

АРХЕТИП АНИМЫ или АНИМУСА. Чувственное начало — вот с чем, в крайне упрощенной форме, связан этот архетип. Его проявления включают образы языческих богов, змия-искусителя, русалок, духов, домовых, леших, сирен, т. е. таких персонажей, кото-

рые характеризуются отношением к полу или соблазняют, заманивают.

Нам кажется, что традиционный для культуры США образ супермена можно рассматривать как вариант архетипического образа Анимуса, особенно если принять во внимание, что его дополняет женский образ, т. е. парная Анима.

Было бы странно, если бы президент США предстал исключительно в образе больного или юродивого. Б. Обама — привлекательный мужчина, и это не могло не сказаться на его графических изображениях. Обычно это или супермен как таковой или некто, похожий на Джеймса Бонда, или покоритель женских сердец, или откровенный мачо. Кстати, образ супермена примени-

тельно к Б. Обаме далеко не всегда несет положительную прагматику. Нередко наблюдаются преобразования исходного образа, и мы получаем супермена-вампира, супермена-гоблина, супермена — безжалостного убийцу и т. д. (рис. 20, 21). В качестве его жертв может выступать прекрасная мисс Америка, статуя Свободы, нормативный синтаксис и стандартное американское произношение (см. ниже). Это в полной мере соотносится с характерным для архетипа наличием двух сторон — светлой и темной.

Рис. 20

Рис. 21

В то же время обратим внимание на то, что К. Г. Юнг включает в архетипические образы анимы и анимуса эльфических существ и языческих богов и полубогов. Эльфы, появляющиеся у скандинавских племен, являются трансформированными под влиянием христианства языческими богами альвами, жертвоприношения которым было принято совершать во время зимнего солнцестояния [Буайе 2012: 307]. Скорее всего, аналогичный процесс происходил на Британских островах либо под влиянием скандинавских набегов и завоеваний (период с 8 июня 793 г., когда разграбили аббатство Линдисфарн в Нортумбрии, до 25 сентября

1066 г. — дня битвы при Стамфорд-Бридже), которые совпадают с широким распространением христианства, либо независимо, что демонстрирует сходство этих германских племен. Эльфы в фольклоре далеко не самые безобидные существа. На Британских островах их роль меняется в зависимости от территории. Они могут, конечно, просто резвиться, пить молоко или нектар, помогать людям и награждать упорных, бесхитростных и трудолюбивых, но нередко они пугают людей, предвещают смерть, крадут или подменяют детей. В сказках легко можно найти описания подменышей: у них старческое личико, искривленное тельце, неразвитые конечности. Считалось, что, мучая подмышка, который на самом деле вовсе не ребенок, а престарелый эльф или фейри, можно заставить злых духов вернуть украденное дитя. К сожалению, это приводило к садизму в обращении с детьми-инвалидами, которых принимали за подмышкой [Коунти, Харса 2011: 120]. К эльфам могут относиться и гоблины, т. е. образ супермена-вампира или гоблина — это проявления темной стороны анимуса.

Обратимся сначала к относительно положительным образам. Образ уверенного в себе мачо, находящегося в гораздо лучшей форме, чем Дж. Маккейн, представлен на рис. 22. Каких-то дополнительных пояснений эта карикатура не требует — сексуальный архетипический образ налицо.

На карикатуре 23 торжествующий Б. Обама сметает с плеча своих мелких, насекомоподобных оппонентов.

Рис. 22

Рис. 23

Карикатура относится к периоду первой президентской кампании Б. Обамы, когда, желая отдать ему должное, сенатор Дж. Биден назвал своего конкурента *articulate*. Худший промах трудно представить, и это немедленно вызвало бурю негодования в американском обществе. Дело в том, что афроамериканцев часто называют *inarticulate*, чем подчеркиваются фонетические особенности, ряд грамматических отличий и даже особые когнитивные модели и менталитет. В прямых значениях *inarticulate* — это 'невнятный, невразумительный, нечленораздельный', 'неразборчивый (о речи)', а также, в метонимическом значении, 'немой, онемевший; потерявший способность артикулировать'. Применительно к афроамериканцу это синоним слова «тупой», только с сильнейшей расовой подоплекой. Таким образом, желая похвалить риторику своего оппонента и пытаясь сказать: «У этого парня хорошо подвешен язык! Он очень убедителен!», Дж. Биден попросту брякнул: «А Обама не негритос!» После этого инцидента Б. Обама обратился к американскому обществу и, как отмечали лояльно настроенные комментаторы, *brushed Biden's dirt off his shoulder* — *смахнул грязь Бидена со своего плеча*. Сделал он это в своей обычной манере, вновь обратившись к афроамериканским риторическим приемам и умело используя свой тембр голоса, который у Б. Обамы иногда приятно напоминает афроамериканских певцов. Именно эта особенность обыгрывается на рис. 24. Из уст присягающего Б. Обамы несутся слова: *Culture. Race. Empathy. Gender. Love. Dreams. Hope. Emotion. Tenderness. Touchy. Feely.* — *Культура. Раса. Эмпатия. Пол. Любовь. Мечты. Надежда. Чувства. Нежность...*, а вот последние два слова буквально перевести достаточно сложно. Они значат примерно следующее: «Почувствуй, детка, как тебе хорошо!» При этом он нежно поглаживает по спине стоящую рядом даму, вводя ее в полный транс и заставляя позабыть обо всем, в том числе и о Конституции США. В целом карикатура беззлобна и призвана лишь подчеркнуть особенности харизмы Б. Обамы, не в последнюю очередь речевые.

Известная ученый-креолист Ж. Смитерманн издала в 2012 г. монографию под названием «*Articulate While Black*». Название явно обыгрывает уже упомянутый казус Дж. Бидена. В самой монографии приводится ряд доказательств проявлений афроамериканских особенностей в риторике Б. Обамы. Как утверждает автор, именно эти особенности сослужили Б. Обаме хорошую службу: *Barack Obama's mastery of White*

mainstream English ways of speaking, or "standard" English, particularly in terms of syntax, combined with his mastery of Black Culture's modes of discourse, in terms of style, was an absolutely necessary combination for him to be elected America's first Black president. ... By combining these two experiences, Obama was able to appeal to a larger audience of people. Whites did not feel alienated by his language and Blacks felt a sense of familiarity with his speech pattern. — Мастерское владение „белой“ риторикой, стандартным английским, и особенно стандартным правильным синтаксисом, в сочетании с мастерским владением афроамериканскими дискурсивными практиками, и особенно стилем, стали той необходимой комбинацией, которая и позволила Б. Обаме стать первым президентом-афроамериканцем. ... Соединив эти две практики, Обама смог обратиться к более широкой аудитории. Белые не чувствовали, что такая речь им чужда, а афроамериканцы узнали свои речевые особенности [Alim, Smitherman 2012: 20—21].

Рис. 24

Возвращаясь к нашей карикатуре (рис. 24), вспомним, что афроамериканские политические деятели и ораторы, особенно мулаты, нередко были предметом вполне чувственных желаний со стороны белых дам, которые в 1960-х гг. видели в таких мужчинах нечто экзотическое и были увлечены именно голосом оратора. Позднее элемент экзотики отходит на второй план, а главными остаются очаровывающие интонации. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к работам У. Э. Б. ДюБуа, Р. Райта, Дж. Болдуина, Л. Хансберри, М. Анджелоу и т. д. Этот факт ложится в основу многочисленных шуток; одна из подобных ситуаций приводится в уже упомянутой монографии Ж. Смитерман. Действие происходит в вымышленной политической кофейне накануне выборов 2008 г. Белая посетительница-избира-

тель, заказывая очередной коктейль-политика, говорит бармену: *I'd like to order a "Black man" please, with lots of cream, some chocolate and plenty of milk, oh, and with as little detectable "Negro dialect" as possible.* — Я бы хотела заказать „Черного“, добавьте побольше сливок, немного шоколада, много молока, ах да, и совсем чуть-чуть негритянской речи [Там же: 36]. Смысл шутки станет понятен, если вспомнить, что молочные продукты ассоциируются в американской культуре с белым населением, шоколад — с афроамериканцами, а лексема *black* входит в словосочетание *black coffee* — *черный кофе*; последний часто используется в коктейлях.

Б. Обама, напоминающий другого знаменитого покорителя женских сердец, агента «007», представлен на рис. 25. Карикатура не несет выраженных отрицательных смыслов. Превалирует уверенность в себе, владение ситуацией, харизма.

Перейдем к менее приятным образам, к результатам карнавализации (по М. М. Бахтину). К переиначенному таким образом проявлению архетипа Анимуса можно отнести карикатуры, где Б. Обама изображается

суперменом. Последний предстает в необычной функции или роли. В частности, на рис. 26 супермен-Обама нахваливает когти Росомахи (Wolverine) — мутанта, традиционно относимого к антигероям. Надпись на супероружии Б. Обамы позволяет заключить, что он заигрывает с избирателем-Росомахой, пытаясь встать с ним по одну сторону баррикад. Здесь не помешает вспомнить, что Росомаха (Wolverine) — это прозвище жителя штата Мичиган.

В самом мягком варианте переиначенный супермен выглядит слабым, не способным справиться с проблемами, придти на помощь, что контрастирует с привычным героем. На рис. 27 Б. Обама лишен магической способности летать — он вынужден голосовать, чтобы его подбросили до места разлива нефти. Понятно, насколько быстро он прибудет на место катастрофы. На рис. 28 супермена-Обаму можно только пожалеть — его активность и призывы помочь безработным и спасти экономику не находят сочувствия у слона-республиканца, который просто тормозит все действия горесупермена.

Рис. 25

Рис. 26

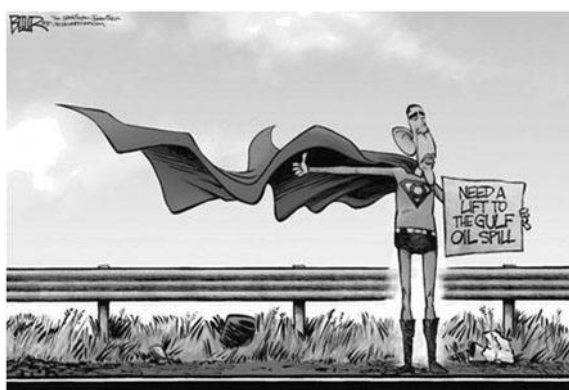

Рис. 27

Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

В более агрессивных вариантах супермен-герой превращается в антигероя, демонстрирует черты трикстера. Образ вампира мы уже видели. Посмотрим на иные похожие образы. На рис. 29 прекрасная белокурая женщина становится жертвой супермена-варвара, который изначально должен ее защищать. Интересно, что женский образ напоминает амазонку, воплощая США в целом, показывая боеготовность страны, ее умение противостоять действиям супермена-оборотня.

Еще один образ — это гоблин, губящий своих пленников по имени Синтаксис и Грамматика (рис. 30). Насколько предвзят и неоправдан этот образ применительно к Б. Обаме, можно судить по свидетельствам, приведенным выше.

К архетипическому образу Анимуса можно отнести и такого волшебного персонажа, как Санта-Клаус. Считается, что Санта-Клаус — трансформированный образ святого Николая Мирликийского, т. е. первоначально он ближе к проявлениям архетипа (Старого) Мудреца или Духа. Но согласитесь, что сегодня у него другая роль и внешность. Одними из первых изображений Санта-Клауса в Северной Америке считаются рисунки Томаса Наста (сер. XIX в.). Художник сам стал прообразом для внешности Санты. На этих рисунках Санта больше похож на толстого эльфа в шубке. Кстати, в Альпах его нередко сопровождает антипод в лице Крампуса — злого демонообразного существа, забирающего и съедающего на Рождество (или топящего в море) непослушных детей. Чем не злой эльф или гоблин, сопровождающий доброго (по случаю праздника) собрата?

Применительно к Б. Обаме снова наблюдается карнавализация. Беспомощный Санта-Клаус-Обама (рис. 31) не способен совершить чудо и порадовать избирателей подарками в виде увеличения процентных

ставок по вкладам, спокойствием на фондовой бирже и других финансовых прибавлений к семейному бюджету. В качестве ответа на грустный вопрос неумеха Обама изрекает свой видоизмененный предвыборный лозунг: вместо *Yes, we can!* — *Да, мы можем!* доносится *No, I can't!* — *Нет, я не могу!*

Рис. 32

Можно найти и другую пару, напоминающую Св. Николая и Крампуса. На картине 32 Дж. Буш больше напоминает гоблина, т. е., если исходить из фольклорной трактовки, злого духа, пакостливое существо, часто имеющее вид карлика или (по Ч. Диккенсу) обитающее на кладбищах и появляющееся в виде прозрачных, расплывающихся призраков. Кстати, чем-то он похож и сенатора Дж. Маккейна. То, что это действительно Дж. Буш-мл., а не Дж. Маккейн, можно заключить по букве W на шутовском колпаке — полное имя 43-го президента США George Walker Bush. Сходство с Дж. Маккейном призвано показать их политическое единство. Здесь главное достоинство Б. Обамы сформулировано так: «Я не

ОН» и «Он заставит ЕГО уйти». Кроме того, в вербальном компоненте применительно к Б. Обаме использованы лексемы *smart* 'умный, живой, энергичный' и *charismatic* 'харизматичный, обаятельный'. В этом проявляются светлая и темная сторона архетипа Анимуса.

АРХЕТИП СТАРОГО МУДРЕЦА или Духа часто воспроизводится в виде образа известной личности или мага, дающего некую чудесную власть или способности, бессмертного демона, воды. В карикатуре на Б. Обаму основным образом для его собственного перевоплощения становится пророк Мухаммед. Поясним, почему мы считаем этот образ проявлением данного архетипа. Работы К. Г. Юнга относят Бога и Иисуса к проявлениям другого архетипа, а именно Самости, как образы, воплощающие порядок, уравновешенность и высшее проявление индивидуальности, к которому не способен земной человек. Исходя из этого, пророк Мухаммед тоже должен быть отнесен к проявлениям архетипа Самости. Однако в данном случае мы имеем дело не с религией — исламом, а с восприятием пророка Мухаммеда в североамериканском обществе, в котором доминирует христианство. Здесь пророк Мухаммед и Будда ближе к Мудрецам, не воплощают высшее проявление гармонии и индивидуальности.

Рис. 33

Рис. 34

Высокопочитаемый в афроамериканской диаспоре пророк Мухаммед используется в политической карикатуре только с одной целью — показать чуждость президента обще-

ству США, в котором доминирует христианство (рис. 33). Подобные рисунки намекают на многочисленные статьи враждебного толка, где страницы жизни Б. Обамы, связанные с исповеданием ислама, пытались переписать с точки зрения принадлежности к радикальным террористическим организациям типа Аль-Каиды. В этом же духе в первый президентский срок Б. Обамы были выдержаны карикатуры с использованием образа террориста № 1 (рис. 34), что возвращает нас к архетипу Тени.

Архетип Духа может использоваться в карикатуре несколько иначе. Б. Обама может оставаться самим собой, а рядом с ним предстают другие политические лидеры, сыгравшие большую роль в политической жизни США. При этом снова происходит карнавализация исходного образа, его трансформация. В качестве наиболее популярных персонажей назовем А. Линкольна, М. Л. Кинга-мл., Дж. Кеннеди, Дж. Буша-мл. Обычно ставка делается на преуменьшение усилий и значимости Б. Обамы, хотя карикатуры с Дж. Бушем-мл., как правило, построены на обратном эффекте — это Дж. Буш еще более опасен, уродлив, безмозгл, чем Б. Обама, выполняет роль Тени или Трикстера.

На рис. 35 крохотный черный Б. Обама благодарит беломраморного исполина А. Линкольна. Предположительно слова благодарности звучат в первую очередь за освобождение рабов, что якобы в 2008 г. позволило Б. Обаме занять пост президента США, т. е. в какой-то мере сместить самого А. Линкольна. Интересно, что произносится не привычное *Thank you!*, а французское *Merci!*.

Рис. 35

Это отсылает к Лерою (рис. 36) — стереотипному образу афроамериканца, который не раз становился предметом осмеяния из-за своего желания прослыть образцовым человеком. В речи Лероя не редкость слова французского происхождения. Беда только в том, что он принимает за европей-

ский французский креольские разновидности на его основе. Его речь претендует не только на грамотность, а еще и на начитанность и изысканность оборотов. Его предложения изобилуют сложными синтаксическими конструкциями, но его выдает фонетика и подбор слов. Применяя причастные конструкции, он одновременно забывает, что глагол *to be* надо спрягать (типичная особенность сниженного афроамериканского английского — это отсутствие глагола-связки или нужной формы). Лерой старается быть опрятно и даже щегольски одетым, но вкус подводит его и здесь. Он смешон в своем желании быть похожим на белого. Лерой иногда бывает с темным оттенком кожи. Чаще он мулат или квартерон, но с достаточно четко выраженными негроидными чертами. Он немолод, часто лыс или плешив, щуплый, невысокий. У него очень крупные, вывернутые губы, постоянно растянутые в дурацкой улыбке, сильно выдающийся бугристый лоб, приплюснутый нос, плохие, широко расставленные, крупные, выдающиеся вперед зубы. Он считает себя неотразимым для дам, но никогда не пытается приблизиться к белой женщине. Ему гораздо более по вкусу совершенно темные крупные вульгарные дамы. Подчеркнем, что мы описали Лероя «белой» карикатуры и «белого» анекдота.

На следующей карикатуре (рис. 37) из самых задних рядов толпы, собравшейся на инаугурацию Б. Обамы в 2008 г., раздается голос А. Линкольна: *I may not have the best view* — *Возможно у меня не самое удачное положение / Возможно у меня не самый лучший вид*. Эти значения можно связать с поражением Республиканской партии, от которой был в свое время избран А. Линкольн. Затем статуя продолжает: *But I have the best seat*. Чтобы понять эту фразу, нужно сравнить первое и переносные значения лексемы *seat*. Помимо места, сидения, она может означать место, членство на фондовой бирже, место в сенате, избирательный округ, опору. Таким образом,

Рис. 36

А. Линкольн заверяет, что у него (а значит, и его партии) не только лучшее место, но и лучшие избиратели и лучшая финансовая и политическая поддержка.

На следующей карикатуре (рис. 37) из самых задних рядов толпы, собравшейся на инаугурацию Б. Обамы в 2008 г., раздается голос А. Линкольна: *I may not have the best view* — *Возможно у меня не самое удачное положение / Возможно у меня не самый лучший вид*. Эти значения можно связать с поражением Республиканской партии, от которой был в свое время избран А. Линкольн. Затем статуя продолжает: *But I have the best seat*. Чтобы понять эту фразу, нужно сравнить первое и переносные значения лексемы *seat*. Помимо места, сидения, она может означать место, членство на фондовой бирже, место в сенате, избирательный округ, опору. Таким образом, А. Линкольн заверяет, что у него (а значит, и его партии) не только лучшее место, но и лучшие избиратели и лучшая финансовая и политическая поддержка.

А вот карикатура с А. Линкольном и М. Л. Кингом уже явно нарисована в поддержку Б. Обамы (рис. 38). В ее содержании использован не только архетип Духа в лице двух легендарных личностей, павших жертвой политических преступлений, но и намек на прецедентный текст — культовую речь М. Л. Кинга «I Have a Dream» — «У меня есть мечта». Этот текст политического обращения не раз становился основой для аллегорий самого благородного толка. Название этого выступления многократно обыграно в афроамериканской литературе второй половины XX в. В данном случае, глядя с небес на первого президента-афроамериканца, А. Линкольн обращается к М. Л. Кингу со словами: «Это не мечта, это не сон». Единственный едкий компонент, без которого не может обойтись ни одна карикатура — слишком оттопыренные уши Б. Обамы, что делает его похожим на Микки-Мауса.

Рис. 37

Рис. 38

Рис. 40

Рис. 39

Рис. 41

Карикатура 39, с одной стороны, вводит архетип Духа в образах Дж. Вашингтона, А. Линкольна, Дж. Кеннеди, Р. Рейгана и Дж. Буша-мл. С другой стороны, обращаясь к Б. Обаме, пишущему очередное обращение, со словами: «Эй! Говори от своего лица!», карикатурный Дж. Буш намекает на уже описанный выше прием, характерный для речей Б. Обамы. Это *signifying*, т.е. аллюзии на дискурс других американских президентов, и свои собственные обращения. Если все остальные президенты так или иначе склонны пожалеть Б. Обаму, то Дж. Буш, который был известен своими речевыми несуразицами, упрекает Б. Обаму в политической несостоятельности. Кстати, любопытно, что сам Дж. Буш на карикатуре только претендует на архетип Духа: в отличие от других президентов, он не портрет и не статуя, а вполне реальный и в достаточной мере непривлекательный персонаж, стремящийся войти в историю наравне с остальными бывшими президентами США, т. е. их Тень.

АРХЕТИП САМОСТИ. Архетип Самости проявляется в «символах целостности, единства, примирения противоположностей

и динамического равновесия — целей процесса индивидуации» [К. Г. Юнг и аналитическая психология]. Это может быть образ Бога Отца или Бога Сына. В графике архетип Самости проявляется в форме круга или мандалы.

Эти образы в карикатуре наделяются либо смешными и жалкими, либо агрессивными чертами, что позволяет показать обратное: сам Б. Обама искренне верит в свою богоизбранность, но он смешон или опасен в этой роли.

На рис. 40 мы видим, насколько легкомысленно президент обращается с планетой Земля. В его руках она больше напоминает баскетбольный мяч, подвластный только его воле. Кстати, это роднит данный образ с карикатурами, на которых Б. Обама предстает в роли бесшабашного и «не изуродованного интеллектом» баскетболиста (ср., например, рис. 41).

На рис. 42 Б. Обама «потеснил» самого Христа, которому ничего не остается, как отложить свое воскресение, пока лже-Мессия не закончит свою проповедь. Рис. 43 обыгрывает библейское описание одного из

чудес Христовых, но вместо Иисуса по воде шествует Б. Обама. Только, в отличие от Иисуса, Б. Обаме есть на что опереться — это «вина белых либералов».

Рис. 42

Рис. 43

Рис. 44

Трансформацию ветхозаветной притчи и сюжета фрески Микеланджело представляет собой изображение сотворения не Адама в образе Э. Блэра, а, наоборот, Бога-Обамы Адамом-Блэром (рис. 44). Сразу возникает мысль о зависимости такого божества, его уязвимости. Насколько «хорошо поступил» Э. Блэр, сотворив такого бога, — вопрос риторический, что отражено во фразе *Blair*

“does” god, обыгрывающей выражение *to do good* — 1) быть (очень) полезным, приносить (большую) пользу кому-либо или чему-либо, приносить облегчение, помогать кому-либо или чему-либо; 2) (очень) порадовать кого-либо; 3) заниматься благотворительностью; делать добрые дела.

На всех этих изображениях проявления архетипа Самости сближаются с архетипом Тени и Трикстера.

АРХЕТИП ПЕРСОНЫ, ИЛИ МАСКИ. Приведем определения К. Г. Юнга и его последователей: «Маска — это функциональный комплекс, возникающий для удовлетворения потребности в адаптации или для обеспечения некоторых других удобств, но отнюдь не идентичный личности как таковой» [Юнг http]; «Наша персونا является внешним проявлением того, что мы предъявляем миру. Это характер, который мы считаем приемлемым; через него мы взаимодействуем с другими» [К. Г. Юнг и аналитическая психология].

Подобно театральной или ритуальной маске, этот архетип призван воплотить ту внешнюю оболочку с сопутствующими ей чертами, которую мы «надеваем» под влиянием обстоятельств, наших устремлений, желаний и т. п. Исследование С. С. Чистовой показало, что с использованием архетипа Маски рекламируются парфюмерные и косметические средства, которые позволяют скрывать истинную сущность и перевоплощаться в другого человека [Чистова 2011].

Рис. 45

Материал карикатуры показывает, что маска у карикатурного Б. Обамы весьма непривлекательная. Это паяц, апеллирующий к трикстеру или Арлекину (рис. 45). Кстати, Арлекин в европейской культуре изначально носил ярко выраженные негроидные черты. Таким образом, автор карикатуры намекает на расовую составляющую, усиленную гипертрофированием негроидных черт у Б. Обамы. Вторая маска — это вновь вампир-нищенка, оборотень, которого не берут пули (рис. 46).

Рис. 46

АРХЕТИП Великой Матери и Дитя. Проявления этого архетипа при изображении Б. Обамы во многом продиктованы двумя хорошо известными моделями американского политического дискурса: «Модель Строгого Отца» и «Модель Воспитывающего Родителя» [См. подробнее: Лакофф 2004]. Дискурсу Демократической партии, от которой избирался Б. Обама, присуща вторая модель. В карикатуре это выражается в образе малолетней няньки (рис. 47), которая едва дотягивается до ручки коляски со вполне взрослым и агрессивным бизнесом США. Возникает вопрос, насколько уместна такая роль для ребенка-Обамы, насколько он может нести ответственность за страну и не потакать желанием своего подопечного.

Рис. 47

Вторая карикатура подобного плана (рис. 48) относится уже к внешней политике США. Здесь Б. Обама выступает в роли отцом-преемника и приемного отца последствий внешней политики Дж. Буша-мл., породившей жуткого малыша по имени Война в Афганистане. Поскольку карикатура относится к периоду второй избирательной кампании (2012 г.), она, скорее, иллюстрирует то, что теперь и сам Б. Обама повинен в агрессии США и несет ответственность за по-

следствия подобной политики: малыш уже не просто усыновлен, он целиком принадлежит президенту.

Рис. 48

Рис. 49

Одним из проявлений архетипа Великой Матери может являться мотив или образ конца, апокалипсиса, приводящего к великому возрождению или новому рождению. Еще один популярный архетипичный образ — это дерево жизни.

Архетипичный образ мирового дерева появляется в карикатурах о создании самого Б. Обамы как политика. Обращение к архетипичному образу апокалипсиса продиктовано экономическим кризисом, разразившимся непосредственно перед вступлением Б. Обамы в должность президента США в 2008 г. (рис. 49). На карикатуре можно увидеть и использование хорошо известных сюжетов о герое, несущемся по волнам бушующего океана или попавшем в утробу чудовища, огромной рыбы (ср. предания о потопе и Ноевом ковчеге, «Сказку о Царе Салтане», «Конька-Горбунка» и др.), относимых К. Г. Юнгом к проявлениям архетипа Великой Матери. Только, в отличие от мифов и сказок, где герой заключен в ковчег, ларец, бочку и другие емкости, напоминающие утробу матери и служащие защитой, наш герой бесшабашно несется по бушующим

волнам на совершенно ненадежной доске для серфинга.

Близка к идее Всемирного потопа и карикатура с «ужасающей реакцией», напоминающей оползень в песочных часах мира (рис. 50). В этот оползень неизбежно скатываются мировая экономика, стабильность и все предупреждения мирового сообщества. Если вернуться к терминологии Дж. Лакоффа, то одновременно с метафорой конца, апокалипсиса здесь используется театральная метафорика. Она проявляется в значениях лексем *dramatic* и *backdrop*. Первая может значить 'драматический; драматургический, театральный; драматичный, драматический; резкий, существенный (об изменениях); волнующий, яркий, потрясающий'. Вторая лексема, помимо «реакции, отклика», может означать «фон, заднюю часть декораций, задний план». Поэтому сочетание *Such a dramatic backdrop!* можно прочесть еще и как *Какой яркий/волнующий/драматичный фон (для церемонии инаугурации)!*

Анализ образов, воплощающих архетипы в карикатуре на Б. Обаму, позволяет говорить о преобладании негативной прагматики, нацеленной на создание образа чужого, врага, человека безответственного и неадекватного, не умеющего принимать правильные, взвешенные решения и, как следствие, ведущего страну к хаосу. Это не мо-

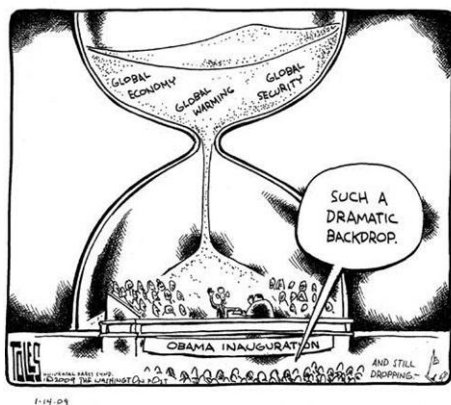

Рис. 50

Рис. 52

жет не создать «нужный» настрой у потенциального реципиента. Тем не менее стоит отметить, что такая негативная прагматика характерна и для карикатуры на других известных политических лиц США. Еще одна особенность: если сопоставить карикатуры первого президентского срока Б. Обамы с аналогичными изображениями накануне выборов 2012 г., можно легко заметить, что негативная прагматика снизилась. Это, безусловно, отражает общие настроения в американском обществе и восприятие Б. Обамы как ведущего политика.

Сравним вышеописанные карикатуры с другими, изображающими не только Б. Обаму, но и его политических соперников. Все карикатуры, приведенные ниже, относятся к 2012 г. Первый же рисунок с Б. Обамой и М. Ромни (рис. 51) воплощает архетипичные образы Тени/Трикстера. Образ продиктован определенными темами предвыборной риторики этих соперников. Митт Ромни продолжает красить Барака Обаму в «красный» цвет, а Б. Обама в изображении М. Ромни предпочитает «зеленый» — цвет доллара и колпака Робин Гуда.

Очень часто в карикатурах Митт Ромни изображался в роли трикстера. Доминировали образы куклы (пример механической игрушки, заводимой слонами-республиканцами, приведен на рис. 52) и обманщика (рис. 53, 54, 55).

Рис. 51

Рис. 53

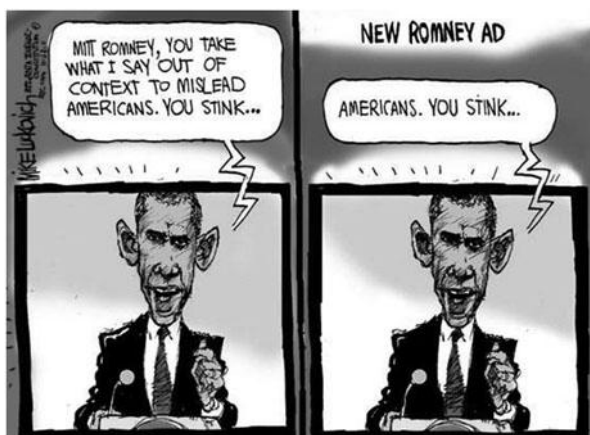

Рис. 54

Рис. 55

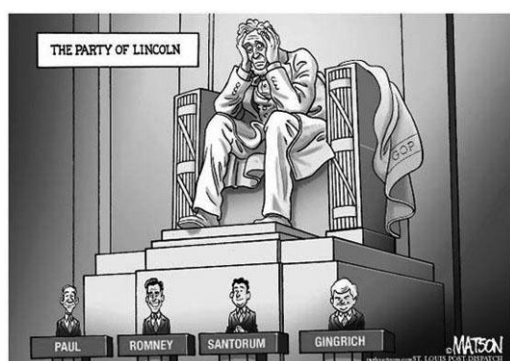

Рис. 56

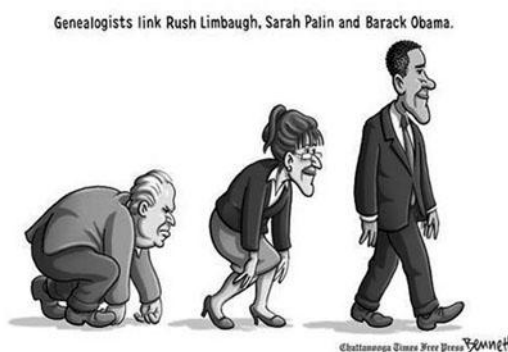

Рис. 57

Приводимые ниже карикатуры высмеивают искажения и переименования речей Б. Обамы, которые позволял себе Митт Ромни. На рис. 53 Б. Обама говорит: *I no longer smoke. There's a crack in the Oval Office wall. Things will improve with Castro gone.* — Я больше не курю. На стене Овального кабинета трещина (омоним слова *crack* 'крэк, кристаллическая форма кокаина, получаемая синтетическим путем; сильнодействующий наркотик'). Дела пойдут на лад, когда уйдет Кастро. В редакции Митта Ромни это звучит так: *I smoke crack in the Oval Office with Castro.* — Я курю кокаин в Овальном кабинете вместе с Кастро.

На рис. 54 Б. Обама возмущается: *Mitt Romney, you take what I say out of context to mislead Americans. You stink...* — Митт Ромни, ты выдираешь из контекста мои слова, чтобы обмануть американцев. Ты дерьмо... М. Ромни вносит поправки, и речь Б. Обамы принимает следующий вид: *Americans. You stink.* — Американцы. Вы дерьмо.

Еще один подобный пример изображен на рисунке 55. Б. Обама вновь обращается к оппоненту: *Stop editing my remarks to make it look like I hate business.* — Прекрати править то, что я говорю, чтобы создать впечатление, что я ненавижу бизнес. В результате «невинных» действий М. Ромни

получаем: *I hate business.* — Я ненавижу бизнес.

А. Линкольн, как воплощение образа Духа, совершенно сокрушен, видя кандидатов от его (Республиканской) партии. Это позволяет заключить, насколько «продуманны», «умны», «освящены духом» действия консерваторов (рис. 56).

На следующей карикатуре (рис. 57) можно увидеть проявления архетипа Самости. Его воплощением становится Б. Обама, как идеальный человек. «Промежуточные» звенья развития представляют Раш Хадсон Лимбо III и Сара Пейлин. Сару Пейлин мы знаем лучше. Скажем несколько слов о Раше Лимбо. Это популярный ведущий ток-шоу, известный своими крайне консервативными, на грани одержимости, взглядами. Он не гнушается ничем, даже откровенными оскорблениями. В частности, во время президентства Билла Клинтона Р. Лимбо упомянул кошку президента Сокса, а потом спросил, знают ли американцы, что в Белом доме живут и собаки. После этого на экране появилось изображение дочери президента Челси Клинтон. В качестве оправданий Р. Лимбо сказал, что это техническая погрешность. Что ни случается?! И Р. Лимбо, и С. Пейлин не участвовали в качестве кандидатов на высший пост в выборах 2012 г., но

до осени 2011 г. так или иначе агитировали либо за себя, либо за свою партию.

К архетипу Великой Матери отсылает еще одна карикатура с Сарой Пейлин (рис. 58). Согласно К. Г. Юнгу, одним из традиционных проявлений этого образа становится любое вместилище, в том числе и город. Статуя Свободы традиционно символизирует США и Нью-Йорк. Вспомним и о том, что статуя Свободы была подарена Америке Францией в 1886 г. в память о союзе двух стран во время Войны за независимость американских колоний и поддержки Америкой Великой французской революции [Американа 1996: 916]. Таким образом, это своего рода подарок континентальной Европы — матери новой стране — ребенку. Здесь Великая Мать никак не может принять сторону С. Пейлин, дерзкой девчонки, уравнивающей себя с великим материнским началом. С. Пейлин взывает: *We're just two freedom-loving gals!* — *Мы просто две девчонки, которые любят свободу!* Видимо, Америка предпочла свободу от С. Пейлин.

Рис. 58

В заключение отметим, что при анализе карикатуры продуктивно использование тех методик, которые уже дали хорошие результаты при анализе текста. Это позволит сохранить методологическую преемственность и ввести в научный оборот новый семиотический материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Американа*: Англо-русский лингвострановедческий словарь. — Смоленск: Полиграмма, 1996.
2. Буайе Р. Викинги: История и цивилизация. — СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. — 416 с.
3. К. Г. Юнг и аналитическая психология. Основные архетипы [Online]. — URL: www.psystatus.ru/article.php?id=97. — Title from the screen. (дата обращения: 15.09.12).
4. Коунти Е., Харса Н. Суеверия Викторианской Англии. — М., СПб.: Центрполиграф : Русская тройка, 2011. — 474 с.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

6. *Народные сказки Британских островов* / под ред. Дж. Риордана. — М.: Радуга, 1987. — 368 с.

7. Пендикова И. Г., Ракитина Л. С. Архетип и символ в рекламе. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 303 с.

8. Чистова С. С. Психологические и культурные архетипы в рекламе // Языковое образование сегодня — векторы развития: материалы II международной научно-практической конференции-форума (Екатеринбург, 24—25 апреля 2011 г.) / Урал. гос. пед. ун-т — Екатеринбург: УрГПУ, 2011. — С. 396—405.

9. Шустрова Е. В. Афроамериканский английский : В 2 т. — Т.1. Лексика и текст. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 640 с.

10. Шустрова Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. — ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2010. Вып. 2 (32). — С. 77—91.

11. Шустрова Е. В. Стереотипные образы афроамериканцев в американской графике // Политическая лингвистика. — ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2012. Вып. 2 (40). — С. 176—199.

12. Юнг К. Г. Психологические аспекты архетипа матери [Online]. — URL: www.fidel-kaastro.ru/psihology/jung/j014.htm. — Title from the screen. (дата обращения 15.09.12).

13. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции. СПб.: МЦНК и Т «Кентавр», 1994. — 211 с.

14. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного [Online]. — URL: <http://jungland.ru>. — Title from the screen. (дата обращения 08.02.13).

15. Юнг К. Г. О психологии образа трикстера [Online]. — URL: <http://jungland.ru>. — Title from the screen. (дата обращения 08.02.13).

16. Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб.: изд-во «Азбука», 1996. — 736 с.

17. Юнг К. Г. Человек и его символы. — М.: Серебряные нити, 1997. — 368 с.

18. ABBYY Lingvo : электр. программа.

19. Alim H. S., Smitherman G. *Articulate While Black: Barack Obama, Language and race in the U.S.* — NY: Oxford University Press, 2012. — 224 p.

20. *A treasure of American folklore. Stories, ballads, and traditions of the people.* — М. : Crown publishers, New York, 1944. — 932 с.

ИСТОЧНИКИ

21. *Bad Cartoonist*. URL: <http://www.badcartoonist.wordpress.com>.

22. *Blackface!* URL: <http://www.black-face.com>.

23. *Blackmissouri*. URL: <http://www.blackmissouri.com>.

24. *Court Jones* : Caricature and Illustration. URL: <http://www.courtjones.com>.

25. *Flickr* : photo sharing. URL: <http://www.flickr.com/erudite>.

26. *Funny Caricature*. URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com>.

27. *Kaltoons.com*. URL: <http://www.kaltoons.com>.

28. *Newbreen.com*. URL: <http://www.newbreen.com>.

29. *Politicalgraffiti*. URL: <http://www.politicalgraffiti.wordpress.com>.

30. *Shutterstock*. URL: <http://www.shutterstock.com>.

31. *The Authentic History Centre*. URL: <http://www.authentichistory.com>.

32. *The CaricatureMan*. URL: <http://www.caricatureman.typepad.com>.

33. *Wwwcartoonstock.com*. URL: <http://wwwCartoonStock.com>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 808.53
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

В. М. Амиров **V. M. Amirov**

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

МОТИВАЦИЯ ВОЮЮЩИХ СТОРОН В СОВРЕМЕННОМ

ЖУРНАЛИСТСКОМ ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Анализируются различные системы мотивации участвующих в боевых действиях сторон, отраженные в публикациях современных российских печатных СМИ. Делается попытка дать классификацию этих систем.

Ключевые слова: мотивация; война; конфликт; дискурс; пресса; системы.

Сведения об авторе: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати департамента «Факультет журналистики».

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

e-mail: vestnik-va@mail.ru.

MOTIVATION OF BELLIGERENT PARTIES IN A MODERN JOURNALISTIC MILITARY DISCOURSE

Abstract. In the article various systems of motivation of the parties participating in operations, reflected in publications of modern Russian print media are analyzed. Attempt to give classification of these systems is undertaken.

Key words: motivation; war; conflict; discourse; press; systems.

About the author: Amirov Valery Mikhailovich, Associate Professor of the Chair of Periodicals, Faculty of Journalism.

Place of employment: Ural Federal University (Ekaterinburg).

Журналистский военный дискурс подчеркивает огромную значимость для достижения победы над противником мотивации как непосредственных участников боевых действий, так и населения, несущего на себе тяготы войны. При этом отмечаются различные мотивы, которыми руководствуются те, кто с оружием в руках выполняет боевые задачи. Разными мотивами может руководствоваться в своих действиях и гражданское население, вовлеченное в конфликт и поддерживающее ту или иную сторону.

Попробуем выделить некоторые аспекты мотивации военнослужащих, представленные в публикациях российских СМИ, посвященных нескольким конфликтам последнего времени.

Подчеркивая стойкость и мотивированность российских военнослужащих, прибывших для защиты своих соотечественников в Южную Осетию, СМИ указывают на их относительно худшие, по сравнению с противником, техническую оснащенность и экипированность, которые, по мнению авторов, компенсируются высоким моральным духом: *...они и без бронжилетов сами — как железо. Моральный дух их необычайно высок. Им мало платят, их бросили на помощь осетинскому народу практически в неизвестность, без какого-либо уведомления, будут ли им платить боевые, а они не жалуются* [Борисов 2008]. Согласно текстам, солдат и офицеров мотивирует на боевые

действия осознание необходимости защитить подвергшихся агрессии, т. е. мотивировкой являются не только приказы, но и моральные принципы: *Солдат на бронепросит закурить и объясняет: „Я из Ростова, контрактник. Приказ приказом, а желание защитить осетин есть у всех в нашем полку!“* [Кожемякин 2008]. Такую мотивированность можно назвать **общегуманитарной**, обусловленной пониманием необходимости помочь слабому, находящемуся в опасности.

Вместе с тем при анализе публикаций СМИ, посвященных современным вооруженным конфликтам, можно увидеть и иную мотивацию войск. Одним из самых сильных мотивов является **патриотический**, выражающийся в готовности к защите Родины. Эта защита может быть как непосредственной (при обороне территории страны, защите сограждан), так и опосредованной (при защите политических и экономических интересов Отечества, а в последнее время, например, при защите российских инвестиций, российских экономических проектов за рубежом). К патриотической мотивации можно отнести и осознание необходимости защиты территории государств, являющихся союзниками России как в рамках межгосударственных договоров, так и в ходе миротворческих операций, а также традиционно дружественных Российской Федерации государств и т. п.: *...главная причина успеха Российской*

армии состоит в том, что вся армия — от солдата до генерала — знает или хотя бы чувствует и догадывается, что от итогов именно этой военной операции зависит сегодня судьба России [Медведев 1999]; *„Я веду войну за поруганную честь России“, — заявил командующий западной группировкой войск генерал Владимир Шаманов, и его поддерживают, как можно судить, почти все другие генералы и офицеры* [Там же]; *„Мы ведем войну за национальные интересы России на Кавказе и за судьбу Северного Кавказа, который является неотъемлемой частью России“, — говорят дипломаты* [Там же].

Мотивация участников военного конфликта также может носить **личный** характер. Он может проявляться сразу в нескольких аспектах. Действия военнослужащего или вовлеченного в военный конфликт гражданского лица могут быть обусловлены корпоративными традициями (долг российского офицера, верность присяге), моральными обязательствами («десант своих не бросает», «сам погибай, а товарища выручай»): *Старший лейтенант Иван Шелохостов со своими боевыми товарищами-офицерами вступил в неравный бой с чеченскими бандитами. Силы были слишком неравными. Выход оставался один: отвлечь врагов и так спасти товарищей от неминуемой гибели. И тогда Иван вызвал ожесточенный огонь на себя. Но защищая друзей-сослуживцев, офицер сам, к сожалению, не уцелел* [Казимиров 2004]. Могут сказываться и семейные традиции (военный в нескольких поколениях), карьерные соображения и перспективы материальной выгоды (участие в боевых действиях дает профессиональному военному значительные преимущества с точки зрения продвижения по службе, а оплата службы в «горячих» регионах существенно выше, чем в местах постоянного дислоцирования), желание добиться общественного признания, а также внутренние искания, например какие-нибудь романтические устремления и установки. В особую группу можно выделить мотивы, связанные с посттравматическим синдромом, с желанием раз за разом возвращаться в ситуацию боевых действий, что характерно для многих ветеранов боевых действий: *С таджикской войны он уехал в Приднестровье, потом на первую чеченскую. Затем на вторую... Да, в войне есть магнетические притяжения... Но с войны, наверное, не уйдет, пока не кончатся они все в России* [Яковлева 1996]; *Прожив на „гражданке“ пять лет, Уклеин почувствовал, что невозможно, и сбежал на войну, в ту среду всеобщего братства.*

Это же почти рай, понимаешь! [Яковлева 1997].

Одним из сильных мотивов, выделяемых в публикациях СМИ, является **профессиональный** (выполнение служебного долга). Мотив этот для профессиональных военнослужащих (офицеров) характеризуется четким, даже в заведомо тяжелых обстоятельствах, исполнением требований, изложенных в служебных документах (уставах, инструкциях, кодексах чести и т. д.), а для непрофессиональных (солдат срочной службы, гражданского персонала воинских подразделений) — исполнением неких моральных обязательств, сформулированных в обязывающих документах (например, присяге) или выраженных в неписанных правилах поведения: *Мы знаем солдат и офицеров, которые, находясь в плену, не запятали себя ни словом, ни делом. Мало того, некоторые проявляли настоящий героизм* [Рукописи, которые не горят]; *Бесспорно одно: свой воинский долг они исполнили с честью, не уронив ратной славы разведки, оставшись до конца верными букве и духу присяги* [Ратная слава разведки]; *Так героически погиб простой белорусский парень, верный сын своей великой Родины, славный воспитанник Ленинского комсомола, гвардеец, до конца выполнивший свой воинский долг* [Мужество рождает бессмертие].

Мотивация может быть детерминирована также **национально-этническими и религиозными установками** (помочь братьям по вере): *...казаки „Всевеликого войска донского“ уже заявляли, что окажут всю необходимую помощь Сербской республике и „братскому народу сербам“, проживающим в Косово* [Донские казаки решили помочь...].

Современный журналистский военный дискурс может отражать как наличие мотивации участников вооруженного конфликта, так и ее отсутствие. В этом смысле интересны, например, публикации о Чеченской войне, в которых печать, используя лексику официальных комментаторов, часто маскирует кошмар внутрироссийского конфликта военно-технической терминологией: «точечный удар», «ковровая бомбардировка», «зачистка», «артобстрел», «боестолкновения». Подобная лексика лишена эмоциональности, представляет «инженерный» взгляд на войну. На телевидении такую точку зрения довольно часто опровергает видеоряд: говорят «точечный удар», а показывают убитых людей. В печатных же СМИ подобная терминология выводит на первый план публикаций статистику, скрадывает настроения людей, которые совсем не хотят воевать и оказались вовлеченными в водоворот войны

против своего желания: *Русские во всех смыслах оказываются такими же жертвами этой войны, что и чеченцы, но их положение в этой войне бессмысленней, обреченней* [Чечня. 10 лет войны за мир]; *...за каждого чеченца Россия платит взрывами в своих городах и кровью своих солдат. И выходит при этом абсурде, что страх перед этой войной поселяется уже в русских городах* [Там же]; *Ценой жизни тысяч русских солдат хотят добиться одного-единственного: вместо Масхадова править будет, скажем, Гелаев (или другой чеченец, имеющий свой тейп)* [Радзиховский 2000].

Отсутствие нравственного осознания необходимости войны отражается и в современном военном фольклоре, проникающем в журналистские тексты. Солдаты российских Вооруженных сил и внутренних войск в публикациях о контртеррористической операции в Чеченской Республике называют чеченцев «чехами», как в свое время афганцев называли «духами» (от официального «душманы»): *...полевой командир „духов“ напоследок обнимает освобождаемого, советуя больше не воевать с чеченцами* [Карпов 1996]; *Щас „чехи“ долбанут по твоей „коробке“ из „граника“ и она нам на голову свалится, всем хана!* [Там же]. Это не просто ассоциации. Это отражение непонимания характера войны, ведь в Афганистане противник не угрожал Отечеству, а в Чеченской Республике конфликт и вовсе носил внутренний характер. В журналистских материалах практически не используется слово «враг», что тоже является характерной деталью. То есть войска воюют не с врагами, а с неким противником, суть вражеского образа не вполне понятна солдату и офицеру: *...дети малые, подростки, старики, женщины и российские солдатики — „заморыши“, как назвал их Александр Лебедь, — это все тяжело раненные. Позади, дома — их разоренные очаги, матери, обмирающие от все еще обезличенных вестей о потерях. Чьи они, эти жертвы, эти руины? Соотечественников наших. Против кого воюем, россияне? И что прибавить к этому,*

услышанным на днях голосам мирных наших соотечественников, безвинно пострадавших на этой нашей войне? [Алейник 1996].

Анализ газетных и журнальных публикаций, посвященных современным вооруженным конфликтам, позволяет увидеть, что в материалах СМИ глубоко и системно показана мотивация участников боевых действий. Эта мотивация может иметь самые различные основания, может вообще отсутствовать в случае, когда представителями конфликтующих сторон четко не уяснены цели и задачи, за которые они воюют, или они внутренне не согласны с этими целями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейник Л. С кем воюем в Чечне? // Огонек. 1996. № 21.
2. Борисов Т. Груз 2008 // Российская газета. 2008. 11 авг.
3. Донские казаки решили помочь братьям-сербам в случае возобновления боевых действий в Косово // ИА Newsru.com. URL: <http://txt.newsru.com/russia/18feb2008/kazaki.html> (дата обращения: 24.05.2001).
4. Казимиров А. Покой нам только снится // Очная ставка. 2004. № 6.
5. Карпов Б. Наши в Чечне: солдаты // Завтра. 1996. 26 нояб.
6. Кожмякин В. Эта рана не заживет долго // Аргументы и факты. 2008. 13 авг.
7. Медведев Р. За что воюет в Чечне российский солдат? // Российская газета. 1999. 14 авг.
8. Мужество рождает бессмертие // Гвардейская доблесть. 1980. 8 июня.
9. Радзиховский Л. За что воюем? // Сегодня. 2000. 21 марта.
10. Ратная слава разведки // Военное обозрение. URL: <http://topwar.ru/1943-ratnaya-slava-razvedki.html> (дата обращения: 1.12.2011).
11. Рукописи, которые не горят // Смоленск : интернет-журнал. URL: <http://www.journalsmolensk.ru/05-05/04/04.PHP> (дата обращения: 1.12.2011).
12. Чечня. 10 лет войны за мир. URL: <http://antifashyst.narod.ru/yy.html> (дата обращения: 25.05.2011).
13. Яковлева Е. Написать свое имя на небе можно только выстрелами // Известия. 1996. 17 окт.
14. Яковлева Е. Это не адrenalиновое счастье // Известия. 1997. 10 июля.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Б. Н. Лозовский

Н. А. Завьялова N. A. Zavyalova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ИДИОМЫ И ПОЛИТИКА:
СЕДАЯ СТАРИНА ИЛИ ОСТРЕЙШИЕ
ВОПРОСЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ?**

Аннотация. На материале идиом русского, японского, китайского и английского языков при помощи электронных онлайн-корпусов доказыва-ется, что фразеология отражает острейшие по-литические вопросы современной повседневности. Анализируется нейропсихолингвистическое свое-образии фразеологии, обсуждается статус фра-зеологии как самостоятельной дисциплины.

Ключевые слова: идиома; фразеологическая единица; корпусная лингвистика; правое/левое по-лушарие головного мозга.

Сведения об авторе: Завьялова Наталья Алек-сеевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английского языка, Инсти-тут иностранных языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 379.
e-mail: st.conference@rambler.ru.

**IDIOMS AND POLITICS:
AGE-OLD ANTIQUITY OR BURNING
ISSUES OF PRESENT?**

Abstract. The article is focused on the rising role of idioms in present-day communication. Using idio-matic data of Russian, Japanese, Chinese and English phraseology with the help of electronic on-line corpuses the author argues the acknowledged erroneous status of phraseology as a peripheral sphere of modern linguis-tics. Idioms are analyzed through the prism of right/left hemispheres and neurophysiology data.

Key words: idiom; phraseological unit; corpus lin-guistics; right/left hemisphere.

About the author: Zavyaliva Natalia Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Doctoral Student of the Chair of the English Language, Institute of Foreign Languages

Place of employment: Ural State Pedagogical Uni-versity (Ekaterinburg).

Идиоматика (фразеология, фраземика) нередко помещается на периферию совре-менного лингвистического знания, ее приня-то соотносить скорее с прошлым, нежели с современной повседневностью: «...фразе-мика — неистощимый источник познания самого языка как развивающейся и изме-няющейся системы. Причем в ней отобра-жены не столько законы функционирования современного языка, сколько его реликты (остаточные фрагменты, „отголоски“ дре-нейших эпох, образы, слова, формы, конст-рукции)... седая старина» [Алефиренко 2009: 6—15].

Мы не можем согласиться с подобной формулировкой статуса фразеологии. На-против, на наш взгляд, фразеология исполь-зуется для описания острейших фрагментов повседневности, маркирует болевые точки современного социума. Так, немецкий фра-зеолог Конрад Купер (Koenraad Kuiper) про-анализировал корпус фразеологизмов, кото-рыми описывались события финансового кризиса 2008—2010 гг. [Kuiper 2010: 12-20]. Применительно к русской фразеологии от-метим рекламные объявления и публици-стические статьи: **Круглая сумма на квад-ратные метры** (реклама ипотеки банка «Демидов»); **Двойной удар:** быстрая ипо-тека и снижение цены на квартиру («Газ-промбанк»); **Выжми из бизнеса все! 200 способов повысить продажи и прибыль** [Па-

рабеллум 2013]; **Делай дело смело!** (реклама средств, повышающих потенцию, в ма-газине «Казанова»); **Сокращение пропаст-ти между богатыми и бедными** (про-граммный лозунг большинства политических движений); **Пан или пропал** (название биз-нес-тренинга Радислава Гандапаса); **В по-давляющем большинстве бизнесов продажи представляют собой настоящий черный ящик** [Парабеллум 2012: 12].

В условиях господства агонального дис-курса россияне нередко обращаются к фра-зеологии, некорректное использование кото-рой приводит к серьезным последствиям: *Голкипер петербургского „Зенита“ Вяче-слав Малафеев отсудил у телекоммента-тора Дмитрия Губерниева 75 тысяч руб-лей по иску о защите чести и достоинст-ва, сообщили РАПСИ во вторник в пресс-службе Мособлсуда... В августе 2011 года Губерниев в перерыве матча 22-го тура чемпионата России по футболу между столичными „Спартаком“ и ЦСКА в эфире позволил себе оскорбительное высказы-вание, которое касалось вратарской линии сборной России. Также телекомментатор коснулся обстоятельств смерти жены Малафеева, погибшей в автомобильной аварии в марте того же года. Коммента-тор не знал, что его переговоры с колле-гой транслируются в интернете на сайте Sportbox.ru... Губерниев извинений Мала-*

фееву не принес, лишь выразив сожаление, что в эфире прозвучали „идиоматические выражения“ в его исполнении. Позднее руководство „России 2“ временно отстранило Губерниеву от работы в программах, связанных с футболом [Вячеслав Малафеев...].

Фразеология опосредует повседневность не только внутри страны, она активно востребована в сфере международных отношений. В современном мире огромное значение приобрели вопросы, связанные с диалогом культур Востока и Запада. Тесно взаимодействуя в условиях глобальной экономики, лингвокультуры используют фразеологию как инструмент коммуникации, который может либо сблизить участников коммуникации, либо сделать их непримиримыми врагами.

В исторической перспективе известны случаи глобальных гуманитарных катастроф, возникших в силу проблем адекватного декодирования смыслов между представителями Запада и Востока. В своей монографии «Origins of the Pacific War and the Importance of „Magic“» Кэичиро Комацу анализирует события и особенности переговоров накануне нападения японских самолетов с авианосцев на центральную базу Тихоокеанского флота военно-морских сил США Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. Автор последовательно доказывает предположение о том, что активных военных действий осенью — зимой 1941 г. можно было бы избежать, подобно тому, как это удалось сделать американским и советским лидерам во время Карибского кризиса 1962 г. В результате тщательного лингвистического анализа телеграмм японцев и их перевода на английский язык Кэичиро Комацу убедительно заявляет о том, что незнание американскими переводчиками японских идиом, заимствованных из китайского, выражений учтивости и японских реалий и соответственно их неадекватный перевод спровоцировали и усугубили атмосферу напряженности и недоверия во время переговоров: японская сторона, получая ответы американцев на безграмотно переведенные письма, испытывала чувство глубокого оскорбления и была вынуждена по-своему отреагировать на вызывающее поведение противоположной стороны [Komatsu 1999: 247—277].

В современной истории международных отношений также находим примеры фразеологизмов, определяющих характер эпохи. Обратим внимание на фразеологическую единицу в конце следующего информационного сообщения. *Премьер-министр России Дмитрий Медведев, 3 июля 2012г. во второй раз посетивший Курильские острова, заявил, что ему безразличны протесты*

Японии по поводу посещения им Курильских островов. Такое заявление председатель правительства сделал в аэропорту Елизово Петропавловска-Камчатского перед отлетом в Москву, передает корреспондент РБК с места событий. / По словам Д. Медведева, реакция Токио его не волнует настолько, что ему жалко времени отвечать на этот вопрос. „Ну чего у нас с ними обсуждать? Присутствие председателя российского правительства, на российской территории? Так можно далеко зайти“, — задался Д. Медведев риторическим вопросом. Глава правительства пообещал в следующий раз взять с собой в поездку на Курилы больше журналистов. Кроме того, председатель правительства призвал СМИ уделять больше внимания тематике Курильских островов. Напомним, первый визит Д. Медведева на Курилы состоялся в конце 2010 г., когда премьер-министр еще занимал пост президента. Тогда японское внешнеполитическое ведомство отреагировало резко отрицательно на визит главы государства, назвав поездку „непозволительной грубостью“. Япония считает Южные Курилы своими „северными территориями“, указывая, что договор между двумя странами по итогам Второй мировой войны не подписан, а потому де-юре Россия не имеет права на часть островов. / В этот раз официальный Токио заявил, что визит премьер-министра стал для японцев „ушатом холодной воды“ (выделено нами — Н. З.). „Посещение северных территорий высокопоставленным российским чиновником несовместимо с позицией, которую занимает наша страна“, — отметил также глава МИД Японии Коитиро Гэмба [Д. Медведеву безразлична реакция Японии...].

В японском варианте аналогичного новостного сообщения находим предложение с оригинальной водной фразеологической единицей:

「…日本の立場と相いれず極めて遺憾。日ロ関係の前向きな雰囲気作りに水を差す」と批判した [Асахи новости]. / „...визит (Медведева) в наивысшей степени огорчил Японию. Данный визит, ‘вылив воду’, создает неприятную атмосферу в японо-российских отношениях“, — критично заявила (японская сторона).

Для анализа содержания фразеологизма обратимся к словарной дефиниции выражения *水を差す*. 1. 仲のいい二人をわざと仲たがいにさせるように仕向ける「二人の仲に水を差す」2. 途中でじゃまをして、何かをし続ける気をなくさせる。「せっかく

の話に水を差されて、嫌気がさす」 [Котова закан'ёкудзитен]. / *Лить воду* 1. *Намеренно осложнять, вмешиваться в отношения двоих. Например, вмешиваться в отношения пары.* 2. *Усугублять и без того сложную ситуацию общения. Например, усугубить деталью трудный разговор.*

Анализ японских дефиниций показывает, что перевод японской фразеологической единицы русским выражением «ушат холодной воды», которое подчеркивает неожиданность, но не подчеркивает вмешательство и усугубление ситуации, нельзя считать адекватным. Более адекватным вариантом нам представляется выражение «вбивать кол», которое передает весь драматизм японского восприятия происходящего. В одной нашей статье приведены другие примеры фразеологизмов в политическом дискурсе Японии [Завьялова 2009: 100—103].

Анализируя современное состояние российско-китайских отношений, японский историк Акихиро Ивасита обращает внимание на разницу прагматических установок выражений «челноки» и «частная торговля», определяющих характер российско-китайского диалога: *Из различных слов и высказываний представителей Китая и России видно взаимное недоверие обеих сторон. Китайцы челночную торговлю называли „частной торговлей“ и воспринимали ее положительно, как способ поднять всю свою экономику, Россия же презрительно именовала их „челноками“... Подобное различие в названиях чрезвычайно серьезно. В отличие от Китая, стремившегося сделать „частную торговлю“ рычагом развития экономики, Россия относилась к ней резко отрицательно по той причине, что падали таможенные сборы за оформление грузов* [Ивасита 2006: 306]. В рамках российско-китайского диалога обращает на себя внимание статья А. Габуева, в заголовке которой содержится перефразированная фразеологическая единица: *Китайская неграмота* [Габуев 2012]. В данной статье автор утверждает, что для России опасно нежелание ее граждан изучать язык мощного и опасного восточного соседа.

Обсуждая вопрос глобального статуса современной фразеологии, подчеркнем разницу между глобализацией и **интернационализацией**: «...отличие глобализации от интернационализации. Если последняя зиждется на предпосылке о неизбежности государственного суверенитета и опирается на межгосударственные переговоры, имеющие в виду согласование, подгонку друг к другу национальных интересов, то в основе первой лежат транснациональные ... действия,

в сущности, игнорирующие государственный суверенитет. Поэтому глобализация выглядит, скорее, категорией-конкурентом интернационализации» [Рамзес 2000: 21].

Применительно к фразеологии проиллюстрируем данный тезис следующим примером. В анализируемых лингвокультурах находим образные эквиваленты одного и того же выражения.

Кит. 以毒攻毒 — *yǐ dú gōng dú* ‘лечи яд ядом’.

Япон. 油を以て油煙を落とす — *abura o motte yuen o otosu* ‘копоть (от масла) снимают маслом’.

Англ. *Fight fire with fire* ‘борись с огнем при помощи огня’.

Рус. *Клин клином вышибают*.

До тех пор пока будут сохраняться подобные национально специфические межъязыковые эквиваленты, мы можем определять указанный процесс как **фразеологическое сближение** (аналог интернационализации с учетом государственных интересов каждого участника). Однако наблюдаются и кальки с английского или транслитерация (подобные выражения, записанные катаканой, специальной азбукой для иностранных слов, нередко встречаются в современном японском языке), что можно отнести к негативным последствиям глобализации, ведущим к существенной потере национального духа. Здесь уместно процитировать следующие слова: «Объединение всех людей в ноосфере предполагает раскрытие возможностей каждой из используемых ими знаковых (а следовательно, и языковых) систем. Только развитие того, что вносит каждая традиция (в частности, языковая), может сделать реальным их объединение. По мере того, как выявляется неправота и неосуществимость попытки навязать всем одну (в том числе и языковую) систему, все более существенным представляется план объединения разных традиций путем выявления связывающих их общих принципов, совместимых с концепцией ноосферы. В этой связи и универсальная типология языков (особенно семантическая) приобретает жгучий интерес, выходящий за пределы лингвистики» [Иванов 2004: 100].

В рамках проводимого нами исследования фразеологии китайского, японского, английского и русского языков мы ставим себе задачу выявить описания древнейшей **природной** составляющей фразеологии, которая нередко определяет современную политику. Человек, выделив себя из животного мира, не смог полностью отказаться от связей с природой, интуитивно стремится к состоянию недискретного сознания: «Стремясь

вернуться в непротиворечивое континуальное состояние, максимально комфортный психосоматический режим, сознание, а точнее, вся психика целиком пытается заново „нырнуть“ во всеобщую связь — и вот эта попытка оборачивается, вопреки чаемому, ситуацией полагания **дуальных субъектно-объектных отношений**. Они-то затем и становятся для человека универсальным кодом мировосприятия и „программой“ его адаптации в мире. Дуальные отношения, имеющие целью достичь целостно переживаемое единство с *другим*, осуществляются посредством **партиципации** (экзистального природнения) — особого психического состояния, в котором сознание ситуативно переживает свою слитность (нераздельность) с чем-либо изначально ему иноположенным... Источник неизбывного и непреодолимого партиципационного импульса — это, на общеэволюционном уровне, коллективная память о *внутриутробном состоянии*. И то, и другое характеризуются *континуальностью, непрерывностью переживания психологических процессов, непротиворечивостью* транслируемого идеала существования. Из него-то человек и выбрасывается в *дуализованное пространство*, откуда он мучительно ищет выхода» [Пелипенко 2011: 30].

Термин **партиципация** был предложен французским ученым Л. Леви-Брюлем: «ПАРТИЦИПАЦИЯ (от франц. participation — соучастие, сопричастность) — понятие, введенное Л. Леви-Брюлем для обозначения основного закона „пралогического мышления“. Такое мышление, согласно Леви-Брюлю, обнаруживает полное безразличие к логическому закону противоречия, допуская сочетание противоположностей в одном представлении. Отождествление на уровне коллективных представлений противоположных предметов и совмещение противоположностей в рамках одного представления есть закон П., управляющий ассоциациями в первобытном сознании» [Касавин 2009].

Развиваясь, человечество со временем выработало способность к вторичной партиципации, партиципации к симулякрам: «Очеловечивание пространства сокращает онтологическую дистанцию между субъектом и объектом — последний становится „адресатом“ вторичной партиципации. Такое замещение, глубоко магическое по своей природе, стало одним из главных оснований сакрализации изображений, сохранившей свою значимость вплоть до настоящего времени. Всякий визуальный образ, а затем и органически связанная с ним среда, плос-

кость изображения, — а позднее и регулярное картинное поле — стали восприниматься как сакрально отмеченная зона (или „адрес“) партиципационных ожиданий, как форма „имманентного трансцендирования“, ...позволяющая хотя бы ситуативно вырваться из напряженно-конфликтного, и потому уж профанного дуализма повседневности» [Пелипенко 2011: 85].

Наше исследование направлено на выявление и описание **партиципаций**, зафиксированных во фразеологии. Полагаем, что партиципации наполняют понятие «повседневность», «политическая повседневность» конкретным содержанием: «...если мы хотим понять в той или иной системе культуры самое главное, постичь ее системообразующую основу, мы должны прежде всего разобраться, *в какие сферы реальности направлено дифференцирующее смыслообразование и до каких пределов оно доходит*. Затем можно установить взаимообусловленность и структурные отношения смысловых кластеров, возникающих по ходу этого движения» [Там же: 58].

В рамках всех анализируемых лингвокультур мы выделяем следующие типы партиципаций (экзистенциальных природнений), представленных во фразеологии: **партиципация к природе (живой и неживой), партиципация к телу и его частям, партиципация к артефактам**. Три представленные типа партиципаций далее подразделяются на более мелкие подтипы исходя из компонентов их мотивировочной базы. Необходимым критерием отбора стало понятийное содержание фразеологических единиц. Отбор по понятийному критерию происходил в соответствии с принципами школы В. Н. Телия, сформулированными в «Большом фразеологическом словаре русского языка»: «При отборе фразеологизмов, описываемых в словаре, авторский коллектив исходил из трех критериев. Первый из них — представить в словаре фразеологизмы, характерные для 16-ти тематических, идеографически, понятийно выделенных полей наивной языковой картины мира, разработанных авторским коллективом — Т. С. Аристовой, М. Л. Ковшовой, Е. А. Рысовой, В. Н. Телия, И. Н. Черкасовой для „Словаря образных выражений русского языка“ (1995), таких, например, как внутренние, внешние свойства человека, его социальные характеристики, физические и интеллектуальные состояния и действия, чувства-состояния и чувства-отношения, деятельность человека, его поведение, в том числе и речевое, бедность и богатство, характеристика стереотипных ситуаций, пространство, время и некоторых

других. Эти тематические поля свидетельствуют, что действительность воспринята и обозначена человеком в кругозоре его культурно-национального мировидения, корреспондирующего ... с базовыми категориями культуры... Второй критерий — включить ... фразеологизмы, в которых просматриваются древнейшие культурные слои... Третий критерий — отобрать ... те фразеологизмы, образное основание которых в целом или отдельные его части включают в себя многообразие „кодов культуры“ (в терминологии этнологов) — таких, например, как природные реалии, „вещи“, пространственные объекты, время, живые существа, собственно антропный код — человек и различного рода его свойства, состояния или виды деятельности его проявления во всех сферах бытия, телесный, или соматический, код, а также духовно-ценностный код, в том числе религиозный...» [БФСРЯ: 777].

К перечисленным выше критериям В. Н. Телия мы добавили еще один — **частотность употреблений**, которую мы выявляли при помощи электронных лингвистических онлайн-корпусов, поскольку «статистические методы, безусловно, позволяют свести до минимума субъективизм исследователя, количественно оценить результат и проверить степень его достоверности... Количественное исследование ... становится по-настоящему объективным, если оно имеет сравнительный характер...» [Мухин 2010: 15]. В рамках нашего исследования под частотностью употреблений мы понимаем число контекстов, в которых встречается та или иная фразеологическая единица. Кратко опишем каждый из используемых нами корпусов.

КОРПУС КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА [A collection of Chinese corpora and frequency lists] является разработкой российских, британских и итальянских лингвистов-переводчиков на базе Центра переводов университета г. Лидса (Великобритания). Руководитель проекта — Сергей Шаров. Корпус создавался по модели Британского национального корпуса и включает в себя 3 подкорпуса: 1) разговорный язык китайского Интернета — 280 миллионов слов (вхождений); 2) подкорпус Ланкастерского университета, разработанный Ричардом Сяо (Richard Xiao) и Тони Мак'Энэри (Tony McEnergy); 3) подкорпус делового китайского языка — 30 миллионов слов, разработан в 2008 г. коллективом, возглавляемым Сергеем Шаровым.

Мы воспользовались первым и третьим корпусом, поэтому все китайские фразеологизмы снабжены индексом частотности, выявленным по данным корпусам. Например:

守株待兔 — *shǒu zhū dài tù* 'сидеть у дерева и ждать кролика' / 'уповать на удачу, ждать у моря погоды' [разговорный — 210; деловой — 153]. Мы не учитывали данные Ланкастерского подкорпуса, так как он довольно мал по объему сравнительно с первым подкорпусом. Корпус не описывает жанровой отнесенности текста, не выстраивает контексты по годам частотности.

КОРПУС ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА [Kotonoha]. Объем — 105 миллионов вхождений. Данный корпус был разработан по программе Министерства культуры, образования, науки и спорта Японии совместно с Научно-исследовательской корпорацией изучения языков.

В Японии разработан более мощный корпус (<http://chunagon.ninjal.ac.jp>), однако доступ к нему не свободный, требует оплаты непосредственно в Японии, и в него включены тексты, относящиеся преимущественно к устной речи.

Корпус [Kotonoha] включает тексты следующих жанров и тематики: публицистика художественная и нехудожественная, спорт, медицина, частная жизнь, политика и общество, деловая переписка, тексты законов, тексты диалогов из блогов Yahoo!. Контексты распределяются по годам (1800—2008), полу говорящего, году издания. Рассмотрим пример описания японских фразеологических единиц, принятый в нашем исследовании. 我田引水 — *gadeninsui* 'проведение воды на свое поле' / 'забота лишь о собственных интересах' [12 контекстов, мужских — 11. 1920—2008 гг.]. В ряде случаев мы дополнительно указывали годовые пики частотности. Все примеры являются контекстами из данного корпуса. Сравнивая данный корпус с другими использованными нами, мы отметили, что абсолютные величины контекстов невысоки, многие из анализируемых единиц показали **нулевую частотность**, хотя они включены в словари современной японской фразеологии. Это можно объяснить относительно небольшим объемом корпуса и отставанием лексикографических источников от современной речи. Описывая способ введения запрашиваемой информации, отметим, что зачастую мы вводили **основы** лексем, игнорируя при этом суффиксы, что обеспечило более полную картину отображаемых контекстов.

КОРПУС АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. Первоначально в задачи нашего исследования входило изучение фразеологии исключительно британского варианта английского языка. Исходя из этого мы планировали работать только с Британским национальным корпусом английского языка (BNC) [British

National Corpus]. Основной недостаток данного корпуса — относительно устаревший год введения новейших материалов (1993): «This website allows you to quickly and easily search the 100 million word British National Corpus (1970s—1993). The BNC was originally created by Oxford University Press in the 1980s — early 1990s, and now exists in various versions on the web». Руководитель проекта — Марк Дейвис (Mark Davies). Сами разработчики данного корпуса предлагают воспользоваться более мощным корпусом американского варианта английского языка (COCA) (<http://corpus.byu.edu/coca/>) с постоянно пополняемыми данными вплоть до 2012 г. и объемом 450 миллионов слов (вхождений): «The Corpus of Contemporary American English (450 million words) is more than four times as large as the British National Corpus (100 million words). As a result, it often provides data for lower-frequency constructions that are not available from the BNC. ... COCA and the BNC complement each other nicely, and they are only large, well-balanced corpora of English that are publicly-available. The BNC has better coverage of informal, everyday conversation, while COCA is much larger and more recent, which has important implications for the quantity and quality of the data overall». Объединение полученных данных по двум вариантам английского языка не противоречит сложившейся культурно-исторической традиции: «...account of the culture that the people of the United States have inherited from Britain. Sometimes it is called the Anglo-Saxon culture — although it is not simply English, for much in British culture has had its origins in Scotland, Ireland, and Wales. So dominant has British culture been in America, north of the Rio Grande, from the seventeenth century to the present, that if somehow the British elements could be eliminated from all the cultural patterns of the United States — why, Americans would be left with no coherent culture in public or in private life» [Russell 2005: 1].

Таким образом, каждая английская фразеологическая единица в рамках нашего исследования снабжена индексом BNC (британский корпус) и COCA (американский корпус). COCA позволяет проследить динамику употреблений вплоть до текущего года, поэтому мы указывали и временные промежутки употреблений. Рассмотрим пример. *In the nature of the case* 'в природе вещей, естественно; неизбежно' [BNC — 1; COCA — 9 (2012—1998)]. Заметим, что данный вид анализа позволил выявить ошибочность некоторых словарных помет типа *преимуш. брит.*, поскольку в американском корпусе у соответствующих единиц больше контек-

стов. Данный факт можно объяснить и большим объемом американского корпуса, и взаимопроникновением двух вариантов английского языка. Однако в ряде случаев показатели частотности позволяют безошибочно отнести фразеологизм к американскому либо к британскому варианту английского языка: *Hit pay dirt* 'разбогатеть, добиться успеха' [BNC — 0; COCA — 164 (2012—1992)]; *Mud flat* 'дыра, конура, дешевое жилье' [BNC — 0; COCA — 125 (2012—1992)]; *Damp squib* 'мокрая хлопушка' / 'разочарование, неоправданные надежды' [BNC — 22; COCA — 2 (2007—1995)]. Любопытными представляются случаи, когда одна и та же фразеологическая единица имеет разные денотаты в британском и американском вариантах английского языка: *Black Country* 'черная страна' (каменноугольный и железообрабатывающий район Стаффордшира и Уоркшира) [BNC — 65]; *Black Country* 'Таити' [COCA — 20 (2012—1990)]. Отметим случай грамматических расхождений между вариантами одной и той же фразеологической единицы, выявленные с помощью анализа контекстов из данных корпусов: *to catch a cold* [BNC — 36; COCA — 132 (2008—1990)], *to catch cold* [BNC — 0; COCA — 78 (2008—1990)] 'схватить простуду, простудиться'.

В ходе нашего исследования мы также обращались к **сводному корпусу** британского (BNC) и американского вариантов (COCA) английского языка [Word And Phrase.Info]. Данный корпус позволяет познакомиться с дефинициями заглавных слов, предоставляет коллокации заглавных слов, статистику по жанровой отнесенности. Проиллюстрируем способ описания конкретным примером. **Body**: 1) the entire physical structure of an organism (especially an animal or human being); 2) body of a dead animal or person; 3) a group of person associated by some common tie or occupation and regarded as an entity; 3) the body excluding the head and neck and limbs; 4) an individual 3-dimensional object that has mass and that is distinguishable from other objects. Наиболее частотные коллокации. A human body — 2207, dead body — 1343, whole body — 1217, upper body — 1070, entire body — 733, female body — 411, male body — 139.

Наиболее частотные глаголы, которые употребляются с лексемой *body*: *cover, lie, recover, burn, bury, dump, drag, wrap, absorb, press*. **To keep body and soul together** 'жить впроголодь, с трудом поддерживать существование, еле перебиваться, еле сводить концы с концами' [BNC — 11; COCA — 32 (2012—1990)] (*spok* — 1, *fic* — 12, *mag* — 5, *news* — 3, *acad* — 0).

Описывая способ введения запросов, обратим внимание на введение глаголов в квадратных скобках [read] для получения контекстов со всеми возможными словоформами глагола, учет всей возможной парадигмы местоимений *himself/herself/myself/itself/themselves* и некоторые другие особенности. Омонимия ряда выражений, совпадение прямых и фразеологически осложненных значений представляют известную трудность при подсчете контекстов. В ряде случаев мы занимались обычным подсчетом нужных контекстов. Однако в случае с контекстами, количество которых превышало 10 000, нам приходилось выявлять **основные тенденции** преобладания прямого либо фразеологически осложненного значения. Мы допускаем некоторую степень погрешности в подсчетах на данном этапе. Все примеры взяты из данных корпусов.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА [Национальный корпус русского языка] — это высокоорганизованный ресурс с разнообразной разметкой: «Чем богаче и разнообразнее разметка, тем выше научная и учебная ценность корпуса. В Национальном корпусе русского языка в настоящее время используется пять типов разметки: метатекстовая, морфологическая (словоизменительная), синтаксическая, акцентная и семантическая. В ближайшее время планируется внедрение словообразовательной разметки, а также упрощенной синтаксической разметки в основном корпусе (отличной от той, которая представлена в синтаксическом Глубоко аннотированном корпусе). Система разметки постоянно совершенствуется». Главный интерес для нас представляет «Основной корпус» объемом 76 881 документ, 17 574 647 предложений, 209 203 107 слов. В рамках данного корпуса мы создали личный пользовательский подкорпус за 2000—2012 гг. объемом 32 955 документов, 4 834 196 предложений, 57 908 869 слов. Для отображения тенденций в разговорном языке мы также пользовались данными специального устного корпуса.

Отметим основные достоинства описанного корпуса. Контексты распределяются по годичным пикам частотности, указывается жанровая отнесенность контекстов, тематика, пол говорящего. При вводе запроса мы допускали либо нулевое расстояние, либо 5 слов между отдельными компонентами фразеологической единицы, запрашивали изменяемые глаголы и существительные с полным набором возможных для них словоформ. Все примеры взяты из данного корпуса. Русские фразеологизмы описаны в двух вариантах — сокращенном и более полном.

Полный вариант: **По природе** [Общий корпус: 158 документов, 188 вхождений. Подкорпус за 2011—2000 г. Пики частотности: 2002 г. (33), 2001 г. (28), 2000 г. (26), 2004 г. (16). Авторы: мужчины — 89, женщины — 32. Жанры: публицистика нехудожественная — 96, художественная — 38. Тематика: политика и общественная жизнь — 28. **Разговорный корпус**: 22 документа, 24 вхождения. Подкорпус за 2007—1957 гг.]. В сокращенном варианте описываются только число документов и вхождений в рамках основного корпуса: **Молчать, как рыба** 'молчать, не произнося ни единого слова' [17 документов, 19 вхождений].

Современные лингвисты подчеркивают значимость корпусной лингвистики для изучения фразеологии: «Long regarded as a peripheral issue, phraseology is now taking centre stage in a wide range of fields. This recent explosion of interest undoubtedly has a great deal to do with the development of corpus linguistics research, which has both demonstrated the key role of phraseological expressions in language and provided researchers with automated methods of extraction and analysis» [Phraseology : an interdisciplinary perspective].

Перечислим наиболее частотные из выявленных нами в рамках **фразеологии японского языка** выражения. 世を去る — *yo o saru* 'покинуть мир' / 'скончаться' [275 контекстов. 1860—2008]. 心の底から — *kokorono soko kara* 'со дна сердца' / 'в глубине души' [270 контекстов. 1890—2008]. 峠を越える — *to:ge o koeru* 'перейти горный перевал' / 'преодолеть критическую точку, добиться перелома' [160 контекстов. 1890—2005]. 天下り — *amakudari* 'неба низ' / '1) *уст.* сходжение с небес на землю; 2) предписание свыше; 3) пенсионер по возрасту' [326 контекстов. 1930—2008]. 古今東西 — *kokon to:zai* 'старое, современное, восток, запад' / 'во все времена и по всей земле' [108 контекстов. 1910—2005]. 風邪を引く — *kaze o hiku* 'тянуть простуду' / 'простудиться' [194 контекста. 1900—2008]. 火の車 — *hi no kuruma* 'огненная повозка' / 'крайняя нужда' [46 контекстов. 1860—2008]. (を) 根に持つ — *(o) ne ni motsu* 'иметь что-либо в корне' / 'затаить на кого-либо злобу, иметь зуб на кого-либо' [44 контекста. 1900—2005]. 首尾 — *shubi* 'голова и хвост' / 'ход дела' [289 контекстов. 1910—2008]. 一石二鳥 — *issekinicho*: 'одним камнем двух птиц' / 'убить одним ударом двух зайцев' [144 контекста. 1910—2008; контексты 2008 г. преобладают].

Повышение точности в рамках **китайской фразеологии** реализовано путем употребления нумерологической методологии мышления, классификационных стратегий, а также наиболее частотных фразеологических единиц. 世外桃源 — *shìwài táoyuán* ‘жизнь у корней персикового дерева’ / ‘земной рай; край обетованный’ [разговорный — 527; деловой — 298]. 水泄不通 — *shuǐ xiè bù tōng* ‘вылившаяся вода не проходит’ / ‘яблоку негде упасть, битком набитый, окружить плотным кольцом’ [разговорный — 525; деловой — 281]. 天经地义 — *tiānjīng dìyì* ‘непреложная истина; абсолютно закономерно’ [разговорный — 673; деловой — 545]. 琳琅满目 — *lín láng mǎn mù* ‘в глазах прекрасный нефрит’ / ‘дорогие и красивые вещи’ [разговорный — 701; деловой — 438]. 东倒西歪 — *dōngdǎo xīwāi* ‘на восток повалиться, на запад покоситься’ / ‘(передвигаться) вкривь и вкось, пошатываясь’ [разговорный — 475; деловой — 83]. 任重道远 — *rèn zhòng dào yuǎn* ‘тяжкий долг и долгий путь’ / ‘долго нести тяжелую ношу’ [разговорный — 206; деловой — 655]. 空空如也 — *kōngkōng rúyě* ‘пустой, подобно воздуху’ / ‘абсолютно пусто; хоть шаром покати’ [разговорный — 462; деловой — 139]. 黑心 — *hēixīn* ‘черное сердце’ / ‘злодейский; бесчеловечный’ [разговорный — 512; деловой — 387]. 日新月异 — *rìxīn yuèyì* ‘дни (солнечный свет) новые, месяцы (луна) другие’ / ‘преобразаться с каждым днем; меняться не по дням, а по часам’ [разговорный — 507; деловой — 577]. 不寒而栗 — *bù hán ér lì* ‘трястись не от холода’ / ‘трястись от страха’ [разговорный — 552; деловой — 228]. 风云人物 — *fēngyún rénwù* ‘человек на ветру и облаках’ / ‘герой дня’ [разговорный — 439; деловой — 521]. 大名鼎鼎 (鼎鼎大名) — *dà míng dǐng dǐng* ‘большое имя, как звон треножника’ / ‘иметь имя, пользоваться популярностью’ [разговорный — 669; деловой — 432]. 如火如荼 — *rú huǒ rú tú* ‘гореть, как огонь, и сверкать, как кувшинки’ / ‘в полном разгаре’ [разговорный — 629; деловой — 682]. 根深蒂固 — *gēn shēn dì gù* ‘корень и плодоножка крепкие’ / ‘укорениться, пустить глубокие корни, прочно стоять на ногах’ [разговорный — 642; деловой — 687]. 来龙去脉 — *lái lóng qù mài* ‘дракон приходит, хребет (горы) уходит’ / ‘причина и следствие’ [разговорный — 614; деловой — 422]. 狼吞虎咽 — *láng tūn hǔ yàn* ‘как волк и тигр заглатывать еду’ / ‘быстро, жадно проглатывать пищу большими кусками’ [разговорный — 670; деловой — 70].

Приведем наиболее частотные выражения в рамках **английской фразеологии**. *To be down-to-earth* ‘разумный, практичный’ [BNC — 142; COCA — 661 (2012—1990)]. *Under the sun* ‘под солнцем, в этом мире, на свете’ [BNC — 88; COCA — 461 (2012—1990)]. *To make way for smb.* ‘1) уступить кому-либо дорогу; 2) расчистить путь для кого-либо; 3) расступиться перед кем-либо (о толпе)’ [BNC — 274; COCA — 785 (2012—1990)]. *In many ways* — во многих отношениях [BNC — 289; COCA — 1789 (2012—1990)]. *To lead the way* ‘1) идти впереди; показывать дорогу; 2) быть вожаком, показывать пример’ [BNC — 575; COCA — 2299 (2012—1990)]. *By the way* ‘кстати, между прочим’ [BNC — 1520; COCA — 13772 (2012—1990)]. *White as a sheet* [BNC — 22; COCA — 55 (2012—1990)]. *Black as night* [BNC — 8; COCA — 32 (2012—1990)]. *True blue* ‘1) шотландский пресвитерианин; 2) член партии виггов; 3) демократ в США; 4) подлинный, настоящий’ [BNC — 25; COCA — 112 (2012—1990)]. *Black market* ‘черный рынок’ [BNC — 158; COCA — 1020 (2012—1990)]. *Red tape* ‘бюрократические препоны, волокита’ [BNC — 130; COCA — 700 (2012—1990)]. *Top dog* ‘хозяин положения; господствующая или победившая сторона’ [BNC — 57; COCA — 255 (2012—1990)]. *Dark horse* ‘1) темная лошадка (участник состязаний, победивший вопреки ожиданиям большинства); 2) темная лошадка (кандидат на выборную должность, выдвижение которого было неожиданностью); 3) темная лошадка (человек, удививший всех своими достижениями, способностями)’ [BNC — 20; COCA — 258 (2012—1990)].

Наиболее частотные единицы **русской фразеологии**: **На плаву** [Общий корпус: 147 документов, 168 вхождений]. **Под открытым небом** [Общий корпус: 174 документа, 195 вхождений]. **На полпути** ‘не завершив, не доведя до конца какое-либо дело’ [Общий корпус: 116 документов, 154 вхождения]. **Белое пятно** ‘1) совершенно неисследованная территория; 2) неисследованная часть проблемы, теории’ [120 документов, 138 вхождений]. **Белый дом** ‘резиденция Правительства РФ, резиденция президента США’ [608 документов, 1071 вхождение]. **Из года в год** [Общий корпус: 275 документов, 314 вхождений]. **В разгаре** ‘в момент или период высшего подъема, активности, высшего напряжения’ [91 документ, 112 вхождений]. **Запретный плод** ‘недозволенный или недоступный’ [45 документов, 51 вхождение]. **Львиная доля** ‘большая часть’ [238 документов, 253 вхождения].

Возвращаясь к вопросу о статусе фразеологии в современной науке, отметим ин-

тересные выводы нейро- и психолингвистики о процессах декодирования. Учеными названных направлений доказано, что за знаковые системы, в том числе за язык и речь, отвечает левое полушарие головного мозга. Однако современная наука располагает данными о том, что метафоры, пословицы и поговорки в значительной степени подвергаются обработке правым полушарием, отвечающим за целостное восприятие высказывания. С. Спрингер на примере больных с пораженным левым или правым полушарием выводит закономерности речевого поведения: «There are several other language-related skills in which the right hemisphere appears to be involved. For example, right-hemisphere-injured patients, but not left-hemisphere patients, tend to be overly literal in their interpretation of words, stories, and cartoons. Given a choice, they often pick literal interpretations of metaphorical statements ('sour grapes') and popular sayings ('A penny saved is a penny earned') ... We see again that the right hemisphere contributes in important ways to language communication. In addition to possessing some comprehension abilities ... it truly complements left-hemisphere speech and language processing through more subtle, but definitely important communication skills. Emotional intonation aspects of metaphor and some qualities of humor seem to depend on right-hemisphere abilities» [Springer 2003: 180—181]. Сходные явления отмечают другие ученые: «Слегка упрощая, можно сказать, что левое полушарие регулирует то, что сказано, в то время как правое определяет то, как сказано, то есть управляет невербальными, зачастую эмоциональными сигналами, посылаемыми взглядом, мимикой и интонацией. Однако разница между функциями правого и левого полушария вовсе не ограничивается противопоставлением вер-

бального и невербального. Оппозиция *текст/контекст*, впервые предложенная Робертом Орнштайном, распространяется намного шире ... многочисленные исследования показали, что правое полушарие отвечает за способность распознавать метафоры. Если вы скажете мне, что у Хозе сердце величиной с Монтану, то мое левое полушарие мгновенно сообразит, кто такой Хозе, что такое сердце и какова площадь Монтаны. Но когда буквальное значение этой фразы окажется невозможным (как же сердце величиной в сто сорок семь тысяч квадратных миль может уместиться в грудную клетку Хозе, размеры которой намного скромнее?), оно „призовет на помощь“ правое полушарие, чтобы то обработало эту нестыковку. И правое полушарие „объяснит“ левому, что дело не в том, что у Хозе необычная анатомия, а в том, что Хозе — великодушный и любвеобильный человек» [Пинк 2009: 35].

В мировой психолингвистике фразеологические единицы рассматриваются как эмоциональные слова, за обработку которых в левом полушарии отвечают такие участки лимбической системы, как мозжечковая миндалина, орбитофронтальная кора и задняя поясная извилина (см. рис.): «Emotional words trigger activation in other areas of the LH, such as the amygdala, orbitofrontal cortex, and posterior cingulate gyrus, as well. These regions have been claimed to be part of the limbic system (see Fig. 1), which plays a key role in emotion processing» [Abbassi 2011: 379]; «The data from a large body of research based on behavioral, electrophysiological, and neuroimaging methodologies appear to converge in indicating that both hemispheres are involved in the processing of words with emotional meaning, albeit in different, and probably complementary, ways» [Там же: 382].

The Limbic System

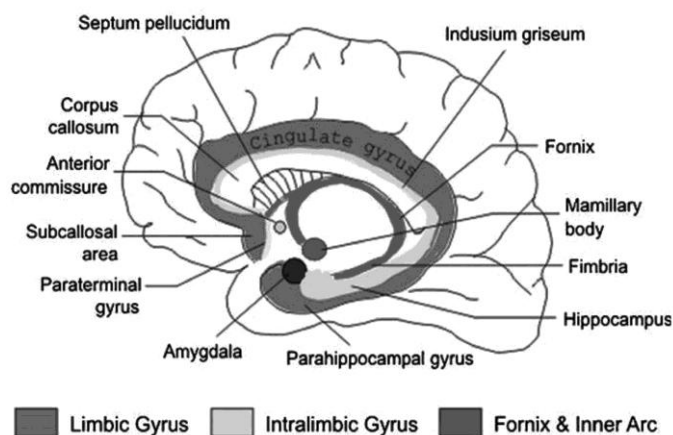

Рисунок (Figure 1). Человеческий мозг

Наше исследование свидетельствует о том, что привычное для традиционной лингвистики и языкового образования *снискодительное* отношение к фразеологии как к науке второстепенной по отношению к магистральному направлению языкознания носит устаревший характер. В эпоху возрастающей популярности цитат, коммуникации в социальных сетях и авторского преобразования традиционных коммуникативных формул следует говорить о том, что фразеология представляет собой отдельную мощную область, являющуюся необходимой составляющей большинства современных дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н.* Фразеология и паремиология : учеб. пособие для бакалавровского уровня филол. образования. — М. : Флинта : Наука, 2009.
2. *Большой фразеологический словарь русского языка = БФСРЯ / отв. ред. В. Н. Телия.* 4-е изд. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
3. *Вячеслав Малафеев* отсудил у Дмитрия Губерниева 75 тысяч рублей // РАПСИ: российское агентство правовой и судебной информации. 2012. 30 окт. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20121030/265173555.html (дата обращения: 03.11.2012).
4. *Габуев А.* Китайская неграмота // Коммерсантъ Власть : журн. 2012. № 47 (1001), 26 нояб. URL: http://kommersant.ru/doc/2073821?fb_action_ids=4185891120464&fb_action_types=og.likes&fb_source=timeline_og&action_object_map=%7B%224185891120464%22%3A171164866357924%7D&action_type_map=%7B%224185891120464%22%3A%22og.likes%22%7D&action_ref_map=%5B%5D&code=AQCA7oAhdGrfVCdnAOknoszc7xWbnhAYWzez0krgzBX4HTpb3X0J21zipjoJdG4Jju1OyH5-q_dCo5Gi_Ki5v4MN-tVKXvCRf2fZj23Q2VtEU5g983NENX8g8b7fFP15kpuoGpk1rXcilfwG0lFSgsc9B4puLiJsjgYbsfbXXiRF0xFx5rSzfnBt78Crv6xTLkIFgD2jxJ29MMROUP0K9b1W (дата обращения: 15.12.2012).
5. *Д. Медведеву* безразлична реакция Японии на его визит на Курилы // Рамблер новости. URL: <http://news.rambler.ru/14571892/> (дата обращения: 5.07.2012).
6. *Завьялова Н. А.* Черты современного политического дискурса Японии и их языковая манифестация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 100—103.
7. *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
8. *Ивасита Акихиро.* 4000 километров проблем. Российско-китайская граница / пер. с яп. М. Г. Горфункель. — М. : АСТ : Восток — Запад, 2006.
9. *Касавин И. Т.* Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2009. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru (дата обращения: 21.06.2012).
10. *Мухин М. Ю.* Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов : моногр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.
11. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
12. *Парабеллум А., Мрочковский Н.* Выжми из бизнеса все! 200 способов повысить продажи и прибыль. — СПб. : Питер, 2013.
13. *Парабеллум А., Мрочковский Н.* Бизнес без правил. Как разрушать стереотипы и получать сверхприбыль. — СПб. : Питер, 2012.
14. *Пелипенко А. А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории / предисл. А. С. Ахиезера. Изд. 2-е, испр. — М. : Либроком, 2011.
15. *Пинк Дэниел.* Будущее за правым полушарием. Что делать, чем думать и как быть в век нового творческого мышления / пер. с англ. Е. В. Кулешова. — М. : РИПОЛ классик : Открытый мир, 2009.
16. *Рамзес В. Б.* Глобализация стучится в дверь // Япония: собрание очерков «вслед за кистью» (дзуйхицу). — М., 2000.
17. *A collection of Chinese corpora and frequency lists.* URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/query-zh.html>.
18. *Abbassi E., Kahlaoui K., Wilson M. A., Joannette Y.* Processing the emotions in words: The complementary contributions of the left and right hemispheres // Cognitive, Affective and Behavioral Neuroscience. 2011. Vol.11, Iss. 3. P. 372—385.
19. *British National Corpus.* URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>.
20. *Corpus Of Contemporary American English.* URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>.
21. *Kotonoha.* URL: http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form.
22. *Komatsu K.* Origins of the pacific war and the importance of 'magic'. — Japan Library, 1999.
23. *Kuiper K.* Phraseology in a time of crisis: The language of bank advertisements before and during the financial crisis of 2008—2010 / Walter de Gruyter GmbH and Co. Kg Berlin. — N. Y., 2010.
24. *Phraseology : an interdisciplinary perspective / ed. by Sylviane Granger, Fanny Meunier.* — John Benjamins Publ. Company, 2008.
25. *Springer S. P., Deutsch G.* Left brain, right brain: perspectives from cognitive neuroscience. 5th ed. — W. H. Freeman and Company Worth Publ., 2003.
26. *Word And Phrase.Info.* URL: <http://www.wordandphrase.info/analyzeText.asp>.
27. *朝日ニュース = Асахи новости.* 2012. 4 июля. URL: <http://www.asahi.com/politics/update/0704/TKY201207040266.html?ref=recs> (дата обращения: 5.07.2012).
28. *ことわざ慣用句辞典 = КОТОВАЗАКАН' ЁКУДЗИТЕН.* Словарь пословиц и фразеологии. — Tokyo (Japan) : Sanseido Co., 1987.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Р. Д. Керимов
Кемерово, Россия

R. D. Kerimov
Kemerovo, Russia

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ В НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**METAPHORIZATION OF PHYSIOLOGICAL
PROCESSES IN THE GERMAN
SOCIAL COMMUNICATION**

Аннотация. Представлен выполненный с позиций когнитивной лингвистики структурно-функциональный и семантический анализ метафор с концептуальной сферой-источником «Физиологические процессы». Концептуальные метафоры этой группы, описывающие социальную реальность ФРГ, базируются как на традиционных узуальных, так и на окказиональных образах.

Abstract. The article offers a structure-functional and semantic analysis of metaphors representing the source domain “physiological processes”, which are observed in the German social communication from the standpoint of cognitive linguistics. This group of conceptual metaphors, describing the social reality of Germany, is based both on traditional and on occasional images.

Ключевые слова: политический дискурс; концепт; языковая картина мира; концептуальная метафора; немецкая социальная коммуникация.

Key words: political discourse; concept; language picture of the world; conceptual metaphor; German social communication.

Сведения об авторе: Керимов Руслан Джаваниширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент, факультет романо-германской филологии.

About the author: Kerimov Ruslan Dzhavan-shirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the German Philology, Associate Professor, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, б, кор. 6, к. 6412.
e-mail: kerimovrus@mail.ru.

Социальная реальность, отражаемая/создаваемая в социополитической коммуникации, реконструируется как фрагмент языковой картины по данным узуального («социальной») подсистемы лексического состава) и окказионального (повседневной социально-политической и публицистической коммуникации) языкового материала. Ввиду чрезмерной идеологизации современного немецкого общества социально-политические аспекты как институциональной коммуникации, так и общественно-политических СМИ выступают основным механизмом государственной и партийной пропаганды и агитации [Керимов 2008].

Важной частью социально-политической картины мира является метафора как средство фиксирования опыта, знаний и традиций данной лингвокультуры и одновременно как орудие построения идеологического фундамента политической культуры общества и государства. Метафора обладает способностью «переконцептуализировать» узуальные языковые значения, создавать и развивать новые значения. При рассмотрении когнитивной природы метафоры разные ученые отмечают ее способность манипулировать общественным сознанием и фальсифицировать факты, изменять и описывать объективную реальность так, как это выгодно политической элите, партии, государству [Харченко 1992; Чудинов 2001; Lakoff 1992].

Наиболее частотная концептуальная модель метафоризации в современной немецкой социально-политической коммуникации основана на использовании понятийной сферы-источника «Физиология человека»: номинации тела человека, его физиологических органов, систем и процессов проецируются на область общественно-политических отношений. Данная концептуальная сфера обладает самой разветвленной фреймовой структурой в ряду других когнитивных моделей и доминирует в плане частотности и продуктивности экспликации узуальных и контекстуальных номинантов. Наименования тела человека, его составных частей (частей тела) и внутренних органов как источник метафорической экспансии были подробно рассмотрены в нашей статье в прошлом номере «Политической лингвистики» [Керимов 2012].

Вторую большую группу источников физиологической метафорики представляют собой обозначения физиологических и психосоматических процессов, происходящих в организме и нервной системе человека. С помощью данных представлений тоже активно концептуализируются различные явления социально-политической реальности современной Германии, актуализируемые в немецком социальном языке. Физиологические действия и процессы, протекающие в человеческом организме и происходящие с

телом человека (рождение, жизнедеятельность, пищеварение, сон, дыхание, смерть и др.), обозначают в сфере внутривнутриполитических и экономических реалий протекание различных социальных процессов.

При отождествлении реалий социальной реальности с физиологическими действиями и процессами человеческого организма актуализируется прежде всего сходство по производимым действиям (рождение, жизнь, смерть) и по качествам, свойствам (живой, мертвый и пр.), которые несут на себе как положительную («жизнь», «живой»), так и отрицательную («нежизнеспособный», «неживой», «мертвый») оценку.

В роли первичных актуальных для политического языка физиологических процессов выступают **появление** и **развитие** зародыша (эмбриона, плода) и его **рождение** (появление на свет). Начальной стадией развития всех живых организмов является клеточный уровень. Слово „die Zelle“ («клетка») как самостоятельная лексема и как второй компонент в биологическом термине „die Keimzelle“ («эмбриональная, зародышевая клетка») создает в политическом дискурсе традиционные метафорические образы составных элементов (база предикации — функция объекта) и начальной стадии (предикация основана на сходстве по внутреннему качеству) каких-либо социальных процессов, явлений, формируя при описании негативных и позитивных явлений соответственно отрицательную или положительную оценку описываемого предмета, ср., например: *Und wenn sie die RAF der sechziger und siebziger Jahre sehen, das waren alles Kinder aus behüteten Häusern. Das waren nicht linksrevolutionäre Zellen, die aus der Arbeitnehmerschaft kamen* [Rau 2002b: 579—580]; *Das Engagement vieler Bürgerinnen und Bürger in Vereinen und Verbänden, im Sport, in Bürgerinitiativen und Selbsthilfegruppen ist eine der Keimzellen unseres sozialen Zusammenlebens und einer eigenverantwortlichen Gestaltung unserer Existenz* [Schröder 1999: 40]; *Das ist eine der entscheidenden Voraussetzungen, damit es nicht, wie das in einigen Städten der Fall ist, Gettobildungen gibt, die dann von islamischen Fundamentalisten als Keimzelle für Gewalt gebraucht werden können* [Rau 2002a: 413].

Имя „die Neugeburt“ (букв. ‘новое рождение’) в переносном смысле обозначает ‘возрождение, обновление (кого-либо, чего-либо)’ [CUGdR] в материальном (для идей и иных неодушевленных объектов) и духовном (для человека) аспектах.

Зафиксированные в немецких политических речах контексты употребления номинации «плода» („die Ausgeburt“) и «больного»,

«неполноценного» «новорожденного» („kränkelnde Fehlgeburt“) создают резко негативные смыслы, отражая отрицательные с точки зрения говорящего явления в сфере экономики: *Ich kenne die Neigung fast aller nationaler Regierungen, Entscheidungen, die sie auf europäischer Ebene selber getroffen haben, denn als Ausgeburt europäischer Regulierungswut zu brandmarken, wenn es im eigenen Land Gegenwind gibt* [Rau 2001b: 184]; *Wo wären wir, wenn wir Herrn Schröder gefolgt wären, der den Euro als kränkelnde Fehlgeburt bezeichnet hat?* [Waigel 1998: 4].

Эмоционально сильный образ «мертворожденного ребенка» используется при указании на заведомо проигрышное, безнадежное дело, которое не может принести никакой выгоды (по объективным или субъективным причинам): *Diese Sache war von Anfang an ein totgeborenes Kind* [CUGdR] — букв. ‘Это дело с самого начала было мертворожденным ребенком’ в значении ‘Это с самого начала было проигрышным делом’.

В сфере социально-политических отношений способностью **существовать, жить** („leben“, „lebendig“) обладают абстрактные и неодушевленные понятия, выражающие в переносном смысле гармоничное протекание демократических процессов, большой потенциал чего-либо: *Lebendige, leistungsfähige Hochschulen sind angesichts dieser Entwicklung ein Gebot zur Selbsterhaltung und Zukunftsvorsorge* [Bulmahn 1998: 4]; *Meine Damen und Herren, es ist heute eine lebendige und stabile Demokratie, die wir beim Umzug der Verfassungsorgane nach Berlin mitnehmen* [Schröder 1999: 36]; *Sie sollen erfahren, dass unsere Demokratie nur dann lebendig ist, wenn wir unsere Rechte auch nutzen* [Rau 2001a: 96]; *Die Demokratie lebt vom Streit, vom Konflikt, aber nicht vom Konflikt um des Konfliktes willen* [Rau 2002b: 639]; *Die europäische Forschungszusammenarbeit lebt von einer aktiven, engen und lebendigen deutsch-französischen Kooperation* [Bulmahn 2003].

Как и человеческий организм, разные явления общественного устройства (экономика, конституция) проходят определенные стадии развития: рождаются, развиваются, достигают зрелости. Так, слово „Reife“ (зрелость, созревание) обозначает „reifer Zustand“ и „reife Haltung, Verfassung; das Reifsein“ [DGWdS], а в качестве примера в словаре приведено также выражение „politische Reife“ [DGWdS] («политическая зрелость»).

Композит „die Marktreife“ (букв. ‘рыночная зрелость’) в устах немецкого политика образно представляет достижение высоких показателей одним из сегментов германской

экономики — сферой услуг: *Unser Dienstleistungsbereich entwickelt sich zu langsam. Erfindungen werden nicht oft genug zur Marktreife gebracht* [Bulmahn 1998: 3].

Важным показателем состояния и этапа развития организма является его возраст, а также собственно периоды жизни (молодость, старость).

Общее указание на возраст, в том числе количество лет, как бы «персонифицирует» описываемую политическую реалию. При солидном, большом (по человеческим меркам) количестве лет создается метафорический образ состоявшегося, опытного, солидного и потому требующего доверия и положительной оценки объекта (например, конституции Германии): *Unsere Verfassung ist jetzt 51 Jahre alt* [Rau 2001a: 380]; *Vierzig Jahre sind kein Alter, aber 40 Jahre sind ein Erweis für Tüchtigkeit und Fairness, für gediegenes Programm, für gute Einfälle, für kritische Kommentierung und zuverlässige Nachrichtengebung* [Rau 2002b: 25].

Молодой возраст („jung“) передает временное или качественное значение по отношению к социальным реалиям, обозначая недавно возникшие объекты, ср., например, узуальное значение и окказиональный контекст: *junge Aktien* (коммерческий термин ‘новые [дополнительно выпущенные] акции’) / *Der junge Euro wird sicherlich auch hier sehr bald zum Wohle aller eine vertraute Währung sein* [Müller 2003].

Прилагательное „jung“ сочетается с разными существительными для указания на признак возрастной дифференциации:

- *junge Leute* ‘молодые люди, молодежь’;
- *junges Volk, die junge Welt* ‘молодое поколение, молодежь’;
- *in jungen Jahren* ‘в молодости, в юности, в молодые годы’.

Компонент „jung“ входил в свое время (1830-е—1850-е гг.) в наименование литературно-общественного объединения „das Junge Deutschland“ («Молодая Германия»), которое в том числе занималось и политической критикой современной ему социальной реальности.

Понятием „jung“ позитивно характеризуются недавно возникшие реалии, а негативное отношение выражает его лексический антоним „alt“ («старый»), указывающий на отжившее свое, показавшее свою несостоятельность явление, систему отношений и т. д., ср.: *Sie haben es eingesetzt, und wir hatten einen Schwung und ein Wirtschaftswachstum, ohne das wir die deutsche Einheit und ihre Kosten, die Kosten des alten Sozialismus, nicht hätten bewältigen können* [Riesenhuber 1998: 8].

Смерть — это прекращение всяких жизненных процессов в организме. С точки зрения физиологии и анатомии смерть является конечным и последним физиологическим процессом. В культуре смерть воспринимается, как правило, негативно, хотя сами лексемы „sterben“ и „tot“ никакими отрицательными коннотациями в немецком языке не обладают. В сфере политики и экономики данный физиологический процесс и подобное физиологическое состояние создают негативный образ прекращения социальных процессов, например: *Die Demokratie stirbt, wenn wir uns nur noch wie Marktteilnehmer und Konsumenten verhalten* [Rau 2001a: 96]; *„Ein kleiner Staat“, so sagt Lennart Meri, „ist verletzlicher, folglich auch empfindlicher in Bezug auf einen für unseren Kontinent fremden Hegemonismus und schneller bereit, darauf zu reagieren. Wenn die Entwicklung Europas auch nur in Bezug auf den kleinsten Kleinstaat paternalistisch verläuft, kann dies für das Phänomen Europa tödlich sein. Die Kleinstaaten können lästig sein, aber sie tragen das Gleichgewicht Europas“* [Rau 2002b: 256].

Финансово-экономическое понятие „totes Kapital“ («мертвый капитал») характеризует денежные средства, которые никаким образом не используются, не участвуют ни в каких финансовых операциях, никем никуда не вкладываются: *Jede Mitbestimmung ... steht für den Grundsatz, dass die arbeitenden Menschen nicht als Anhängsel des „toten Kapitals“ behandelt werden dürfen* [Rau 2001b: 240].

Лексема „die Leiche“ («труп, мертвое тело») представлена в следующих идиомах:

- „eine **Leiche** im Keller“ — „etwas Ehrenrühriges aus der Vergangenheit, das noch nicht entdeckt worden ist“ [CUGdR] (ср. в русском языке: ‘скелет в шкафу’): *Marion Seelig, vor der Wende in der Opposition, beschwor die Delegierten, Differenzierung könne doch nicht Verharmlosung der Stasi bedeuten. „Wieder hat keiner etwas gewusst, wieder haben alle nur das Gute gewollt, einzuordnen ist alles in die großen Zusammenhänge und den kalten Krieg.“ Sie fühle sich hier draußen vor der Tür. „Wie viele **Leichen im Keller** kann sich eine Partei leisten?“* (BZ. 1991);
- „über Leichen gehen“ («шагать через трупы, действовать беспощадно»).

Среди причин смертельного исхода в политической коммуникации выделяется гибель от холода, обозначаемая лексемой „erfrieren“ («замерзнуть»), причем этому понятию в некоторых контекстах противопоставляются механистический образ работающей, функционирующей („funktionieren“) системы или метафора «тепла» („die

Wärme“) — в последнем случае реализуется стандартная языковая антиномия *холодный / теплый: Davon lebt die Gesellschaft. Gäbe es das nicht, würden wir zwar funktionieren, aber erfrieren* [Rau 2001a: 66]; *Wer hier oder anderswo mittut, der sorgt für die Wärme, die weder der Staat noch der Markt schaffen können, ohne die aber unsere Gesellschaft erfrieren würde* [Rau 2001a: 283]; *Ohne ehrenamtliches Engagement funktioniert die Welt, aber sie erfriert* [Rau 2001b: 440].

Метафоры **сна** создают различные по смыслу образы в зависимости от контекста. Так, лексема „der Schläfer“ («спящий, соня») в жаргоне спецслужб обозначает засланного или завербованного агента, который живет на территории другого государства, но на протяжении очень долгого времени не используется, чтобы, не вызывая подозрений, в нужный момент выполнить срочное задание.

В 2001 г. президент Й. Рау назвал «спящими» (в тексте одной из его речей это слово при употреблении в первый раз закавычено, а во второй раз — нет) террористов-смертников, которые долгое время вели внешне добропорядочную жизнь в США, а потом, 11 сентября, совершили теракты в Нью-Йорке. При этом немецкий президент употребил другой термин из словаря спецслужб — „getarnt“ («замаскированный, скрытый, законспирированный»), что создает цельный образ террористов — врагов общества, которые очень опасны, но которых трудно выявить и соответственно нейтрализовать: *Die mutmaßlichen Terror-Piloten haben doch allen Anforderungen der Integration genügt. Die Bevölkerung könnte nun sagen, gerade der, der integriert ist, ist ein „Schläfer“ und wirklich gefährlich. (...) Natürlich waren diese Schläfer gut getarnt* [Rau 2002a: 400—401].

Нежелательные явления могут переосмысливаться как «кошмар», «плохой сон» („der Alptraum“): *Das Leben ist hier schneller gewesen als der interreligiöse oder interkulturelle Dialog. Der muß nun dringend folgen, damit das Miteinander nicht zu einem Alptraum wird. Man kann auf die Dauer nicht miteinander leben, wenn man nicht miteinander redet und nichts voneinander weiß* [Herzog 1997: 14].

Глагол „schlafen“ входит в состав устойчивого выражения „über eine Sache schlafen“ — „sich eine Sache noch einmal überlegen“ [CUGdR] (ср. с выражением в русском языке ‘Утро вечера мудренее’).

Процесс выведения из «сна», «побудки» („wecken“) упоминается при создании негативного образа спящего общества, государства, которые не используют полностью свой потенциал, а сам данный процесс должен послужить на благо общества и страны:

- *Unser Land hat — daran kann doch kein Zweifel bestehen — große Potenziale, Potenziale, die wir durch eine gemeinschaftliche Anstrengung wecken können und wecken müssen* [Schröder 2003a: 43];

- „da musst du früher, eher aufstehen“ — „(salopp) da musst du dir mehr Mühe geben, um zu erreichen, was du im Sinne hast“ [DGWdS];

- „da musst du früher [eher] **aufstehen**“ — „da musst du dir schon etwas Besseres einfallen, um etwas auszurichten; damit kamst du zu spät“ [CUGdR], например: *Noch vor knapp drei Jahren hatte Kohl für die Industrie vor allem Spott übrig. Er warf den Wirtschaftsführern vor, die Geschäfte in Asien zu verschlafen: „Unsere Wirtschaftsherren“, sagte er im Februar auf einer Reise durch Indien, Singapur, Indonesien, Japan und Südkorea, „sollten mal eine Stunde früher aufstehen“* (Der Spiegel. 1995).

Процесс **дыхания**, обозначаемый глаголом „atmen“, репрезентирует в первую очередь представление о бурно и активно протекающих политических действиях, причем в качестве поддержки и для развертывания метафорического образа могут использоваться и другие глаголы, которые номинируют иные физиологические действия, как например, „stinken“, „dröhnen“ при описании активно развивающегося после объединения Германии Берлина: *Berlin atmet und stinkt und dröhnt* [Weiß 1991].

Помимо этого, физиологический процесс дыхания уподобляется процессу социального или промышленного функционирования, работы чего-либо: *Demokratie erlaubt Gesellschaften zu atmen* [Rau 2001a: 24]; *Das nennt man mit dem schönen Zauberwort Flexibilität. Ich sage denen, wir werden mit Ihrer, mit eurer Unterstützung darauf zu achten haben: Ja, wir brauchen das, was Peter Hartz und andere „atmende Fabrik“ genannt haben* [Schröder 2003c].

И наконец, дыхательная система и дыхание проявляют себя в нетипичной (с физиологической точки зрения) функции обозначения запаса сил, прочности. Решение некоторых проблем требует наличия сильной дыхательной системы, как это представлено в устойчивом выражении „einen langen Atem brauchen“:

- „einen langen, den längeren **Atem** haben“ — „es bei einer Auseinandersetzung o. Ä. lange, länger als der Gegner aushalten“ [DGWdS];

- „einen langen [den längeren] **Atem** haben“ — „es lange (länger) (als der Gegner) aushalten“ [CUGdR], например: *Wir müssen den Terrorismus bekämpfen, und wir werden ihn besiegen. Dazu brauchen wir einen langen Atem* [Rau 2002a: 103].

Наличие (сильного) дыхания указывает на способность осуществлять необходимые действия, принимать трудные и ответственные решения:

- *Für solche Bretter braucht man ziemlich gute Bohrer, und man braucht einen sehr langen Atem, damit einem nicht die Puste ausgeht* [Rau 2002a: 247];

- „j-n, etwas in **Atem** halten“ — „j-n, etwas in Spannung halten, nicht zur Ruhe kommen lassen, pausenlos beschäftigen“ [DGWdS].

Составное прилагательное „atemberaubend“ (букв. ‘прерывающий дыхание’) передает как осуществление чего-то интересного, нового, поступательного, быстрого, так и ситуацию напряжения (словарное значение ‘захватывающий (дух)’), что представлено и в свободных словосочетаниях, как например: „mit atemberaubender Spannung“ («затаив дыхание; в крайнем напряжении»).

«Одышка» („kurzatmig“) указывает на слабое физическое состояние, плохую физическую форму, а применительно к политике выступает в роли метафоры для передачи негативной оценки, например действий правительства со стороны оппозиции, которая считает их несвоевременными, непоследовательными и потому неэффективными: *Es ist doch verblüffend, wenn die Opposition schreibt: Die Bundesregierung reagiert wie vor kurzatmig und konzeptionslos auf die Beschäftigungs- und Strukturkrise* [Riesenhuber 1998: 8].

Воздух — дыхание является в переносном смысле мерилем социальной и экономической силы, а его отсутствие означает финансовый крах [См. подр.: Федянина 2008], как это представлено в идиоме „j-m geht **der Atem** aus“ — „jemand ist mit seiner Kraft, mit seinen Mitteln, wirtschaftlich am Ende“ [DGWdS].

Этот же смысл заложен и в следующем выражении с компонентом „die Pust“ («дыхание»), у которого имеется переносное значение ‘сила; деньги’: „j-m geht die **Puste** aus“ — „j-n verlassen seine Kräfte; j-s finanzielle Möglichkeiten gehen zu Ende“ [CUGdR], например: *Lafontaine will und muss an ein rot-grünes Projekt anknüpfen, ehe ihm, seinen sozialdemokratischen Altersgenossen und den Grünen die Puste ausgeht* (Der Spiegel. 1995).

Данный фрагмент картины мира описывается также и контекстами с образом воздуха („die Luft“), который используется для «дыхания». Воздух — вещество (элемент), которое постоянно необходимо человеку для жизнедеятельности (для дыхания). С этой функцией связано значение создания необходимых условий для функционирования чего-либо. Недостаток воздуха создает про-

блемы, а приток (свежего) воздуха создает благоприятные условия, возвращает описываемую ситуацию в нормальное (обычное) состояние, ср:

- „j-m die Luft abdrehen [abdrücken]“ — „j-n (wirtschaftlich) zugrunde richten“ [CUGdR] («разорить кого-либо, задушить кого-либо (экономически); перекрыть воздух кому-либо»);

- „nach Luft schnappen“ («быть в затруднительном (финансовом) положении»; букв. «задышаться, ловить воздух»);

- „wieder Luft bekommen (kriegen)“ («свободно вздохнуть, освободиться (от трудного), почувствовать облегчение»; букв. «снова получить/почувствовать воздух»).

У глагола „wittern“ («чуть»), который употребляется по отношению как к человеку, так и к животному (в языке охотников), развилось абстрактное второе, переносное значение «(пред)чувствовать», ср.: „wittern“ <sw. V.; hat> [mhd. witeren = ein bestimmtes Wetter sein oder werden; weidm.: Geruch in die Nase bekommen, zu ²Wetter]: 1. (Jägerspr.) „a) durch den Geruchssinn etwas aufzuspüren oder wahrzunehmen suchen; einen durch den Luftzug herangebrachten Geruch mit feinem Geruchssinn zu erkennen suchen“; b) „etwas durch den Luftzug mit dem Geruchssinn wahrnehmen“. 2. „mit feinem Gefühl etwas, was einen angeht, ahnen“ [DGWdS]: „überall Böses, Unheil, Verrat, Gefahr **wittern**“; „ein Geschäft, eine Möglichkeit, eine Sensation **wittern**“; „in j-m einen neuen Kunden, die kommende Politikerin, einen Feind **wittern**“.

Метафорический образ «предчувствия» развивается в вербальном фразеологизме с именем существительным „die Morgenluft“ («утренний воздух; (свежий) утренний ветерок»): „**Morgenluft** wittern“ — „die Möglichkeit sehen, einen Vorteil zu erlangen, aus einer ungünstigen Lage herauszukommen“ [CUGdR], ср.: *Prompt witterten die Grünen Morgenluft. „Jetzt haben wir wieder die Chance, Kohl gemeinsam in die Zange zu nehmen“, meint Lafontaines Pendant Joschka Fischer. Und aus dem geplanten, eher harmlosen Treffen mit Gregor Gysi von der PDS ist plötzlich ein Politikum geworden* (Der Spiegel. 1995).

Ситуация **пищеварения** представлена в современном немецком политическом дискурсе окказиональным метафорическим контекстом с номинацией „der Durst“ («жажда»). С помощью последней описываются проблемы в секторе промышленного производства, банкротство некоторых промышленных предприятий ввиду тяжелого финансового положения — оно и представляется как физиологическое состояние «жажды», которое может перейти в «смерть»: *Er hat ein altes,*

solides Unternehmen. Die haben nicht über ihren Durst gelebt [Schwanhold 1998: 9].

Часто общественно-политическим институтам приписывается определенное **физическое состояние**. Так, например, некоторые политики, критикующие систему образования в ФРГ, представляют ее «утомленным, усталым, изнуренным, измученным, разбитым; неспособным двигаться дальше» человеком („marode“): *Das ersetzt gewiss nicht die Produktion von neuem Wissen. Ganz falsch wäre es aber auch, Forschung gegen Bildung auszuspielen und in maroden Klassenzimmern von der Faszination der Forschung zu predigen* [Rau 2002a: 249].

Физическое состояние человека тесно связано с психосоматическими показателями и определенным образом обуславливает их. В результате описание эмоционального состояния может осуществляться образно, с помощью обращения к номинациям физического состояния человека, как в следующем устойчивом выражении: „j-n **schwach** machen“ — „j-n aufregen; j-n nervös machen“ [CUGdR]; ср.: *Mach mich nicht schwach! Tagesspiegel: Die Opposition wirft Ihnen vor, dass Sie die Schuldigen immer in Bonn suchen ... — Hildebrandt: Dieses Argument macht mich schwach. Schließlich klage ich nicht allgemein über Bonn, sondern immer nur über konkrete Verschlechterungen. Jeder kann prüfen, ob die Fakten stimmen* (Der Tagesspiegel. 1997).

Наконец, **опьянение** ассоциируется в современной немецкой политической картине мира с эмоциональным состоянием, вызванным избытком власти, что закреплено в визуальном композите „der Machtrausch“ — „rauschhaftes Gefühl, Überwältigtsein durch den Besitz von Macht (3)“ [DGWdS] (букв. ‘опьянение от власти’).

На периферии исходной понятийной сферы «Физиологические процессы» находится непродуктивная и малочастотная группа номинантов, объединенных архисемой **выделения тела человека** и представляющих ситуации «слюноотделения» и естественных отпавлений.

Помимо собственно физиологических процессов, актуальными при описании социальной реальности являются номинации **органов психики и психосоматики**, составляющие самостоятельный фрейм. Соответствующий раздел физиологии имеет отношение к нервной системе человека, его психике и психологии, включая относящиеся сюда соответствующие органы и системы организма, а также эмотивные и иные состояния психики, психофизиологические и психосоматические процессы в организме человека.

Психосоматический аспект деятельности человеческого организма характеризуют наименования психофизиологических характеристик, свойств и качеств человека, которые проявляются в отношении человека к окружающей действительности и в способности посредством психических качеств и физических способностей оказывать влияние на окружающий мир, менять его отдельные части.

Предикация социально-политических объектов психическими, ментальными органами, системами, качествами и состояниями сопряжена с метафорическим переносом на основе внутреннего сходства, сходства по действию и по функции. В зависимости от оценки в данной культуре тех или иных явлений, например черт характера человека, и от контекстного окружения посредством данных номинаций создаются положительные и отрицательные образы. Актуальными в этом отношении представляются такие слоты (части фрейма), как нервная система, сердце, черты характера, психические процессы, эмотивные состояния, физические качества и речевая деятельность.

Нервная система представляет собой совокупность нервной ткани и нервов, которые осуществляют управление частями и системами организма, а также некоторыми физиологическими процессами, и отвечают за реакцию на внешнее раздражение. Лексема „der Nerv“ представлена в современном немецком языке в большом количестве идиом и устойчивых визуальных выражений с ярко выраженным социальным колоритом, например:

• „einen **Nerv** für etwas haben“ — „Verständnis für etwas haben“ [CUGdR];

• „den **Nerv** haben (etwas zu tun)“ — „den Mut, die Frechheit haben, etwas zu tun“ [CUGdR];

• „j-m den (letzten) **Nerv** töten [rauben]“ — „j-n sehr belästigen, nervös machen“ [CUGdR];

• „**Nerven** wie Drahtseile [wie Stricke] haben“ — „sehr gute Nerven haben, äußerst kaltblütig sein“ [CUGdR];

• „j-m auf die **Nerven** fallen [gehen]“ — „j-m lästig werden“ [CUGdR]: *Und der stellvertretende CDU-Vorsitzende Jürgen Rüttgers, dem das Durchhecheln von potenziellen Bewerbern wie vielen in der Parteiführung auf die Nerven geht, stellte klar: „Die Frage, wer Kanzlerkandidat oder Kandidatin wird, wird im Frühjahr entschieden“* (BZ. 2001);

• „j-m an die **Nieren** gehen“ — „jemanden sehr bewegen, aufregen, angreifen“ [CUGdR].

Главная функция нервов в человеческом организме была переосмыслена с появлением у данного слова нового значения

‘(главная) движущая сила, сущность, главный нерв’. Эта семантика эксплицируется в разговорном шутовском обозначении денег: „der Nerv aller Dinge“ (букв. ‘нерв всех вещей’).

Лексема „Nerv“ входит также в состав сложного слова „der Lebensnerv“, у которого в словаре зафиксировано следующее значение: „etwas zum Leben und Weiterbestehen unbedingt Notwendiges“ [DGWdS]. При предикации понятия „Lebensnerv“ абстрактным явлением („Demokratie“) возникает метафора на базе сходства по функции («быть необходимым для жизни и восприятия»): **Der Lebensnerv der parlamentarischen Demokratie ist das Parlament** [Schorlemer 1991].

Сфера экономики, подобно человеческому организму, может чувствовать („spüren“): *Wenn es an Sicherheit weltweit fehlt, spürt das die Wirtschaft zuerst* [Schröder 2003b].

Отдельные страны, как и живой организм, способны воспринимать и оценивать окружающий мир, например: *„Ein kleiner Staat“, so sagt Lennart Meri, „ist verletzlicher, folglich auch empfindlicher in Bezug auf einen für unseren Kontinent fremden Hegemonismus und schneller bereit, darauf zu reagieren...“* [Rau 2002b: 256].

Сердце является главным органом не только кровеносной системы [См.: Керимов 2012], но и психики. В воззрениях многих народов, включая славян и германцев, сердце является местом сосредоточения души человека, в связи с чем оно воспринимается как главный орган любви человека, что проявляется во многих языковых выражениях (ср.: «отдать кому-то свое сердце», «завоевать чье-либо сердце», «сердце не лежит к кому/чему-либо» и т. д.), а также в том, что сердце стало символом любви. Образ сердца часто встречается в лирической поэзии, произведениях литературы и других видов искусства.

Через сердце, выступающее в этом качестве, пропускаются самые важные общественные и социальные явления, о которых говорят, что они «приросли к сердцу» („in den Herzen verwurzeln“). Это выражение апеллирует одновременно и к биоморфному коду: „verwurzeln“ — „Wurzeln schlagen“ [DGWdS]; ср.: *Tatsächlich hat die nordische Zusammenarbeit eine besondere Qualität. Sie ist, mehr als viele andere Formen regionaler Kooperation, in den Herzen der Menschen verwurzelt* [Rau 2000: 163].

Важными характеристиками человеческой психики являются постоянные качества, проявляемые человеком в одних и тех же ситуациях и получившие наименование **черт**

характера. Они делятся на положительные (надежность, толерантность, ответственность) и отрицательные (брюзгливость, злоба, неуверенность и себе, бессердечность).

Актуальные положительные черты характера метафорически переносятся на те социальные реалии, которые, по мнению немецких политиков, обладают такими же характеристиками („verlässlich“, „tolerant“, „verantwortlich“), например: *Und genau das ist das, was offenkundig läuft, und zwar innerhalb einer langfristig angelegten, stetigen und verlässlichen Politik, und diese schlägt sich jetzt nieder* [Riesenhuber 1998: 8]; *Verantwortliche Politik muss dieses Verhältnis neu ordnen und muss die Frage beantworten, welche national und welche nur international erfolgreich gelöst werden können* [Rau 2000: 31]; *Berlin ist eine tolerante Stadt* [Hilsberg 1991].

Отрицательные черты и качества характера человека („böse“, „verunsichert“, „die Mäkelei“, „herzlos“, „genüßlich“), в свою очередь, указывают на негативные характеристики различных социально-политических явлений и реалий, что демонстрируют следующие окказиональные контексты: *Die CDU würde so tun, als hätte sie mit der Politik in Bonn überhaupt nichts zu tun, und sie würde sagen, daß an allem die böse F. D. P. schuld sei* [Lafontaine 1998: 5]; *Statt den Warnungen der Wehrbeauftragten zu folgen, zogen Sie sich doppeldeutig und genüßlich auf den ministeriellen Erlaß eines Verteidigungsministers der SPD zurück* [Beer 1998: 10]; *Stimmt aus Ihrer Sicht der Befund, dass Deutschland im zehnten Jahr der deutschen Einheit ein verunsichertes, ein gespaltenes Land ist?* [Rau 2001a: 382]; *Ohne die Arbeit der Ehrenamtler wäre unsere Gesellschaft kälter und herzloser* [Rau 2002a: 356].

С психикой и нервной системой человека связаны также и его интеллектуальные способности (ум; способность к логическим рассуждениям), отражающие протекание ментальных (**психических**) процессов. Так, например, наличие ума („klug“) характеризует, по мнению президента ФРГ Р. Герцога, «Основной закон ФРГ», что выражает положительную оценку: *Wir haben eine kluge Verfassung, die Regierung von Opposition, Bundestag und Bundesrat zur Zusammenarbeit zwingt* [Herzog 1997: 8].

Выражение „kalte Logik“ («холодная логика») в устах другого президента ФРГ, Й. Рау, служит созданию негативного образа рынка, который ориентирован только на получение выгоды и не предполагает моральные человеческие качества: **Die kalte Logik des Marktes in allen gesellschaftlichen Bereichen kann höchstens zur Ellenbogenmentalität,**

zum „survival of the fittest“, zum Sozialdarwinismus führen [Rau 2001b: 70].

Важную роль в интеллектуальных и психических процессах играет способность человека сохранять и в нужный момент использовать свои знания, что определяется памятью. Память („das Gedächtnis“) отражает опыт человека, в политическом контексте — опыт нации, общества и государства, который отражается в официальных документах, в том числе, по мнению экс-президента ФРГ Й. Рау, в конституции Германии: *Es ist einmal gesagt werden, das Grundgesetz sei das Gedächtnis unseres demokratischen Rechtsstaates* [Rau 2002a: 132].

В политических речах отмечены такие обозначающие **эмотивные состояния** лексемы, как „glücklich“ («счастливый»), „stolz“ («гордый»), а также их дериваты. Все они создают позитивные метафорические образы на базе сходства по внутреннему качеству. При употреблении слов „glücklich“ и „glückbringend“ актуализируется сема ‘успешности’ („erfolgreich“), ср.: *Bonn ist eine glückliche Stadt* [Thierse 1991]; *Ich bin sehr wohl bereit, zu teilen und zu helfen; aber ich bin nicht bereit, zu glauben, daß der Sitz von Parlament und Regierung eine glückbringende Funktion hat* [Zeitlmann 1991].

У прилагательного „stolz“ метафорической переработке подвергается значение „(im Hinblick auf Anzahl, Menge, Ausmaß) erheblich, beträchtlich; als ziemlich hoch empfunden; beeindruckend“ [DGWdS], например: *Es ist eine stolze Verfassungsgeschichte, die wir mit Leben erfüllt haben* [Waigel 1998: 4].

Эмотивные и психические состояния человека могут приписываться в политическом дискурсе отдельным странам, за счет чего последние характеризуются с определенной стороны. Так, например, сама Германия может быть представлена как «неуверенная в себе» страна: *Stimmt aus Ihrer Sicht der Befund, dass Deutschland im zehnten Jahr der deutschen Einheit ein verunsichertes, ein gespaltenes Land ist?* [Rau 2001a: 382].

Номинация «успокоения (кого-либо)» („beschwichtigen“ — „beruhigend auf j-n, etwas einwirken“) образно прилагается к сфере международной политики, что проявляется в композите „die Beschwichtigungspolitik“ — „Verhaltensweise, Vorgehen, das dazu dient, aufgekommene [berechtigte] Besorgnis, Beunruhigung über bestimmte Entwicklungen, Maßnahmen zu beschwichtigen; Appeasement“ [DGWdS]. Ср.: *die Ausführungen des Ministers können nur als Beschwichtigungspolitik verstanden werden*.

Полный синоним слова *die Beschwichtigungspolitik* — *das Appeasement*, заимство-

вание из английского языка (куда оно пришло из французского), по значению не отличающееся от незаимствованной лексики. Однако заимствование в словаре сопровождается пометой „oft abwertend“: „das Appeasement“ [engl. appeasement < frz. apaisement = Beschwichtigung, zu: apaiser = beruhigen, besänftigen, zu altfrz. pais = Friede < lat. pax] — „(Politik, oft abwertend)“ *Politik ständigen Nachgebens gegenüber expansiver oder subversiver Machtpolitik bes. totalitärer Staaten; Beschwichtigungspolitik*“ [DGWdS].

Полной противоположностью «политики умиротворения» является так называемая «политика устрашения»: „die Abschreckungspolitik“ — „auf der Abschreckungstheorie basierende Politik“ [DGWdS].

Идея устрашения присутствует также в юриспруденции, где оно направлено на преступность (с целью предотвращения преступлений). Устрашение репрезентируется в целой группе специальных понятий с компонентом или ключевым словом „Abschreckung“, например:

- „die Abschreckungstheorie“ («теория устрашения (в праве)»);
- „die Abschreckung zukünftiger Täter“ («устрашение будущих [потенциальных] преступников»);
- „die Abschreckungsfunktion der Strafe“ («общепреventивная функция наказания»);
- „die Abschreckungsidee“ («идея устрашения (в теории наказания)»);
- „zur [als] Abschreckung dienen“ («служить для устрашения»);
- „die Abschreckungsstrafe“ («примерное наказание, наказание в назидание другим»);
- „das Abschreckungsmittel“ («средство устрашения [запугивания]»).

Качества, связанные с физическими параметрами, при абстрагировании начинают выражать некую категорию предполагаемых, ассоциативных свойств, которые, однако, лишаются реального наполнения. Это может происходить, например, при приписывании **физических качеств** человека каким-либо неодушевленным и абстрактным объектам (политике, государству и пр.).

Широкое распространение в западной политической культуре получило понятие социополитической, экономической «силы», выражаемое в немецком языке словом „die Kraft“ (самостоятельно и в рамках композитов), а также его дериватами. Переносное значение развилось из основного — обозначения физической силы человека, а также (на основе этого) психической, моральной и пр., которые, как считается, тесно взаимосвязаны в психофизиологии человека, ср.: „die Kraft, -, Kräfte“ [mhd., ahd. kraft, urspr. =

Zusammenziehung (der Muskeln): „1. Vermögen, Fähigkeit zu wirken“ [DGWdS]: „körperliche, seelische, sittliche, moralische, geistige, jugendliche Kraft“; „die Kraft des Geistes“; „ihm fehlt die Kraft“; „seine Kräfte versagen, erlahmen, lassen nach“; „in ihm steckt eine ungeheure Kraft“; „seine Kraft erproben“; „im Urlaub neue Kräfte sammeln“; „bei dieser Arbeit kann er seine überschüssige Kraft abreagieren“; „er hat seine Kraft“; „seine Kräfte überschätzt“; „seine ganze Kraft für etw. aufbieten“; „alle Kräfte anspannen“; „dieser Posten nimmt **seine ganze Kraft** in Anspruch“; „ungeahnte Kraft in sich fühlen“; „er hatte nicht mehr die Kraft aufzustehen“; „Kraft haben (stark sein, über Körperkraft verfügen)“; „keine Kraft mehr in den Knochen haben (ugs.; schwach sein)“; „die Sorge um das Kind verbrauchte ihre Kraft, verlieh ihr ungeahnte Kräfte“; „eine Kraft sparende Methode“.

От первого, прямого значения («физическая сила») образованы переносные значения „die militärische, wirtschaftliche Kraft eines Landes“ [DGWdS] — результаты переноса качеств человека на качества страны, государства (из сферы конкретного в сферу абстрактного), которые обладают потенциалом и достижениями в определенных сферах (военной, экономической).

Второе значение слова „die Kraft“ выражает способность объекта влиять на кого-/что-либо: „2. etwas, was einer Sache als Ursache einer Wirkung oder als Möglichkeit, in bestimmter Weise zu wirken, innewohnt“ [DGWdS], например: *die heilende Kraft der Kräuter, der Medikamente; die belebende Kraft des Alkohols; die unbändigen Kräfte der Natur.*

На основе второго значения появилось выражение „die treibende Kraft sein“ — „derjenige sein, der etwas anregt und eifrig dafür tätig ist, dass es auch durchgeführt wird“ [DGWdS].

При переходе в сферу абстрактного данное сочетание предполагает, что в роли субъектов действия выступают целые государства, организации и пр. В метафорическом контексте данное сочетание может приближаться к техническому термину, если в соответствующем фрагменте наличествует другая техническая метафора, что демонстрирует следующий контекст, в котором в один образ входят актуальное выражение и композит с техноморфным компонентом („der Einigungsprozess“): *Wir tun das am besten dadurch, dass wir weiter **eine treibende Kraft** im europäischen Einigungsprozess sind* [Rau 2000: 36].

Таким образом, идиоматичное выражение „treibende Kraft sein“ сближается с технической концептосферой и даже имеет в ней композитный синоним „die Triebkraft“.

Еще одно значение слова „die Kraft“ — „die Arbeitskraft“ [DGWdS] («рабочая сила»). Оно появилось в результате метонимического переноса (с качества на носителя этого качества) с элементами генерализации (под носителями условно понимаются все люди, без учета реального наличия физической способности): 3. „Arbeitskraft (2)“ [DGWdS], например: *er ist **eine tüchtige Kraft**; Er bestellte **die ungewöhnlich fleißige Kraft** anderen Abends in sein Büro.*

В экономической сфере применяются следующие сочетания с лексемой в данном значении, в том числе с формами множественного числа существительного „die Kraft“ с собирательной семантикой:

- „eine junge [jüngere] Kraft“ («молодой помощник, молодая помощница»);
- „eine gelernte Kraft“ («квалифицированный рабочий»);
- „eine tüchtige Kraft“ («хороший [дельный] работник»);
- „eine versierte Kraft“ («опытный работник»);
- „eine weibliche Kraft“ («работница, служащая»);
- „wissenschaftlich ausgebildete Kräfte“ («научно подготовленные кадры»).

Наконец, слово «сила» стало метафорически обозначать различные группы и объединения людей, обладающие политическим, идеологическим влиянием: „4. <Pl.> in besonderer Weise Einfluss ausübende, ideologisch ausgerichtete Gruppe von Menschen“ [DGWdS], ср., например: *fortschrittliche, liberale, konservative, reaktionäre, bürgerliche Kräfte; hier sind **Kräfte** am Werk, die dem Staat schaden können; die Regierung will **die revolutionären Kräfte** ausschalten; ...ihre Solidarität ... **mit den fortschrittlichen revolutionären Kräften** und **den Kräften** der nationalen Befreiung* (horizont 13, 1978, 10).

На метафорической основе появился физический термин «сила», который обозначает разнообразные физические величины, прежде всего электрические и электромагнитные (например, „elektrische, magnetische Kräfte“).

В составе узуальных устойчивых сочетаний компонент „Kraft“ выражает представление о социальной легитимности, а сами такие идиомы описывают ситуации вступления правовых актов в законную силу, обладания ими законной силой, исключения документов из делопроизводства и утраты ими силы:

- „in Kraft treten, sein/befindlich sein/stehe, bleiben“ — „wirksam, gültig werden, sein, bleiben“ [DGWdS], ср.: *das Gesetz **tritt** am 1.10. **in Kraft**; das immer noch **in Kraft** stehende Abkommen vom 9. September 1966; die bis*

zum Jahre 1918 **in Kraft befindliche** ständische Verfassung; die Regelung **bleibt** weiterhin **in Kraft**;

- „in Kraft setzen“ — „gültig, wirksam werden lassen“ [DGWdS];
- „außer Kraft treten, sein“ — „seine Wirkung, Gültigkeit verlieren, keine Wirkung, Gültigkeit [mehr] haben“ [DGWdS]: *der Befehl ist außer Kraft*; *Das Instrument of Government trat nach kurzer Zeit außer Kraft*;
- „außer Kraft setzen“ — „ungültig, unwirksam werden lassen“ [DGWdS]: *eine Verordnung außer Kraft setzen*; *Bis hin zu den antisemitischen Frechheiten ist aller Anstand außer Kraft gesetzt*.

В буквальном значении приведенные выше выражения (*in Kraft treten, sein/ befindlich sein/ stehen, bleiben; in Kraft setzen; außer Kraft treten, sein; außer Kraft setzen*) коррелируют с условной локализацией в рамках дименсиональной субсферы, выражая вхождение в некую условную локацию, пребывание в ней и уход из нее.

В немецкой правовой сфере также циркулируют, например, такие часто используемые понятия:

- „außer Kraft setzen“ («отменять, аннулировать (например, закон)»);
- „außer Kraft treten“ («терять (юридическую) силу»);
- „in Kraft bleiben“ («оставаться в силе»);
- „in Kraft sein“ («быть в силе, иметь силу, быть действительным»);
- „in Kraft setzen“ («вводить, утверждать»);
- „in Kraft stehen“ («иметь силу»);
- „in Kraft treten“ («вступать в силу»);
- „rückwirkende Kraft des Gesetzes“ («обратная сила закона»);
- „verbindliche Kraft des Gesetzes“ («обязательная сила закона»);
- „verbindliche Kraft haben“ («иметь обязательную силу»).

Сложные слова с первым компонентом (корнем) „Kraft-“ и „Kräfte-“ (от формы множественного числа) выражают разные ситуации взаимоотношения разнообразных политических субъектов (групп, партий, государств, блоков, союзов и пр.), а значение таких лексем соответственно складывается под влиянием переносного смысла первого компонента, у которого конкретное, первое значение становится переносным, абстрактным.

Так, подобные сочетания номинируют «соотношение сил» на «политической карте мира», в международной политике, экономике и т. п.:

- „das Kräftegleichgewicht“ — „Gleichgewicht politischer, wirtschaftlicher, militärischer o. ä. Kräfte“ [DGWdS]: *Das fragile inneritalienische*

Kräftegleichgewicht gerät ins Wanken (Zeit 20.05.98, 88); *Inzwischen ist das Kräftegleichgewicht von Gewerkschaften und Arbeitgebern empfindlich gestört* (Wirtschaftswoche 11, 1985, 194);

- „das Kräfteverhältnis“ — „vgl. Kräftegleichgewicht“ [DGWdS];
- „die Kräfteverteilung“ — „vgl. Kräftegleichgewicht“ [DGWdS];
- „der Kräfteausgleich“ — „vgl. Kräftegleichgewicht“ [DGWdS].

Сочетание „die Kraftprobe“ описывает ситуацию военного столкновения: „die Kraftprobe“ — „Anstrengungen Rivalisierender, aus denen hervorgeht, wer der Stärkere, Bessere ist“ [DGWdS], например: *eine militärische Kraftprobe*.

Негативную оценку несет в себе композит „die Kraftmeierei“ (паз. 'хвастовство своей силой'), который также может образно переосмысливаться, проецироваться на социальную сферу: „die Kraftmeierei“ (ugs. abwertend) — „großspuriges Prahlen mit der Körperkraft“ [DGWdS], например: *Anarchie ist nicht Terror, nicht Gewalt, nicht politische Kraftmeierei*.

Имя прилагательное „kräftezehrend“ («изнуряющий, изматывающий силы») также передает негативную оценку описываемой ситуации, указывает на политическую несостоятельность, слабость определенных субъектов: „kräftezehrend“ <Adj.> — „an den Kräften (1) zehrend“ [DGWdS], ср.: *Wie lange der Kanzler ... den kräftezehrenden Anforderungen seines Amtes noch gewachsen sein wird* (NZZ 16.10.81, 1).

В экономическом понятии „der Kräftebedarf“ первый компонент несет в себе значение «рабочая сила» (слово целиком означает 'потребность в рабочей силе'): „der Kräftebedarf“ <o. Pl.> — „Bedarf an Arbeitskräften“ [DGWdS].

От существительного „die Kraft“ путем конверсии произведен предлог „kraft“ («в силу; на основании»), у которого изначальное значение «физическая сила» не прослеживается. Он употребляется преимущественно с абстрактными понятиями социальной сферы при указании того, на основании чего происходят какие-либо действия, например:

- „kraft des Gesetzes“ («в силу закона»);
- „kraft seines Amtes“ («по долгу службы»);
- „kraft meines Einspruches“ («благодаря моему протесту, на основании моего протеста»);
- „kraft dessen...“ («в силу чего...»).

Также лексема „Kraft“ часто реализуется в составных (композициях) и словосочетаниях терминопонятиях из сферы физики и химии, математики, механики и даже правовых отношений (описание технических характери-

стик, статуса транспортных средств (базовый элемент *Krafftahz(zeug)-*) и т. п.).

Сема силы присутствует также в группе слов с корнем *stark* (прилагательное „*stark*“, существительное „*die Stärke*“), ассоциирующихся в первую очередь с понятием человеческой (физической и пр.) силы. В языке политики «сильным» именуют облеченного властью, занимающего высокий пост, имеющего высокое социальное (и материальное) положение человека. По отношению к политику прилагательное „*stark*“ указывает на успешную деятельность, карьеру или влияние в определенных властных кругах. При характеристике государства имя прилагательное „*stark*“ указывает на большой экономический и/или военный потенциал. При атрибуции слова „*stark*“ понятию «политика» речь идет о взвешенных, правильных решениях и т. д., ср., например: „*Recht des Stärkeren*“ («право сильного»); „*eine Politik der Stärke*“ («политика (с позиции) силы»); „*starke Politik, Partei*“, „*starker Politiker, Staat*“, „*starke Regierung, Macht, Wirtschaft*“ и т. д.

Свойство «силы» в определенных окказиональных контекстах может приписываться некоторым государственным и надгосударственным образованиям, например Евросоюзу, который в следующем контексте (в устах немецкого политика) представлен своим «политическим» синонимом «Европа»: *Die Vielfalt der Kulturen, der Sprachen, der Menschen: das ist die Stärke Europas. Diese Vielfalt wollen wir auch in einem zusammenwachsenden Europa erhalten* [Rau 2002b: 315].

Помимо этого слова с корнем *-stark-*, активно используются термины (и их составные части) разных наук, в первую очередь химии и физики.

Противоположный смысл передается прилагательным „*schwach*“ («слабый»), которое указывает на неспособность политического субъекта (правительства, партии, политика, государства и т. д.) осуществлять свои функции: „*eine starke / schwache Regierung*“; „*schwache Politik, Partei*“, „*schwacher Politiker, Staat*“, „*schwache Regierung, Wirtschaft*“ и т. д.

Глагол „(sich) *abschwächen*“ имеет значения «ослаблять; смягчать»:

- „*den Eindruck abschwächen*“ («ослабить впечатление»);
- „*ein Urteil abschwächen*“ («смягчить приговор»);
- *Die Grippeepidemie in China schwächt sich ab, aber in Burundi wütet Typhus, in Indien das Rotavirus B...* (Stern 9, 1999, 194).

Слот «Физическое воздействие» охватывает когнитивно-семантическое простран-

во имени „*Macht*“ (f), объединяющего соответствующие актуальные лексемы, идиомы и свободные сочетания, дериваты и композиты, проецирующиеся на социальную сферу посредством метафорических механизмов.

Имя существительное „*die Macht*“ этимологически восходит к модальному глаголу „*mögen*“ («мочь, уметь, знать») и в первом, прямом значении выражает совокупность средств и (физических) сил, с помощью которых человек (а позже — и неодушевленный объект) может взаимодействовать с предметами, объектами, противостоять им, оказывать на них влияние и пр. (у существительного „*die Macht*“ в данном значении нет множественного числа): „*die Macht*“ (-, *Mächte*) [mhd., ahd. *maht, zu mögen*] — <o. Pl.> „1. *Gesamtheit der Mittel und Kräfte, die j-m oder einer Sache andern gegenüber zur Verfügung stehen; Einfluss*“ [DGWdS].

В дальнейшем способностью влиять на окружающий мир и на человека были наделены природа («силы» природы) и потусторонние (божественные и «темные») существа («силы»), что отразилось во втором значении существительного „*Macht*“ (с данным смыслом слово преимущественно используется в форме множественного числа, в собирательном значении): <meist Pl.> „2. *etwas, was eine besondere bzw. geheimnisvolle Kraft darstellt, besitzt*“ [DGWdS], ср.: *dämonische, geheimnisvolle Mächte; die himmlischen Mächte; eine höhere Macht; sich von guten Mächten getragen wissen*.

В процессе метафоризации слова „*Macht*“ путем атрибуции абстрактным объектам качеств, свойств одушевленных лиц у него появляются следующие значения, напрямую связанные с социальной сферой: <o. Pl.> „3. *mit dem Besitz einer politischen, gesellschaftlichen, öffentlichen Stellung und Funktion verbundene Befugnis, Möglichkeit oder Freiheit, über Menschen und Verhältnisse zu bestimmen, Herrschaft auszuüben*“ [DGWdS]: „*die politische, staatliche, weltliche, wirtschaftliche Macht*“; „*Macht* ausüben, haben“; „*seine Macht* festigen, missbrauchen“; „*die Macht* einer Clique brechen“; „*die Macht* (Staatsgewalt, Herrschaft) übernehmen“, „an sich reißen; an die/zur Macht kommen, gelangen“ (die Regierungsgewalt erlangen); „an der Macht sein, bleiben“ (die Regierungsgewalt haben, behalten); Spr. „*Macht geht vor Recht* (in der Realität erweist sich Macht stärker als Recht)“. „4. a) *politisch und wirtschaftlich einflussreicher Staat*“: „*eine verbündete, feindliche Macht*“; „*die Krieg führenden Mächte* (Staaten)“; „b) *mächtige, einflussreiche Gruppe, Schicht o. Ä.*“: „*die geistliche und die weltliche Macht* (Kirche und Staat) im Mittelalter“; „In der Demo-

kratie sind die Medien ... **die vierte Macht** im Staat“. „5. (veraltend) Heer, Truppen“: „mit bewaffneter Macht anrücken, angreifen“.

Таким образом, имя „die Macht“ в изначально переносных значениях (3, 4), которые сейчас являются основными, синонимично таким основополагающим, базовым политическим понятиям, как „die Staatsgewalt“, „die Herrschaft“, а также „der Staat“, „das Land“, кроме того, частично синонимично имени „die Kraft“, которое также обладает данными значениями.

Основное различие между словами „die Macht“ и „die Kraft“ состоит в том, что „Kraft“ при обозначении страны/государства акцентирует внутренний политический, экономический, военный, культурный и иной потенциал этой страны, в то время как словом „Macht“ обозначается политический «вес» страны, ее способность влиять на другие страны, подчинять их себе и т. п. Таким образом, выражения „große Kraft“ и „große Macht“ синонимичны, но не идентичны: в первом случае речь идет о потенциале развития государства и пр., во втором — о его доминировании в международной политике (хотя понятно, что без первого — большого внутреннего потенциала — никогда не будет второго — доминирования на международной «арене»).

В значении 'держава, государство' существительное „die Macht“ может быть употреблено с разными прилагательными (реже присутствует в составе сложных слов в качестве второго компонента с первым компонентом-определением), с которыми оно образует традиционные сочетания, вербализующие политическое состояние и/или качество представленных в данной ситуации государств, ср.:

- „ausländische Macht“ («иностранное государство»);
- „alliierte Macht“ («союзная держава»);
- „alliierte [assoziierte, verbündete] Mächte“ («союзные державы»);
- „die Hilfsmacht“ («союзная держава»);
- „befreundete Macht“ («дружественная держава»);
- „friedliebende Macht“ («миролюбивое государство»);
- „kriegführende Macht“ («воюющая держава»).

Помимо этого, частотными геополитическими терминами являлись (в истории) и остаются понятия „die Großmacht“ («великая держава; крупная держава»; букв. «большая сила»), „die Weltmacht“ («мировая, великая держава»; букв. «мировая сила») и „die Kolonialmacht“ («колониальная держава»).

В мировой истории, начиная с конца XIX в., «великими мировыми державами»

считались Британская, Германская, Французская, Российская, Японская, Итальянская империи (в преддверии Первой и Второй мировых войн и в промежутке между ними), а также США, Великобритания, Франция и СССР (во Второй мировой войне и после нее):

- „die Großmacht“ — „Staat, der so viel Macht besitzt, dass er einzeln oder im Bündnis mit anderen Staaten einen erheblichen Einfluss auf die internationale Politik ausübt“ [DGWdS], например: *die **Großmacht** Amerika; das Bündnis der **Großmächte**.*

- *Jiang Zemin verschaffte der Volksrepublik China den lang ersehnten Durchbruch zur **anerkannten Großmacht** (Woche 03.07.98, 17).*

- „die Weltmacht“ — „Großmacht mit weltweitem Einflussbereich“ [DGWdS]: *eine **europäische Weltmacht; die Weltmacht China; zur Weltmacht aufsteigen, werden.***

Политика великой державы именуется сложным словом: „die Großmachtspolitik“ — „von einer Großmacht, von den Großmächten betriebene Politik“ [DGWdS].

В годы холодной войны в мировой и европейской политической риторике активно использовалось понятие «супердержава» (англ. "superpower"). Супердержавами считались только СССР и США как самые мощные в военно-политическом, территориальном, экономическом отношениях страны мира и лидеры двух противоборствовавших военно-политических блоков — Организации Варшавского договора и НАТО, ср.: „die Supermacht“ — „(ugs. emotional verstärkend) dominierende Großmacht“ [DGWdS].

После распада СССР в 1991 г. в мире осталась только одна супердержава (США), в связи с чем данное наименование постепенно утратило свою актуальность и ушло в пассивный словарь политической лексики.

Словосочетания со словом „die Macht“ в значении 'власть', выступающим в качестве доминанты, описывают характеристики власти (например, „absolute Macht“) или ее политико-административный тип („gerichtliche/gesetzgebende/vollziehende Macht“):

- „politische Macht“ («политическая власть»; ср. также: „politische Gewalt»);
- „absolute Macht“ («неограниченная [абсолютная] власть»);
- „gerichtliche Macht“ («судебная власть»);
- „gesetzgebende Macht“ («законодательная власть»);
- „vollziehende Macht“ («исполнительная власть»).

Также в политическом языке функционируют узуальные сочетания слова „die Macht“ с глаголами, которые (помимо прочего) описывают (в зависимости от своей семантики)

процессы разнообразных манипуляций с «властью» как с некоторым условным предметом (посредством чего реализуется одновременно и предметный концептуальный признак), выражая таким образом политические процедуры «прихода» к власти, «захвата», «передачи», «осуществления» власти и т. п., например:

- „Macht ergreifen [an sich reißen]“ («захватить власть»);
- „Macht übernehmen“ («взять власть»);
- die Macht in (den) Händen haben“ («держат власть в (своих) руках»);
- „Macht ausüben“ («осуществлять власть»);
- „j-n der Macht entheben“ («отстранить кого-либо от власти»).

В другой группе сочетаний выражается условная статичная локализация в некоторой точке, нахождение в которой обеспечивает осуществление властных полномочий:

- „an der Macht bleiben“ («оставаться у власти»);
- „an der Macht sein“, „sich an der Macht befinden“ («находиться [быть] у власти»);
- „sich in der Macht behaupten“ («утвердиться во власти»).

В других единичных выражениях психофизический признак пересекается с артефактными текстильным и гастрономическим признаками:

- „der Macht entkleiden“ («отстранить кого-либо от власти»);
- „seine Macht mißbrauchen“ («злоупотреблять своей властью»).

В составе сложных слов первый компонент *Macht*- привносит в значение указание на «политическую силу, власть», а второй компонент конкретизирует, какой аспект «силы, власти» освещается, причем композитов подобного типа в толковом словаре немецкого языка довольно много. Некоторые из них представлены в следующем перечне:

- „der Machtapparat“ — „(Politik) der Aufrechterhaltung der politischen Macht (3) dienender Apparat (2)“ [DGWdS]: *der staatliche Machtapparat; Die klaren Linien des ursprünglichen Reformwerks sind im Gezerre der Interessengruppen und im Gezänk des Bonner Machtapparats verwischt worden* (Woche 18.4.97, 9; эквивалент — «государственный аппарат»; ср. „das Machtorgan“);
- „die Machtausübung“ — „Ausübung der Macht (3)“ [DGWdS]: *Die gewerkschaftliche Tätigkeit ist ein wesentlicher Teil der Machtausübung der Arbeiterklasse und ihrer Verbündeten* (Morgen 29.6.77, 5);
- „die Machtballung“ — „Ballung politischer Macht (3)“ [DGWdS];

- „die Machtbefugnis“ — „Befugnis, Macht (3) auszuüben“ [DGWdS]: *staatliche Machtbefugnisse; Machtbefugnis haben; das überschreitet meine Machtbefugnis; j-n mit Machtbefugnissen ausstatten* [DGWdS];

- „der Machtbereich“ — „Bereich, in dem Macht (3) ausgeübt wird“ [DGWdS]: *einen Machtbereich ausweiten; im kommunistischen Machtbereich* (корреляция с дименсиональным признаком);

- „machtbesessen“ <Adj.> — „von dem Wunsch besessen, möglichst viel Macht (3) auszuüben“ [DGWdS], например: *ein machtbesessener Minister; machtbesessen sein*;

- „machtbewusst“ <Adj.> — „Machtbewusstsein besitzend“ [DGWdS];

- „das Machtbewusstsein“ — „Bewusstsein der eigenen Macht (3)“ [DGWdS];

- „der Machtblock“ — „Block (4), der bedeutende [politische] Macht (3) besitzt“ [DGWdS] („der Block“ — архитектурный признак);

- „die Machtdemonstration“ — „die Demonstration (2) der Macht (3)“ [DGWdS] (ср. „die Kraftprobe“);

- „die Mächtegruppe“ — „(Politik) Gruppe von Mächten (4 a)“ [DGWdS] (ср. „der Machtblock“; „die Machtgruppe“);

- „die Machtergreifung“ — „(Politik) Ergreifung der Macht (3)“ [DGWdS] (ср. „die Machtübernahme“; „der Machterhalt“; корреляция с предметным признаком);

- „der Machterhalt“ — „Erhalt (2) der Macht (3)“ [DGWdS] (корреляция с предметным признаком);

- „die Machtfülle“ — „vgl. Machtentfaltung“ [DGWdS];

- „die Machtgier“ — „Gier nach Macht (3)“ [DGWdS] (ср. „der Machtwille“);

- „machtgierig“ <Adj.> „gierig nach Macht (3)“ [DGWdS];

- „die Machtgruppe“ — „(Politik) Macht (3) ausübende Gruppe“ [DGWdS]: *Die ... Vorstellung des Nebeneinander von Staat und sozialen Machtgruppen* (ср. „der Machtblock“; „die Mächtegruppe“; „die Mächtegruppierung“);

- „der Machthaber“ — „(oft abwertend) die Macht (3), Regierungsgewalt Besitzender, Ausübender“ [DGWdS]: *Die sowjetischen Machthaber hatten nämlich ihre Taktik geändert*;

- „die Machthaberin“ — „w. Form zu Machthaber“ [DGWdS] (корреляция с предметным признаком);

- „der Machthunger“ — „(meist abwertend) heftiges Streben nach Macht (3)“ [DGWdS] (ср. „der Machtgier“; „der Machtwille“; корреляция с гастрономическим признаком);

- „machthungrig“ <Adj.> — „vgl. machtgierig“ [DGWdS] (корреляция с гастрономическим признаком);

- „das Machtinstrument“ — „(Politik) Instrument, Werkzeug der Machtausübung“ [DGWdS]: *Der Staat wird im Marxismus ... als das Machtinstrument der herrschenden Klasse gesehen* (компонент „das Instrument“ отражает техноморфный признак);
 - „der Machtkampf“ — „(besonders Politik) Kampf um mehr Macht (3)“ [DGWdS]: *politische, soziale Machtkämpfe; In dieser Folge geht es um ... den Machtkampf zwischen Kindern und Eltern* (Hörzu 25, 1976, 46; корреляция с милитарным признаком);
 - „die Machtkonzentration“ — „Konzентрация von Macht (3)“ [DGWdS];
 - „der Machtmensch“ — „Mensch mit ausgeprägtem Machtstreben“ [DGWdS];
 - „der Machtmissbrauch“ — „Missbrauch, den ein Herrschender o. Ä. mit der ihm übertragenen Macht (3) treibt“ [DGWdS] (одновременно и гастрономический признак);
 - „das Machtorgan“ — „(Politik) staatliches Organ der Machtausübung“ [DGWdS] (cp. „der Machtapparat“);
 - „die Machtpolitik“ — „einseitig auf die Entfaltung und Behauptung von Macht (3) gerichtete Politik“ [DGWdS];
 - „machtpolitisch“ <Adj.> — „politisch im Sinne der Machtpolitik“ [DGWdS]: *Es handelt sich hier (= beim Sturz Chruschtschows) um reine machtpolitische Erwägungen* (Welt 17.10.64, 2);
 - „die Machtposition“ — „(besonders Politik) mit dem Besitz und der Ausübung von Macht (3) verbundene Position“ [DGWdS] (cp. „die Machtstellung“);
 - „die Machtprobe“ — „vgl. Kraftprobe“ [DGWdS]: *es auf eine Machtprobe ankommen lassen; ... wenn die Arbeitgeber nicht die Absicht gehabt hätten, eine Machtprobe zu provozieren* (Welt 04.05.63, 2; cp. „die Kraftprobe“);
 - „der Machttrausch“ <o. Pl.> — „rauschhaftes Gefühl, Überwältigtsein durch den Besitz von Macht (3)“ [DGWdS] (букв. ‘опьянение от власти’; пересечение с физиологическим состоянием);
 - „das Machtstreben“ — „Streben nach [politischer] Macht (3)“ [DGWdS];
 - „die Machtstruktur“ — „(Politik) Struktur der Machtverhältnisse“ [DGWdS];
 - „die Machtübernahme“ — „vgl. Machtergreifung“ [DGWdS]: *...um eine kommunistische Machtübernahme in Vietnam zu verhindern* (Spiegel 1/2, 1966, 6; cp. „die Machtergreifung“; корреляция с предметным признаком);
 - „das Machtverhältnis“ — „1. Machtverteilung“. „2. <Pl.> „Verhältnisse (4) aufgrund von Machtpositionen“ [DGWdS];
 - „der Machtverlust“ — „Verlust (3) der Macht (3)“ [DGWdS] (cp. „die Machtergreifung“; корреляция с предметным признаком);
 - „die Machtverteilung“ — „Verteilung (3) der Macht (3)“ [DGWdS];
 - „machtvoll“ <Adj.> — „1. mit Entfaltung, Einsatz großer Macht (1) [geschehend, handelnd]“ [DGWdS] (cp. „machtlos“);
 - „der Machtwechsel“ — „(Politik) Wechsel der Machtverhältnisse, besonders durch Übergang der Macht (3), Regierungsgewalt in andere Hände“ [DGWdS];
 - „der Machtwille“ — „Wille, Macht (3) zu besitzen, auszuüben“ [DGWdS];
 - „das Machtwort“ <Pl. -e> — „Aufforderung oder Entscheidung, die keinen Widerspruch zulässt und aufgrund entsprechender Machtverhältnisse durchgesetzt werden kann“ [DGWdS] (cp. „der Machtspruch“);
 - „ein **Machtwort** sprechen“ — „eine autoritäre Entscheidung treffen“ («сказать решающее слово») [CUGdR]: *„Der Standart“ (Wien) bescheinigt Gerhard Schröder: „Spät, fast zu spät, hat der deutsche Bundeskanzler Gerhard Schröder ein ‘Machtwort’ gesprochen. Aber sein Ordnungsruf fiel erstaunlich mäßig aus“* (Der Tagesspiegel. 1999);
 - „das Machtzentrum“ — „Zentrum der Macht (3)“ [DGWdS];
 - „der Machtzuwachs“ — „Zuwachs an Macht (3)“ [DGWdS] (корреляция с биологической концептосферой).
- Прилагательное „mächtig“ в одном из своих значений также указывает на сферу власти и управления: „mächtig“ <Adj.> [mhd. mehtic, ahd. mahtig] — „1. a) große Macht (3), Gewalt besitzend oder ausübend, von großer Wirkung, einflussreich“ [DGWdS], cp.: *ein mächtiger Staat; ein mächtiges Reich; mächtige Bosse, Unternehmer; der mächtigste Mann Russlands; <subst.> die Mächtigen dieser Welt.*
- Имя прилагательное „großmächtig“ является притяжательным атрибутом имени существительного „die Großmacht“ (см. выше), выражающим очень большую силу («могущественный») и также характеризующим «великие державы» («великодержавный»): „großmächtig“ <Adj.> (geh. veraltet) — „1. sehr mächtig, einflussreich“ [DGWdS], например: *ein großmächtiger Herr, eine großmächtige Königin.*
- Имя существительное „die Mächtigkeit“ описывает состояние наличия власти: „die Mächtigkeit“ [mhd. mehticheit] — „1. <o. Pl.> das Mächtigkeitsein, Reichtum an Macht (3), Einfluss“. „2. <o. Pl.> „mächtige (2 a) Beschaffenheit“ [DGWdS].
- Помимо этого, слово „die Macht“, как уже отмечалось выше, выражает некую «социальную силу», возникающую вследствие высокого статуса или финансовых ресурсов:

- „er hatte eine große Macht“ («он имел большую власть» — корреляция с предметным признаком);

- „er tat alles, was in seiner Macht stand“ («он сделал всё, что было в его власти» — корреляция с дименсиональным признаком);

- „das steht [liegt] nicht in seiner Macht“ («это не в его власти»);

- „er hatte die Macht zu tun, was er wollte“ («у него было достаточно власти, чтобы делать то, что он хотел»);

- „er ließ mich seine Macht fühlen“ («он дал мне почувствовать свою власть»);

- „die Macht des Geldes“ («сила (власть) денег»).

«Власть» и «сила» могут иметь свой предел, т. е. охватывать некоторую условную территорию и где-то заканчиваться: „da hört seine Macht auf“ («здесь его власть кончается»).

«Сила» может проецироваться на межличностные отношения для выражения силы влияния на кого-либо (в том числе на себя самого), ср.:

- „er hat viel Macht über sie gewonnen“ («он приобрел над ней большую власть»);

- „es war schwer, sie aus seiner Macht zu befreien“ («было трудно освободить ее от его власти [чар, влияния]»);

- „er hatte keine Macht mehr über sich“ («он больше не владел собой»).

Социополитические понятия „die Macht“ и „die Kraft“ в сочетании с дименсиональным признаком положения «напротив» („gegen“) представляют ситуацию противодействующей силы:

- „die Gegenkraft“ — „Kraft, die einer anderen Kraft entgegenwirkt“ [DGWdS], например: *gegen die Regierung sind neue Gegenkräfte erstarkt*;

- „die Gegenmacht“ — „vgl. Gegenkraft“ [DGWdS] (военный термин).

Слова „die Macht“ и „die Kraft“ в сочетании с темпоральными атрибутами („dunkel“, „finster“) образуют религиозно-мифологические понятия „dunkle Mächte“ и „finstere Kräfte“ («темные силы»), которые путем дальнейшего образного переосмысления были актуализированы и в политической картине мира (ср. с высказыванием-выпадом президента США Р. Рейгана в адрес СССР, который он в начале 80-х гг. XX в. назвал «империей зла»).

К важнейшим видам деятельности людей относится и **речевая деятельность**, сочетающая в себе физиологические (работа речевого аппарата, колебание голосовых связок, движение воздушного потока) и психические (правильность построения высказываний) процессы с социальными задачами

речепорождения (передачей информации в обществе).

В отличие от сна, пищеварения, развития и прочего речевая деятельность, по происхождению являющаяся результатом физиологических процессов, не направлена на утоление физиологических потребностей, хотя, несомненно, и влияет на психическое развитие личности. К аспектам представления речевой деятельности относятся два случая: процесс общения на языке (речепорождение) и прекращение этого процесса.

Процесс речевой деятельности получает стандартное значение указания на определенные точные данные, факты в устойчивом сочетании „eine deutliche Sprache reden“ («откровенно высказываться, называть вещи своими именами; красноречиво свидетельствовать» — ср. синонимичные выражения: „die Dinge beim [rechten / richtigen] Namen nennen“; „der Katze die Schelle umhängen“; „das Kind beim [rechten / richtigen] Namen nennen“).

Данная идиома получила активное окказиональное развитие в виде многих производных инвариантных выражений на базе словосочетания „(eine Sprache) sprechen“ с усилительными словами (прилагательными) „deutlich“, „klar“ и другими. Значение таких фраз не отличается от исходного метафорического выражения: *Die Zahlen und Fakten sprechen für uns. Die Menschen können das sehr gut beurteilen* [Geißler 1998: 9]; *Die Zahlen sprechen eine klare Sprache: Deutschland steht mitten im Aufschwung!* [Waigel 1998: 3]; *Die Zahlen machen deutlich, wo wir stehen. Da braucht man keinen Kassensturz, wie von der Opposition gefordert* [Solms 1998: 8]; *Die Zahlen sprechen eine deutliche, eine erschreckende Sprache* [Rau 2002a: 55—56].

Процесс прекращения и/или отсутствия речевой деятельности („schweigen“) традиционно описывает ситуацию прекращения военных действий, окончания войны („Die Waffen schweigen“): *Seit zwei Wochen schweigen die Waffen* [Rau 2000: 34]; *Heute können wir froh darüber sein, dass die Waffen schweigen und alle Energie in die Organisation dauerhafter Stabilität in Südeuropa fließen kann* [Rau 2000: 45].

Подводя итог представленному обзору, следует особо подчеркнуть, что физиологическая метафорика как часть немецкой политической метафоры обладает всеми качествами концептуальной метафоры и демонстрирует их: метафоры данного типа представлены в узуальных источниках традиционной немецкой лингвокультуры, на основе чего регулярно актуализируются в повседневной социально-политической коммуни-

кации, в которой, помимо прочего, появляются и яркие и наглядные окказиональные образы, которые вписываются в структуру физиологической метафорики. На языковом уровне физиологическая метафора вербализуется во всём своем морфологическом и словообразовательном многообразии, что в полной мере отражает протекание лексико-семантических процессов появления, развития, расширения и укоренения метафорических значений в языке немецкой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ : учеб. пособие / Кемеровский гос. ун-т. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008.
2. Керимов Р. Д. «Тело человека» как сферисточник немецкой социальной метафорики // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 105—123.
3. Федянина Л. И. Концепт Geld в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа : учеб. пособие / Кемеровский гос. ун-т. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008.
4. Харченко В. К. Функции метафоры : учеб. пособие. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
6. Lakoff G. Metaphors and war: The metaphor system used to justify war in the gulf // Thirty years of linguistic evolution: Studies in honour of René Dirven on the occasion of his sixtieth birthday / ed. by M. Pütz. — Philadelphia ; Amsterdam : Benjamins, 1992. P. 463—481.

СЛОВАРИ

7. Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung = CUGdR / Chefred. A. Sendlinger. — München : Compact Verlag, 2007.
8. Duden, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bd. = DGWdS / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1999.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЧИ

9. Beer A. Sie, Herr Minister, haben versagt // Das Parlament. 1998. № 31. 24 Juli. S. 10.
10. Bulmahn E. Wir brauchen den politischen Neuanfang // Das Parlament. 1998. № 31. 24. Juli. S. 3—4.
11. Bulmahn E. Rede bei der Eröffnung des Forums zur Deutsch-Französischen Forschungskooperation (Paris, den 12. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. № 2002-08-2.
12. Geißler H. Der Strukturwandel ist bewältigt // Das Parlament. 1998. № 31. 24 Juli. S. 9.

13. Herzog R. Bundespräsident der Bundesrepublik Deutschland im Zitat // IN-Press: Portrait. 1997. № 3. 42 s.
14. Hilsberg S. Rede in der Berlin-Debatte 1991. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_079.html.
15. Lafontaine O. Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. 1998. № 38. S. 4—6.
16. Müller W. Rede bei der Eröffnung der Vertretung des Deutschen Industrie- und Handelskammertages für Jugoslawien (Belgrad, den 18. Januar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. № 2002-03-3.
17. Rau J. Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1. 336 S.
18. Rau J. Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd. 2.1. 400 S.
19. Rau J. Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd. 2.2. 512 S.
20. Rau J. Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd. 3.1. 480 S.
21. Rau J. Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd. 3.2. 672 S.
22. Riesenhuber H. Langfristige Strategie der Regierung // Das Parlament. 1998. № 31. 24 Juli. S. 8—9.
23. Schorlemer R. v. Rede in der Berlin-Debatte 1991. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_040.html
24. Schröder G. Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. November 1998). — Bonn : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1999.
25. Schröder G. Mut zum Frieden und Mut zur Veränderung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 14. März 2003). — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2003a.
26. Schröder G. Rede beim World Economic Forum (New York, den 1. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003b. № 2002-06-1.
27. Schröder G. Rede auf der Betriebsversammlung im VW-Werk (Kassel, den 26. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003c. № 2002-13-1.
28. Schwanhold E. Dem Mittelstand fehlt das Kapital // Das Parlament. 1998. № 31. 24 Juli. S. 9.
29. Solms H. O. Der Etat ist ehrlich und glaubwürdig // Das Parlament. 1998. № 38. S. 8.
30. Thierse W. Rede in der Berlin-Debatte 1991. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_002.html.
31. Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. 1998. № 38. S. 3—4.
32. Weiß K. Rede in der Berlin-Debatte 1991. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_028.html.

33. *Zeitmann W.* Rede in der Berlin-Debatte 1991.
URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_067.html.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

34. *BZ* (Zeitung), Berlin = BZ.

35. *horizont* (Zeitung), Berlin = horizont.

36. *Hörzu* (Zeitschrift), Hamburg = Hörzu.

37. *Neue Zürcher Zeitung* (Zeitung), Zürich = NZZ.

38. *Spiegel*, der, das deutsche Nachrichtenmagazin, Hamburg = Spiegel.

39. *Stern*, der (Zeitschrift), Hamburg = Stern.

40. *Tagesspiegel*, der (Zeitung), Berlin = Tagesspiegel.

41. *Welt*, die (Zeitung), Hamburg = Welt.

42. *Wirtschaftswoche* (Zeitschrift), Düsseldorf = Wirtschaftswoche.

43. *Woche*, die (Zeitung), Hamburg = Woche.

44. *Zeit*, die (Wochenzeitung), Hamburg = Zeit.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Ю. Рябова

УДК 811.161.1'37
ББК Ш141.2-32

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.65

Код ВАК 10.02.01

Л. П. Кравцова Л. P. Kravcova
Вильнюс, Литва Vilnius, Lithuania

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ:
ПАЛИТРА СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ГИПЕРТЕКСТЕ
«ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XXI ВЕКА»**

Аннотация. Анализируются словарные дефиниции и примеры употребления существительных, обозначающих лиц по партийной принадлежности в современном русском языке. Рассматривается, как общественные изменения влияют на коллективное сознание носителей культуры (языковую картину мира) и национальный язык.

Ключевые слова: лексема; национальный язык; русский язык; языковая картина мира; номинация; политическая партия; метонимия; сема; денотат; синонимия.

Сведения об авторе: Кравцова Людмила Петровна, докторант Каунасского гуманитарного факультета.

Место работы: Вильнюсский университет.

Контактная информация: Miltinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lithuania.

e-mail: liusika@hotmail.com.

**POLITICAL PARTIES
AND PUBLIC MOVEMENT: THE PALETTE
OF CONTEMPORARY POLITICAL LIFE
IN HYPERTEXT OF “EXPLANATORY
DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE
OF THE BEGINNING OF XXI CENTURY”**

Abstract. Dictionary definitions and cases of usage of nouns defining people belonging to political parties in modern Russian are analyzed. It is shown how social changes influence collective consciousness of native speakers (language world picture) and national language.

Key words: lexeme; national language; Russian language; language world picture; nomination; political party; metonymy; seme; denotation; synonymy.

About the author: Kravtsova Liudmila Petrovna, Doctoral Student of the Kaunas Faculty of Humanities.

Place of employment: Vilnius University.

Miltinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lithuania.

Объектом предлагаемого исследования являются существительные со значением лица, зафиксированные в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» 2007 г. (далее ТСРЯ XXI), а именно обозначения лиц по их партийной принадлежности. По словам составителей данного словаря, его объектом «является та часть современного русского языка, в которой нашли отражение наиболее существенные и очевидные процессы последних лет XX—XXI в., оказавшие влияние на становление русского языка и на **языковое сознание его носителей**» (выделено нами. — Л. К.) [ТСРЯ XXI: 6]. Обозначения лиц по их мировоззренческой и политической позиции, отраженные в словарях различных периодов российской общественной жизни, демонстрируют изменения, происходящие в той части культурного багажа нации, которая, с одной стороны, достаточно неизменна, а с другой — ярко отражает общественные процессы, влияющие на коллективное сознание носителей культуры. Мы говорим о национальном языке.

Названия политических партий, представленные в ТСРЯ XXI, отражают политическую палитру конца прошлого — начала нынешнего века, при этом следует сказать, что некоторые политические движения к сегодняшнему дню ушли с политической арены. Наибольшую по численности группу со-

ставляют номинации с общим компонентом 'отношение к коммунистической идее': *ленинец, зюгановец, зюгановцы, коммунист, коммунистка, коммунисты, коммунофашисты, красные, красно-коричневые, красно-коричневый, национал-большевик, нацбол, лимоновцы*. Мы специально приводим все грамматические формы числа, данные в словаре, для демонстрации того, что далеко не у всех номинаций наблюдается полный набор этих форм. Последнее обстоятельство при чтении словаря как гипертекста создает впечатление о весомости определенной партии или течения. Так, если сравнить обозначения лиц по политической принадлежности, то, например, представители демократической партии «Яблоко» представлены только именем в форме множественного числа: *яблочники*. Далее мы установим семантические связи внутри указанной группы, что в конечном итоге позволит представить картину политической жизни во всех ее нюансах.

Коммунист 1. член коммунистической партии, последователь коммунистической идеи.

Нужно сказать, что в словаре С. И. Ожегова 1984 г. представлено только толкование *член коммунистической партии* [Ожегов 1984], что, видимо, соответствует делению советского общества на членов партии и

беспартийных. Коммунистом считался только член КПСС. Современная российская ситуация, отражаемая в дискурсе публичной коммуникации, свидетельствует о том, что сегодня к коммунистам относят себя люди, формально не являющиеся членами КПРФ: — *Вы никогда не состояли ни в каких партиях, да и вообще до сей поры были далеки от политики. Так чем же именно Генералиссимус заслужил Ваше внимание? — Во-первых, я коммунист по убеждениям, и глубоко уверен в исторической правоте идей социализма. Во-вторых, я, как и многие люди, что откликнулись на мой призыв, искренне возмущён тем, что власть в лучшем случае замалчивает, а липовая „либеральная оппозиция“ из всех оставшихся у нее сил искажает и очерняет роль выдающегося полководца Сталина в достижении Великой Победы советского народа над фашистской Германией, в освобождении народов Европы от ига гитлеризма* (из интервью с Виктором Логиновым, разместившим портрет Сталина на одном из Петербургских автобусов [Романенко]).

Таким образом, сегодня происходит размежевание понятий «член коммунистической партии» и «приверженец коммунистической идеи»: *коммунистическая партия не справляется со своими коммунистическими обязанностями. Со своими — справляется, а с коммунистическими — никак! И это понятно. Во-первых, далеко не все члены партии — коммунисты, членов партии гораздо больше. Во-вторых, коммунизм — это мировоззрение. Ни в одной стране мира, где есть демократия, мировоззрение не является поводом для получения зарплаты. А если все-таки является, то надо присваивать звания: старший коммунист, ведущий коммунист, исполняющий обязанности коммуниста [Задорнов]; Я коммунист не по билету, я коммунист по убеждению [Шубкин 2011].* Видимо, сегодня происходит расщепление структуры слова коммунист, что в некоторой степени отражает ТСРЯ XXI. Вместе с тем этот семантический процесс демонстрирует отношение к деятельности современной КПРФ, которая, по мнению ряда приверженцев коммунистической идеи, забыла основное требование — «возврат в России советской власти и социализма» [Там же]. Этот семантический процесс наводил на мысль о том, что возможно расщепление не только лексических единиц, но и партийных структур. И действительно, в 2012 г. была зарегистрирована новая политическая партия — «Коммунисты России».

Коммунисты: только мн. *Коммунистическая партия Российской Федерации.* Эта

дефиниция отражает речевую практику обозначения партий России: *КПРФ не намерены участвовать в выборах глав двух областей. Коммунисты отказались сдавать подписи в поддержку своих кандидатов на пост губернатора Новгородской и Амурской областей.* Если следовать данным ТСРЯ XXI, то номинация коммунисты при описании современной политической жизни прилагается только к членам КПРФ и является точным синонимом названной аббревиатуры. Наряду с номинацией коммунисты, мы видим в анализируемой подгруппе и имена, имеющие отдельные словарные статьи: *зюгановцы, зюгановец.* *Зюгановцы* — это 'сторонники Зюганова, члены КПРФ'. Именование партии по лидеру — сложившаяся в русской речевой практике традиция, ср.: *ленинцы, мартовцы, троцкисты, сталинцы.* Видимо, подобные наименования обрастают соответствующими коннотациями, чей знак обусловлен исторической трактовкой роли той или иной персоны. На современном этапе существования русского языка лексема *зюгановцы* вписывается в ряд аналогичных номинаций лиц: *жириновцы, явлинцы, лимоновцы.* Представляется, что такое именование лица по его политической принадлежности отражает своеобразное противоречие в политической жизни современной России: для данной сферы характерна, с одной стороны, ориентация на руководителя (поэтому партия метонимически представляется не через программу, а через «вождя»), а с другой — возможный раскол внутри партии, когда ее члены могут пойти за другим партийным деятелем: *Таким образом, разрыв между „болдыревцами“ и „явлинцами“ в Законодательном собрании существенно уменьшился* (некогда название соответствующей единой партии было составлено из имен ее руководителей — Явлинского, Болдырева, Лукина); *Коммунисты-незюгановцы не одобряют такой союз* (polit.ru/article/2006/04/10/als/). Пока это явление раскола по «лидерам» не коснулось ЛДПР: партия очень прочно ассоциируется со своим главным деятелем. Однако подобные лексические процессы, приводящие к номинации политической принадлежности лица не по политической платформе, а по лидеру, за которым это лицо идет, могут свидетельствовать о намечающихся внутрипартийных конфликтах.

С точки зрения целей нашего исследования важно прояснить, что лексемы *коммунисты* и *зюгановцы* не находятся в отношении полной семантической эквивалентности. Вторая лексема содержит дополнительный компонент 'сторонники Зюганова'.

Обратимся к группе слов, которые не обозначают название партии, но тем не менее содержат компонент 'отношение к коммунистической идее.' Это экспрессивные обозначения лиц, близких к названной идее, являющиеся по сути «чужим словом», т. е. номинацией, исходящей из уст тех, кто данную идею или ее современных носителей не приемлет: *коммунофашисты, красные, красно-коричневые, красно-коричневый, коммуняка.*

Коммуняка разг. презрит. *Коммунист, сторонник коммунистической идеи:* „Так будет и дальше, пока всем заправляют перекрасившиеся коммуняки“ (Огонек, 2002 № 26).

Слово высокочастотно в дискурсе публичной коммуникации: *Коммуняки* — люди, считающие себя последователями коммунистических идей. В основном, имеют об этих идеях весьма туманное и искаженное представление, ограничивающееся любовью к советскому прошлому [Луркморье]. Когда выпускались первые издания словаря С. И. Ожегова, естественно, такого слова не существовало. Оно, кроме ТСРЯ XXI, отражено в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [Кузнецов 1998] и даже в двуязычных словарях: «Большом итальянско-русском, русско-итальянском» [Большой итальянско-русский...], «Универсальном словаре английского языка» [Универсальный русско-английский словарь]. В словаре синонимов приводится два эквивалента к слову *коммуняка*: *коммунист* и *совок* [Словарь синонимов]. В дискурсе противников коммунистической идеи предпринимаются попытки углубиться в значение этого слова и отграничить его от синонимов: *Коммуняка — это коммунист теоретик; идеолог, как правило, более осведомленный и хитрый, нежели "совок". "Совок" — это готовый биоробот, созданный "коммуняками". Когда говоришь "совок", имеешь в виду чисто бытовые черты — образ жизни* [Про людей, употребляющих]. Вместе с тем нельзя не сказать, что *коммуняка* сегодня используется и для названия блогов и сайтов, видимо, с целью бросить вызов презрительному отношению к членам денотативного класса, обозначаемого этим словом [Ср.: Блог коммуняка]. Интересны и попытки известного писателя А. Зиновьева разграничить, с одной стороны, понятия *коммуняка* и «западняки», а с другой — *коммуняка* и *коммунисты*: *Коммуняки суть люди, которые из поколения в поколение выращиваются в условиях коммунистической социальной организации и приспособлены жить в условиях реального коммуниз-*

ма. Западняки же суть люди, которые из поколения в поколение выращиваются в условиях западнистской социальной организации и приспособлены жить в условиях реального западнизма. ... Коммунисты. Надо различать коммуняка и коммунистов. Коммунисты появились задолго до того, как возникли общества с коммунистическим социальным строем — реальный коммунизм. Коммунизм в нашей стране строили коммунисты. Многие коммунисты становились коммуняками и многие коммуняки — коммунистами. Предательство коммунизма. Различия коммунистов и коммуняка стали замечаться, когда коммуняки расплодись, созрели и овладели реальной властью во всех сферах советского общества. И тогда они под руководством коммуняка Горбачева, Ельцина, Яковлева, Шеварднадзе и многих деятелей антикоммунистического переворота разгромили породивший их советский коммунизм [Зиновьев].

Мы посвятили столь значительную часть статьи контекстам использования этого слова для демонстрации того, что оно действительно является весьма «актуальным» в лексиконе политической коммуникации, и размышления над феноменом денотативного класса, соотносимого с этим словом, продолжаются. Экстенционал *коммуняка* то приравнивается к экстенционалу *коммунистов*, то эти понятия разграничиваются. В таком случае мы уже не можем говорить о чисто стилистической синонимии между *коммунистом* и *коммунякой*, равным образом как не можем говорить об идеографической синонимии между *коммунякой* и *совком*.

Обратимся к слову *КОММУНОФАШИСТ* (коммуно-фашист) (дано только в единственном числе), которое в ТСРЯ XXI объясняется следующим образом: *сторонник коммунофашистской идеологии; в свою очередь, коммунофашистский — связанный с идеологией фашизма, проповедующей расизм, шовинизм, ориентированный на репрессивный режим, и т. п. и поддерживаемый некоторой частью коммунистов* [ТСРЯ XXI]. Приведем пример употребления: *Того, что случилось в октябре 93-его года в мирное время, Россия не знала с незапамятных времен. Это был коммунофашистский мятеж, Руцкой, Хасбулатов и их пособники хотели ввергнуть Россию в гражданскую войну. Так объяснил народу президент Ельцин* [Глинкин 1998]. Из данного текста явствует, что лексема изобретена в ходе гражданского противостояния и может быть словом-фантомом, т. е. не иметь реального денотата: как известно, ни Руцкой, ни Хасбулатов не были ни расистами,

ни в целом шовинистами. Вместе с тем речь идет о вполне конкретном явлении — заигрывании левых сил, коммунистов, с националистическими движениями: *В эпоху „лихих девяностых“ в российском так называемом „коммунистическом движении“ имела место мода на сотрудничество с националистами в борьбе против Ельцина. За эту готовность вести диалог с крайне реакционными силами наши „коммунисты“ получили от либералов обидные прозвища „красно-коричневых“ и „коммуно-фашистов“* (<http://buntar1917.livejournal.com/17435.html>).

А вот определение этого слова из «Толкового словаря либерал-демократического новояза», составленного явным противником либеральных движений: *Коммунофашизм. Термин, введенный сторонниками олигархофашизма для коммунистов, чтобы сбить с толку народ. Классический фашизм — диктаторская форма правления ставленника олигархии — вождя, с использованием идеи о неполноценности остальных народов, которые можно и нужно превращать в рабов избранного народа. Коммунизм всегда исповедовал общенародную собственность, равенство народов и взаимопомощь, являлся главным врагом фашизма. Западная либерал-демократия всегда относилась к народам развивающихся стран как к неполноценным, которых можно безнаказанно убивать, грабить, загонять в стойло бесплатных рабов либерал-демократии. Поэтому такие признаки, как осуществление диктатуры олигархии, отношение к народам развивающихся стран как к неполноценным, присуще олигархической форме правления запада, но не коммунистам* (http://www.dpla.ru/PolitAnalit/_290403.htm).

Как видим, русский язык весьма креативен в области создания слов со значением политической ориентации и форм власти. Правда, эти слова обладают ярко выраженной оценочной коннотацией, что, впрочем, соответствует эмоциональности как характеристике русского языка в целом (А. Вежицка). Отмечая множественность номинаций со значением политической ориентации, Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев указывают на продолжение советской традиции в выражении ненависти к политическим оппонентам и приводят примеры номинаций ненависти, звучащие из разных лагерей: «Нужно отметить, что в известном смысле биполярность оценочного поля в печати сохранялась и в дальнейшем, так как газеты, равно как и другие средства массовой информации, не могли не отражать расстановки политических сил в стране, где в разное время противоборствовали „демократы“ (или „дерьмокра-

ты“ в номинационной трансформации оппонентов) и „коммунисты“ („коммуняки“), „реформаторы“ и „консерваторы“, „левые“ и „правые“ (а затем „правые“ и „левые“ в традиционном значении этих политических терминов), „демократы“ („демофашисты“) и „национал-коммунисты“ („национал-патриоты“, „коммунофашисты“, „красно-коричневые“), „правительство“ (ВОР — временный оккупационный режим) и „парламент“ („нардепы“) и т. д.» [Культура русской речи 1999].

Нам остается отметить неопределенность денотата рассматриваемой номинации (непонятно, кого же все-таки можно включить в класс *коммунофашистов*) и ее экспрессивный характер, эффективно используемый для дискредитации политических оппонентов в силу безоговорочно негативной для русского сознания коннотации слова *фашист*. Если оценивать эффективность этого термина в политических технологиях, то, видимо, следует признать его удачным, так как здесь удваиваются отрицательные коннотации, существующие для определенной части общества не только у слова *фашист*, но и у слова *коммунист*.

Практически точным синонимом к вышеописанной экспрессивной номинации является изобретенное также в начале 1990-х гг. слово *красно-коричневые/красно-коричневый*. Определение в ТСРЯ XXI: *полит. Неодобр. Совокупность организаций и движений национал-коммунистической ориентации*. При этом определение *национал-коммунизма* в ТСРЯ XXI отсутствует. Возможно, наиболее точным синонимом отсутствующего слова следует считать *национал-большевизм* — направление в идеологии и политике, сочетающее идеи большевизма и национализма; ср.: *...Григорий Явлинский заявил, что в России формируется новый строй, который он характеризует как „неузнаваемый национал-большевизм, основанный на тотальном бюрократизме“* (Радио «Свобода». 2001. 22.01). В России, как известно, существует партия национал-большевиков, однако, скорее всего, Явлинский говорил не о ней (см. ниже).

Вот как трактуется это определение в русской Википедии: *Красно-коричневые — пропагандистское клише, подразумевающее объединение коммунистических и крайне правых (фашистских, нацистских и т. п.) сил и/или идеологий. Предпосылками к появлению термина послужило, во-первых, одинаково оппозиционное положение в современной России коммунистических и национал-патриотических сил, во-вторых, фактическое занятие частью коммунистов радикально-консервативных*

позиций (традиционно принадлежавших фашистам и др. крайне правым), в-третьих, слияние коммунистических и фашистских взглядов в идеологической платформе Национал-большевистской партии.

Небезынтересно толкование этого слова в словаре С. А. Кузнецова [Кузнецов 1998] — оно дается так, что даже его окраска остается невыявленной: *Разг. В современной России: о тех, кто придерживается коммунистических и патриотических взглядов. Митинг красно-коричневых.* Включение лексемы *патриотический*, еще не утратившей своей положительной коннотации, в толкование делает окраску данного слова в указанном словаре крайне неопределенной. Кстати, после последних выборов в России в ходу появился и новый сложный термин — *красно-оранжевые*. Не случайно красных стали называть *красно-оранжевыми*, клая к ним ярлык *агентов Госдепа* (<http://ruscesar.livejournal.com/526341.html>).

Число сложных номинаций, обозначающих лица по политической принадлежности, увеличивается не только за счет прилагательных, но и существительных, составные части которых до определенного времени обладали противоположно окрашенными коннотативными семами. Так, первая часть слова *национал-патриот* ассоциируется с первой частью термина *национал-социализм*. Вторая же часть — *патриот* — до недавнего времени являлась словом с позитивной коннотацией. ТСРЯ XXI предлагает толкование, которое эксплицирует отрицательную коннотацию имени *национал-патриот*: *полит., неодобр. представитель, сторонник национал-патриотизма, урапатриот. Национал-патриотизм — полит. Неодобр. Идеино-политическое движение конца 80—90-х годов, выступающее за сохранение национальных, исторических ценностей России на почве крайнего национализма.* Следующая цитата демонстрирует, что лексемы *красно-коричневый* и *национал-патриот* могут вступать в отношения кореферентности: *Русский национализм в собственном смысле слова — явление, по сути, новое. Я отсчитываю его историю примерно с середины двухтысячных. ... В девяностые, если вы помните, в стране имелись только две силы: „демократы“ и „патриоты“, они же „красно-коричневые“* (<http://tigromirov.livejournal.com/26580.html>; из сборника под редакцией А. Верховского «Русский национализм: идеология и настроение» [Русский национализм... 2006]).

«Национал-патриотами» в современной России сначала именовались в основном этнические националисты, группировавшие

ся вокруг объединения «Память» и журнала «Наш современник». Однако в 1990-х гг. у слова *национал-патриоты* расширился объем денотативного класса: термины «национал-патриотический» и «национал-патриоты» стали употребляться не только по отношению к русским этническим националистам, но и к российским имперским государственным. В названном сборнике [Русский национализм... 2006] приводятся названия партий, которые можно отнести к национал-патриотическим — 12 партий, среди которых и ЛДПР. Во многих случаях названия партий являются говорящими, например: *Партия национального возрождения „Народная Воля“ (ПНВ НВ), Народно-патриотическая партия России (НППР) генерала Игоря Родионова, Евразийская партия — Союз патриотов России (ЕП—СПР).* Из сказанного следует, что, видимо, денотативный класс имени *национал-патриот* весьма широк по своему экстенсionalу. Если учесть, что в качестве синонима к слову *национал-патриот* приводится слово *великодержавник* [Словарь русских синонимов], мы поймем, что значительная часть населения страны, желающая восстановления ее в прежних границах, может быть подведена под эту номинацию. Слово входит и в двуязычные словари: «Большой немецко-русский и русско-немецкий», а также в «Большой испанско-русский и русско-испанский словарь».

Анализируя названия политических партий с целью воссоздать «картину мира» носителя лексикона, зафиксированного в словаре, мы неизбежно, переходя от статьи к статье, расширяем объем исследуемых слов, так как обозначаемые реалии в одних случаях обладают оценочными ассоциациями и получают на уровне лексикализации экспрессивные синонимы, а в других случаях подводятся под более общие понятия, которые можно было бы назвать, в соответствии с понятиями когнитивной лингвистики, размытыми категориями: обозначаемый класс не имеет четких границ, но есть его прототипические представители. Таким размытым понятием (когнитивной категорией) является слово *КРАСНЫЕ (КРАСНЫЙ)*: «совокупность организаций и движений, имеющих коммунистическую ориентацию, представители этих организаций и движений» [ТСРЯ XXI]. Пример: *Коммунисты уже собирались прошествовать по протоптанной тропе: от Калужской площади к Васильевскому спуску... Там левые хотели провести митинг. Но не тут-то было: в ответ на письмо красных столичные власти заявили...* Отметим, что здесь кореферентными представлены лек-

семь коммунисты, левые, красные. При этом слово *красные* не берется в кавычки, что подчеркивает его неметафорическое значение. В ряде контекстов оно заключается в кавычки: *В город вернулись „красные“* (о победе кандидата от коммунистов на выборах губернатора). Употребление в кавычках указывает на аналогию с эпохой революции, на частичное отождествление нынешних коммунистов с «красными», воюющими с «белыми». Словарь С. И. Ожегова дает в качестве пятого значения этого слова его политизированное содержание: «красный, -ого, м. сторонник или представитель большевиков, их революционной диктатуры, военный служащий Красной Армии». Еще один современный словарь, составленный Т. Ф. Ефремовой, трактует это слово в его политизированном значении как устаревшее: «мн. устар. Те, кто связаны с революционной деятельностью, советским строем, Красной Армией» [Ефремова]. В дискурсе публичной коммуникации это слово встречается чаще без кавычек и в принципе не имеет отрицательных коннотаций, например: *Красная дума* — о выборе депутатов в Городскую думу Владивостока (*Дума Владивостока, которую переизберут в октябре 2012 года, будет управляться КПРФ, которая оживит политические процессы, полагают эксперты* [Красная дума]). Отраженную в ТСРЯ XXI реактуализацию политического значения слова *красный* можно интерпретировать как структурирование политической жизни в терминах революционных сражений, а это подталкивает к мысли, что политическая борьба может носить драматический характер, и драма эта способна развиваться по уже известному сценарию (некоторые события политической жизни уже оживляют элементы таких сценариев).

В группу слов со значением лица, принадлежащего к коммунистическому движению, следует отнести и слово *ленинец*. Приведем дефиницию из ТСРЯ XXI: 'последователь ленинизма, сторонник учения Ленина'; 'Ленинизм: учение Ленина, развивающее основные положения марксизма'. Почему сегодня это слово включено в «актуальный лексикон»? Сравнительно недавнее прошлое напоминает нам о таких выражениях, как *убежденный ленинец, юный ленинец, верный ленинец*, ср.: *Ельцин — верный ленинец* (статья, написанная с неприязнью к режиму Б. Н. Ельцина [Назаров]); *Верный ленинец В. Яворовский на выход!* [Ковалевский]; *Я — верный ленинец* (телеведущий Тимур Кизяков о себе: его жена и дочь носят имя Лена). Как видим, клише прошлого используется сегодня достаточно часто, одна-

ко в ироническом значении или для участия в языковой игре. Тем не менее память прошлого в дискурсе публичной коммуникации жива. Слово *ленинец*, как и во времена Советского Союза, присутствует в названиях газет «Молодой ленинец» (Пермь), пионерских лагерей («Юный ленинец» в Подмосковье) и даже холдинговых компаний (холдинговая компания «Ленинец»).

Слово существует и в двуязычных словарях — «Большом испанско-русском и русско-испанском». Таким образом, говорить о том, что слово приобрело иронические или негативно-оценочные коннотации, преждевременно, что отражает пеструю политическую реальность современной России.

К рассматриваемой подгруппе могут быть отнесены слова, имеющие одинаковую референцию — *национал-большевик, нацбол* (сокращение первой номинации), *лимоновец*. Согласно «Википедии», «некоторые исследователи считают, что первоначально считавшаяся радикально националистической, НБП позднее обрела имидж более „левой“ организации, активно сотрудничающей с либералами. Согласно мнению самих нацболов, НБП является партией радикального антицентризма, „абсолютно „правой“ и бесконечно „левой“ одновременно» [Википедия]. 10 июля 2010 г. на учредительном съезде бывшие члены Национал-большевистской партии создали новую партию, «Другая Россия». Как известно, «Другая Россия» объединяет тех, кого принято считать представителями демократических сил. Поэтому название партии национал-большевиков на сегодняшний день можно считать скорее условным, сохранившимся с момента ее создания, и более точным по отношению к тем, кого принято по старой памяти называть *нацболами*, является наименование *лимоновцы*. В 1999 г. нацболы вбросили в массы эпатажирующий лозунг «Завершим реформы так — СТАЛИН! БЕРИЯ! ГУЛАГ!», что приводит нас к новой номинации — *сталинист*. Как говорилось выше, номинация членов какого-то политического движения предполагает, что синонимия терминов (например, *нацбол/лимоновец*) может быть временной, и в случае разногласий внутри партии один из терминов сузит объем своего значения, т. е. экстенционал денотативного класса. В данном случае появляются лозунги «Национал-большевизм без Лимонова». Так, в журнале «Эксперт» от 7 июня 2006 г. ситуация в НБП охарактеризована следующим образом: *Председателю партии Эдуарду Лимонову не терпится свершить революцию, потому он готов на союз с кем угодно, даже с либералами Гарри Каспаро-*

вым и Михаилом Касьяновым. Оппоненты Лимонова в партии с такой тактикой не согласны и считают ее предательством идей национал-большевизма [НБП].

В словаре Т. Ф. Ефремовой приводится два значения этого слова, второе из которых подробно описывает историю термина: 1. *Направление в политике и идеологии, сочетающее идеи большевизма и национализма [национализм 1.]; 2. Переход от утопических мечтаний о мировой революции к решению задач национального строительства, к возрождению хозяйства, промышленности, к борьбе с голодом, разрухой (сторонники такого направления были и за границей, как „красный“ граф А. Толстой, которые возвращались на Родину, и внутри СССР — они переходили от пассивного отрицания режима к сотрудничеству с ним, работали в самых разных советских учреждениях, в том числе и в военных) (в начале XX в. в СССР).* Словарь Т. Ф. Ефремовой отсылает к материалу из Википедии, в котором дается следующая справка: *Национал-большевизм (НБ) — политико-философская парадигма, возникшая в среде русской эмигрантской интеллигенции и военных, а также в интеллигентских и других общественных кругах Германии, суть которой заключалась в попытке осознать с позиций государственничества и державостроительства смысл произошедшей в России Октябрьской революции и пришедших к власти большевиков. Термин введен Эрнстом Никишем [Национал-большевизм]. Мы делаем столь подробный экскурс в историю слова, чтобы прояснить его денотативную отнесенность: национал-большевик соотносится как с членами незарегистрированной организации, провозглашающей себя политической партией — Партией национал-большевиков, так и с исторически сложившимся политическим течением, симпатизирующем большевизму прежде всего в лице Сталина, занятого, по мнению сторонников, национальным строительством. Национал-большевиками называют сегодня и представителей КПРФ («зюгановцев»): В своем восхищении „национал-большевизмом“ эмигрантские интеллигенты сильно опередили события. Только сейчас, во „втором издании“ КПРФ под руководством Г. А. Зюганова, коммунистам удалось, кажется, окончательно изжить „скверну интернационализма“, стать полностью национал-большевиками (Гайдар Е. Г. URL: <http://skovannost.livejournal.com/4540.html>).*

Слово *нацбол* относится прежде всего к современным носителям названной идеологии и членам запрещенной партии, так же

как *лимоновец*. Впрочем, скоро последнее наименование, видимо, будет относиться к более узкому кругу лиц — последователей Э. Лимонова, ср.: *МОСКВА, 29 августа. Экссоратники лидера НБП Эдуарда Лимонова на сегодняшнем закрытом съезде в Москве приняли решение учредить Национал-большевистский фронт (НБФ), который, в свою очередь, войдет в состав Всероссийской молодежной организации „Евразийский союз молодежи“ (ЕСМ). Об этом сегодня по итогам съезда сообщили „Росбалту“ руководитель НБФ Алексей Голубович и лидер ЕСМ Валерий Коровин [Экс-лимоновцы].*

Как уже говорилось выше, лексема *национал-большевик* связана по смыслу с лексемой *сталинист* на том основании, что многие симпатизирующие указанной партии позиционируют себя сторонниками сталинизма (см. вышеприведенный лозунг).

Приведем определения слов «сталинист» и «сталинизм»: **СТАЛИНИСТ** — ‘сторонник, последователь сталинизма’. **СТАЛИНИЗМ** — ‘публ. система взглядов и представлений о социальном устройстве общества, идеология и политика, характеризующаяся диктатурой, террором и массовыми репрессиями’ [ТСРЯ XXI]. Интересно, что ни в словаре Т. Ф. Ефремовой, ни в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слова «сталинист» нет. Его отсутствие в первом источнике объяснить трудно, а в словарь С. И. Ожегова это слово, как и *сталинизм*, не было включено, скорее всего, вследствие нежелания официальных властей советской эпохи акцентировать в сознании носителей языка сомнительную страницу истории, которая оценивается по-разному. Дефиниция слова *сталинизм* в ТСРЯ XXI неизбежно вызывает отрицательные коннотации, поскольку слова, входящие в толкование — *террор*, *репрессии* — обладают ярко выраженными негативными коннотациями.

Интересно современное толкование термина *сталинизм*, приводимое в Википедии: *Сталинизм — политическая система государственного управления и идеология, существовавшие в СССР в конце 20-х — середине 50-х годов XX века. По некоторым сведениям, термин был впервые использован Л. Кагановичем [источник не указан 755 дней] для обозначения формы, получившей теоретическое развитие при И. В. Сталине, от имени которого образован [Википедия].*

Это толкование лишено какой-либо оценочности и помогает понять, почему такая политическая система может находить своих сторонников. Так, некто Сулейменов, пишущий под ником «stalin_ist», анализируя эко-

номику, говорит следующее: *Меня просили уже здесь поменять „ник“ (сталинист), равно как и задавали вопрос почему я „сталинист“ и, почему я не пишу на тему о И. В. Сталине? Знаете, для меня „писать“, значит открыть что-то новое. А если этого нет, то лучшее проявление уважения к И. Сталину — молчание. Если же отвечать на вопрос: почему я „сталинист“, то лучшего ответа, чем эта статья, раннее опубликованная очень многими сайтами в сети, я уже вряд ли напишу... Экономические вопросы, поднятые здесь, не только не потеряли свою актуальность, но обострились до крайности. Будет возвращение к сталинской модели экономического развития страны? Или смерть..., как альтернатива. Третьего не дано* (<http://stalinist.livejournal.com/1063.html> 2011-11-09).

Сталинист — не обозначение политического течения, это обозначение взгляда на путь развития России. В отличие от предыдущих политических терминов, это слово имеет антоним *антисталинист*, также отмеченный в ТСРЯ XXI. Лексема *антисталинист* представлена и в словарях Д. В. Дмитриева [Дмитриев 2003] и С. А. Кузнецова [Кузнецов 1998]. В словаре Т. Ф. Ефремовой это слово отсутствует. Наличие антонимов, обозначающих противоположные политические течения, в словарях, развитие противоположных коннотаций у одних и тех же слов — это «гражданская война слов» (Б. Менцель) в словаре актуальной лексики, которая отражает противостояние позиций в обществе, характерное для современной ситуации; ранее подобные явления не фиксировались в лексикографических источниках.

«Гражданская война» поддерживается на лексическом уровне группой слов с приставкой *анти* — эти слова отражают как локализованное во времени противостояние сил, так и в целом характерное для России вечное противостояние взглядов на выбор пути: *ельцинист — антиельцинист; демократ — антидемократ; коммунист — антикоммунист; антисоветчик — настоящий советский человек*.

Если первая пара слов отразила состояние умов 90-х гг. прошлого века, то остальные отражают антитезу мировоззрения, являющуюся для носителей русского языка постоянной на протяжении практически целого века. Интересно, что для члена каждой пары можно подобрать синонимы, иногда совершенно неожиданные, понятные только в контексте реальности и не вскрывающиеся на семантическом уровне. Так, «историческим» синонимом *антиельциниста* является *белодомовец* — защитник Белого дома в

1993 г., когда Ельцин и его соратники решили нанести военный удар по членам российского парламента (их возглавляли Р. И. Хасбулатов, А. В. Руцкой), штабом которых был Белый дом. Кажется, что это — слово-однодневка, которое уйдет (или уже ушло) из языка вместе с породившими его событиями. Однако удачно найденное слово, видимо, имеет продолжительную жизнь. Так, оно употребляется в заголовке статьи 2011 г.: *Белодомовцы готовятся к бегству?* (Никсдорф Александр. www.komment.kg. 2011. 28 сент.). Статья повествует о киргизских событиях, когда начались волнения у дома киргизского правительства, грозящие сменой власти. Слово «обрастает» производными, т. е. становится материалов для создания новых слов: *экс-белодомовец (Экс-белодомовец Волин вскрыл рынок медиа)*. Интересно, что в рецензии на «Толковый словарь русского языка конца XX в.» под редакцией Г. Н. Складневской авторы выразили сомнения в целесообразности включения в словарь таких слов-«однодневок», как *белодомец, белодомовский* [Сиротинина, Борисова 1999: 134]. Однако мы видим, что спустя практически 10 лет после выхода первого словаря Г. Н. Складневская включила это слово в новое издание своего труда, что вполне оправданно. Дело в том, что в публичном дискурсе это слово сегодня переосмысливается и получает значение «чиновник, занимающий место в Белом доме», т. е. «искушенный управленец»: *Напомним, что сейчас в администрации Приморья трудятся следующие вице-губернаторы: / Александр Костенко — первый вице-губернатор, традиционно замещавший Сергея Дарькина во время его рабочих поездок по России и за рубежом, один из самых авторитетных старожилов „белого дома“.* / Виктор Мясник — еще один опытный „белодомовец“ и „дарькинец“, возглавлял ОАО „ДЭК“.

Таким образом, то, что, по мнению лингвистов, «является приметой эпохи, специально маркировано временем и останется в словаре именно как моментальный снимок языкового состояния (ср. *бровеносец, болдыревцы, белодомовец, белодомовский...*)» [Козырев, Черняк 2011: 44], оказывается гораздо долговечнее, переосмысливается в свете новой ситуации.

Возвращаясь к приведенным выше антонимическим парам, на уровне лексики демонстрирующим политическое противостояние, отметим, что члены первой оппозиции могут быть охарактеризованы через набор признаков, названных в следующих парах: *демократ — антидемократ, коммунист — антикоммунист*. Так, Б. Н. Ельцин воспри-

нимался (и воспринимается его политически-ми «врагами») как демократ и антикоммунист (http://otherreferats.allbest.ru/history/00097606_0.html): *Ельцин как основоположник российской демократии / На второй фотографии мы наблюдаем Ельцина в окружении антикоммунистов и антисоветчиков, которые держат лозунги „России свои вооруженные силы“, „Долой КПСС“, „Коммунизм 1917—1990“ / практически все члены Политбюро быстро стали в роли демократизаторов и антикоммунистов — Яковлев, Ельцин, Шеварднадзе и т. п.* (<http://oleg-kozyrev.livejournal.com/408858.html/>).

Соответственно антиельцинисты могут характеризоваться как недемократы, сталинисты, сторонники советской власти (коммунисты): *То есть если вокруг Ельцина сплотились искренние и преданные ельцинисты (которым, вообще говоря, терять было что), то вокруг Верховного Совета сплотились не какие-нибудь там хасбулатовцы или руцковцы, а яростные антиельцинисты коммунистического и националистического толка, которым вообще говоря, на Хасбулатова и Руцкого было наплевать* (<http://stanislavdagaev.worldregions.ru/6/>). Впрочем, возможно и другое сочетание признаков: Путин — антикоммунист и антиельцинист (http://m.gazeta.ru/comments/2004/03/22_a_974_56.shtml).

Остановимся на признаке *антисоветчик*, как будто бы не имеющем антонимической пары. Актуально ли на самом деле для конца первого десятилетия нового века слово *антисоветчик*? Приведем толкования из ТСРЯ XXI: *...человек, занимающийся в советское время антисоветской деятельностью (и подвергавшийся за это гонениям и репрессиям). Антисоветизм — жесткое неприятие советского периода и относящихся к нему явлений.* Данное в ТСРЯ XXI определение антисоветизма позволяет расширить понимание антисоветчика во временном плане: тот, кто и сегодня не принимает советского периода (в противоположность тем, кто хочет возврата к советской действительности).

Приведем дефиниции из других словарей: **Антисоветчик.** *Тот, кто занимается антисоветчиной, распространяет антисоветчину* [Ожегов 1984]. Включение в толкование слова с пренебрежительным суффиксом *антисоветчина* говорит об отношении составителей этого словаря к явлению, обозначенному в других словарях как *антисоветизм: антисоветчик — приверженец антисоветизма* [Ефремова].

Обратимся к дискурсу публичной коммуникации: *Советский антисоветчик* (о писа-

теле А. Гладилине [Коваленко 2010]; *Как антисоветчик антисоветчику* (rossia3.ru/ Политика). В связи с этим следует упомянуть и песню В. Третьякова «Антисоветчик» [Третьяков], совершенно не имеющую политической ноты (это песня о человеческом одиночестве). Использование рассматриваемого слова представителями современного поколения с целью языковой игры говорит о том, что оно не стало историзмом; в качестве подтверждения приведем строчки упомянутой песни:

*Потому что я ответов,
Если честно, не нашёл.
Я рождён в стране советов
Я с советами пришёл.*

*Я, как тот автоответчик
Был... но больше не в строю!
Я теперь — антисоветчик,
И советов не даю.*

[Третьяков]

У слова *антисоветчик* есть синоним — *диссидент*: *Мы не будем заниматься здесь анализом различий (весьма существенных) между определениями „диссидент“, „правозащитник“, „инакомыслящий“ и другими смежными терминами — все равно в массовом сознании (а чаще всего и в сознании тех, кто пишет на эту тему) эти понятия давно и безнадежно перепутались* [Даниэль 1998].

Итак, в орбиту исследуемых нами названий лица влились еще два существительных: *инакомыслящий* и *правозащитник*. Мы не будем останавливаться на этих словах, поскольку нас интересует только то, кто же противостоит антисоветчику, есть ли у данного слова полный антоним (потому что наличие слова говорит о значимости соответствующего явления). Словари не фиксируют искомого антонима. Остается предполагать, что тот, кто не является антисоветчиком, по поведению и поступкам противоположен антисоветчику... Что же делал антисоветчик? Приведем фрагмент из эссе В. Сорокина «Это сладкое слово „Антисоветчик“»: *Признаюсь, мне было крайне комфортно ощущать себя антисоветчиком. Это был внутренний комфорт, обретенный в студенческие годы, а потом нарастающий и укрепляющийся с каждым днем советского опыта. / Было приятно пародировать Брежнева, слушать „Свободу“, ужасаться размаху сталинского террора, читать и распространять ксероксы, радоваться нарастающему распаду экономики „развитого социализма“, смеяться над неповоротливым советским официозом, издеваться над убудочными советскими писателями*

и их писаниной, болеть за американских хоккеистов и за Корчного „против наших“ [Сорокин 2010]. Очевидно, что то, кто всего этого не делал, считался и считал себя «настоящим советским человеком». В то же время описанные В. Сорокиным действия мелки для диссидента: Слово „диссидент“ — это название участников движения против тоталитарного режима в бывших социалистических странах в конце 1950-х — середине 80-х гг. В разных формах выступали за соблюдение прав и свобод человека и гражданина (правозащитники), против преследования инакомыслия, протестовали против ввода советских войск в Чехословакию (1968 г.) и Афганистан (1979 г.). Подвергались репрессиям со стороны властей, многие были осуждены по сфабрикованным обвинениям в шпионаже, государственной измене и тому подобных, принудительно помещены в психиатрические лечебницы („карательная психиатрия“), высланы или вынуждены эмигрировать (В. И. Буковский, П. Г. Григоренко, А. Д. Сахаров, А. И. Солженицын и др.) [Диссидент].

Мы выделили признаки, по которым можно структурировать политическую жизнь России конца прошлого — начала нынешнего века, а также признаки, по которым можно охарактеризовать степень (достаточно слабую) общественно-политической жизни в СССР начиная с 60-х гг. прошлого века.

Эти признаки определенным образом пересекаются друг с другом или являются взаимоисключающими. Так, с точки зрения обыденного сознания нельзя быть одновременно коммунистом и демократом, можно быть коммунистом и не быть сталинистом, а можно быть и коммунистом, и сталинистом. Само написание словосочетания коммунисты-сталинисты через дефис предполагает, что существуют и коммунисты-несталинисты, ср.: Украинские коммунисты-сталинисты снова готовы выселять крымских татар? [Горобец 2012]; Могу понять ваше мнение (хоть и не разделяю его) — даже среди коммунистов не все сталинисты» / Это очень занятная порода очень советских несталинистов, коммунистов-несталинистов, абсолютно советских, глубинно впитавших в себя эту культуру [Про сталинистов].

Мы остановились на относительно небольшой части номинаций лица по политической и мировоззренческой позиции — с точки зрения отношения к коммунистической идее. Как бы современное общество ни определяло своим трендом антисоветизм (антикоммунизм), актуальные политические

термины показывают действительную роль этой идеологии в жизни общества. Язык оказывается тем инструментом, который может как прогнозировать партийный раскол (если партия именуется по фамилии своего лидера), так и демонстрировать политические тенденции, даже если они не признаются властным мейнстримом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блог коммунака. URL: <http://blog.i.ua/user/3380194/>.
2. Большой итальянско-русский и русско-итальянский словарь // Академик : сайт. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/ita_rus.
3. Борисова М. Б., Сиротинина О. Б. Толковый словарь русского языка конца XX в.: языковые изменения. [Рецензия] // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 131—134. — Рец. на кн.: Толковый словарь русского языка конца XX в.: языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
4. Википедия : свободная энцикл. : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
5. Глинкин М. [и др.]. Октябрь 1993: 5 лет спустя — загадки остаются // Общая газета. 1998. 1 окт. // Clow.ru : познавательный портал. URL: <http://clow.ru/a-history/95.htm>.
6. Горобец А. Украинские коммунисты-сталинисты снова готовы выселять крымских татар? // Радио «Эхо Москвы» : сайт. 2012. 18 мая. URL: <http://echo.msk.ru/blog/jura777/889867-echo/>.
7. Даниэль А. Ю. Диссидентство: культура, ускользающая от определений? // РОССИЯ / RUSSIA. — М.: О. Г. И., 1998. Вып. 1 (9) : Семидесятые как предмет истории русской культуры. С. 111—124.
8. Диссидент // Политический словарь. URL: http://mirsloware.com/content_pol/DISSIDENT-619.html.
9. Дмитриев Д. В. [ред.]. Толковый словарь русского языка. — М.: Астрель, 2003.
10. Ефремова Т. Ф. [Новый толково-словообразовательный словарь русского языка] // Толковый словарь русского языка онлайн : сайт. URL: <http://www.jiport.com/?sname=efr>.
11. Задорнов М. Если бы я был депутатом // Фансайт Михаила Задорнова. URL: http://www.mihail-zadornov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=76.
12. Зиновьев А. Коммуники и западняки // Форум С. Кара-Мурзы : сайт. URL: <http://vif2ne.ru/nvz/forum/archive/24/24506>.
13. Ковалевский А. Верный ленинец В. Яворовский на выход! // ХайВей : сайт. URL: <http://h.ua/story/68701>.
14. Коваленко Ю. Советский антисоветчик // Известия : сайт. 2010. 16 авг. URL: <http://izvestia.ru/news/364805>.
15. Козырев В. А., Черняк В. Д. Меняющийся мир в зеркале меняющихся словарей // Вестн. Герцен. унта. 2011. № 1. С. 42—46.
16. Коммуники // Луркморье : сайт. URL: <http://lurkmore.to/%ca%ee%ec%ec%f3%ed%ff%ea%e8#.d0>.

a2.d1.80.d0.be.d0.bb.d0.bb.d0.b8.d0.bd.d0.b3_d0.ba.d0.be.d0.bc.d0.bc.d1.83.d0.bd.d1.8f.d0.ba.

17. *Красная дума* // PrimaMedia.ru : сайт. URL: <http://primamedia.ru/subject/144/krasnaya-duma>.

18. *Кузнецов С. А.* [гл. ред.]. Большой толковый словарь русского языка. — СПб. : Норинт, 1998.

19. *Культура русской речи* : учеб. для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. — М. : НОРМА—ИНФРА М, 1999.

20. *Назаров Г. А.* Ельцин — верный продолжатель дела Ленина // Чёрная сотня. № 5. http://www.sotnia.ru/ch_sotnia/t1993/t0501.htm.

21. *Национал-большевизм* // Академик : сайт. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/193257>.

22. *НБП* : национал-большевистский портал. URL: <http://nazbol.org/>.

23. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — М., 1984.

24. *Про Людей*, употребляющих слова «совок» и «коммуняка» // Любовь и Ненависть : сайт. URL: <http://www.lovehate.ru/opinions/33507>.

25. *Про сталинистов* // Любовь и Ненависть : сайт. URL: www.lovehate.ru/opinions/78744.

26. *Романенко К.* Виктор Логинов: Я — коммунист по убеждениям! // КПРФ, С.-Петербург. гор. отд-ние : сайт. URL: <http://www.cprfspb.ru/4811.html>.

27. *Русский национализм*: идеология и настроение : сб. ст. / под ред. А. М. Верховенского. — М. : Центр «Сова», 2006.

28. *Словарь русских синонимов*. URL: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary>.

29. *Словарь синонимов* // Академик : сайт. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims.

30. *Сорокин В.* Это сладкое слово «антисоветчик» // Сноб.ру : сайт. 2010. 16 нояб. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/27193>.

31. *Толковый словарь* русского языка конца XX в.: языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковской. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998.

32. *Толковый словарь* русского языка начала XXI века = ТСРЯ XXI / под ред. Г. Н. Складчиковской. — М. : Эксмо, 2007.

33. *Третьяков В.* Антисоветчик : текст песни. URL: http://joov.net/text/904590/viktor_tretyakov-antisoetchik.html (дата обращения: 7.02.2013).

34. *Универсальный русско-английский словарь* // Академик : сайт. URL: http://universal_ru_en.academic.ru/.

35. *Шубкин В. В.* Открытое письмо председателю ЦК КПРФ Зюганову Г. А. // Сайт коммунистов Санкт-Петербурга. 2011. 11 февр. URL: <http://www.com-piter.ru/3245.htm>.

36. *Экс-лимоновцы* учредили Национал-большевистский фронт // Росбалт : сайт. URL: <http://www.rosbalt.ru/2006/08/29/265356.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Г. Н. Тельминов
Екатеринбург, Россия

G. N. Telminov
Ekaterinburg, Russia

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ
ПОЗИТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ
В АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЕ**

**COMMUNICATIVE TACTICS
OF POSITIVE POLITENESS
IN AMERICAN INTERNET ADVERTISING**

Аннотация. Описываются коммуникативные тактики позитивной вежливости в американской интернет-рекламе, выделяются группы тактик и речевые сферы их реализации.

Abstract. The article describes the communicative tactics of positive politeness in the American Internet Advertising. Groups of tactics and spheres of their usage are identified.

Ключевые слова: интернет-реклама; рекламный дискурс; позитивная вежливость; негативная вежливость; коммуникативные тактики.

Key words: Internet adverting; advertising discourse; positive politeness; negative politeness; communicative tactics.

Сведения об авторе: Тельминов Геннадий Николаевич, ассистент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания, аспирант кафедры французской филологии.

About the author: Telminov Gennady Nikolaevich, Assistant Lecturer of the Chair of English Philology and Comparative Linguistics, Post-graduate Student of the Chair of French Philology.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 368.
e-mail: telminov@aol.com.

Вежливость в межкультурной коммуникации рассматривается как соблюдение правил коммуникативного контакта и заключается в следовании коммуникантами действительному для данной ситуации комплексу взаимных прав и обязанностей. Среди них выделяют *частные* правила, например использование определенного типа допустимых речевых актов в зависимости от ситуации общения и внелингвистического контекста. Г. Грайс ввел данные коммуникативные правила в научный обиход и сформулировал их в виде основного принципа кооперации и четырех постулатов, вытекающих из этого принципа (постулат качества/истинности, постулат количества/информативности, постулат отношения/релевантности, постулат модальности) [Grice 1975: 34].

уменьшения дистанции. В качестве примеров позитивной вежливости можно привести комплименты, выражение намерения о сотрудничестве, избегание разногласий, выражение внимания, создание комфортной атмосферы при коммуникации.

Эти правила дополняются и корректируются принципами вежливости Д. Лича, которые включают определенные постулаты такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [Leech 1983: 131—139].

Тактики позитивной вежливости в американской интернет-рекламе можно объединить в несколько (часто взаимосвязанных) групп.

Указанные постулаты можно соотнести с набором коммуникативных тактик, репрезентирующих категорию вежливости.

**ГРУППА ТАКТИК
ПРЯМОГО ВЫРАЖЕНИЯ МЫСЛИ
(тактика совета, тактика
облегчения восприятия
рекламного текста на сайте,
тактика демонстрации внимания
к потенциальному потребителю)**

Классификация типов вежливости также имеет большое значение. При классификации типов вежливости мы опирались на работу П. Браун и С. Левинсон «Some universals in language usage» [Brown, Levinson 1987]. Различают два типа вежливости — *позитивную* и *негативную*.

Задача прямой рекламы — убедить потенциального клиента с помощью конкретной дефиниции, наиболее соответствующей задаче автора текста, а также посредством содержательных и лингвистических приемов наиболее выгодной подачи предмета рекламы. Прямое выражение мысли реализуется посредством определенных тактических схем.

Позитивная вежливость служит для выражения говорящим расположения и симпатии адресату. Это тактики сближения,

ТАКТИКА СОВЕТА достаточно распространена в рекламном дискурсе. Рассмотрим, как преподносится торговый центр, где автор рекламы советует клиентам совершать покупки: *Shopping Tip: The Pavillion is probably the best shopping centre is less than 100m away from the hotel* (www.agoda.com/asia/malaysia/kuala_lumpur/grand.../reviews.html).

Предмет рекламы — торговый центр (*The Pavillion*). Автор рекламы не категори-

чен, он вводным словом *probably* смягчает свое мнение о центре, советуя делать там покупки.

Совет и категория вежливости связаны тем, что совет — это более мягкая, эвфемистическая форма предположения: товар или услуга не навязываются адресату, а предлагаются с использованием вводных слов, указывающих на возможность иного мнения.

ТАКТИКА ОБЛЕГЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА НА САЙТЕ. Рекламное сообщение должно быть построено так, чтобы адресат мог легко воспринять текст. Поэтому адресант должен владеть навыками эффективной передачи информации. Именно в этом случае рекламное произведение достигает поставленной автором цели.

Тактика облегчения восприятия рекламного текста на сайте применяется в интернет-рекламе в основном для предъявления корпуса товаров и услуг. Когда товары или услуги предлагаются списком на рекламной странице, то у адресата появляется возможность (право) их выбора и отказа от ненужных.

Открыв определенную страницу, потребитель получает огромный выбор товаров или услуг (можно сразу же перейти на другую страницу для более подробного ознакомления с товаром/услугой и в конечном счете совершить покупку).

Примером может служить реклама в Интернете на первой странице американского супермаркета *KMART* (приведены слова, обозначающие товар/услугу, или номинативные безглагольные предложения; в данном рекламном сообщении наименования не перечислены, а даны в столбик для большей наглядности и удобства выбора (они могут также быть представлены в отдельных рамках)):

APPLIANCES
SWIM SHOP
BABY AND NURSERY
BEAUTY BED AND BATH
BOOKS AND MAGAZINES
CLOTHING
ELECTRONICS AND OFFICE
FITNESS AND SPORTS [Kmart]

В вербальном ряду сайта реализуется постулат модальности: сообщение должно быть ясным, однозначным, кратким, четким и организованным, не должно содержать непонятные для адресата слова и выражения. Именно с этим связана вежливость по отношению к адресату, которого избавляют от лишних усилий, необходимых для восприятия темы.

Сделав на рассматриваемом сайте запрос *CLOTHING*, мы увидим следующий текст:

Women's clothing
Men's clothing
Kids' clothing

Выбрав, например, *Women's clothing* (*женскую одежду*), мы перейдем к перечню конкретных предметов женского гардероба:

Dresses
Jackets
Vests
Sweaters
Swimwear
Skirts
Jeans

Соблюдается постулат отношения/релевантности (высказывание должно быть сделано по существу темы). Переход говорящего к новому предмету разговора сопровождается сигналом о перемене темы — новой иконкой на сайте.

Кликнув далее на *Dresses* (*платья*), адресат попадает на страницу с фотографиями платьев, где он и может сделать соответствующий выбор.

Таким образом, в рекламном сообщении реализуются постулат модальности, постулат релевантности, постулат такта (причина — минимум неудобств и оказывай максимум удобств другому). Текст интернет-рекламы информативен, четко структурирован, содержит детали, важные для адресата; предложения короткие, удобные для чтения и понимания, переходы простые и логичные.

ТАКТИКА ДЕМОНСТРАЦИИ ВНИМАНИЯ К ПОТЕНЦИАЛЬНОМУ ПОТРЕБИТЕЛЮ. В рекламе важно уделять внимание интересам и желаниям покупателя (постулат великодушия: оказывай минимум удобств себе и максимум удобств другому). Покупатель должен ощущать присутствие и поддержку того, кто продает товар.

Интерактивная интернет-реклама позволяет отлично наладить общение между продавцом и покупателем (постулат согласия: своди к минимуму разногласие между собой и другим, стремись к максимальному согласию между собой и другим). Можно выделить несколько частных разновидностей тактики демонстрации внимания.

• **Обратная связь.** Американская сеть супермаркетов «*KMART*» [Null from Kmart.com] предоставляет клиенту возможность совершить следующие действия для связи с представителем, если возникли определенные вопросы по товару:

Click to Talk.
Click to Chat.

E-Mail (клиент может отправить вопрос на адрес электронной почты супермаркета и получить ответ на свою электронную почту).

Store Locator. Для удобства покупателей предлагается возможность определить адрес конкретного магазина в любом штате страны. Клиенту требуется только вписать свой индекс в соответствующую графу на сайте, и рекламный сайт сразу выдаст адрес ближайшего. Например, введя индекс 11224 (один из районов Бруклина), можно получить следующую информацию о ближайшем магазине:

KMART
2875 Richmond Ave
New Springville, NY 10314

Также приводятся:

- ссылка на схему проезда к магазину;
- номер телефона/факса:
Phone Number;
- часы работы магазина:
Hours:
Mon-Fri: 8:00 am — 10:00 pm
Sat: 8:00 am — 10:00 pm
Sun: 8:00 am — 10:00 pm

Наличие конкретной адресации на сайте делает рекламу более понятной и доступной в локальном и темпоральном плане (адресат знает, куда идти, чтобы купить товар).

• **Моделирование диалога.** Адресные сведения лишь один элемент обратной связи. Обратная связь в интернет-рекламе принимает вид своеобразного диалога между создателем рекламного сайта и потенциальным клиентом (имитируется общение с адресатом): *Have a Question? [Click here to email us for information on your order, our products or our services.](#)*

Кроме того, компании и организации, опираясь на длительный опыт общения с клиентами, создают стандартный список часто задаваемых вопросов (сокращенно *FAQ — Frequently Asked Questions*, англ. 'часто задаваемые вопросы'). Это своеобразная коммуникативная рамка текста рекламного сообщения, позволяющая ускорить общение.

Магазин *KMART* предлагает следующие часто задаваемые вопросы:

Can I Cancel My Order?
I've Ordered. Where is it?
When is My Credit Card Charged?
What's the Shipping Charge?

Есть также виртуальный отдел обслуживания интернет-покупателей под названием **Customer Service**. Сайт предлагает следующее: *Please see below for the ways in which we can assist you.* Далее перечисляются все виды услуг, по которым могут возникнуть вопросы.

Каким еще способом можно обратить внимание на адресата, его желания, потребности, интересы? Что интересует адресата

при покупке рекламируемого предмета? Адресата интересуют характеристики предмета рекламы.

• **Основные характеристики предмета рекламы.** Данная разновидность аргументативных тактик особенно действенна, если используются фактические аргументы, призванные продемонстрировать качество товара по принципу «мы с Вами откровенны и честны». Примером может служить описание двигателя автомобиля (предмет рекламы) модели «2010 Saab 9-3 Sport Sedan»: *The car is equipped with a standard 2.0-liter, 210-horsepower, turbo engine that achieves 17-mpg in the city and 27-mpg on the highway [2010 Saab 9-3 Sport Sedan].*

В качестве аргумента («к делу») в пользу приобретения предмета рекламы выступают его технические характеристики:

- объем двигателя — *2.0-liter;*
- хорошая мощность — *210-horsepower;*
- экономичное потребление топлива — *17-mpg in the city and 27-mpg on the highway.*

ГРУППА АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТАКТИК
(*тактика прямого императива, тактика присвоения «титла» адресату, тактика «свободы» выбора, тактика предложения совместной деятельности*)

Апеллятивы, как мы заметили, могут выполнять ряд функций: этикетную, ролевою, коммуникативную, экспрессивную. Апеллятив может выражать не только призыв, но и отношение адресанта к адресату. Апеллятивы очень часто используются в рекламном дискурсе с целью привлечения потенциального покупателя и установления с ним контакта.

ТАКТИКА ПРЯМОГО ИМПЕРАТИВА. Используя прямые тактики, рекламодаделец апеллирует непосредственно к адресату, рекомендуя ему совершить покупку или воспользоваться рекламируемой услугой. С позиций коммуникативной лингвистики разграничение прямой и косвенной рекламы может быть произведено в зависимости от способа выражения авторской интенции и характера использованных средств воздействия.

В специальной литературе по рекламе [См., напр.: Бове, Арнс 1995; Голубкова 2000; Яновский 1998] к *прямым* формам последней относят рекламные объявления, рассчитанные на немедленную реакцию потребителя. В целом термин *прямая коммуникация* достаточно часто используется при анализе рекламного дискурса.

Можно выделить содержательные и формальные сигналы рекламности, позволяющие адресату идентифицировать текст

как принадлежащий к рекламному дискурсу [Булатова 2005: 147]. Продемонстрируем это на следующем примере: *Try the Chase Gift Card. Use it for birthdays, weddings, or just to say "thank you" — whatever the occasion* [Chase].

В данном сообщении автор рекламы использует повелительное наклонение глаголов *try* и *use*, функция которых — недвусмысленно выразить намерение адресанта. Повелительное наклонение — один из наиболее часто встречающихся сигналов рекламности, благодаря которому происходит сближение адресанта и адресата.

ТАКТИКА ПРИСВОЕНИЯ «ТИТУЛА» АДРЕСАТУ. Эта тактика распространена и в российском, и в американском интернет-дискурсе. Рассмотрим следующий пример: *Dear client, do not hesitate to contact me if you require* [PreWarCar].

В данном рекламном сообщении о продаже старых автомобилей используется обобщенная номинация «клиент». Автор мог бы не называть клиента, а просто написать *Do not hesitate to contact me if you require*. Однако номинация «клиент» способствует созданию коммуникативной рамки, что придает адресату большую статусность. Это сообщает и самой рекламе большую официальность. Присваивая определенный «титул» адресату, автор рекламы показывает, что уже существует некая статусная группа клиентов, покупающая данный товар. Таким способом в нее включается и потенциальный клиент.

ТАКТИКА «СВОБОДЫ» ВЫБОРА. Автор рекламы, желая привлечь клиента, может имитировать его свободный выбор. Интересен нижеприведенный пример: *Looking to take surfing lessons? Want to book a kitesurfing holiday? Maybe you want do a tandem skydive? The kitesurfshop is packed with information on tours, trips, lessons and activities* [Adventures Panama].

Магазин по продаже оборудования для кайтинга и серфинга изобилует информацией о турах, путешествиях, уроках и другой деятельности: *surfing lessons* (уроки серфинга), *kitesurfing holiday* (праздник кайтсерфинга), *tandem skydive* (скайдайв вдвоем). Имитация свободы выбора достигается цепочкой вопросов и вводным словом *maybe* (может быть). Услуга не навязывается клиенту, но последний подталкивается к размышлению. Цепочка вопросов (или отдельные вопросы), в свою очередь, усиливают контактоустанавливающую функцию рекламного сообщения.

ТАКТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Автор рекламы может имитировать совместную с клиентом деятельность и

тем самым вступать с ним в контакт на паритетных началах.

Например, туристическая фирма приглашает в путешествие своих клиентов: *Let's go on a 1 — 3 day family rafting adventure with Kookaburra Rafting on the Salmon River... [Idaho]*.

Приглашение выражено фразой *Let's go* (давайте поедем). И адресант, и адресат включены в совместное действие. Гипотетически в это «совместное действие» с клиентом включена и сама турфирма (турфирма оформляет все документы, договаривается с принимающей стороной и т. д.). В текстовом пространстве присутствуют и автор, и адресат. Автор рекламы как бы беседует с клиентом, организуя общую коммуникативную ситуацию, в которой партнеры общаются равноправно (глагол в повелительном наклонении *let* и местоимение *us*).

ГРУППА ЭТИКЕТНЫХ ТАКТИК (тактика комплимента, тактика извинения, тактика приветствия, тактика благодарности, тактика прощания)

ТАКТИКА КОМПЛИМЕНТА. Комплимент, похвала и лесть используются рекламодателем, чтобы поднять престиж клиента в его собственных глазах. Четких границ между понятиями *комплимент*, *похвала*, *лесть* мы в рамках данной статьи не проводим.

Автор рекламы хочет улучшить эмоциональное состояние адресата и вызвать его доверие, скрывая истинные деловые, прагматические и меркантильные намерения. Проиллюстрируем это конкретным примером: *We recognize and appreciate the uniqueness of our Customers. No two people are alike, so no two vacations should be alike* [Southwest Vacation].

Туристическая фирма прямо заявляет о том, что для нее важна уникальность (*uniqueness*) клиентов. Поэтому она готова найти индивидуальный подход к каждому клиенту, предложить особый отдых.

Отметим, что существует множество вариантов подачи аргументов такого рода. Их выбор зависит от творческой индивидуальности автора. Прагматическая функция данных средств — продемонстрировать интерес к адресату, повысить его самооценку.

ТАКТИКА ИЗВИНЕНИЯ. Отсутствие благодарности может разрушить отношения между коммуникантами, а отсутствие извинения может вызвать конфликт. Установлено, что в повседневной англоязычной коммуникации извинения звучат гораздо чаще, чем в русской. Даже если прохожие случайно встретятся глазами, они могут извиниться друг

перед другом. Принося извинения, мы признаем, что совершили оплошность, ошибку, и выражаем свое сожаление.

В интернет-рекламе в случаях, когда по определенным причинам товар отсутствует, владелец сайта приносит свои извинения: *SORRY, THIS ITEM HAS BEEN SOLD!* [Gumtree].

Извинение дается косвенно, а не прямо (ср: *We are sorry; Excuse me*). Такое извинение не направлено на собеседника, а «растворяется» в самом себе. Оно выполняет чисто формальную функцию, однако этикетные отношения между партнерами соблюдены в тех рамках, которые приняты в американской культуре.

Извинение является одним из способов выражения вежливости. Акт извинения достаточно типичен для интернет-рекламы. Это еще раз подтверждает тот факт, что интернет-реклама — живая реклама в интерактивной среде, и рекламная интернет-коммуникация все более приближается к устному межличностному общению.

ТАКТИКА ПРИВЕТСТВИЯ. Приветствие используется в этикетной ситуации для того, чтобы установить инициальный контакт между коммуникантами. Иногда приветствие может являться лишь формальным толчком для начала коммуникации.

Приветствие может быть выражено в американском рекламном дискурсе междометием *hello* (которое используется при общении между близкими, хорошо знающими друг друга людьми): *Hello, Las Vegas, Phoenix, and New York City vacation packages are on sale!* [Southwest Vacation-2].

Турфирма рекламирует турпакеты (предмет рекламы) и как аргумент («к делу») приводит тот факт, что они сейчас продаются по особо низкой цене на распродаже. Приветствуя своих клиентов, турфирма пытается вступить с ними в неформальный контакт, уменьшить дистанцию общения.

ТАКТИКА БЛАГОДАРНОСТИ. Благодарность является важным средством выражения симпатии адресанта к адресату в рекламном интернет-дискурсе (необходимо отметить, что благодарность никогда не встречается в рекламе другого типа — щитовой, печатной, телевизионной, радио и т. д.).

В американском рекламном интернет-дискурсе благодарности отводится особая роль. Благодарность можно рассматривать как проявление вежливости, воспитанности со стороны адресанта и уважительного отношения к адресату. Выражая благодарность, автор рекламы сохраняет и поддерживает свой имидж, который необходим для достижения определенных целей (в нашем

случае — продвижения и продажи товаров или услуг). Благодарить — значит замечать внимание и доброе отношение к себе, быть готовым к ответному действию.

Туристическая фирма сообщает адресату, что она больше не принимает заявки (предмет рекламы) на тур (негативная информация для клиента), и в то же время благодарит за просмотр сайта (позитивная информация для компенсации негативной): *We are no longer accepting applications for the 2009 season. Thank you for your interest* (http://www.outwardbound.org/index.cfm/do/exp.job_opening_detail/job_id/2).

Вполне возможно, что адресат никогда в дальнейшем не станет клиентом этой компании и не будет просматривать данный сайт, но сам факт благодарности смягчает отказ, «снимает» негативные ассоциации.

ТАКТИКА ПРОЩАНИЯ. Благодарность за просмотр сайта и прощание с адресатом могут совмещаться, что типично для американской рекламы: *Thank you for your attention and we value your business! Sincerely, RICH COWBOY USA, INC* [About us].

Помимо благодарности, автор рекламы одежды показывает, что он ценит ту (любую) работу, которой занимается адресат. Благодарность заканчивается прощанием, как в официальном письме: *Sincerely, RICH COWBOY USA, INC* (С уважением, RICH COWBOY USA, INC). Данная концовка придает некую официальность рекламному объявлению.

Необходимо отметить, что в ситуации благодарности в американской коммуникации коммуниканты оценивают скорее не поступки друг друга, а проявляемые качества. Подобные фразы в русской коммуникации используются как ответ на помощь, которая действительно оказана, а в американской коммуникации достаточно того, что адресат проявил интерес к сайту с предложениями товаров или услуг.

Посредством прощания не только разрывается связь между коммуникантами, но и демонстрируется симпатия со стороны адресанта к потенциальному клиенту. Прощаясь, автор рекламы проявляет уважительное отношение к клиенту, свое расположение, признательность; иногда прощанию может сопутствовать выражение надежды на продолжение контакта в будущем.

Отдельно рассмотрим **ТАКТИКУ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ ИНТЕРЕСА, ОДОБРЕНИЯ, СИМПАТИИ К КЛИЕНТУ.**

Вежливость в интернет-дискурсе достигается в том числе за счет соблюдения постулата Д. Лича (уменьшение собственной выгоды и увеличение выгоды собеседника) [Leech 1983: 131—139]. Данная тактика реа-

лизуется посредством суперлативов и интенсификаторов.

• **Первый тип. Лексические и грамматические суперлативы.** Значительный пласт лексики рекламного интернет-дискурса составляют грамматические и лексические суперлативы. Рекламодатель старается приукрасить свой товар, выставить его в самом привлекательном свете, чтобы вытеснить конкурентов.

– грамматические суперлативы: *Best Seafood: Legal Sea Foods, 255 State St. (tel. 617/227-3115) [Southwest Vacation-3]*. Автор рекламы для привлечения покупателей, описывая предмет рекламы (ресторан, специализирующийся на продуктах моря), использует в качестве аргумента («к делу») превосходную степень прилагательного *good* — *best* (самые лучшие), реализуя рекламную стратегию позиционирования;

– лексические суперлативы. *The Executive is the favorite business hotel in Panama, #1 Occupancy & popularity, superb Panama City location, free internet, 24Hour coffeeshop [Lodging Panama]*. Здесь рекламируется отель (предмет рекламы) в Панаме. Автор рекламы не призывает адресата поселиться в отеле, а только указывает на его отличительные свойства посредством лексических суперлативов (*favorite* — любимый, *superb* — великолепный). Помимо данной тактики, в объявлении используется и другая — *демонстрация внимания к потенциальному потребителю*. Рекламодатель, пытаясь уделить внимание адресату и его потребностям, приводит аргументы в пользу предмета рекламы: это *отель № 1 по посещаемости и популярности (#1 Occupancy & popularity)*, в нем есть *бесплатный Интернет и 24-часовое кафе (free Internet, 24Hour coffeeshop)*. В рекламном объявлении актуализируется мотив удобства и выгоды.

• **Второй тип. Интенсификаторы** (*so, awfully, absolutely, very, really* и др.). В американском рекламном дискурсе часто используются маркеры усиления и преувеличения (*so, awfully, absolutely, very, really* и др.), например: *Through good times and bad, we will provide the combination of personalized service and contemporary products that is so important to our customers [Whitney Bank]*.

Предметом рекламы в данном объявлении являются банковские услуги. Автор использует усилитель *so* (так) для подчеркивания важности своей деятельности в пользу клиента (аргумент «к человеку»). Цель банка — проинформировать клиента посредством указания на предмет рекламы и тем самым завоевать доверие возможного покупателя, сделать так, чтобы из возможного кли-

ента он стал реальным, т. е. побудить его к покупке. Поскольку реклама — это текст, который направлен на достижение прагматического результата, аргументативная сторона рекламного текста, как и сторона экспрессивная, ориентирована на достижение этой цели. При помощи их сочетания можно реализовать замаскированный воздействующий эффект.

Турфирма *Absolutely Costa Rica!*, занимающаяся исключительно турами в Коста-Рику, дает следующую рекламу в Интернете: *At Absolutely Costa Rica travel experts provide you with efficient and quality service for all your travel needs to this tropical paradise [Absolutely Costa Rica]*.

В этой рекламе используется интенсификатор *Absolutely* для подчеркивания мысли о том, что компания работает в одном направлении (Коста-Рика). Слово *paradise* (рай) используется для преувеличения рекламируемой услуги. Аргументом для привлечения внимания клиента является указание на *действенные и качественные услуги (efficient and quality service)*. Воздействовать на адресата для побуждения его к действию — главная цель рекламной аргументации. Для усиления рекламной аргументации автор рекламы может использовать различные лексические средства (в нашем случае «слова-преувеличители»).

Тактики повышения статуса клиента создают для него видимость того, что он является значимым для рекламодателя.

Итак, позитивная вежливость служит для выражения говорящим своей привязанности и симпатии к адресату с целью установления взаимопонимания, удовлетворения желания каждого быть замеченным, понятым, услышанным. В сочетании с другими тактическими схемами тактики позитивной вежливости апеллируют и к рациональным, и к эмоциональным мотивам человеческой деятельности, оптимизируя коммуникацию в нужном для рекламодателя направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бове К., Арнс У. Современная реклама. — Тольятти : Довгань, 1995.
2. Булатова Э. В. Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.
3. Голубкова Е. Н. Маркетинговые коммуникации. — М., 2000.
4. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. — Cambridge (UK) : Cambridge Univ. Pr., 1987.
5. Grice P. Logic and Conversation / P. Cole, J. Morgan (eds.) Syntax and Semantics. — N. Y. : Academic Pr., 1975. Vol. 3 : Speech Acts. P. 41—58.

6. *Leech G.* Principles of Pragmatics. — London : Longman Publ. Gr., 1983. P. 131—139.

ИСТОЧНИКИ

1. *About Us.* URL: <http://richcowjeans.com/aboutus.html>

2. *Absolutely Costa Rica.* URL: <http://www.absolutelycostarica.com/>.

3. *Adventures Panama.* URL: <http://www.adventuraspanama.com/links/adventureportal.html>.

4. *Chase.* URL: https://www.chase.com/ccp/index.jsp?pg_name=ccpmapp/individuals/shared/page/gift_card.

5. *Gumtree.* URL: <http://perth.gumtree.com.au/c-Cars-Vehicles-Motorbikes-Parts-cars-5K-2000-AU-FAIRLANE-GHIA-TICKFORD-MOTOR-SORRY-THIS-IS-SOLD-W0QQAdIdZ180311564>.

6. *Idaho // Adventures Panama.* URL: www.adventuraspanama.com/links/idahowhitewaterterrivingvacations.html.

7. *Kmart.* URL: <http://www.kmart.com/>

8. *Lodging Panama // Adventures Panama.* URL: <http://www.adventuraspanama.com/links/lodgingpanama.html>.

9. *Null from Kmart.com.* URL: http://www.kmart.com/shc/s/nb_10151_10104_NB_CSHome.

10. *PreWarCar.* URL: http://www.prewarcar.com/pre1966/postwar_searchresults.asp?make=Ferrari.

11. *Southwest Vacation.* URL: www.southwestvacations.com/content/detail.asp?xmlFile=about_us.

12. *Southwest Vacation-2.* URL: www.southwestvacations.com/emails/view.htm.

13. *Southwest Vacation-3.* URL: http://www.southwestvacations.com/destinations/FROMMERS_detail.asp?recordID=0004020003&parentRecordID=0004010001&Frommers_DEST=BOS&Dest=BOS&SECTION_LEVEL=2&OAC=\.

14. *Whitney Bank.* URL: <http://investor.whitneybank.com/co-profile.cfm>.

15. *2010 Saab 9-3 Sport Sedan // Yahoo! Autos.* URL: http://autos.yahoo.com/2010_saab_9_3_sport_sedan/.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

С. А. Тихонова С. A. Tikhonova
Омск, Россия Omsk, Russia**БАРАК ОБАМА
КАК МИШЕНЬ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ США**

Аннотация. Приводится анализ прецедентных феноменов, используемых в американской карикатуре для изображения президента США Барака Обамы. Особое внимание уделяется сферам-источникам прецедентности, которые позволяют критически представить образ президента Обамы и указать на основные недостатки проводимой им политики.

Ключевые слова: политическая карикатура; прецедентные феномены; сфера-источник; образ.

Сведения об авторе: Тихонова Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к.110а.
e-mail: svetd@bk.ru.

**BARACK OBAMA
AS A TARGET OF PRECEDENT PHENOMENA
IN THE US POLITICAL CARICATURE**

Abstract. The present article deals with the analysis of precedent phenomena used in the US political caricature to depict the US present Barack Obama. A special attention is paid to the source domains of the precedent phenomena which enable the authors to present the image of President Obama critically and determine the main drawbacks of his policy.

Key words: political caricature; precedent phenomena; source domain; image.

About the author: Tikhonova Svetlana Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the English Language.

Place of employment: Omsk State University n. a. F. M. Dostoyevsky.

Политическая карикатура, будучи неоднозначным и сложным по своей природе жанром политического дискурса, до недавнего времени не привлекала к себе большого внимания со стороны исследователей-лингвистов. Однако в последние годы появляются работы, посвященные различным аспектам изучения политической карикатуры (ряд статей М. Б. Ворошиловой, диссертация Е. А. Артемовой и др.).

Злободневный и актуальный характер политической карикатуры определяет ее манипулятивную функцию, направленную на создание у общества определенного отношения к какому-либо важному социальному или политическому событию или действующему на политической арене лицу. М. Б. Ворошилова отмечает, что «политическая карикатура выполняет и воздействующую функцию, так как является очень действенным средством формирования общественного мнения» [Ворошилова 2007: 74]. Задача большинства политических карикатур — освещение важнейших для государства и общества событий и проблем, таких, как избирательные кампании, реформы, вопросы внешней политики; в последние несколько лет наиболее актуальной темой является экономический кризис. Однако политические карикатуры представляют интерес не только для общества, но и для самих политиков. Так, например, профессор Тим Бенсон, основатель Галереи политической карикатуры в Лондоне, считает, что сам факт появления таких

изображений является доказательством политического успеха политика [McConnell].

В данной статье мы рассмотрим особенности создания образа президента США Барака Обамы в американской карикатуре. В начале его президентства карикатуры на Б. Обаму носили подчеркнуто положительный характер, так как большинство американцев связывали с его приходом надежду на улучшение своей жизни. По прошествии четырех лет ситуация кардинально изменилась. Карикатуристы стараются подчеркнуть основные ошибки и непопулярные среди американцев решения Барака Обамы, для чего используют большой арсенал выразительных средств, включающий метафоры, символы, аллюзии, прецедентные феномены и др. Без сомнения, успех карикатуры зависит от того, насколько правильно реципиенты расшифруют замысел художника. Следовательно, важное значение для создания карикатур художником и интерпретации их реципиентами имеют прецедентные феномены.

Визуальный канал, как справедливо отмечает А. В. Дмитриев [Дмитриев 1996], является доминирующим в карикатуре, поэтому мы обратимся к исследованию визуальных прецедентных феноменов в карикатурах, объектом которых является Барак Обама. Из 300 карикатур, опубликованных на сайтах американских СМИ, мы выбрали 60 наиболее интересных с точки зрения функционирующих в них визуальных прецедентных фено-

менов, к которым, исходя из специфики карикатуры, Е. А. Артемова [Артемова 2002] относит прецедентную ситуацию и ценностно-значимые артефакты. Однако, как известно, все виды прецедентных феноменов (имя, высказывание, текст и ситуации) как вербальных, так и визуальных уровней тесно взаимосвязаны, и при использовании одного из них актуализируются и другие. В связи с этим в настоящей статье приводится анализ карикатур по сфере-источнику прецедентности.

Как справедливо замечает М. Б. Ворошилова, «самый распространенный метод ведения неформальной информационной войны — обыгрывание традиционной политической символики, известных политических образов, позволяющее создать узнаваемый, а значит понятный образ, уже наделенный определенными смыслами» [Ворошилова 2010а]. В начале первого президентского срока, как было замечено выше, Б. Обама изображался положительно, чему способствовало использование в карикатурах образов уважаемых американцами политических деятелей. В тот период достаточно частотными были карикатуры, на которых Б. Обама

предстает преемником Джона Кеннеди (рис.1, 2). Обаму сравнивали с президентом Кеннеди, потому что они оба были выпускниками Гарварда, сторонниками левых взглядов, готовыми на реформы Демократической партии и американской политической системы в целом. Кроме того, Б. Обаму поддержали дочь и младший брат легендарного американского президента, несмотря на все старания Хиллари Клинтон, с которой их связывали дружеские отношения.

Не менее уважаемой в США личностью является Мартин Лютер Кинг. Президентство Обамы стало для многих воплощением идей М. Л. Кинга. Именно поэтому карикатуристы часто ссылаются на речь, произнесенную Кингом 28 августа 1963 г. у монумента Линкольна. Его знаменитая фраза “I have a dream” (У меня есть мечта) воплотилась в реальность. Эта ситуация и актуализируется в карикатурах 3 и 4.

Таким образом, использование положительных прецедентных феноменов со сферы-источником «Политика» способствовало популярности нового президента в начале его деятельности.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

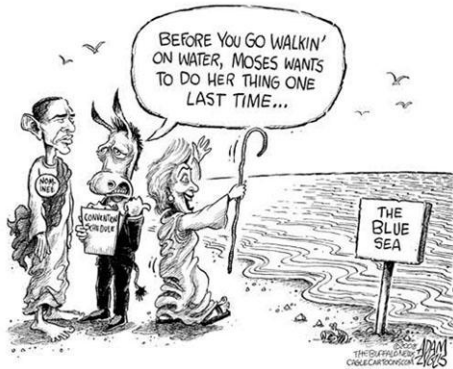

Рис. 5

Рис. 6

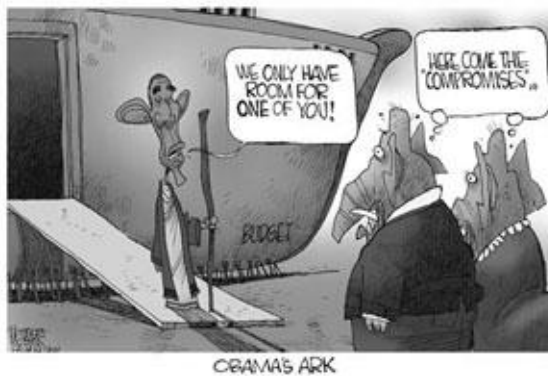

Рис. 7

Рис. 8

Еще одна достаточно распространенная понятийная сфера-источник прецедентности — «Библейские сюжеты». В отмеченный период Б. Обама нередко изображался как спаситель Америки. Например, рис. 5 отсылает потребителя информации к известному библейскому сюжету: сыны Израиля под предводительством Моисея чудесно перешли через Черное море, которое расступилось перед ними, но потопило погоню. Хиллари Клинтон в образе Моисея хочет потопить Обаму как оппонента, а Обама, как спаситель Америки, в образе Христа готовится совершить чудо. Известно, что хождение по водам Иисуса произошло ночью в бурю. Его ученики оказались на грани гибели, но появился Иисус со словами «Ободритесь, это Я, не бойтесь» — и протянул руку помощи. Точно так же Б. Обама намеревался спасти американский народ в условиях сложной экономической и политической ситуации. В данной карикатуре художник сумел объединить два библейских сюжета для точной характеристики ситуации предвыборной борьбы и оценки позиций кандидатов.

Библейская тема в карикатурах на Б. Обаму прослеживается и в период второй его избирательной кампании. Однако теперь художники используют эту тематику для критики президента. Например, одна карикатура (рис. 6) построена на противопоставлении визуального и вербального сообщений. По

всей видимости, изображено выступление Обамы на съезде демократов, где его повторный приход к власти оценивается положительно: фраза “second coming” (второй приход, пришествие) отсылает нас ко второму пришествию Христа (second coming of Christ). Однако вербальный компонент внизу карикатуры: “OK, this is too much” (Это уж слишком) — выражает резко негативную оценку всего происходящего.

Еще одна карикатура (рис. 7) с библейской тематикой изображает Обаму в образе Ноя (отсылка к сюжету о сборе Ноем «каждой твари по паре» на ковчег). Бюджет США (ковчег) переживает не лучшие времена, поэтому приходится ограничивать расходы (Обама говорит “We only have room for one of you” — Место лишь для одного из вас).

К следующей группе мы отнесли карикатуры с прецедентными феноменами со сферой-источником «Традиционные праздники». Их появление, по всей видимости, обусловлено несколькими факторами: во-первых, популярностью этих праздников в американской картине мира, а во-вторых, совпадением важных политических событий с праздниками.

Традиционное празднование Хэллоуина в США состоит в облачении в карнавальные костюмы и выпрашивании сладостей со словами “Trick or treat” (проделка или угощение, сладость или гадость), указывающими на шуточную угрозу нанести вред, если не

будет угощений. Эта прецедентная ситуация в октябре 2012 г., во время предвыборной кампании, была довольно распространенной в карикатурах на Обаму. Например, на одной карикатуре (рис. 8) Обама изображен в костюме супермена в сопровождении персонажей, персонифицирующих основные проблемы США (экономические трудности, неоднозначно оцениваемые реформы Б. Обамы в области здравоохранения и нападение на консульство США в ливийском Бенгази). Интересно, с нашей точки зрения, изображены основные действующие герои этой карикатуры. Традиционно дети наряжаются в разного вида монстров и нечисть, чтобы напугать хозяев дома, на карикатуре же изображена обратная ситуация. Монстры-проблемы во главе с Обамой облачены в костюмы безобидных сказочных героев, а Обама призывает не бояться их хозяев дома.

В декабре праздничная тематика прецедентных феноменов в карикатурах нашла свое продолжение. На этот раз обыгрывались традиционные рождественские ситуации и действующие лица. На карикатурах Барак Обама изображается в образе Санты с большим мешком «расходов США», которые ему обычно вменяют в вину. Кроме того, в декабре Барак Обама объявил о намеренье повысить налоги для богатых американцев ради сокращения государственных расходов, что также отразилось в карикатурах. Богатые «запряжены» в сани Санты-Обамы, чтобы вывезти экономику из трудностей. На одной из таких карикатур (рис. 9) можно наблюдать сочетание прецедентной ситуации со ставшим прецедентным пред-

выборным лозунгом Барака Обамы “Forward” (вперед).

Достаточно продуктивным источником прецедентности в рассмотренных карикатурах является сфера «Киноискусство». Наиболее производительным в этой сфере можно назвать образ супермена. Обращаясь к этому образу, карикатуристы подчеркивают фальшь всей силы и мощи Барака Обамы (рис. 10). «Суперменство» Обамы — просто образ, сказка, создаваемая прессой.

Привлек внимание художников и прецедентный феномен столкновения легендарного Титаника с айсбергом. Мы отнесли эту ситуацию в группу сфер-источников прецедентности «Киноискусство», поскольку современному поколению данное событие в основном известно по фильму Джеймса Камерона. Обама выступает в образе капитана Титаника, который дает команду направить корабль прямо на айсберг (рис. 11). Вербальный компонент (предвыборный лозунг Б. Обамы) особенно важен для оценки действий президента в сложившейся ситуации экономического кризиса, от которого пострадала уже не одна страна.

Интересной представляется карикатура, построенная на сопоставлении прецедентного феномена — фильма «007. Координаты: Скайфолл» с «фискальным обрывом», которого пытается избежать президент США (рис. 12). В данном случае визуальная информация лишь поддерживает вербальную, которая играет главную роль. Комический эффект строится на сопоставлении двух ситуаций: успешной операции героя Бонда и провала «антигероя» Обамы.

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

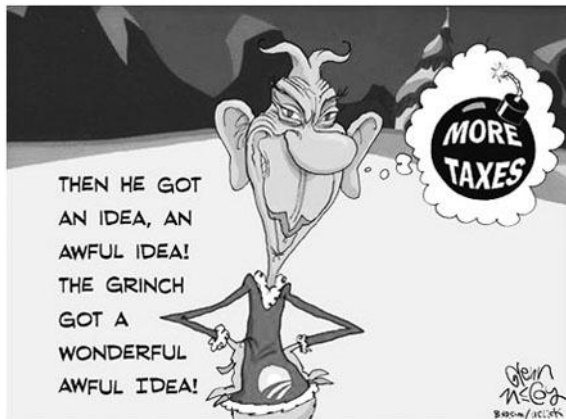

Рис. 13

Рис. 15

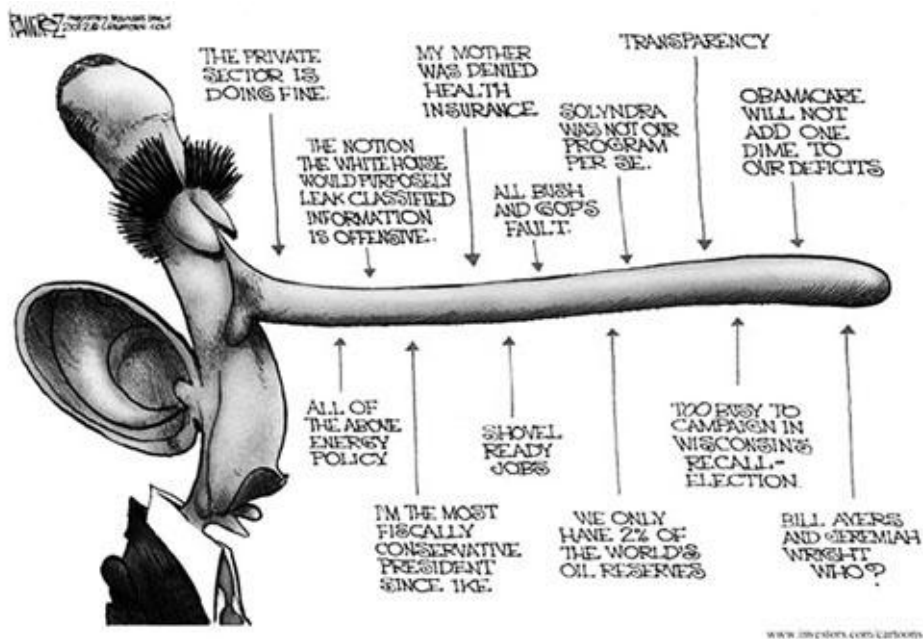

Рис. 14

Еще один пример, заслуживающий внимания, — карикатура с прецедентной ситуацией из американской рождественской семейной комедии «Гринч — похититель Рождества», изображающая Барака Обаму в образе злобного Гринча (рис. 13). В фильме Гринч решает осуществить свой коварный замысел — украсть у горожан их любимый праздник, Рождество, по аналогии с чем решение Барака Обамы об увеличении налогов было воспринято как попытка лишить граждан радости на Рождество. В данной карикатуре вербальный компонент помогает правильному восприятию визуальной информации, раскрывает замысел автора.

Столь же многочисленную группу составляют карикатуры с президентом США в качестве мишени прецедентности, объединенные «сказочной» сферой-источником прецедентности. Наиболее востребованными в карикатурах этой группы оказались два прецедентных текста — сказки Г. Х. Андер-

сена «Новое платье короля» и К. Коллоди «Приключения Пиноккио». Излюбленный сюжет американских карикатуристов о деревянном мальчике, у которого увеличивается длина носа всякий раз, когда он солжет, достаточно активно тиражируется для критики действий президента. Все выступления и обещания Б. Обамы расцениваются как ложь (рис. 14). Вербальный компонент карикатуры усиливает смысл визуального.

Что касается второго прецедентного сюжета — сказки «о голом короле», то в карикатурах этой группы, помимо президента Б. Обамы, часто важную функцию выполняют и представители прессы. Они выступают в роли лживых и услужливых придворных. Основная идея карикатур этой группы — осмеяние показного величия, самоуверенности, слабости внешней политики и сомнительности внутриэкономической политики «короля» Обамы (рис. 15).

Рис. 16

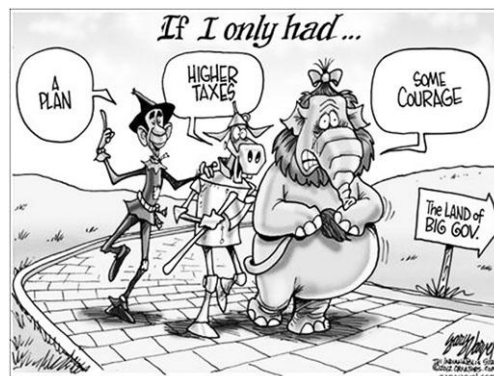

Рис. 17

Рис. 18

Обращает на себя внимание вербальный компонент одной из представленных карикатур со сферой-источником «Сказка о новом платье короля» (рис. 16). Аббревиатура C. Y. A., обозначающая жаргонное выражение «Cover your ass» (прикрыть свою задницу), трансформируется в «Cover his ass», т. е. автор делает акцент на том, что пресса пытается как-то защитить Б. Обаму, повысить значительность его решений. Тем самым метафорический смысл выражения поясняет графический компонент карикатуры, делая ее понятной для реципиента.

Еще одним прецедентным текстом, используемым в карикатурах на президента США, со сферой-источником «Сказки» является детская книга американского писателя Лаймена Френка Баума «Удивительный Волшебник из Страны Оз» (рис. 17).

Художник изображает Барака Обаму в сопровождении представителей правящих партий США (Республиканской и Демократической) в образе героев известной детской книги, которые идут по мощенной желтым кирпичом дороге в надежде получить помощь в Изумрудном городе, где любая мечта становится реальностью. У каждого из них есть заветное желание: Обаме-Страшиле нужен план на второй президентский срок, демократам — Жестяному Дровосе-

ку — повышение налогов, а республиканцам — Трусливому Льву — храбрость. Распределение ролей выглядит справедливым. Многие эксперты обвиняют Б. Обаму в отсутствии четкого курса в проводимой им политике, как внутренней, так и внешней. Это и обусловило изображение президента в образе пугала Страшилы, который хотел попросить у волшебника Оза немножечко мозгов, ведь ему «вовсе не хотелось бы, чтобы люди считали его глупцом». Что касается образов республиканцев и демократов, то автором используются исторически сложившиеся политические прецедентные образы слона и осла. Можно предположить, что, по мнению автора, республиканцам, несмотря на их политическую солидность, не хватает смелости для противостояния решениям президента, а демократам для политического «счастья» не хватает высоких налогов, которые традиционно являются одним из ключевых пунктов их партийной программы.

Еще одна «сказочная» роль досталась Баракку Обаме из-за его высказывания по поводу налоговой программы своего соперника — республиканца Митта Ромни: Б. Обама назвал Ромни «Ромни Гудом» — Робин Гудом наоборот, который готов грабить рядовых американцев, чтобы помочь богатым. На карикатуре (рис. 18) Обама выступает

в роли Джека из сказки «Джек и бобовый стебель», по вине которого вырос бобовый стебель. Кровожадный великан — дефицит сошел по стеблю на американскую землю, и теперь он никого не щадит. Б. Обама изображен беспомощным, он не в состоянии перерубить стебель, покончить с великаном-дефицитом и обеспечить своему народу счастливую и богатую жизнь.

Последнюю из выделенных нами групп карикатур объединяют прецедентные феномены со сферой-источником «Греческая мифология». Самой распространенной прецедентной ситуацией среди проанализированных карикатур является убийство Ахилла (Ахиллеса) Парисом. Согласно мифу, Парис выстрелил отравленной стрелой и, попав ей Ахиллесу в пятку, — единственное уязвимое место — поразил его. Этот сюжет в карикатурах актуализирует различные аспекты предвыборной борьбы. В роли Ахилла выступают как Барак Обама, так и Митт Ромни. Уязвимым местом Обамы является непростая ситуация в Ливии, в результате которой погиб посол США (рис. 19). Эксперты считали, что, если Б. Обама к президентским выборам не покажет результаты успешного расследования в Ливии, он может их проиграть, т. е. отношения США и Ливии — это ахиллесова пята Обамы, которая может погубить его на выборах. Однако на этой же карикатуре видно, что даже обращение к этой ситуации не сможет помочь Митту Ромни выиграть (он стреляет в себя, целясь в Обаму), так как Обама неуязвим.

Рис. 19

Однако Обама может изображаться и в роли Париса, который пытается поразить Ромни-Ахилла, указывая на негативные стороны деятельности инвестиционной компании «Vain», основанной Миттом Ромни и другими в 1984 г. (рис. 20). В рекламных роликах, запущенных в ключевых штатах перед выборами, рассказывалось о том, как некоторые инвестиционные проекты фирмы Ромни потерпели крах, а тысячи сотрудников приобретенных компаний потеряли работу, в то время как сама «Vain Capital» получала огромные прибыли от своих инвестиций. Б. Обама оспорил заявления М. Ромни о том, что опыт, полученный им в «Vain Capital», позволит ему «вылечить» американскую экономику. В приведенных примерах основную содержательную функцию выполняет визуальный компонент, понятный и без вербального, который лишь указывает на детали предвыборной политической борьбы.

Однако в этой группе карикатур существуют и такие, у которых полностью отсутствует вербальный компонент. Примером может служить одна карикатура (рис. 21), ничуть не теряющая в содержательно плане, поскольку она основана на широко известном прецедентном образе Купидона и изображении противозачаточных средств. Карикатура отсылает реципиента к предложению Барака Обамы включить расходы на противозачаточные средства в медицинскую страховку. Сложность восприятия подобного вида карикатур может возникать из-за незнания реципиентами политической ситуации, которая критикуется автором.

Рис. 20

Рис. 21

В заключение отметим, что анализ прецедентных феноменов в карикатурах на Барака Обаму выявил основные, «популярные» сферы-источники прецедентности, такие как «Политика и политические деятели», «Библейские сюжеты», «Традиционные праздники», «Киноискусство», «Сказки» и «Мифология». Выявленные сферы-источники прецедентности представляются достаточно традиционными и простыми, рассчитанными на среднестатистического реципиента. Однако необходимо отметить важность наличия у реципиентов, с одной стороны, определенных фоновых знаний из той культуры, в которой они создаются или которая является объектом изображения, с другой стороны, сведений о происходящих политических событиях. Немаловажным является и то, что карикатуры используют прецедентность в усеченном, концентрированном виде. Н. А. Кузьмина отмечает: «...языковая игра с интертекстуальными знаками в медиатекстах по большей части предполагает операции (и автора, и читателя/зрителя) с поверхностным ... смыслом знака, а вовсе не с тем сложным содержанием, которое закреплено за ним в тексте-источнике или в культуре» [Кузьмина 2011]. Данное утверждение представляется правомерным и для карикатуры, поскольку она рассчитана на восприятие массовым реципиентом. Адекватное понимание карикатуры обуславливается точным пониманием как ее визуального, так и вербального компонентов. Несомненно, что визуальный компонент оказывает большее влияние на подсознание реципиентов при восприятии действий и личности политика в целом, на что, впрочем, и рассчитывают авторы, создавая карикатуры в период предвыборной борьбы. Пред-

ставленный анализ карикатур позволил выделить основные ошибки кандидата Барака Обамы, которые, впрочем, не помешали ему одержать победу на выборах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемова Е. А.* Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002.
2. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73—78.
3. *Ворошилова М. Б.* Алексей Леонидович! Нащупали дно?: прецедентное имя в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 61—63.
4. *Ворошилова М. Б.* Неформальные орудия «третьей мировой войны XXI века»: Россия и Грузия в западной политической карикатуре. 2010а. URL: http://arhiv.oodvrs.ru/article/print.php?id_article=2200 (дата обращения: 21.01.2013).
5. *Ворошилова М. Б.* У разбитого корыта: культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 126—129.
6. *Ворошилова М. Б.* «Русская матрешка» глазами европейцев: прецедентные образы в политической карикатуре об «августовской» войне // Политическая лингвистика. 2011а. № 2с(36). С. 73—76.
7. *Дмитриев А. В.* Социология юмора : очерки. — М., 1996.
8. *Кузьмина Н. А.* Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп : электр. науч. журн. ф-та журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2011. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения: 21.01.2013).
9. *McConnell A.* Yankee doodles: Obama in cartoons. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/8004024.stm> (дата обращения: 21.01.2013).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 811.111+81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04

Д. З. Шапиева
Москва, Россия

D. Z. Shapieva
Moscow, Russia

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДА
НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИИ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

**PORTRAYAL OF RUSSIAN POLITICAL
LEADERS IN THE EARLY XXI CENTURY IN
THE BRITISH AND AMERICAN MASS-MEDIA**

В БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Аннотация. Изучается специфика выражения оценочного мнения о политических лидерах России в современных англоязычных СМИ. Рассматривается роль метафоры и других фигур речи в связи со стратегией достижения журналистом прагматической цели. В центре внимания при анализе особенностей формирования взгляда на политического лидера России в современной британской и американской публицистике находится семантика политической статьи, обусловленная определенной коммуникативной стратегией и моделированием имплицитного смысла.

Abstract. The article deals with the usage of metaphor and other tropes in the UK & US mass media articles and reports, which are used to portray and evaluate the political leaders of Russia. It is devoted to various approaches and strategies (eg. metaphors and other tropes) letting the journalists achieve the pragmatic goal. The research focuses on pragmatic semantics of political journalism, namely the application of a particular communicative strategy as well as the implicit purport.

Ключевые слова: метафора; политическая публицистика; СМИ; экспрессивность; метафорическое переосмысление; оценочность; коммуникативная стратегия; прагматические функции метафоры и других фигур речи (эпитет, сравнение, литота); ирония; имплицитный смысл; концепты «враг» и «друг».

Key words: metaphor; political journalism; mass media; expressivity; metaphoric character of different interpretation; assessment; communicative strategy; pragmatic functions of metaphor and other tropes (epithet, simile, litotes); irony; implicit purport; concepts "enemy" and "friend".

Сведения об авторе: Шапиева Дилара Залимхановна, аспирант кафедры лексики английского языка.

About the author: Shapieva Dilyara Zalimkhanovna, Post-graduate Student of the Chair of English Lexicology.

Место работы: Московский педагогический государственный университет.

Place of employment: Moscow Pedagogical State University.

Контактная информация: 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.
e-mail: Shapieva_dilyara@mail.ru.

В современной публицистике регулярно дается оценка эффективности работы политических лидеров, так или иначе пытающихся сохранить и упрочить свое конкурентное преимущество перед другими политиками, поскольку проводимый данными лидерами курс политических, социальных и экономических преобразований влияет на умы и сердца представителей каждой нации, осознающей свою ответственность за беды и несчастья, происходящие в мире, особенно если их можно было предотвратить.

Желание современных журналистов изменить общественное мнение во многом определяется той оценкой, которую они дают тому или иному политическому деятелю, не стремящемуся, по их мнению, изменить сложившуюся политическую, социальную и экономическую обстановку к лучшему [Чудинов, 2004]. Естественно, оценка каждого отдельного политического лидера современными СМИ во многом определяет специфику отношения к нему населения, которое готово разделить представленную достаточно об-

разно и убедительно позитивную или негативную оценку проводимых тем или иным политиком преобразований, несмотря на то что сами реципиенты данного общественного деятеля никогда не видели и о его политической программе знают лишь понаслышке.

Оценка эффективности работы различных органов власти и их представителей является важной составной частью политического дискурса, что обусловлено желанием каждого отдельного гражданина повлиять на государственное решение по тому или иному важному для каждого человека вопросу, а потому прогнозы на будущее и перспективы изменения политической обстановки в мире активно обсуждаются на страницах современных СМИ [Шейгал 2000; Чудинов 2003 и др.].

Хотя, как считает В. Н. Телия, практически все оценки относительны, зависят от эмпатии и могут использоваться в противоположном значении в зависимости от «ценностной ориентации» автора того или иного текста [Телия 1986: 110], отсутствие очевидных фактов, доказывающих состоятельность

конкретной точки зрения, в большинстве случаев не мешает широкой читательской аудитории согласиться с высказанным журналистом недостаточно аргументированным оценочным мнением.

Оценочное мнение является антропоцентричным, поскольку выражается по отношению к человеку и его деятельности и обусловлено попыткой выяснить, способен ли тот или иной общественный деятель достаточно эффективно исполнять свои обязанности, не злоупотреблять при этом переданными ему правовыми полномочиями, стоит ли ему доверять, осуществит ли он те преобразования, которых от него ждут избиратели [Будаев 2008].

Субъективно-оценочный характер многих суждений о реализации политическим деятелем своей программы во многом зависит от регулярности использования широкого ассортимента экспрессивно-оценочных и эмоционально-оценочных лексических и фразеологических единиц [Будаев, Чудинов 2008]. Активное употребление в современной публицистике таких фигур речи, как метафора, сравнение, эпитет, во многом способствует достижению поставленной автором конкретной политической статьи прагматической цели — убедить массового читателя в том, что политическая обстановка в мире может улучшиться или ухудшиться в результате действий того или иного политика [Шейгал 2000; Чудинов 2006; Тюрина 2003 и др.].

Связанный с желанием каждой отдельной личности повлиять на положение вещей в конкретном регионе и мире в целом, политический дискурс опирается на сложившиеся в данной лингвокультуре стереотипы выражения оценочного мнения и активно создает новые, способствуя интенсивному изменению концептуальной картины мира [Арутюнова 2003; Никитин 2003 и др.]. Приведем пример:

*But facing the **barrage** of criticism abroad, Putin promised that Politkovskaya's assassins would be found. He may have created the Russia in which more journalists have been killed in the last 10 years than anywhere else in the world, except Iraq, but he certainly did not need Politkovskaya to die* [Guardian. 2008. 18 Nov.].

С помощью метафоры в данном случае критики В. Путина изображаются вооруженными, а потому чрезвычайно опасными людьми (**barrage** — *the firing of artillery to saturate an area, either to protect against an attack or to support an advance* [Collins English Dictionary 2006] / *заградительный огонь, огневой вал* [Мюллер 2000]), а также бобрами — животными, затрудняющими перемещение по территории, на которой они оби-

тают (**barrage** — *a usually gated construction, similar to a low dam, across a watercourse, esp. one to increase the depth of water to assist navigation* [Collins English Dictionary 2006] / *заграждение, препятствие, плотина; дамба* [Мюллер 2000]).

В данном случае актуальными являются оба целевых объекта метафорической экспансии (*плотина и заградительный огонь*). Разрушительная стихия огня связывается в сознании читателя с разрушением политического имиджа, снижением популярности, активная работа представителей водной фауны, бобров, — с препятствиями, подталкиванием В. Путина к уходу с политической сцены.

Для современных СМИ, пытающихся в ряде случаев быть максимально объективными в оценке того или иного политика или, напротив, стремящихся использовать все средства, чтобы дискредитировать его либо сохранить или увеличить его популярность, не существует тем неинтересных или запретных. Опираясь на те или иные коммуникативные стратегии (сочувствия, осуждения, контраста, модальности, достоверности, умолчания, возврата в прошлое [Меграбова 2008: 62—75] и т. п.), СМИ, как правило, стремятся подвергнуть критике тех политических лидеров, которые, по их мнению, при использовании властных полномочий пренебрегают интересами большинства граждан своего государства и населения всего мира.

Достаточно часто позитивная оценка в современных СМИ дается иронически. Тем самым автор подчеркивает, что он отнюдь не разделяет сложившегося общего мнения.

From Russia With Loathing

*SHORTLY before the presidential election, at a discussion about Russian-American relations I attended in Cambridge, Mass., speakers from both countries voiced the hope that the election of Barack Obama would signal the **renewal of a beautiful friendship**. In an address to the Russian Parliament, President Dmitri Medvedev **welcomed President-elect Obama with a threat** to deploy Russian missiles on the Polish border if the United States put anti-missile systems in Eastern Europe. While some conciliatory signals followed, it seems clear that the Kremlin intends **to keep the “new cold war” going*** [New York Times. 2008. 21 Nov.].

Автор данной газетной статьи обращает внимание читателя на враждебность Москвы, нежелание российской политической элиты соблюдать этикет. Заголовок является аллюзией на роман Яна Флеминга [Fleming 1957] о британском разведчике Джеймсе Бонде, «*From Russia With Love*», название которого выражает привязанность и желание

сохранить добрые отношения. Журналист меняет в нем существительное *love* (*an intense emotion of affection, warmth, fondness, and regard towards a person or thing* [Collins English Dictionary 2006] / *любовь, приязнь, симпатия; привязанность* [Мюллер 2000]) на антоним *loathing* (*abhorrence; disgust* [Collins English Dictionary 2006] / *отвращение, ненависть* [Мюллер 2000]). В результате отношения между Россией и США рассматриваются как откровенно враждебные, на что указывает и использование метафоры *new cold war*, еще раз указывающей на враждебность, непримиримость, желание причинить вред как на важные черты характера российских политических лидеров.

Естественно, к возможности восстановления дружеских отношений (*renewal of a beautiful friendship*) между Россией и США журналист относится скептически, иронизирует по этому поводу. Напомним: «Интенция иронического высказывания как речевого акта состоит в том, чтобы неявно поменять буквальную положительную оценку на противоположную — отрицательную посредством указанного конфликта» [Никитин 1996: 744]. Ирония автора в рассматриваемой статье связана с конфликтом эксплицитного значения выражения *renewal of a beautiful friendship* с общим фоном материала. Это противоречие разрешается в пользу утверждения, сформулированного в заголовке статьи, которое перечеркивает буквальный смысл определения *renewal of a beautiful friendship* как соответствующий не действительности, а желаниям рядовых американцев.

О том, что автор относится скептически к сформировавшейся в СМИ положительной или отрицательной точке зрения на конкретного политического лидера, говорит уже название политической статьи, опубликованной в газете «Гардиан», — «*Poker with missiles*» [Guardian. 2008. 7 Nov.]. Оно недвусмысленно намекает читателю, что реактивные снаряды (*missiles*) используются кем-то как средство давления на другие государства, которым приходится иметь дело с агрессором, рассматривающим политическую деятельность как своего рода азартную игру.

Метафорическое переосмысление лексемы *poker* (покер, карточная игра) во многом обусловлено тем, что британский читатель хорошо знает психологические нюансы этой карточной игры, в которой часто блефуют, создавая у партнера по игре впечатление, что на этот раз ему не повезло, а потому следует выйти из игры, отдав своему сопернику ранее сделанные ставки.

Текст статьи во многом подтверждает высказанную уже в заголовке оценочную гипотезу, предоставляя читателю подробную информацию о том политическом лидере, который, участвуя в политических переговорах по поводу спорных вопросов военной политики (*missiles*), может вести двойную игру (блефовать) — создавать у других политиков впечатление, что у него хорошая карта и ему следует на этот раз уступить. Прочитируем фрагмент:

There were elaborate explanations yesterday as to why the Russian president, Dmitry Medvedev, had chosen to greet the election of a liberal to the White House by deploying nuclear missiles in its western enclave of Kaliningrad [Guardian. 2008. 7 Nov.].

Впечатление о том, что заявления политиков не более чем блеф, элемент карточной игры, продиктованный желанием сохранить и приумножить свои политические, экономические и социальные преимущества перед другими гражданами, преимущества своей страны перед другими государствами, не обладающими значительной военной мощью, находит свое подтверждение в реализации важной для автора коммуникативной стратегии контраста (ответственное отношение к своим властным полномочиям / использование их в двойной игре).

Намек автора статьи на то, что Д. Медведеву пришлось поздравить Б. Обаму с победой на президентских выборах, свидетельствует о том, что автор не рассматривает российского президента как человека либеральных взглядов. Д. Медведев, как считает журналист, блефует, ведет нечестную, двойную игру.

Доказывая свое оценочное мнение, автор, как мы видим, опирается в большей степени не на эксплицитные значения используемых лексических единиц, а на имплицитные (*had chosen to greet the election of a liberal* вместо *had had to greet the election of a liberal*), вписывая смысловое содержание своего сообщения «как часть в целом некоего предметного мира, в систему его связей и закономерностей» [Никитин 1996: 630].

«Всякое высказывание опирается на значимый фон предпосылок, и сопровождается значимым шлейфом следствий» — отмечает М. В. Никитин, демонстрируя, что осмысление текста читателем идет в «двух взаимодействующих как модель и моделируемое смысловых плоскостях — эксплицитной и имплицитной» [Никитин 1996: 630; 640]. Эту мысль подтверждает следующий фрагмент:

Russia, we were told, was laying down a marker. It was saying: you can not ignore us.

Or Medvedev was testing a greenhorn leader to see how he would react. There was every explanation except the obvious one: cause and effect [Guardian, 7 November 2008].

Шлейф следствий сформулированного еще в названии статьи (*Poker with missiles*) имплицитного смысла описываемого политического события доказывает, что М. Медведев, как считает автор, лишь выдает себя за либерала.

По мнению автора статьи, политическая элита России рассматривает нового президента США как новичка, неопытного или наивного человека — *greenhorn*: 1) *an inexperienced person, esp. one who is extremely gullible*; 2) *chiefly a newcomer or immigrant* [Collins English Dictionary 2006].

Данный оценочный эпитет является средством реализации выбранной автором коммуникативной стратегии контраста. Определение обусловлено и метонимическим, и метафорическим переносом: *an animal with green (that is, young) horns > green horn > greenhorn*.

Данная зооморфная метафора помогает журналисту сопоставить Д. Медведева с уже зрелым, опытным представителем фауны, представителем крупного рогатого скота, животным достаточно агрессивным (например, быком), умеющим маневрировать, скрывать свои агрессивные цели в ожидании подходящего момента.

Б. Обама, напротив, изображается как уязвимое животное, бычок, — существо, еще не способное постоять за себя, выстоять в жестокой конкурентной борьбе на политической арене, не осознающее, что его противник может оказаться нечестным игроком, своего рода политическим шулером.

Следует обратить внимание и на имплицитную символику указания автора на невозможность объяснить поведение российского политического лидера причинно-следственной связью (*There was every explanation except the obvious one: cause and effect*), способствующую закреплению в сознании читателя представления о российском президенте как о существе, нарушающем законы логики и опирающемся на такое неоспоримое преимущество, как сила и военная мощь своего государства.

The cause was America's decision to deploy missiles and a radar system on Russia's border. It was a decision which no Russian president of any hue could ignore. The radar is capable not only of tracking incoming Iranian missiles but of directing a warhead anywhere on Russia's territory to an accuracy of metres. [Guardian. 2008. 7 Nov.].

Вскрытый нами имплицитный смысл политического текста (рассмотрение политиче-

ской деятельности как азартной игры, связанной с умением скрывать свои истинные намерения как политическим козырем и обнаружением в современных политиках агрессивности) опирается в дальнейшем, как мы видим, на эксплицитные смыслы — информацию о встрече политических лидеров России и США, их попытке решить конфликт вокруг ПРО (*America's decision to deploy missiles and a radar system on Russia's border; would Russia station missiles in Kaliningrad or not?*).

Однако и далее по тексту возникают новые имплицитные смыслы, важные с точки зрения передачи представления автора об описываемом политическом событии. Метафорическое переосмысление лексемы *hue* (*the attribute of colour that enables an observer to classify it as red, green, blue, purple, etc., and excludes white, black, and shades of grey*) обусловлено в данном случае соотношением высказываемой российским политическим лидером позиции по тому или иному политическому вопросу с естественным отбором или умением представителей животного мира приспособиться к условиям окружающей среды, что обеспечивает им конкурентное преимущество перед другими видами, не сумевшими приспособиться, стать невидимыми для своей потенциальной жертвы, т. е. скрывать агрессивный характер своих целей.

Важную роль с точки зрения создания в воображении читателя представления о Д. Медведеве играет литота «*It was a decision which no Russian president of any hue could ignore*», обусловленная желанием автора подтолкнуть читателя к обдумыванию того, как в аналогичной ситуации могли бы повести себя другие российские и советские политические лидеры, каждый из которых проявлял агрессию и разыгрывал дружелюбие по-своему.

One move in this poker game soon leads to another. Thanks to America's insistence on a shield of unproven worth, and Poland's backing for it, eastern Europe now faces the nightmare return of the short-range missile. Go back 16 years to discover just how dangerous this bluff was. Taking the chips off the table is going to be more difficult, even though Barack Obama told Radek Sikorski, the Polish foreign minister, about his doubts concerning the effectiveness of the missile shield. Whatever the truth about the Pentagon's claim that the shield is not aimed at Russia, the installation has become a self-fulfilling prophecy [Guardian. 2008. 7 Nov.].

Лексический повтор метафоры *poker*, впервые обозначенной уже в заголовке, на данном этапе развития информационного сообщения еще в большей степени подчер-

кивает ироничное отношение британского журналиста к заявлениям политических деятелей, которых он считает людьми, обладающими навыками двойной игры, а возможно, и как карточных шулеров.

Коммуникативная стратегия осуждения российской политической элиты получает свое развитие в оценочных эпитетах (**dangerous, more difficult, self-fulfilling**) и метафорах (**nightmare, bluff, prophecy**), дающих ключ к верной и более детальной интерпретации российских политических деятелей как источника трудностей и опасностей, препятствия на пути к мирному гармоничному сосуществованию различных государств, не склонных ко лжи и агрессии.

*It invites Russian targeting, from which the missile base now has to be defended. The result is that missiles are **springing up like green shoots**. And no one can afford to wait for the next **frozen conflict of the region** — an area that runs from the Baltics, through which Russian military convoys travel to Kaliningrad, to the Caspian Sea — to **leap out of the deep freeze**. Georgia could **erupt** again [Guardian. 2008. 7 Nov.].*

Обусловленное коммуникативными стратегиями контраста и осуждения активное метафорическое переосмысление слотов «хищник» и «азарт карточной игры, связанный с возможностью победы в результате обмана или введения противника в заблуждение» в данном случае дополняется использованием биоморфного сравнения, экспрессивность которого вызвана тем, что сферой-целью образного переосмысления в является средство массового уничтожения: **missile** (*any object or weapon that is thrown at a target or shot from an engine, gun, etc / реактивный снаряд; ракета*); **shoot** (*any new growth of a plant, such as a bud, young branch, etc / побег, росток*) [Collins English Dictionary 2006].

Экспрессивность данного сравнения в значительной степени усиливается тем, что в качестве объекта сравнения используется метафорически переосмысленная лексическая единица, тесно связанная со слотом «истребление при помощи оружия» — **shoot**: 1) *hit, wound, damage, or kill with a missile discharged from a weapon*; 2) *discharge (a missile or missiles) from a weapon*; 3) *fire (a weapon) or (of a weapon) to be fired* [Collins English Dictionary 2006].

В одном из лексико-семантических вариантов данного многозначного слова фигурирует значение **missile**. Соответствующая лексема выступает в роли объекта сравнения в данной статье. В результате возникает парадокс, обусловленный тем, что не только живой организм рассматривается автором и

читателем статьи как средство уничтожения, но и средство уничтожения может принимать облик живого существа.

Все это в значительной степени является проявлением коммуникативной стратегии достоверности и служит подтверждением гипотезы, высказываемой журналистом: жить в современном мире небезопасно; наше впечатление о сущности окружающего мира является обманчивым — под маской друга может скрываться опасный и вероломный враг.

Использование оценочных эпитетов и структурно связанных с ними метафор (**not blameless, nationalist, autocratic. capable of provoking a conflict, tie them ever tighter into an intractable knot**) в каждом отдельном абзаце связано с прагматической направленностью статьи — обвинениями в адрес авторитарных политиков, которые игнорируют мнение других людей и проявляют агрессию по отношению к другим государствам.

*The Kremlin is **not blameless**: it is **nationalist, autocratic, the battleground of rival clans capable of provoking a conflict in the Caucasus for the purpose of sending a message to each other. But the regional stakes are now getting high**. Mr Obama has to convene an early bilateral summit with Mr Medvedev and Vladimir Putin, his prime minister. The two sides need to untangle the issues dividing them, not tie them ever **tighter into an intractable knot** [Guardian 2008. 7 Nov.].*

Критикуя того или иного политического лидера, британский журналист при помощи оценочных эпитетов указывает на враждебность (**capable of provoking a conflict**), азарт и корысть (**the regional stakes are now getting high**) как типичные черты кремлевских «хищников», пытающихся лишить другие страны и своих собственных гражданам свободы выбора. На это указывает использующийся в статье мотив пленения (**tie them ever tighter into an intractable knot**).

Экономическая метафора **stakes** (*the money or valuables that a player must hazard in order to buy into a gambling game or make a bet / ставка, заклад (в азартных играх)*) вызывает у читателя подозрение в том, что российские политические лидеры рассматривают свою работу не как выполнение определенных служебных функций, обусловленных созданием на территории своего государства лучших условий для существования народа, а исключительно как возможность развлечься и подзаработать, ущемить права и свободы других людей.

Таким образом, формирование взгляда на современных политических лидеров России обусловлено прежде всего субъектив-

ным оценочным мнением автора, вынужденного делать выбор между двумя утверждениями: «Россия — друг» или «Россия — враг». Этим выбором, а также реализацией коммуникативных стратегий осуждения и контраста, мотивируется формирование в тексте статьи различных имплицитных смыслов, связанных с такими фигурами речи и стилистическими приемами, как метафора, эпитет, сравнение, литота, ирония. Пытаясь продемонстрировать враждебность России, британские и американские журналисты формируют влияющие на воображение читателя имплицитные смыслы, фокусируют внимание читателя на желании политической элиты России продемонстрировать свою силу, вести двойную игру, в связи с чем такие слоты, как «азартные игры», «хищные животные» оказываются прагматически и семантически оправданными средствами актуализации концепта «хитрый, коварный и сильный враг».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. — М. : Едиториал УРСС, 2003.
2. Будаев Э. В. Семиотический параллелизм политических метафор // Политическая лингвистика. — Екатеринбург. 2008. С. 32—36.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. — Екатеринбург. 2008. С. 37—48.
4. Меграбова Э. Г. Языковая репрезентация коммуникативных стратегий в дискурсе о России //

Культурно-языковые контакты : сб. науч. тр. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. Вып. 12. С. 62—75.

5. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. — СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996.
6. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. — СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М. : Наука, 1986.
8. Тюрина Н. А. Газетно-публицистический текст и прагматическое намерение автора // Материалы 31 Всерос. науч. конф. 11—15 марта 2003 г. — СПб. : СПбГУ, 2003. С. 59—67.
9. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 91—106.
10. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург, 2003.
11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000.
13. Fleming I. From Russia With Love. — N. Y. : Macmillan, 1957.

СЛОВАРИ

14. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. — М. : Советская энцикл., 2000.
15. Collins English Dictionary. — HarperCollins Publishers, 2006.

ИСТОЧНИКИ

16. Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk>.
17. New York Times. URL: <http://www.nytimes.com>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Л. Фрейдина

К. М. Шилихина K. M. Shilikhina
Воронеж, Россия Voronezh, Russia

**ИРОНИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ДЕОНТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

**IRONIC EXPRESSION OF DEONTIC
EVALUATION IN PUBLIC POLITICAL
DISCOURSE**

Аннотация. На материале текстов российских СМИ и фрагментов компьютерно-опосредованной коммуникации, в которых обсуждается функционирование наиболее важных социальных институтов — государства, церкви, системы образования — демонстрируется, каким образом с помощью иронии говорящему удается апеллировать и к рациональному началу, и к эмоциям читательской аудитории. Одним из самых популярных способов выражения негативной оценки происходящих событий является ирония, используемая в деонтической функции.

Abstract. The research is based on Russian mass-media publications and samples of computer-mediated communication. The texts address the issues of social interaction between the citizens and the most important social institutions: the state, the Russian Orthodox Church and the educational system. The evaluative potential of irony makes it a frequent way of expressing critical stance. Two forms of irony – the absurd (or surrealistic) irony and the propositional negation (or antiphrastic) irony – are the most popular strategies of expressing negative evaluation since they are the most obvious and easiest for recognition.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс; социальная норма; оценка; абсурдная ирония; ирония-антифразис.

Key words: public political discourse; social norm; evaluation; surrealistic irony; antiphrastic irony.

Сведения об авторе: Шилихина Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации.

About the author: Shilikhina Ksenia Mikhailovna, Candidate of Philology, Doctoral Student of the Chair of Translation and Intercultural Communication.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Place of employment: Voronezh State University.

Контактная информация: 394006, Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: shilikhina@gmail.com.

1. ОЦЕНКА В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.

Оценка событий, действий и свойств объектов — значимая часть нашей повседневной жизни: и «хорошее», и «плохое» являются одинаково важными компонентами человеческого опыта [Вагн 1993]. В свою очередь, выражение оценочного отношения к событиям и явлениям, как положительного, так и отрицательного, можно считать одним из «режимов» взаимодействия человека с окружающим миром. Оценка — это один из важнейших результатов мыслительных процессов, задействованных в восприятии и категоризации фрагментов окружающего мира. То, как мы оцениваем события, явления и объекты вокруг нас, показывает степень соответствия реальности нашему опыту и ожиданиям.

Параллельное существование нескольких оценочных шкал отражает многообразие свойств окружающих нас объектов, событий и явлений: важность / неважность, понятность / неясность, возможность / невозможность, надежность / ненадежность, интересность / неинтересность и др. — это те параметры, по которым потенциально возможно

выражение оценки. Наиболее универсальной шкалой является шкала «хорошо / плохо»: в известном смысле она обобщает все остальные критерии оценки.

Есть еще один вид оценки — оценка деонтическая: «Деонтическая оценка представляет собой квалификацию чего-либо с позиций противопоставления данного и должного. Этот тип оценки является одним из базовых аксиологических модусов наряду с гедонистической, эстетической и утилитарной разновидностями оценки» [Карасик 2012: 139].

Для общества деонтическая оценка не менее важна, чем аксиологическая: именно на основе знания о должном в социуме формируются системы ценностей. Некоторые свойства объектов, действий или явлений, наиболее значимые для членов определенной социальной группы в определенную эпоху, получают устойчивую положительную оценку и становятся своеобразными «точками отсчета» в системе норм и правил, регулирующих взаимодействие людей как на индивидуальном, так и на межгрупповом уровне.

Наиболее важные аспекты деятельности человека становятся объектами постоянного

«ценностного мониторинга» со стороны социума. Потребность в публичном выражении оценки тех или иных действий или высказываний — одна из причин формирования политического и общественно-политического дискурса (основное отличие между ними — в существовании «встречного потока» от аудитории к политикам в общественно-политическом дискурсе; об этом мы писали в следующей работе: [Шилихина 2011]). Кроме того, хотя в обоих случаях задействуются одни и те же каналы передачи информации, эти две сферы коммуникации различаются составом участников и возможностью непосредственного влияния на процессы борьбы за власть).

Вообще говоря, та или иная эксплицитно определенная система ценностей лежит в основе любой идеологии; очевидно, поэтому конфликт идеологий можно считать источником постоянной политической конкуренции. Публичное выражение оценки социально значимых событий лежит в основе практически любого акта политической коммуникации, поскольку политический дискурс строится на презентации и утверждении социально значимых норм и ценностей.

Общественно-политический дискурс предполагает, что возможность публичного выражения оценочного отношения появляется не только у представителей властных структур и профессиональных политиков, но и у рядовых членов общества. Публичному обсуждению и оценке подвергаются, как правило, действия и высказывания, влияющие на жизнь сообщества в целом или значительной его части. Именно эти действия и высказывания формируют основную проблематику публичных общественно-политических дискуссий. Круг проблем, наиболее часто подвергающихся оценке, — от вопросов безопасности до взаимоотношений между гражданами, государством и церковью — показывает, какие аспекты общественной жизни считаются наиболее важными.

Значительно обобщая, можно сказать, что основным объектом деонтической оценки в общественно-политической коммуникации являются взаимоотношения между представителями различных социальных групп. Объектами ценностного отношения становятся поступки и высказывания как групп в целом, так и отдельных их представителей. При этом критерием оценки по шкале «данное — должное» служат существующие в обществе нормы — разделяемые большинством представления о том, как должны выполняться определенные социальные роли. Очевидно, «должным» (и, следовательно, «хорошим») представляется

такое выполнение социальных ролей, которое, с одной стороны, обеспечивает безопасное и комфортное существование членов социальной группы, с другой — соответствует ожиданиям индивида. Напротив, отрицательную оценку, как правило, получают поступки и высказывания, которые угрожают безопасности или каким-либо образом негативно влияют на жизнь сообщества.

Помимо содержательной стороны, публичное обсуждение социальных норм и ценностей имеет также и информационно-техническую составляющую. Наличие доступа к информационным ресурсам во многом определяет возможность публичного выражения оценки. В качестве таких ресурсов в данной статье рассматриваются СМИ и Интернет.

Печатные СМИ традиционно не только выполняют информационную функцию, но и предлагают собственную оценку происходящих событий [Bednarek 2006]. Как правило, новостные сообщения и газетные статьи пишутся профессиональными журналистами и отражают не столько точку зрения самих авторов, сколько позицию определенной социальной группы.

Несколько иная ситуация складывается в компьютерно-опосредованной коммуникации: сегодня Интернет является «площадкой» для публичного выражения «непрофессиональной» оценки социально значимых событий и явлений. Ясно, что любой пользователь является представителем определенной социальной группы, но, как правило, в сетевом дискурсе доминирует не столько групповая идентичность, сколько личностное начало. Таким образом, основные отличия общественно-политического дискурса печатных СМИ и Интернета сводятся к противопоставлению не только по критерию, который можно несколько условно называть «профессиональный дискурс vs. любительский дискурс», но и еще по одному — «выражение групповых интересов vs. выражение частного мнения». Наконец, названные каналы различаются по возможности интерактивного взаимодействия автора с читателями (справедливости ради отметим, что онлайн-версии печатных изданий вполне позволяют читателям высказывать свое мнение в форме комментариев. В этом смысле граница между традиционными СМИ и компьютерно-опосредованной коммуникацией оказывается размытой).

2. ОЦЕНКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА. Использование языка в принципе не нейтрально, а в случаях, когда говорящий ставит перед собой цель воздействовать на собеседника, субъективное начало

становится наиболее очевидным: оно проявляется как в отборе языковых средств, так и в степени эксплицитности выражения оценки. Обсуждая возможность выбора, которую предоставляет говорящему языковая система, А. Н. Баранов пишет: «Основной лингвистической предпосылкой языкового варьирования является принципиальное несоответствие между структурой языка как системы и недискретной реальностью. Преобразование недискретного в дискретное в любом случае приводит к искажениям, причем эти искажения нерегулярны — в зависимости от использования тех или иных языковых средств меняется и дискретная интерпретация одного и того же фрагмента реальности и, тем самым, взгляда на него» [Баранов 2001: 216].

Оценка — это всегда результат процесса интерпретации некоторого фрагмента реальности. Дальнейшая вербализация сформировавшегося оценочного отношения — это наиболее очевидное и регулярное проявление субъективного восприятия окружающего мира. Сошлемся на мнение В. Н. Волошинова: «Всякое слово, реально сказанное, обладает не только темой и значением в предметном, содержательном смысле этих слов, но и *оценкой*, т. е. все предметные содержания даются в живой речи, сказаны или написаны в соединении с определенным *ценностным акцентом*» [Волошинов 1930: 105]. И далее: «Поэтому в живом высказывании каждый элемент не только значит, но и оценивает. Только абстрактный элемент, воспринятый в системе языка, а не в структуре высказывания, представляется лишенным оценки» [Волошинов 1930: 107].

С лингвистической точки зрения способы выражения оценки составляют одну из наиболее интересных семантических и прагматических сфер [Вольф 2002; Thompson & Hunston 2001]. Обсуждая семантическую природу оценки и ее связь с языком, Е. М. Вольф писала: «Оценка, очевидно, является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о „хорошо / плохо“. Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют свою индивидуальность. Это объясняется в первую очередь тем, что оценка относится к интенциональному аспекту языка, где преломление картины мира в сознании говорящего осложняется целым рядом факторов» [Вольф 2002: 9].

По мнению Дж. Томпсона и С. Ханстон, оценка в дискурсе выполняет три важных прагматических функции: во-первых, через оценку говорящий выражает собственное

мнение, а также мнение той социальной группы, к которой он/она принадлежит; во-вторых, оценка — это способ создания и поддержания взаимоотношений между участниками дискурса; наконец, оценка является средством организации дискурса в целом [Thompson & Hunston 2001].

Выше мы уже упоминали о том, что именно потребность в выражении деонтической оценки становится «катализатором» общественно-политического дискурса. Публичная дискуссия по поводу того или иного события, как правило, инициируется в случае несоответствия общественно значимых действий или высказываний существующим нормам. В таких ситуациях критика, выражение негативного отношения к событиям и явлениям становится одним из основных способов экспликации системы ценностей. Следует отметить два важных прагматических свойства высказываний, выражающих негативную оценку: во-первых, критика, как и любая другая оценка, может быть выражена как эксплицитно, так и косвенно (например, с помощью иронии). Во-вторых, обязательным компонентом деонтической оценки являются эмоции. Эмоции в значительной мере определяют как способ выражения оценки, так и способ интерпретации сказанного.

Ирония — яркий пример того, как эмоции заставляют говорящего выбирать «нетривиальный», непрямой способ выражения оценочного отношения. Для понимания того, почему среди многих способов выражения оценки говорящий выбирает именно иронию, необходимо помнить, что эмоциональная составляющая иронического высказывания связана с игровым началом, присущим *non-bona fide* коммуникации в целом: не только говорящий «играет», тем самым выражая свои эмоции, но и адресат, интерпретируя ироническое высказывание, становится участником игры и испытывает более сложные эмоции по сравнению с прямой коммуникацией (к игровому характеру иронического дискурса мы вернемся чуть позже).

Исследователи часто обращают внимание на то, что имплицитное выражение критики (т. е. отрицательной оценки по шкале «данное — должное») является обязательной функцией иронических высказываний / текстов: «Хорошо известен нормативный уклон в использовании иронии. Чаще всего ирония используется для указания на ситуации, события или действия, которые не соответствуют ожиданиям, основанным на существующих нормах. Основная цель иронии — критиковать или жаловаться» [Wilson & Sperber 2012: 128; пер. мой. — К. Ш.]. Ставшие классическими представле-

ния античных философов об иронии включают в том числе и идеи о том, что ирония — это способ выражения отрицательной оценки, насмешки [Larr 2007].

Есть еще одно важное свойство, которое позволяет говорящему задействовать иронию для выражения скептического отношения: это свойство вытекает из игрового характера *non-bona fide* коммуникации и заключается в возможности отрицания иронической (т. е. критической) интенции и возврату к серьезному общению.

Возможность «отступления», отказа от иронической интенции объясняется, с одной стороны, свойствами естественного языка. Будучи нежесткой знаковой системой, язык почти никогда не дает нам возможности быть абсолютно точными. С другой стороны, как разновидность *non-bona fide* модуса коммуникации ирония обязательно предполагает игру, причем игру не состязательную, в которой правила остаются неизменными, а наподобие тех, в которые играют дети. Детская игра позволяет менять правила и приписывать новые функции используемым предметам в процессе игры. *Non-bona fide* (несерьезная) коммуникация, по сути, — такая же игра, позволяющая использовать языковые знаки «понарошку» и менять правила интерпретации сказанного в процессе общения.

Переход от *non-bona fide* к *bona fide* коммуникации, т. е. от игры к не-игре и обратно может эксплицироваться с помощью метапрагматических комментариев (например, *я говорю серьезно* или *я иронизирую*), которые задают правила интерпретации сказанного. Однако смена правил интерпретации сказанного может осложняться еще и тем, что сами метапрагматические комментарии также могут использоваться иронически. Такой сложный способ выражения оценки (по сути это ирония второго порядка, или метаирония) используется в следующем фрагменте:

<1> Каждый раз, когда я вижу милицкий автомобиль, который вместе с другими автомобилями стоит перед красным сигналом светофора, меня не оставляет ощущение, что эта машина украдена. Я не верю, что обычный отечественный милиционер в ясном уме и твердой памяти по доброй воле согласится стоять вместе со всеми в очереди, вместо того чтобы проехать на красный, развернуться через двойную сплошную или припарковаться в третьем от бордюра ряду. Поэтому предлагаю: выявить всех милиционеров, останавливающих на красный сигнал светофора, произвести их в генералы и пору-

чить этим генералам подбор офицеров низшего звена. Говорю вам без всякой иронии: я не знаю никакого другого способа отличить хоть сколько-нибудь пригодного к службе милиционера от непригодного [Бахтин 2010].

Абсурдное представление ситуации можно «оправдать» только при интерпретации текста как иронического: очевидно, мысль о том, что нарушение закона является частью профессиональной деятельности представителей органов правопорядка, противоречит системе общественных норм. Ирония помогает восстановить когерентность текста и соотнести его с существующими нормами и ценностями. Абсурд — это по сути имплицитная апелляция к существующим в обществе представлениям о том, «как должно быть». Метапрагматический комментарий *говорю вам без всякой иронии* внешне выглядит как отказ от иронии, но полное несоответствие между «данным» и «должным» не отменяет критическую оценку и насмешку, а наоборот, усиливает их. Таким образом, ирония превращает обсуждение социально значимой проблемы в игру, позволяя говорящему выражать собственное мнение и одновременно дистанцироваться от сказанного.

Очевидно, это сочетание свойств — обращение одновременно к рациональному и эмоциональному восприятию и возможность «отмены» интенции — позволяет иронии закрепиться в качестве одного из основных способов публичного выражения критической оценки.

3. ДЕОНТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИРОНИИ.

Возможность выражения деонтической оценки через иронию тесно связана с этическим понятием нормы. Неудивительно, что идея сопоставления ситуации с некоторым идеальным представлением о ней используется во многих современных теориях для объяснения процессов порождения и понимания иронии. По мнению авторов теории иронии как притворного намека (Allusional Pretense Theory of Verbal Irony), именно оценочный потенциал лежит в основе процесса интерпретации высказывания или текста как иронического. Такая интерпретация становится возможной в тех случаях, когда адресат опознает отсылку к ожиданиям, нормам или соглашениям, которые были каким-либо образом нарушены [Kumon-Nakamura, Glucksberg & Brown 1995].

Оценочная составляющая иронического дискурса также лежит в основе одной из наиболее популярных современных лингвистических моделей иронии — теории

иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон. Отправной точкой в рассуждениях Спербера и Уилсон является идея о том, что любое ироническое высказывание так или иначе апеллирует к нашему знанию об определенных социальных нормах и ценностях (отсюда метафора эха). Ирония возникает как результат несоответствия между этим знанием и пропозицией высказывания. Имплицитная отсылка не только к тому, что было сказано ранее, но и к существующим в обществе представлениям о том, «как все должно быть» (т. е. к нормам и ценностям), отличает иронический дискурс от других способов коммуникации. С точки зрения теории иронии-как-эха интенция говорящего заключается не в сообщении информации, а в передаче собственного отношения к упоминаемому высказыванию или общеизвестной норме.

Итак, ирония, отсылая читателя к существующим нормам и ценностям, становится одновременно способом выражения негативной оценки (рационального компонента) и насмешки (эмоционального компонента) в общественно-политической коммуникации. Посмотрим далее, как реализуется деонтическая функция иронии при обсуждении тем, связанных с функционированием наиболее значимых социальных институтов: государства, церкви, системы образования.

3.1. Взаимоотношения гражданина и государства. Взаимоотношения гражданина и государства — это основная тема общественно-политической коммуникации. Обычно поводом для публичной дискуссии становятся действия представителей властных структур: полиции, чиновников, депутатов. Так, на сообщение, озаглавленное *В Воронеже полицейский УАЗик врезался в автомобиль сотрудников ГИБДД* [В Воронеже полицейский...], читатели отреагировали ироничными комментариями, выражающими отрицательную оценку деятельности представителей правоохранительных органов:

<2> а) *Вспомнилась хорошая старая песня*

*Наша служба и опасна, и трудна,
И на первый взгляд как будто не видна)*

б) *Правила нарушились сами...* [Там же]

По сути, в приведенных комментариях речь идет о соответствии (точнее, несоответствии) действий представителей государства существующим законам и нормам. Известная песня, процитированная в первом комментарии, — это отсылка к некоторому идеальному представлению о поведении полиции; цитата иронически указывает на расхождение действий участников ДТП с

этим идеалом. Второй комментарий также отражает несоответствие между основной функцией правоохранительных органов — соблюдением законов — и нарушением законодательно утвержденных правил дорожного движения.

Не только сам факт иронического выражения негативной оценки, но и способы создания иронии являются показателем конфликта во взаимоотношениях граждан с государством: чем больше несоответствие между реальной ситуацией и существующими нормами и ценностями, тем более явной становится ирония. Отрицательная оценка, имплицитно присутствующая в ироническом тексте, легко восстанавливается читателем, если автор использует либо абсурдную иронию, либо классическую иронию, интерпретируемую «от противного». Следующий фрагмент — обсуждение того, как чиновники решают проблему безопасности дорожного движения в России — пример иронии-антифразиса:

<3> *Один из излюбленных методов борьбы чиновников с аварийностью — это научные исследования (так называемые НИОКРы). На эти цели власти готовы потратить еще несколько миллиардов рублей. За сложными формулировками кроются банальные и очевидные вещи, которые уже давно изучили в Европе и в США... И еще они очень любят вкладывать средства налогоплательщиков в изучение зарубежного опыта: „Проведение системных исследований и подготовка научно обоснованных предложений по совершенствованию системы учета показателей состояния безопасности дорожного движения на основе анализа существующей практики и зарубежного опыта“. **Бесспорно, ценнейшие научные работы** — изучение зарубежного опыта и методика проверки работы других чиновников на фоне десятков тысяч погибших в автокатастрофах* [Шипилов].

Превосходная степень прилагательного и вводное слово *бесспорно* — два показателя классической иронии «от противного»: чем более гиперболично описывается некоторое событие или действие, тем более мелким и незначительным оно предстает при «замене знака».

3.2. Государство, религия, образование. Если тема взаимодействия граждан с государством в общественно-политических дискуссиях является постоянной, то две других темы — взаимоотношения граждан с церковью и реформа образования — стали объектами публичных дискуссий относительно недавно. Обе темы затрагивают ин-

тересы значительной части общества; в обоих случаях очевидна тесная связь с системой общественных ценностей. Так, несоответствие действий священнослужителей христианским нормам поведения легко становится объектом иронической критики, поскольку библейские заповеди играют роль ценностного эталона:

<4> А во что еще верить в ситуации полной беспросветности, как не в чудеса. Хотя само по себе чудо уже снизошло на Россию и упорно держится над нею — высокие цены на энергоносители. Чудо, которое ежедневно профукивается и конвертируется в локальные чудеса и золотые дожди над кооперативом „Озеро“. Сказано же — солидный господь для солидных господ. (У которых даже часы невидимые, хотя и отражаются на полированных поверхностях.) А для остальных — канализация гнева против кощунниц. Ждите своего чуда и бейте тех, кто покушается на вашу веру. А государство вам поможет специально сформулированными законами против богохульства, отправляя Россию прямиком в Средневековье [Колесников 2012].

Объектом оценки в приведенном выше фрагменте являются взаимоотношения трех сторон: государства, церкви и граждан. Если критическая оценка действий государства по регулированию отношений между церковью и гражданами выражается эксплицитно, то роль церкви в сложившейся ситуации оценивается иронически. Основной объект иронии — несоответствие поведения священнослужителей христианской норме примата духовного над материальным.

Сходным образом отреагировали читатели на новость об автомобильной аварии в Москве, одним из участников которой стал священнослужитель. Причиной общественного интереса к этому событию стал не столько статус священнослужителя, сколько тот факт, что в момент аварии он был за рулем дорогого автомобиля. Нетрудно заметить, что в приведенном ниже фрагменте ирония «от противного» присутствует не только в комментарии, но и в самом информационном сообщении:

<5> Настоятель московского храма Илии Обыденного игумен Тимофей (Алексей Подобедов), попавший в ДТП на Садовом кольце 31 июля, „забыл“ о покупке спорткара BMW Z4. Ранее священник заявлял, что иномарка, на которой он попал в аварию, принадлежит его другу, однако на самом деле игумен приобрел спорткар за 10 дней до ДТП, пишет „Московский комсомолец“. // Ну сотрудники РПЦ умеют за-

рабатывать на „нестяжательстве“:) [Форум «Рос БизнесКонсалтинг»].

Комментарий эксплицитно отсылает к одной из христианских ценностей, причем контекст упоминания — оксюморон *рабатывать на „нестяжательстве“* — указывает на несоответствие действий служителей церкви проповедуемым ими идеям. Именно это несоответствие является объектом отрицательного отношения, выраженное через иронию.

Взаимоотношения церкви и системы образования — еще одна активно обсуждаемая тема. Интерес к ней объясняется тем, что увеличение роли церкви в образовательном процессе противоречит нормам светского образования. Именно это противоречие подвергается критической оценке и вызывает иронические комментарии. Пример ситуации, когда это противоречие обострилось и вызвало поток критических высказываний, — открытие кафедры теологии в МИФИ. Пример *<6>* — комментарий к сообщению об этом событии на одном из российских новостных сайтов:

<6> Я студент МИФИ. Вашему удивлению нет предела? А представьте нас, студентов. Я сам православный, но считаю подобным фенечкам в ВУЗе делать нехер. Сначала нашу статую у проходной выкинули, а на ее месте поставили крест в честь приезда Кирилла. В общагах у нас на 18—20 квадратах живут по 5 тел, которым лапшу вешают про „скорое расселение“... Теперь будем изучать „божью помощь в деление атома“ и как ладаном вирусы с компьютеров изгонять, свечи за правильность сборки и компиляции ставить (орфография и пунктуация источника сохранены. — К. Ш.).

В приведенном комментарии отрицательная оценка положения дел выражается как эксплицитно, так и через иронию, когда ситуация доводится до абсурда. Несовместимость религиозных догм и научного познания демонстрируется через очевидное противоречие здравому смыслу действия.

Анализ имеющегося корпуса текстов показывает, что абсурдная ирония — самый частый способ выражения отношения к факту открытия кафедры теологии в техническом вузе. В примере *<7>* эта ситуация представлена как пародия на рекламный текст:

<7> Новая кафедра теологии МИФИ предлагает следующие спецкурсы:

1. Квантово-волновая теория того света.

2. Защита атомных реакторов с помощью ладана и святой воды.

3. Закон сохранения энергии как частный случай закона Божьего.

4. Основы релятивистской религии — самой современной антинаучной теории [Ионов].

Смещение традиционно противопоставляемых способов познания мира — естественно-научного и религиозного — становится объектом иронической критики. Иронический эффект достигается за счет контаминации словосочетаний, характерных для научного и религиозного дискурсов. Очевидная некогерентность коллокаций одновременно порождает комический эффект и служит сигналом отрицательного отношения автора к обсуждаемой ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Подведем итоги. Деонтическая оценка — один из обязательных компонентов, обеспечивающих существование человека в социуме, поскольку освоение новой ситуации обязательно предполагает ее оценку с точки зрения соответствия этой ситуации имеющимся у индивида ожиданиям, а также сложившимся в обществе системам норм и ценностей.

Деонтическая оценка играет особую роль в общественно-политической коммуникации: как правило, именно несоответствие событий социальным ценностям стимулирует публичные дискуссии. Игровой характер коммуникации, присущий *pop-bona fide* модусу в целом, позволяет говорящему при необходимости отказаться от иронической интенции. Кроме того, элемент игры позволяет не выражать норму эксплицитно, но тем не менее отсылает к ней.

Ирония, апеллируя и к рациональному, и к эмоциональному началу, позволяет говорящему не только показать несоответствие между реальной ситуацией и существующими в обществе нормами и ценностями, но и выразить насмешливое отношение к событиям, происходящим вокруг.

Анализ текстов СМИ и фрагментов компьютерно-опосредованной коммуникации показал, что абсурдная ирония и классическая ирония-антифразис являются наиболее частыми приемами выражения негативной деонтической оценки: с одной стороны, эти разновидности иронии легче других распознаются адресатом, с другой — абсурдное

представление ситуации или ее описание через скрытое отрицание позволяет автору текста показать, как велико расхождение между данным и должным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. Бахтин Ф. Письмо главного редактора. 2010. 18 марта. URL: http://esquire.ru/ed_letter-53.
3. В Воронеже полицейский УАЗик врезался в автомобиль сотрудников ГИБДД // Моё! : газ. 2012. 19 нояб. URL: <http://www.moe-online.ru/news/view/250672.html>.
4. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. — Л. : Прибой, 1930.
5. Вольф Е. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. — М. : Эдиториал УРСС, 2002.
6. Ионов А. Запись на стене // ВКонтакте : сайт. URL: http://vk.com/wall92696225_5552.
7. Карасик В. И. Деонтическая оценка в поэтическом тексте // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 10. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. С. 139—161.
8. Колесников А. Люся в небесах с алмазами // Газета.ru : сайт. 2012. 11 нояб. URL: <http://www.gazeta.ru/column/kolesnikov/4786697.shtml>.
9. Форум «РосБизнесКонсалтинг». URL: <http://forum.top.rbc.ru/index.php?showtopic=9042681>.
10. Шилихина К. М. Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 177—182.
11. Шумилов Е. Футболки и кепки против ДТП. URL: http://www.gazeta.ru/auto/blogs/shipilov/b_4839681.shtml.
12. Bahm A. Axiology: The Science of Values. — Amsterdam : Editions Rodopi, 1993.
13. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus. — London ; N. Y. : Continuum International, 2006.
14. Kumon-Nakamura S., Glucksberg S., Brown M. How about Another Piece of Pie: The Allusional Pretense Theory of Discourse Irony // Journal of Experimental Psychology. 1995. № 124. P. 3—21.
15. Lapp E. Linguistik der Ironie. — Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1997.
16. Thompson G., Hunston S. Evaluation: An Introduction // Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2001. P. 1—27.
17. Wilson D., Sperber D. Explaining Irony // Meaning and Relevance. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2012. P. 123—146.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'367.2
ББК Ш102-22

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.20

Ю. В. Богоявленская
Екатеринбург, Россия

Yu. V. Bogoyavlenskaya
Ekaterinburg, Russia

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ

В СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЯХ МЕДИАТЕКСТА

Аннотация. Рассматривается парцелляция как явление коммуникативно-стилистического уровня, в сопоставительном аспекте исследуется ее использование в медиатексте. Анализируются функции парцеллированных конструкций в сильных позициях текста.

Ключевые слова: парцелляция; парцеллированная конструкция; медиатекст; сильные позиции текста.

Сведения об авторе: Богоявленская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романских языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, каб. 465.
e-mail: jvbog@yandex.ru.

PARCELLATION

IN STRONG POSITIONS OF MEDIA TEXT

Abstract. The parcellation is considered as a phenomenon of communicative and stylistic level; we study the employment of parcellation in media texts in comparative aspect. The functions of detached constructions in strong positions of a text are analyzed.

Key words: parcellation; detached construction; media text; strong positions of a text.

About the author: Bogoyavlenskaya Yulia Valerievna, Candidate of Philology, Head of the Chair of the Roman Languages, Associate Professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Использование парцелляции в современных медиатекстах приобретает небывалый размах и интенсивность, что можно связать с отмечаемым многими исследователями влиянием разговорной речи на книжный синтаксический строй и активизацией «имеющихся в синтаксисе конструкций, заложенных в синтаксисе возможностей» [Валгина 2001: 147]. Наряду с другими синтаксическими явлениями, парцелляция свидетельствует об изменениях, происходящих в стилевой системе языка, и сдвиге стилевой нормы массмедийной речи «в сторону разговорности, раскованности и свободы» [Дускаева 2003: 668].

Несмотря на активный интерес лингвистов к проблеме парцелляции, до сих пор не существует полного и однозначного определения этого понятия, что объясняется как сложностью самого явления, так и различием подходов к его исследованию.

В рамках данной работы под парцелляцией понимаем специальный прием коммуникативно-стилистической организации текста, предназначенный для усиленного эмоционального, интеллектуального и информационного воздействия на адресата информации. В синтаксическом отношении парцеллированная конструкция представляет собой расчлененное предложение, представленное несколькими коммуникативными единицами — основной частью и парцеллятом (парцеллятами), отделенными от нее

точкой. Снятие знака точки — депарцелляция — восстанавливает структуру предложения. В семантическом и синтаксическом плане парцеллированное предложение обнаруживает полное тождество с непарцеллированным вариантом. В стилистическом аспекте парцеллированная конструкция представляет собой прием экспрессивного синтаксиса, целью которого является создание определенных стилистических эффектов.

Как отмечает Я. Н. Пинегина, парцеллированные конструкции обладают богатыми потенциальными возможностями «в плане выражения целого спектра эмоциональных состояний и оценочно-модальных значений, что позволяет автору использовать их в конкретных прагматических целях, основываясь на их информативных и воздействующих потенциях» [Пинегина 2005: 10]. Данные «потенции» позволяют рассматривать парцелляцию как явление, полностью соответствующее основным функциям СМИ и занимающее центральное место среди других экспрессивных синтаксических конструкций в реализации «конструктивно-стилевого вектора газетных текстов» [Сидорова 2007: 42].

Анализ материала дает основания сделать вывод о том, что выполняемые парцелляцией функции — логического выделения, оценки, создания экспрессии и другие — максимально ярко реализуются в сильных позициях медиатекста. Целью нашей статьи является сопоставительный

анализ особенностей использования парцеллированной конструкции в указанных позициях в двух языках — французском и русском. Сопоставительный характер предпринимаемого исследования позволит выявить значимые сходства и расхождения в употреблении этой конструкции в массмедийных текстах.

Эмпирический материал нашего исследования составляют парцеллированные конструкции, отобранные из текстов электронных статей, размещенных на сайтах современных российских и французских газет («Российская газета», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Независимая газета»; «Le Monde», «Libération», «Le Parisien», «Le Figaro», «La Tribune», «Express»).

Под сильной позицией текста понимаем композиционный блок, имеющий специфическую смысловую и структурную организацию и обеспечивающий установление значащих связей между элементами текста и его правильное восприятие. К сильным позициям относим заголовки, подзаголовки, вставку (лид) и зачин, концовку.

Заголовок является наиболее сильной позицией медиатекста; это «сильный текстовый знак, обязательная часть текста с фиксированным положением» [Плаксина, Кусова 2011: 118]. Поскольку он отражает в сжатой форме содержание текста, заголовок призван привлечь внимание, спровоцировать интерес, часто задает тексту определенную тональность, оценочность. Это дает основание исследователям утверждать, что заголовок статьи представляет собой в некотором роде ее рекламу [Чудинов 2005: 156]. Заголовок сравнивается также с закрученной пружиной, «раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин 1981: 133].

Парцелляция газетных заголовков уже привлекала интерес лингвистов, изучавших это явление на материале русского языка. Отмечается, что «парцелляция газетных заголовков становится все более свободной» [Манькова 2000: 135]. Однако анализ корпуса текстов, включающего около двух тысяч французских и русских газетных статей, показал, что в данной позиции использование парцелляции встречается исключительно в русском материале: *Деньги Союза будут общими. В 2005 году* (Российская газета. 12.02.2000); *Лернер хочет сидеть в кнессете. А не в тюрьме* (Коммерсантъ. 27.01.1999); *Судьба нефтяников — в секретном компьютере. У Маслюкова* (Коммерсантъ. 04.02.1999).

В приведенных примерах парцелляция выступает средством как оживления заго-

ловка, так и выделения значимой информации, выполняет побудительную функцию.

Единичны случаи использования парцелляции в подзаголовках статей русских газет: *Снесем Алешу — заимеем базу. Натовскую* (Российская газета. 26.11.1999).

Подобные примеры были зафиксированы в газетных статьях девяностых — начала двухтысячных годов. В массмедийных текстах за 2010—2012 гг. не обнаружено ни одного примера парцелляции заголовков и подзаголовков, что свидетельствует об определенном сдвиге в стилевой норме массмедийной речи.

В заголовочный комплекс заметки может также входить вставка (лид) — первый абзац текста, раскрывающий его основной смысл. Для привлечения внимания читателей данная часть текста обычно выделяется шрифтом.

Применяя известный принцип перевернутой пирамиды, состоящий в распределении информации по убыванию ее важности, журналисты помещают в лиде важные аспекты новости. Парцелляция позволяет здесь сфокусировать внимание на проблеме, о которой пойдет речь в статье, расставить необходимые акценты: *Dans sa première déclaration prononcée à Tulle, le nouveau président de la République a annoncé sa volonté d'agir vite : „le changement, c'est maintenant“.* **Etrappé l'ampleur de la tâche qui l'attend** (La Tribune. 06.05.2012). / *В своем первом выступлении, произнесенном в Тюле, новый президент Республики объявил о своем желании действовать быстро: „Перемены — сейчас“. И напомнил о масштабности задачи, которая его ожидает.*

Новый президент-социалист, чей девиз «Перемены — сейчас», обещает изменить в лучшую сторону жизнь французского народа, усилить социальную политику, провести реформирование налоговой и банковской систем и многие другие меры, причем действовать собирается «быстро». Однако трудная экономическая ситуация, в которой находится Франция после кризиса, несколько не упрощает реализацию его программы, а наоборот, усложняет поставленную задачу и требует проведения многочисленных и серьезных мер. Поэтому вынесенный в парцеллят отрезок информации подчеркивает именно эту сторону вопроса: новому президенту будет нелегко справиться с огромным количеством проблем, стоящим на его пути.

В ряде случаев журналисты прибегают к довольно специфичной тактике построения текста, последовательно переключая внимание читателя, отмечая разные значимые нюансы описываемой ситуации. Таков при-

мер многозвенной парцеллированной конструкции, которая охватывает вводку и первый абзац текста статьи: *Le Front de Gauche va être soumis à des tensions internes, la branche Parti communiste, étant tentée d'avoir des représentants au gouvernement. Alors que les membres du Parti de Gauche de Jean-Luc Mélenchon y étant plutôt opposés. // Et maintenant en route vers les législatives des 10 et 17 juin* (LaTribune. 06.05.2012). / *Фронт левых будет подвержен внутреннему давлению со стороны Партии коммунистов, которые стремятся иметь своих представителей в правительстве. Тогда как члены партии Левых Жака-Люка Меленшона скорее этому противостоят. // И сейчас, на пути к выборам в парламент, которые состоятся 10 и 17 июня.*

Несмотря на то что композиция статьи не нарушена, такая визуальная презентация очень выразительна в силу своей необычности: основной текст статьи начинается с синтаксического продолжения ее вводки. Первый парцеллят разрывает отношения одновременности, а второй — отношения конъюнкции. Хотя обе партии являются левыми, их интересы пересекаются, и они перестают быть соратниками. В новый абзац здесь вынесена перспектива действий партии Левых, не желающих уступать коммунистам и рвущимся во власть.

Аналогичные примеры находим и в русском материале. В статье «Потоп», посвященной критике действий властей во время потопа в Новороссийске, обозреватель Леонид Радзиховский использует следующую вводку, которой противопоставлен первый абзац текста: *Стихийные бедствия потому и стихийные, что с ними люди справиться не могут. „С божией стихией / Царям не совладеть“. // Но увидеть свое отражение в потоке бурлящей воды — можно* (Российская газета. 10.07.2012).

Эффектный прием позволяет автору донести до читателя основную мысль статьи: конечно, предвидеть стихийные бедствия не всегда возможно, но именно в этих сложных ситуациях, «моментах истины», как в зеркале, отражаются и становятся очевидными многие проблемы российского общества. В статье автор с горечью пишет о некомпетентности администрации, ее нежелании брать на себя ответственность, а также о равнодушии народа, который не доверяет избранной им самим власти, и о его неспособности ее контролировать. С одной стороны, метафоричный парцеллят, вынесенный в новый абзац, выполняет связующую роль между вводкой и текстом, погружающим читателя в поток размышлений автора. С дру-

гой — такой переход выглядит довольно резким и неожиданным.

Немаловажную роль выполняет и зачин. Если во вводке автор обозначает событийную канву, выделяет значимые аспекты, то в зачине сообщаются подробности и детали, дается оценка событий, получивших политический резонанс, например: *Adeptes d'un libéralisme tempéré, James Tobin propose alors de taxer les transactions à court terme sur les devises, histoire de dissuader les „allers-retours“ des spéculateurs et stabiliser ainsi le système monétaire international. Envain* (Libération. 08.01.2012). / *Приверженец умеренного либерализма, Джеймс Тобин предлагает тогда обложить налогом краткосрочные транзакции на обмен валюты для того, чтобы приостановить махинации спекулянтов и стабилизировать таким образом международную валютную систему. Напрасно.*

Такое расположение частей парцеллированной конструкции в зачине статьи позволяет автору сосредоточить внимание читателя на рассматриваемой проблеме: предложение Франции и Германии о введении так называемого налога Джеймса Тобина на финансовые транзакции, который мог бы резко ограничить трансграничные валютные спекуляции, сделать большую часть из них невыгодными и уменьшить их вред, особенно для развивающихся стран. Надо сказать, что предложение вызвало яростные споры в Евросоюзе. У него есть как сторонники, так и многочисленные оппоненты. В кратком и ярко оценочном парцелляте автор подчеркивает тщетность предложения известного экономиста, нежелание европейского сообщества пойти на эту меру.

Lundi, Sarkozy déjeunera d'ailleurs avec la chancelière à Berlin pour préparer le sommet européen du 30 janvier. Et la taxe sera au menu de leur discussion. Mais rien ne dit que Merkozy accouchera d'un accord sur ce dossier spécifique (LaTribune. 06.01.2012). / *В понедельник Саркози, впрочем, обедает с канцлером Германии в Берлине для подготовки к европейскому саммиту 30 января. И налог будет в меню их разговора. Но ничто не говорит о том, что Меркози разродится договоренностью по этому специфическому вопросу.*

Динамичный зачин не только вводит тему (встреча руководителей государств) в основной части конструкции, но и сразу же акцентирует внимание в первом парцелляте на том факте, что налог также будет обсуждаться, и дает авторскую оценку событий (сомнительность достижения договоренности по данному вопросу) во втором парцел-

ляте. Здесь же используется телескопирование — способ словосложения, свойственный французскому языку: *Меркози = Меркель + Саркози*, который в сочетании с метафорой *разродится договоренностью* намекает на тесный политический альянс двух руководителей государств. Однако общая оценка *ничто не говорит о том, что...* подчеркивает сомнительность эффективности решения проблемы во время встречи. Такой зачин, безусловно, интригует, побуждая читателя к дальнейшему ознакомлению с новостью, и формирует конкретное к ней отношение.

В русском материале также находим многочисленные примеры использования парцеллированной конструкции в этой позиции текста. В следующем зачине журналист возмущен тем, что патриарх избегает публичных дискуссий по поводу «панк-молебна Pussy Riot», прячется от народа, от верующих за стеной церковной бюрократии, которую далее называет «торжественно-банкетной корпорацией», но одновременно выражает надежду на то, что патриарх найдет силы переломить сложившуюся ситуацию — «репутационную воронку» церкви: *Наблюдая за Патриархом Кириллом, сделать такой вывод затруднительно. Контакт с государством у него налажен превосходно. Зато от общества он отгорожен настоящей стеной, разрушить которую пока еще в его власти и в его силах* (НГ. 22.06.2012).

Использование парцелляции в концовке встречается так же часто, как во французских, так и в русских медиатекстах: *Pour être adoptée par l'Europe, la proposition requiert une adoption à l'unanimité. A moins que la France ne décide de passer outre. Et d'appliquer, sur son territoire, une telle taxe. En attendant que l'Allemagne, ou le reste des pays de l'Union, la rejoigne* (Libération. 08.01.2012). / *Для того, чтобы быть принятым в Европе, предложение требует единодушного принятия. Если только Франция не решит пренебречь этим условием. И применить на своей территории такой налог. Ожидая, что Германия или остальные страны Евросоюза к ней присоединятся.*

Подобные концовки позволяют эксплицитно изложить основной тезис статьи, подвести читателя к нужному пониманию проблемы, правильному (с точки зрения журналиста) восприятию новости.

Довольно часто наблюдается применение приема парцелляции сразу в нескольких сильных позициях. Например, в статье о деле Андерса Брейвика от 19 апреля 2012 г.

обозреватель «НГ» С. Минин использует различные виды парцеллированных конструкций в начале и конце текста:

– во вводке: *Пока в Норвегии судят Андерса Брейвика, в российской блогосфере судят Норвегию. Пишут про кризис гуманизма. Про тупик западной толерантности. Про суицид западной цивилизации. Про все то, чего у нас нет и что у них якобы доказало свою несостоятельность;*

– в концовке: *Единственное, в чем, на мой взгляд, норвежское общество продемонстрировало свою уязвимость, так это в неспособности предотвратить преступление. Обезопасить себя от зла.*

Такая «кольцевая» парцелляция создает своеобразную композиционно-речевую гармонию и усиливает воздействующий эффект, так как в особых — сильных — позициях оказывается ключевая информация, специально выделяемая автором.

Было бы неверным утверждать, что только в этих позициях парцелляция эффективна или только здесь она и встречается. Тексты статей нередко бывают насыщенными парцеллированными конструкциями, выполняющими те же самые функции. Однако размещенные в заголовке, начале или конце массмедийного текста, парцеллированные конструкции играют более важную роль: они призваны «зацепить» внимание потребителя информации, обеспечить его заинтересованность в прочтении статьи и сформировать определенное отношение к обсуждаемому вопросу.

Итак, парцелляция представляет собой явление коммуникативно-стилистического уровня, оказывающее эмоциональное, интеллектуальное и информационное воздействие на читателя. Умелое использование приема парцелляции в сильных позициях текста позволяет автору добиться однозначного восприятия, выстроить и довести до сознания читателя материал в том ключе, в котором он был задуман, оказывает целенаправленное воздействие на читательскую аудиторию.

Сопоставительный анализ дает основание для выделения различий в использовании парцеллированной конструкции. Во французском материале отсутствуют примеры парцелляции заголовков и подзаголовков, что можно связать с традициями оформления и редакции текста. В российских газетах парцелляция заголовков зафиксирована только в текстах конца 1990-х — начала 2000-х гг. В остальных позициях парцелляция часто встречается как в русских, так и во французских медиатекстах.

Функции парцелляции — логическое выделение, оценка, создание экспрессии, интриги и т. д. — максимально ярко проявляются в сильных позициях медиатекста, представляющих собой композиционные блоки, имеющие специфическую смысловую и структурную организацию и обеспечивающие установление значащих связей между элементами текста и его правильное восприятие. Расположенная в заголовке, начале или в концовке, парцеллированная конструкция привлекает читателя, задает общую тональность текста, содержит итоговую оценку, побуждает к пересмотру позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке. — М. : Логос, 2001.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1981.
3. *Дускаева Л. Р.* Языково-стилистические изменения в современных СМИ // *Стилистический эн-*

циклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 664—675.

4. *Манькова Л. А.* Лингвистическая типология газетных заголовков : дис. ... канд. филол. наук, 2000.

5. *Пинегина Я. Н.* Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиатекстах : дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2005.

6. *Плаксина Е. Б., Кусова М. Л.* Языковые средства реализации воздействующей функции заголовков (на материале российской и французской прессы) // *Политическая лингвистика.* 2011. № 4 (38). С. 117—120.

7. *Сидорова Е. Г.* Парцеллированные конструкции как средство реализации конструктивно-стилевого вектора современного газетного текста // *Вестн. ВолГУ.* 2007. Сер. 2, вып. 6. С. 40—45.

8. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 81'42
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

Т. С. Зотеева Т. S. Zoteyeva
Саратов, Россия Saratov, Russia

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН КАК ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Анализируются особенности государственного гимна как жанра политического дискурса: функции государственного гимна, основные политические ценности, особенности использования политических метафор.

Ключевые слова: государственный гимн; стабильность власти; политические метафоры; метафоры войны (борьбы); патриотизм; прославление государства; приверженность политической системе.

Сведения об авторе: Зотеева Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовская государственная юридическая академия.

Контактная информация: 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1, к. 618.
e-mail: lady.zoteewa2010@yandex.ru.

NATIONAL ANTHEM

AS A GENRE OF POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article analyses the features of national anthem as a genre of political discourse. It deals with functions of the national anthem, fundamental political values, use of political metaphors.

Key words: national anthem; stability of power; political metaphors; metaphors of war (fight); patriotism; glorification of the state; devotion to political system.

About the author: Zoteyeva Tatiana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the English Language, Theoretical and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State Law Academy.

Политический дискурс, по определению Е. И. Шейгал, представляет собой корпус знаков, составляющих семиотическое пространство сферы языка политики [Шейгал 2004].

Основной функцией политического дискурса является борьба за власть — агитация за власть, захват и удержание власти, ее стабилизация [Там же]. Среди разнообразных явлений политической жизни, несомненно, важную роль играют традиции и ритуалы. Традиционно в любой стране мира государственный гимн существует. Согласно «Большому толковому словарю русского языка» (БТСРЯ), «государственный гимн» — это «торжественная песня или мелодия, принятая как символ государственного единства, исполняемая обычно во время торжественных официальных собраний, спортивных состязаний, национальных праздников и т. п.» [БТСРЯ]. Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь (ПЭИС) определяет государственный гимн как «зафиксированную традицией патриотическую песнь народа, которая является официальной формой общественного выражения национальных патриотических чувств» [ПЭИС]. Похожие толкования государственного гимна даются и в англоязычных словарях. Согласно словарю «Macmillan Dictionary», «national anthem» («государственный гимн») — «the official national song of a country» («официальная государственная песня страны») [MD]. Оксфордский толковый

словарь английского языка (Oxford English Dictionary) дает более развернутое определение: «national anthem — a solemn patriotic song officially adopted by a country as an expression of national identity» («торжественная патриотическая песня, официально закрепленная в стране как символ принадлежности к государству») [OED]. Итак, с опорой на толкования словарей можно сделать вывод, что государственный гимн — это торжественная песня (в редких случаях мелодия без слов), которая является официальным символом государства, служит для выражения национальных патриотических чувств и исполняется при проведении торжественных официальных мероприятий, международных спортивных соревнований, национальных праздников и т. п.

Для чего существует гимн государства? Какие функции он выполняет? Е. И. Шейгал, говоря о функциях политического дискурса в целом, выделяет следующие: инструментальную, регулятивную, референтную и магическую [Шейгал 2004]. Рассмотрим, какие функции присущи гимну государства как одному из жанров политического дискурса. Во-первых, в рамках основной функции борьбы за власть, государственный гимн нацелен на стабильное существование власти. Он является одним из инструментов политической власти, который укрепляет солидарность граждан и их приверженность государственной системе. Во-вторых, гимн государства выполняет регулятивную функцию, т. е. при-

зван регулировать поведение людей, вызывать воодушевление, чувства любви, уважения и гордости за свою страну. В-третьих, в рамках референтной функции в тексте государственного гимна отражены основные политические ценности государства. В-четвертых, гимн страны оказывает магическое влияние на граждан: в тексте гимна присутствуют лозунги, повторы, прославление страны или ее лидера (в гимне монархии или тоталитарного государства). Государственный гимн является неотъемлемой частью официального ритуального действия — официальных государственных церемоний, съездов партий, международных спортивных соревнований и других мероприятий. В. И. Карасик подчеркивает чрезвычайно важные функции ритуала: «...назначение ритуала в том, чтобы 1) констатировать нечто, 2) интегрировать и консолидировать участников события в единую группу, 3) мобилизовать их на выполнение определенных действий или выработку определенного отношения к чему-либо, 4) закрепить коммуникативное действие в особой заданной форме, имеющей сверхценный характер» [Карасик 2002: 399].

Целью статьи является изучение специфики жанра государственного гимна — художественного произведения, функционирующего в качестве официального символа страны. В результате исследования предполагается ответить на следующие вопросы: 1. Как создается гимн государства? 2. Какие политические метафоры используются в тексте гимна? 3. Как изменяется корпус политических метафор в результате изменения государственного устройства? 4. Есть ли общие черты у государственных гимнов разных стран? 5. Какие лексические и метафорические различия можно обнаружить в текстах гимнов стран с разным государственным устройством (монархия, тоталитарное или демократическое государство)?

Поскольку в статье делается попытка проследить, «как эволюционирует система политических метафор в связи с изменением политической ситуации» [Будаев, Чудинов 2006], для исследования были отобраны государственные гимны Российской империи (1833—1917), Интернационал (гимн СССР с 1922 по 1943 г.), государственные гимны СССР, утвержденные в 1943 и 1977 г., современный гимн Российской Федерации. К исследованию также привлечены государственные гимны Великобритании, США и Франции.

Государственный гимн Российской Империи (1833—1917) был утвержден императором Николаем I в 1833 г. Слова гимна написал Василий Андреевич Жуковский, музы-

ку — Алексей Фёдорович Львов. Гимн существовал до свержения монархии в феврале 1917 г. В тексте гимна было всего шесть строк:

*Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам;
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя храни!* [Жуковский]

Несмотря на краткость текста, гимн отражает многие характерные черты гимна монархии. Слово «Царь», так же как и «Бог» в христианской традиции, пишется с заглавной буквы. Этим подчеркивается «богоизбранность» царя: царь — это правитель от Бога в государстве. Первая и последняя строки гимна являются прямой просьбой к Богу «хранить Царя». Прямое обращение к Богу характерно для жанра молитвы: «Молитва — установленный текст, произносимый верующим при обращении к Богу, к святым, а также при религиозных обрядах» [БТСРЯ]. Поскольку гимн тоже представляет собой строго установленный текст, который начинается и заканчивается обращением к Богу, этим достигается значительное магическое воздействие на подданных-адресатов, которые или слушают гимн, или участвуют в его исполнении во время официальных государственных церемоний. Ритуальное воздействие гимна оказывается значительным благодаря использованию метафор могущества *сильный, державный* и прославления *царствуй на славу нам*. Подчеркивается, что сильный и могущественный царь является устрашением для врагов: *Царствуй на страх врагам*. Поскольку любой государственный гимн нацелен на стабильное существование власти, в гимне монархии такой стабильностью и опорой провозглашается власть царя (монарха). Существовавшая в России XIX в. формулировка национальной идеи «православие — самодержавие — народность» [См.: Химик 2008: 10] находит прямое отражение в тексте гимна: *Царь православный*.

В марте 1917 г., после падения самодержавия, Временное правительство утвердило в качестве нового гимна «Марсельезу», которая была и остается государственным гимном Франции. После событий октября 1917 г. «Марсельезу» начал постепенно вытеснять «Интернационал» — международный пролетарский гимн. Оригинальный текст «Интернационала» был написан французским поэтом Эженом Потье в 1871 г. Автор музыки — Пьер Дегейтер. На русский язык «Интернационал» был переведен А. Я. Коцем в 1902 г. В переводе из шести куплетов

первоначального текста песни были оставлены три куплета и рефрен. «Интернационал» в переводе А. Я. Коца стал партийным гимном революционной социал-демократии. С 1918 г. «Интернационал» был провозглашен государственным гимном РСФСР, а после образования СССР в 1922 г. стал государственным гимном СССР (1922—1943):

*1. Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем.*

Рефрен:

*Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!*

*2. Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро, —
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!*

Рефрен.

*3. Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей —
Для нас все также солнце станет
Сиять огнем своих лучей.*

Рефрен. [Википедия]

Новое государство — СССР — было образовано практически на той же территории, на которой существовала Российская империя. За редким исключением все те же народы стали гражданами СССР. Однако гимн СССР поразительно отличается от государственного гимна 1833 г.; можно сказать, что это абсолютная противоположность гимну «Боже, Царя храни!». Государственный гимн СССР («Интернационал») начинается с проклятья: *вставай, проклятьем заклейменный*. В тексте «Интернационала» присутствует множество метафор. А. П. Чудинов отмечает особую важность использования метафор в политическом дискурсе: «...метафора обладает мощным коннотативным ореолом: семы эмотивности, яркая внутренняя форма, образность — всё это дает разнообразные дополнительные приращения смысла и влияет на восприятие текста адресатом» [Чудинов 2001]. Политическая мета-

фора выполняет следующие функции: когнитивную, номинативную, коммуникативную, прагматическую, изобразительную, инструментальную, гипотетическую, моделирующую, эвфемистическую, популяризаторскую [Там же]. На наш взгляд, наибольшее значение для жанра государственного гимна имеют прагматическая, изобразительная и популяризаторская функции метафоры. По определению А. П. Чудинова, «прагматическая (воздействия на адресата) метафора является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия; изобразительная метафора помогает сделать сообщение более образным, ярким, наглядным, эстетически значимым; ...популяризаторская метафора позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею» [Там же]. При описании политических метафор в данной работе мы будем опираться на классификацию метафорических моделей, разработанную А. П. Чудиновым, который выделяет следующие разряды политических метафор: антропоморфная, метафора природы (зооморфная и фитоморфная метафоры), социальная и артефактная метафоры. Каждый разряд политических метафор, в свою очередь, подразделяется на сценарии, фреймы и слоты [Там же].

Характерная особенность «Интернационала» в том, что изначально он был создан как гимн революционного социалистического и коммунистического движения, а не как гимн конкретного государства. Соответственно присущая государственному гимну нацеленность на стабилизацию власти в «Интернационале» отсутствует. Основная идея «Интернационала» — борьба за власть и разрушение «старого мира». Именно поэтому в тексте преобладают метафоры войны (борьбы) и разрушения. Например, метафора войны ярко представлена в рефрене, который несколько раз повторяется при исполнении гимна: *это есть наш последний и решительный бой*. К метафорам войны (борьбы) также относятся следующие: *вставай, проклятьем заклейменный; смертный бой вести готов; добьемся мы освобожденья; свергнуть гнет; отвоевать свое добро*. Метафора разрушения: *весь мир насилья мы разрушим до основанья*. Поскольку борьба должна вестись во имя достижения определенной цели, в «Интернационале» присутствуют метафоры строительства и преобразования (изменения), но они находятся на втором плане — созидание наступит только после полного разрушения всего старого: *а затем мы наш,*

мы новый мир построим; с Интернационалом воспрянет род людской. Из антропоморфных зафиксированы метафоры, связанные с частями тела человека (руками) и мозгом. Метафора «руки» обозначает самостоятельное, целенаправленное действие человека: *добьемся мы освобожденья своею собственной рукой; чтоб свергнуть гнет рукой умелой.* Мозг (разум) человека подразумевает возмущение и нетерпимость к сложившейся ситуации: *кипит наш разум возмущенный.* В тексте «Интернационала» представлены также метафоры трудовой деятельности. Метафоры труда обозначают: 1) бесправных работников тяжелого труда: *мир голодных и рабов;* 2) презираемый род занятий, который существовал в средневековье: *палачи;* 3) людей уважаемого созидательного труда: *работники всемирной великой армии труда; вздувайте горн и куйте смело, пока железо горячо!* Метафора, обозначающая работу кузнеца, скорее всего, призывает к борьбе, так как настало подходящее время. Зооморфные метафоры, а именно метафора объединения животных и наименование низших животных имеют явную негативную и даже инвективную окраску [Чудинов 2001]: *свора псов; паразиты.* Выявленные метафоры природных явлений можно разделить на две группы: 1) грозные природные явления, которым подвергнутся враги (противники): *и если гром великий грянет над сворой псов и палачей;* 2) благоприятные природные явления, которые как бы поддерживают участников борьбы: *для нас всё так же солнце станет сиять огнем своих лучей.* Представлена метафора легитимности новой политической власти, которая будет распространяться не на одну страну, а на весь мир: *лишь мы, работники всемирной великой армии труда, владеть землей имеем право.*

Новый государственный гимн СССР, созданный специально как гимн страны, был утвержден постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) в декабре 1943 г. Это было связано с рядом событий: в 1943 г. был распущен Коминтерн — международная организация, объединявшая компартии разных стран, так называемая «единая всемирная коммунистическая партия». Во время Великой Отечественной войны СССР был связан союзническими отношениями со странами антигитлеровской коалиции, которые требовали отказа от каких-либо планов мировой революции. В этих условиях сохранение «Интернационала» в качестве государственного гимна оказалось невозможным. Чрезвычайно важной стала задача отражения в

последнем патриотических чувств, идеи борьбы с захватчиками. Был объявлен конкурс на создание нового государственного гимна. Возглавлял правительственную комиссию И. В. Сталин, который после ряда высказанных замечаний и последующих исправлений выбрал вариант, авторами слов которого были С. В. Михалков и Г. Эль-Регистан, автором музыки — А. В. Александров:

1. *Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!*

Рефрен:

*Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!*

2. *Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нам вырастил Сталин — на верность
народу,*

На труд и на подвиги нас вдохновил!

Рефрен:

*Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!*

3. *Мы армию нашу растили в сраженьях.
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!*

Рефрен:

*Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!*

[Михалков, Эль-Регистан 1943]

Особенностью государственного гимна СССР 1943 г. является ярко выраженная идея патриотизма и прославление государства. В тексте присутствует множество лозунгов и призывов, чье воздействие сходно с магическим: *Да здравствует созданный волей народов единый, могучий Советский Союз!; Славься, Отечество наше свободное, дружбы народов надежный оплот!; Знамя советское, знамя народное пусть от победы к победе ведет!* Называется не только существующее государство *Советский Союз*, но и исконные русские слова, обозначающие родную землю: *Отечество, Отчизна.* В первых строчках гимна говорится об исторической преемственности — утверждается, что Советский Союз является наследником Великой Руси: *Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь.* Именно упоминание об исторической преемственности (Советский Союз возник не на пустом месте, а на терри-

тории Великой Руси) является одним из важных отличительных признаков государственного гимна 1943 г.: вспомним, что предыдущий, «Интернационал», призывал к абсолютному разрушению всего существующего и отрицал какую-либо преемственность, заявлял, что историю новой политической власти надо писать с «чистого листа». Высокий «заряд» патриотизма в тексте гимна 1943 г. достигается также строками о флаге (одном из государственных символов) и о борьбе за освобождение родной земли. Поскольку текст государственного гимна был написан в годы, когда велась освободительная война от гитлеровских захватчиков, метафоры войны обозначают стремление защитить родную землю и изгнать агрессоров: **Мы армию нашу растили в сраженьях. Захватчиков подлых с дороги сметем! Мы в битвах решаем судьбу поколений.** Флаг государства становится символом победы: **Знамя советское, знамя народное пусть от победы к победе ведет!** В тексте гимна выявлены метафоры могущества и крепкой власти: **Союз нерушимый республик свободных; Единый, могучий Советский Союз!** В. В. Химик отмечает, что в тоталитарном советском государстве XX в. существовал «идеализированный и мифологизированный образ» Советского Союза как «самой большой и сильной» страны [Химик 2008: 10]. Действительно, это наглядно изображено в тексте государственного гимна 1943 г. На наш взгляд, к данному «мифологизированному образу» следует добавить образ «свободной» страны. Во всяком случае, идея о свободной стране и метафора свободы, которая была достигнута в результате упорной борьбы, несколько раз повторяется в тексте гимна: **Союз нерушимый республик свободных; Славься, Отечество наше свободное; сквозь грозы сияло нам солнце свободы.** Одним из признаков гимна тоталитарного государства является указание на вождя. Е. Г. Брунова представляет подробную классификацию метафор вождя в советском дискурсе [Брунова 2011: 26]. В тексте гимна 1943 г. выявлены следующие метафоры вождя: 1) вождь — источник света: **и Ленин великий нам путь озарил;** 2) вождь — учитель и наставник: **нас вырастил Сталин — на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил!**

На XX съезде КПСС, проходившем в 1956 г., был разоблачен «культ личности» И. В. Сталина. Гимн СССР 1943 г. стал исполняться без слов, потому что в тексте упоминался бывший руководитель страны (официально слова гимна отменены не были). В 1977 г. в СССР была принята новая

конституция, в связи с чем потребовалось принять новый вариант текста государственного гимна, который бы соответствовал текущей политической ситуации. С. В. Михалков и Г. Эль-Регистан создали вторую редакцию государственного гимна, который был утвержден указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 мая 1977 г.:

1. **Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!**

Рефрен:

*Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!*

2. **Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!**

Рефрен.

3. **В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!**

[Михалков, Эль-Регистан 1977]

В государственном гимне 1977 г. сохранилось обилие лозунгов и прославление государства. Мифологизированный образ «большой, сильной и свободной» страны остался неизменным. Изменения коснулись следующего: были убраны строки о Сталине из второго куплета и полностью изменен третий куплет, который в первой редакции гимна рассказывал о сражениях Советской армии. Во время создания второй редакции гимна главным партийно-государственным лозунгом был «Наша цель — коммунизм» [Химик 2008: 10]. Именно поэтому в рефрене две последние строки включили утверждение о победе коммунизма, к которой приведет партия: **Партия Ленина — сила народная нас к торжеству коммунизма ведет!** В третьем куплете также содержалось указание на цель государства достичь коммунизма: **В победе бессмертных идей коммунизма мы видим грядущее нашей страны.** Метафоры вождя посвящены только В. И. Ленину, который являлся и источником света, и лидером в борьбе, и учителем: **И Ленин великий нам путь озарил, на правое дело он поднял народы, на труд и на подвиги нас вдохновил!**

8 декабря 1991 г. главы РСФСР, Украины и Белоруссии подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, в котором констатировалось, «что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекраща-

ет свое существование» [Википедия]. Этот документ ознаменовал распад СССР и образование независимой Российской Федерации. Соответственно использование государственного гимна СССР на территории России было прекращено. Государственным гимном России стала мелодия М. И. Глинки, которая получила название «Патриотическая песня». Официальное утверждение «Патриотической песни» в качестве государственного гимна России состоялось 11 декабря 1993 г. по указу президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина. Принятый указом гимн исполнялся без слов, так как текста для мелодии «Патриотической песни» не существовало. На наш взгляд, отсутствие слов в государственном гимне представляет значительные трудности для передачи идеи стабильного существования власти и патриотического настроения граждан. Конечно, магическое и ритуальное воздействие на адресатов может оказываться и музыкой, но оно многократно усиливается при возможности коллективного исполнения текста гимна.

В 2000 г. возобновилось общественное обсуждение вопроса написания слов к мелодии государственного гимна. «Патриотическая песня» М. И. Глинки из-за сложной некуплетной формы музыки создавала серьезные трудности для сочинения текста. Президент В. В. Путин предложил взять музыку бывшего советского гимна и написать к ней новый текст. Был объявлен конкурс на создание текста государственного гимна. Государственная комиссия из более чем шести тысяч вариантов выбрала стихотворное произведение С. В. Михалкова. 30 декабря 2000 г. указом президента Российской Федерации В. В. Путина был утвержден новый государственный гимн России (слова С. В. Михалкова, музыка А. В. Александрова):

1. *Россия — священная наша держава,
Россия — любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава —
Твое достоянье на все времена!*

Рефрен:

*Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная!
Славься страна! Мы гордимся тобой!*

2. *От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая —
Хранимая Богом родная земля!*

Рефрен.

3. *Широкий простор для мечты и для жизни
Грядущие нам открывают года.
Нам силу дает наша верность Отчизне.
Так было, так есть и так будет всегда!*

Рефрен [Википедия].

В ныне существующем государственном гимне как произведении, специально созданном в таком качестве, ярко проявляется нацеленность на стабильность власти, консолидацию граждан, усиление патриотических чувств. Нами выявлены метафоры любви и верности, не встречавшиеся в текстах предыдущих государственных гимнов: *Россия — любимая наша страна; Одна ты на свете! Одна ты такая; Нам силу дает наша верность Отчизне.* Образ России как «большой, сильной и свободной страны» сохраняется. На наш взгляд, он очень важен для воодушевления граждан, подъема патриотических настроений: *От южных морей до полярного края раскинулись наши леса и поля; Славься, Отечество наше свободное; Россия — священная наша держава.* В русском языке слово «держава» обозначает могучую, сильную страну. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим: «держава — 1. Большая и мощная страна: *Ядерная д. Великие державы* (наиболее крупные государства, которые обладают большим экономическим и военным потенциалом и играют главную роль в мировой политике и международных отношениях). 2. Золотой шар с короной или крестом наверху — эмблема власти, одна из регалий монарха» [ТСРЯОШ]. Следует отметить и образ России как «священной» страны: *Россия — священная наша держава.* В русском языке слово «священный» имеет следующие значения: «1. В религии: обладающий святостью, божественный; соответствующий религиозному идеалу. *С. сан.* 2. Относящийся к религиозному культу. *С. обряд. Священная утварь.* 3. Чрезвычайно почетный и исключительный по важности, святой. *Священная обязанность. С. долг.* 4. Исполненный благоговения. *С. трепет. С. восторг* [ТСРЯОШ]. Образ «священной державы», как нам кажется, является образом страны, к которой следует относиться с особым почитанием и уважением. Слово, существующее в языке, является способом актуализации того или иного концепта [Карасик 2002: 155]. В тексте современного гимна представлено слово, которое относится к основному концепту религиозного дискурса — «Бог» [Бобырева 2007: 10]. Одна из характеристик концепта «Бог», выявленных Е. В. Бобыревой, — охрана, защита людей [Там же: 14]. Это отражается в тексте гимна: *Хранимая Богом родная земля!* Использование слов, актуализирующих некоторые концепты религиозного дискурса («Бог», «священная»), а также лозунги, прославляющие страну, оказывают мощное магическое воздействие на адресатов: *Славься, страна! Мы гордимся*

тобой!; **Славься, Отечество наше свободное; Нам силу дает наша верность Отчизне. Так было, так есть и так будет всегда!** Метафоры семьи и связи с предками служат усилению патриотических чувств граждан: **Братских народов союз вековой; Предками данная мудрость народная!** Метафор войны (борьбы) и вождя в тексте современного государственного гимна нет. Отсутствие выражений первого типа можно объяснить тем, что актуальной политической целью является укрепление и стабилизация существующей власти, а не борьба за власть (как, например, в «Интернационале»), второго — тем, что сейчас у государства другое политическое устройство: современная Россия — это федеративная республика президентского типа.

Государственный гимн Великобритании, первоначально созданный как патриотическая песня, начал использоваться в качестве гимна страны со времен правления короля Георга II (1727—1760). Авторы слов и музыки неизвестны. В настоящее время (в царствование Елизаветы II) наиболее известна феминизированная версия гимна. В периоды царствования монарха мужского пола слово «Королева» (Queen) заменяется на «Король» (King), аналогично заменяются соответствующие личные местоимения. Единой официальной версии гимна не существует. Текст гимна существует по традиции, он не утверждался ни королевской прокламацией, ни актом парламента. Наиболее известны два куплета гимна, хотя встречаются варианты с большим количеством куплетов.

1. *God save our gracious Queen,
Long live our noble Queen,
God save the Queen:
Send her victorious,
Happy and glorious,
Long to reign over us:
God save the Queen.*
2. *O Lord, our God, arise,
Scatter her enemies,
And make them fall.
Confound their politics,
Frustrate their knavish tricks,
On Thee our hopes we fix,
God save us all.*

Перевод гимна:

1. *Боже, храни нашу
великодушную королеву,
Да здоровствует
благородная королева,
Боже, храни королеву.
Дай ей ратных побед,
Счастья и славы,
И долгих лет правления,
Боже, храни королеву.*

2. *Господь Бог наш, восстань,
Рассей врагов ее
И приведи к позибели.
Спутай их замыслы,
Развей подлые уловки,
На Тебя возлагаем надежду,
Боже, храни всех нас.*

[Слова гимна Великобритании]

Гимн Великобритании наглядно демонстрирует, как жанр политического дискурса (государственный гимн) может пересекаться с одним из жанров религиозного дискурса (молитвой). Сходство с молитвой прослеживается потому, что присутствует прямое обращение к Богу. Согласно Оксфордскому толковому словарю, «prayer — a solemn request for help or expression of thanks addressed to God or another deity» («молитва — мольба о помощи или благодарность, обращенная к Богу или другому божеству») [OED]. Мы уже говорили, что концепт «Бог» выделяется лингвистами в качестве центра концептосферы религиозного дискурса. Е. В. Бобырева определяет основные характерные черты концепта «Бог»: 1) Бог уникальный и сверхъестественный, находится «везде» во Вселенной; 2) он всемогущий, является создателем, от которого зависит всё; 3) он присутствует всюду, хотя его не видно; 4) ему присущи вечность и бессмертие; 5) он справедлив; 6) он невыразим [Бобырева 2007: 13]. Очевидно, что обращение к Богу как всемогущему бессмертному существу должно оказывать сильное магическое воздействие на адресатов-слушателей или исполнителей гимна, укреплять их преданность монарху. Интересно отметить, что в тексте гимна содержится прославление королевы (короля), пожелание долгих лет правления и уничтожения врагов монарха, но ничего не сказано, например, о родной земле, о народах, проживающих на территории государства. Очевидно, что для монархии главное — благоденствие королевы (короля) и стабильное существование ее (его) власти. Подразумевается, что это будет основой благополучия подданных. Патриотизм в монархическом государстве понимается прежде всего как преданность монарху. Центральным в государственном гимне Великобритании является образ королевы (короля). Королева представляется «великодушной», «благородной»: **gracious Queen, noble Queen**. Присутствует прославление королевы, просьба к Богу оберегать ее и пожелание долгих лет правления: **God save the Queen; Long live our noble Queen; Long to reign over us**. Враги королевы изображены как «подлые» и «коварные», которых настигнет кара всемогущего Бога. Этому посвящен весь второй куплет.

Текст государственного гимна США первоначально представлял собой отрывок из поэмы «Оборона форта Макгенри». Поэма была написана в 1814 г. Френсисом Скоттом Ки, который стал свидетелем обстрела форта Макгенри британскими кораблями в период войны 1812 г. Текст был положен на музыку, автором которой являлся Джон Стаффорд Смит. Официально песня была утверждена в качестве государственного гимна США постановлением конгресса в 1931 г. Оригинальный текст песни имеет четыре куплета, но в качестве гимна страны исполняется, как правило, только первый:

*O! say can you see by the dawn's early light
What so proudly we hailed at the twilight's
last gleaming,
Whose broad stripes and bright stars
through the perilous fight,
O'er the ramparts we watched were
so gallantly streaming.
And the rockets' red glare, the bombs
bursting in air,
Gave proof through the night that our flag
was still there.
Oh, say does that star-spangled banner yet
wave
O'er the land of the free and the home
of the brave?*

Перевод гимна:

*Смотри, видишь ли ты в солнца первых
лучах,
С чем в заката часы мы простились
глазам?
О, скажи, он ведь жив, полосатый
наш флаг,
Цвета неба и солнца наше
звездное знамя?*

*И летали ракеты, и снаряды взрывались,
Подтверждая: форт наш ночью не сдался.
Ответь: это правда, флаг еще реет
Над землею свободных, родиной смелых?*

(перевод И. Коссича)

[Слова гимна США]

Центральным образом гимна США является государственный флаг. «Знамя, усыпанное звездами», которое развевается на стенах форта, является символом стойкости, борьбы с противником и веры в победу: *What so proudly we hailed at the twilight's last gleaming; Gave proof through the night that our flag was still there; Oh, say does that star-spangled banner yet wave.* Поскольку описывается реальное военное событие (*perilous fight*), свидетелем которому стал автор текста, то вряд ли можно говорить об использовании милитарных метафор. Это стихотворное описание одного из эпизодов войны 1812 г. между США и Великобританией. Недавно образованное государство США пред-

ставляется как страна «свободных и смелых» людей: *O'er the land of the free and the home of the brave.* На наш взгляд, в государственном гимне США заложена идея борьбы за власть, становление федеративного государства, свободного от власти монарха.

Государственный гимн Франции — «Марсельеза» («La Marseillaise»). Это самая знаменитая песня Великой французской революции, которая сначала стала гимном революционеров, а потом и всей страны. Первоначально песня называлась «Военный марш Рейнской армии», поскольку была написана в год объявления революционной Францией войны королю Австрии (1792 г.). Автор слов — Клод Жозеф Руже де Лиль, капитан революционной армии. Название «Марсельеза» песня получила позднее, так как ее пели марсельские добровольцы, уходившие воевать с австрийскими войсками. В 1795 г. Конвент утвердил «Марсельезу» в качестве государственного гимна Франции. На протяжении веков «Марсельезу» несколько раз запрещали (во времена правления Наполеона I, реставрации Бурбонов, Наполеона III). В последний раз «Марсельеза» была запрещена режимом Виши (1940—1944), как назывался коллаборационистский режим во Франции в период ее оккупации гитлеровскими войсками. С 1945 г. «Марсельеза» вновь объявляется государственным гимном Франции. Приведем ее текст:

1. *Allons enfants de la Patrie
Le jour de gloire est arrivé!
Contre nous de la tyrannie
L'étendard sanglant est levé
Entendez-vous dans nos campagnes
Mugir ces féroces soldats?
Ils viennent jusque dans vos bras.
Égorger vos fils, vos compagnes!*

Refrain:

*Aux armes citoyens
Formez vos bataillons
Marchons, marchons
Qu'un sang impur
Abreuve nos sillons*

2. *Que veut cette horde d'esclaves
De traîtres, de rois conjurés?
Pour qui ces ignobles entraves
Ces fers dès longtemps préparés?
Français, pour nous, ah! quel outrage
Quels transports il doit exciter?
C'est nous qu'on ose méditer
De rendre à l'antique esclavage!*

Refrain.

3. *Quoi ces cohortes étrangères?
Feraient la loi dans nos foyers!
Quoi! ces phalanges mercenaires
Terrasseraient nos fils guerriers!
Grand Dieu! par des mains enchaînées*

*Nos fronts sous le joug se ploieraient
De vils despotes deviendraient
Les maîtres des destinées.*

Refrain.

4. *Tremblez, tyrans et vous perfides
L'opprobre de tous les partis
Tremblez! vos projets parricides
Vont enfin recevoir leurs prix!
Tout est soldat pour vous combattre
S'ils tombent, nos jeunes héros
La France en produit de nouveaux,
Contre vous tout prêts à se battre.*
Refrain.
5. *Français, en guerriers magnanimes
Portez ou retenez vos coups!
Épargnez ces tristes victimes
À regret s'armant contre nous
Mais ces despotes sanguinaires
Mais ces complices de Bouillé
Tous ces tigres qui, sans pitié
Déchirent le sein de leur mère!*
Refrain.
6. *Amour sacré de la Patrie
Conduis, soutiens nos bras vengeurs
Liberté, Liberté chérie
Combats avec tes défenseurs!
Sous nos drapeaux, que la victoire
Accoure à tes mâles accents
Que tes ennemis expirants
Voient ton triomphe et notre gloire!*
Refrain.
7. *Nous entrerons dans la carrière
Quand nos aînés n'y seront plus
Nous y trouverons leur poussière
Et la trace de leurs vertus
Bien moins jaloux de leur survivre
Que de partager leur cercueil
Nous aurons le sublime orgueil
De les venger ou de les suivre!*
Refrain.

Перевод:

1. *Вперед, Отчизны сыны вы,
Час славы вашей настал!
Против нас вновь тирания
Водрузила кровавый штандарт.
Слышишь ты, в наших полях
Зло воеет вражий солдат?
Он идет, чтоб сын твой и брат
На твоих был растерзан глазах!*
Рефрен:
*К оружию, друзья,
Вставайте все в строй,
Пора, пора!
Крови гнилой
Омыть наши поля.*
2. *Что алчет орда этих спрутов,
Изменников и королей?
Для кого уготованы пути,
Плели что они столько дней?
Для нас, французы, для кого,*

*Каким сомнениям тут быть?
Нас опять поработить
Проклятое служит ярмо!*

Рефрен.

3. *Как так! иностранцев когорты
Приговор несут нашим судам!
Как так! Беспощадные орды
Прочтат смерть нашим сынам!
О Бог! Скованные как рабы, мы
Пойдем опять под ярмо,
Станет снова старый деспот
Хозяином нашей судьбы.*
Рефрен.
4. *Дрожите, тираны, их слуги,
Отбросы разных слоев,
Дрожите! все злые потуги
По заслугам получат свое!
Мы все — солдаты в битве с вами,
Один падет, придет другой,
Рожденный нашей землей
И с жадной биться с врагами.*
Рефрен.
5. *Французы, вы в битвах усердны,
Вам не знать ли пощады к врагам?
Так будьте милосердны
К против воли пришедшим к нам!
Но не к тиранам кровожадным,
Но не к сообщникам Буйе,
Этой хищных стае зверей
Беспощадным и плотоядным!*
Рефрен.
6. *Любовь святая к Отчизне,
Веди нас, поддерживай нас!
Свобода — тебе наши жизни,
Сражайся в наших рядах!
Пока победы нашей знамя
Над головами не взойдет,
Противник твой грозный падет
Триумфом твоим, нашей славой!*
Рефрен.
7. *Мы тогда выйдем на сцену,
Когда наш настанет черед,
Наши предки нам будут примером,
По их следу идти будем вслед.
Мы не хотели б пережить их,
Сколь за дело, начатое ими,
Делами славными своими
Жизнь отдать иль отомстить!*
Рефрен.

(Перевод И. Коссича) [Гимн Франции]
«Марсельеза» создавалась как военный марш, призванный воодушевить солдат революционной Франции на борьбу с противником, поэтому самые яркие метафоры в тексте гимна — это метафоры войны (борьбы). Рефрен содержит прямой призыв к гражданам создавать вооруженные отряды (батальоны): **Aux armes citoyens, formez vos bataillons. Marchons! Marchons!** Наступившее время борьбы с врагом описывается как

«час славы» для французских солдат: *Allons enfants de la Patrie, le jour de gloire est arrivé*. Содержатся строки о всеобщем сопротивлении противнику: *Tout est soldat pour vous combattre* — и об искусности французов в военном деле: *Français en guerriers magnanimes*. Защитники Франции называются «детьми Отчизны»: *enfants de la Patrie*. Положительный образ воинов-патриотов усиливается за счет использования метафоры любви — «святая любовь к Отчизне» становится защитой и поддержкой в сражениях: *Amour Sacré de la Patrie conduis, soutiens nos braves vengeurs*. Воины Франции, воодушевленные любовью к родной земле, становятся «храбрыми мстителями» за свободу своей родины: *braves vengeurs*. Образ Свободы персонифицируется, ее призывают сражаться на стороне своих защитников: *Liberté, Liberté chérie combats avec tes défenseurs sous nos drapeaux*. «Свобода» (*Liberté*) является первым элементом знаменитого девиза Французской Республики, который появился в годы Великой французской революции и сохраняет свою значимость до сих пор: *Liberté, Égalité, Fraternité*.

Особенностью «Марсельезы» являются многочисленные метафоры врага, которых по количеству значительно больше, чем в других проанализированных нами государственных гимнах. Врагами Франции считаются монархи (тираны): *rois, tyrans, despotte* — и «предатели», перешедшие на их сторону, *traîtres*. Отмечаются следующие метафоры врага: 1) действия противника описываются как водружение кровавого «штандарта»: *Contre nous de la tyrannie l'étendard sanglant est levé*; 2) враги уподобляются диким зверям, которые злобно «воют»: *Entendez-vous dans nos campagnes mugir ces féroces soldats?*; 3) нечестивый противник имеет «грязную кровь»: *Qu'un sang impur abreuve nos sillons!*; 4) вражеская армия представлена «бандой» («ордой») изменников и королей, которые подготовили «цепи» («оковы») для порабощения французов: *Que veut cette horde d'esclaves de traîtres, de rois conjures?... Ces fers des longtemps prepares Français, pour nous...;* 5) зооморфная метафора «тигры» относится к французам, перешедшим на сторону противника. «Тигры, которые безжалостно терзают свою мать» — яркая метафора, передающая в высшей степени негативное непримиримое отношение к изменникам: *Tous les tigres qui sans pitié déchirent le sein de leur mère*; 6) вражеские солдаты, которые участвуют в войне против своей воли, названы «жертвами, достойными сожаления»,

к ним призывают проявить милосердие: *Épargnez ces tristes victimes a regrets s'armant contre nous!*; 7) прямая угроза высказывается в адрес «тиранов» и «изменников», которые «получат по заслугам» за свои вероломные действия: *Tremblez tyrans, et vous perfides l'opprobre de tous les parties. Tremblez, vos projets parricides vont enfin recevoir leur prix!*

Последний (седьмой) куплет «Марсельезы» называется «куплетом молодого поколения» (*Couplet des enfants*). В нем говорится о преемственности поколений: на смену старшим придут молодые воины, готовые сражаться за свободу и равенство.

«Марсельеза» была выбрана государственным гимном Франции в годы становления республики, когда была актуальной борьба с монархией или любой другой авторитарной формой правления. Возникает вопрос: почему в современной Франции при стабильном существовании власти текст гимна не подвергся каким-либо изменениям? Это можно объяснить тем, что в современном обществе среди общекультурных ценностей сохраняется ценность приверженности Французской Республике [Фенина 2008].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Государственный гимн — это жанр политического дискурса, имеющий форму поэтического произведения, отражающий политическое устройство государства, нацеленный на стабильное существование власти (в некоторых случаях — на борьбу за власть) и призванный усиливать патриотический настрой граждан, их приверженность политической системе. По способу создания государственные гимны могут быть: а) специально созданы как гимн страны («Боже, Царя храни!», гимны СССР 1943 и 1977 г.); б) изначально созданы как поэтические произведения, отображающие актуальную политическую ситуацию, впоследствии выбраны в качестве гимна страны (гимн США, «Марсельеза»). По способу законодательного закрепления государственные гимны бывают а) утвержденными указом главы государства (гимн Российской Федерации) или постановлением законодательного органа (гимн США, гимн Франции); б) существующими в силу традиции (гимн Великобритании). В государственном гимне всегда отражено политическое устройство страны, в соответствии с которым представлены основные политические ценности. В гимне монархической страны указывается на важность власти короля (королевы) как основу стабильности в государстве. Центром патриотических чувств граждан выступает преданность монарху (гимн

Российской империи, гимн Великобритании). В гимне тоталитарного государства напрямую не провозглашается авторитарная форма правления, но присутствующие метафоры вождя указывают на главенствующую роль руководителя государства или правящей партии (гимны СССР 1943, 1977 г.). Патриотизмом в тоталитарном государстве считается преданность вождю (правящей партии). В гимне демократического государства (республики) провозглашается ценность демократической власти, свободной от авторитарности. Основой патриотических чувств являются любовь и верность Отечеству, готовность защищать родную землю (гимн Российской Федерации, гимн Франции). При изменении политической ситуации в стране (например, участии в войне) и тем более при кардинальной смене политической власти прежний государственный гимн прекращает использоваться и создается новый, отражающий актуальную политическую обстановку. Смена нескольких государственных образований, существовавших на территории России, повлекла за собой смену государственных гимнов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобырева Е. В.* Концептосфера религиозного дискурса // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2007. № 3. С. 8—15. URL: <http://vestnik-mgou.ru/arhiv/vestnik/2007/fililog3/pdf> (дата обращения: 5.01.2013).
2. *Брунова Е. Г.* Мифопоэтика коммунистической пропаганды: лингвокультурный и когнитивный анализ // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 24—30.
3. *БТСРЯ* = Большой толковый словарь русского языка / Кузнецов С. А. // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/kuznetsov/10351/> (дата обращения: 5.01.2013).
4. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. URL: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 11.02.2013).
5. *Википедия* : свободная энцикл. : сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.01.2013).
6. *Гимн Франции*. URL: <http://russianhymn.narod.ru/france/marseillaise.html> (дата обращения: 21.12.2012).
7. *Жуковский В. А.* Боже, Царя храни! : гимн Рос. имп., 1833—1917 // Музей русских гимнов : сайт. URL: <http://www.hymn.ru/bozhe-tsarya-khrani.html> (дата обращения: 21.12.2012).
8. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
9. *Михалков С. В., Эль-Регистан Г.* Гимн СССР («Сталинский») // Музей русских гимнов : сайт. 1943. URL: <http://www.hymn.ru/anthem-sovietunion-1943.html> (дата обращения: 12.12.2012).
10. *Михалков С. В., Эль-Регистан Г.* Гимн СССР // Музей русских гимнов : сайт. 1977. URL: <http://www.hymn.ru/anthem-sovietunion-1977.html> (дата обращения: 12.12.2012).
11. *ПЭИС* = Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь. Европедия. — М. : Олма-Пресс, 2004.
12. *Слова гимна Великобритании* // Turmir.com : сайт. URL: http://country.turmir.com/anthem_27_text.html (дата обращения: 21.12.2012).
13. *Слова гимна США* // Turmir.com : сайт. URL: http://country.turmir.com/anthem_108_text.html (дата обращения: 21.12.2012).
14. *ТСРЯОШ* = Толковый словарь русского языка / Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. // URL: <http://www.ozhegov.org/words/shtml> (дата обращения: 4.02.2013).
15. *Фенина В. В.* Репрезентация культурных ценностей во французском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25). С. 103—116.
16. *Химик В. В.* Национальная идея и русский язык // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 9—16.
17. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 14.01.2013).
18. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
19. *Dictionnaire de L'académie française* (8 ème édition). URL: <http://www.mediadico.com> (дата обращения: 9.01.2013).
20. *MD* = Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 9.01.2013).
21. *OED* = Oxford English Dictionary. URL: <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 9.01.2013).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Н. В. Рабкина, В. А. Каменева
Кемерово, Россия

N. V. Rabkina, V. A. Kameneva
Kemerovo, Russia

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ДЕМОТИВАТОРОВ
КАК ВИЗУАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНОЙ ФОРМЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

**THE FUNCTIONAL AND PRAGMATIC
POTENTIAL OF DEMOTIVATORS AS A
VISUAL-VERBAL FORM OF MODERN
INTERNET COMMUNICATION**

Аннотация. Рассматривается специфика демотиваторов как эффективного средства корректировки концептуальной картины мира пользователя глобальной мировой паутины. На примере концептуализации феномена времени показываются функциональные и лингвистические особенности этой новой визуально-вербальной формы современной интернет-коммуникации.

Abstract. This article discusses the specific characteristics of demotivators as an effective means of adjusting the conceptual picture of the modern Internet user. The phenomenon of time conceptualization serves to demonstrate the functional and linguistic features of this new visual-verbal form of Internet communication.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; концептуализация; манипуляция; прагматический потенциал.

Key words: Internet communication; conceptualization; manipulation; pragmatic potential.

Сведения об авторе: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии №1.

About the author: Kameneva Veronika Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of English Philology №1.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: : 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6413.
e-mail: russia_science@mail.ru.

Сведения об авторе: Рабкина Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии №1.

About the author: Rabkina Nadezda Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor the Chair of English Philology №1.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6413.
e-mail: nrabkina@mail.ru.

Еще до недавнего времени никто бы не стал оспаривать то, что концептуализация окружающей объективной реальности и ее упорядочивание путем категоризации варьируются от одной лингвокультуры к другой и детерминируются как языковыми и культурными, так и географическими, политическими и социальными факторами страны бытования той или иной этнокультурной общности.

По нашему мнению, в настоящее время, в период компьютеризации коммуникации и глобализации, почти в каждом уголке мира, помимо обмена информацией, убеждениями и символами между людьми разных этнокультурных сообществ, обеспечивается постоянный поток стандартизированных ценностей и оценок в интересах мировых корпораций. Это способствует формированию усредненного, стандартизированного взгляда на окружающую действительность посредством создания некоторого глобального фонда концептов и символов, что, в свою очередь, ведет если не к унификации картин

мира представителей различных лингвокультур, то, по крайней мере, к формированию определенного стандартизированного унифицированного фрагмента картин мира, заставляющего вольно или невольно представителей совершенно разных лингвокультур воспринимать навязываемые мировыми корпорациями ценности, оценки и стиль жизни. О желательности достижения такой стандартизации восприятия по всему миру в интересах мировых корпораций писал еще в 1983 г. Теодор Левитт, знаменитый американский профессор Гарвардской школы бизнеса, в своей статье «Глобализация рынков» [Levitt 1984]. Необходимость вырастить, воспитать «глобального» покупателя, сформировать его желание и выгодный стиль жизни, воспитать легкопредсказуемого покупателя — те задачи, которые успешно реализуются вот уже более 30 лет мировыми корпорациями на глобальном уровне.

Что позволяет реализовывать эту задачу по стандартизации мирового восприятия?

Конечно, Интернет, реклама, кино и телевидение, являющиеся самыми мощными источниками по скрытому, а соответственно не дифференцируемому массами влиянию и охвату аудитории, давно ставшие неотъемлемой частью и средой современных мировых коммуникативных процессов.

Социологи приходят к выводу, что в наше время формируется социальная реальность нового типа — медиареальность, в которой объективная реальность и картина мира слились «до неразличимости», а личная и социальная жизнь переплелись с техническими медиа — Интернетом, рекламой, кино, телевидением [Савчук 2008]. По нашему мнению, речь должна идти о формировании глобальной медиареальности.

На пути стандартизации восприятия представителей различных лингвокультур все еще стоит проблема языкового барьера. Попыткой его преодоления можно считать доминанту невербальной информации в современной глобальной коммуникации и возникновение новых визуально-вербальных форм современной интернет-коммуникации. Это также помогает понять, почему, например, Интернет, реклама, кино и телевидение с доминантной передачей невербальной информации стали популярными источниками и средствами глобализации, т. е. манипуляции. Невербальная информация легче кодируется и декодируется, что предоставляет возможность влиять на концептуальную картину мира «глобального и стандартизируемого» реципиента.

Иными словами, коммуникация с применением новых информационных технологий позволяет человеку, не «углубляя своего восприятия мира, создавать новую информацию, просто обменявшись мнениями с другими людьми в социальных сетях. Такое поверхностное восприятие приводит к тому, что индивидуальная модель мира субъекта становится отражением не объективного мира, а некоторого „виртуального“, созданного с помощью информационных технологий информационной модели, на основании восприятия которой у человека формируется определенная концептуальная модель деятельности. Эмоционально насыщенные образы интернет-пространства предстают для человека как субъективная реальность, управляющая его активностью» [Дружилов 2013].

Согласившись с А. Д. Колесниковой о том, что виртуальное пространство Всемирной паутины перенасыщено объектами, передающими как сигнал-образ, так и сигнал-код [Колесникова 2011], добавим, что главное преимущество интернет-коммуникации состоит в возможности не просто подкрепить

вербальное сообщение визуальным образом, а заменить его или направить восприятие вербального ряда в соответствии с тиражируемыми ценностями и оценками.

Почему так важна эта невербальная доминанта глобальной коммуникации? Потому, что «преобладание образной составляющей в модели мира приводит к преобладанию у воспринимающего субъекта более примитивного „конкретного“ мышления» [Дружилов 2013]. Именно такой стандартизированный глобальный реципиент с примитивным мышлением и необходим для мировых корпораций, чтобы обеспечить выполнение поставленной задачи по глобализации рынков.

Однако, как уже отмечалось, языковой барьер по-прежнему стоит на пути эффективного решения обсуждаемой задачи. Как представляется, именно поэтому в последнее время через социальные сети хлынул нескончаемый поток различных видов креолизованных текстов. Так, например, демотиваторы — англоязычные визуально-вербальные формы современной интернет-коммуникации — активно переводятся на русский язык и становятся частью Рунета, формируя новую среду для корректировки концептуальной картины мира отечественного пользователя и способствуя глобальной стандартизации восприятия тиражируемой информации. По нашему мнению, самое главное не только пропагандировать какие-то ценности через демотиваторы, но и посредством передачи своего взгляда на, казалось бы, неидеологизируемые концепты создать основу, платформу для понимания транслируемой точки зрения по всему миру. Вопрос о ее приятии или неприятии смещается на второй план. Иными словами, представляется, что речь должна идти не столько о заимствовании концептов, сколько об инкорпорировании транслируемой информации в исконные концепты той или иной лингвокультуры.

Что представляют собой демотиваторы? Обычно они включаются в ряд таких визуально-вербальных форм современной интернет-коммуникации, как интернет-карикуры, интернет-комиксы, мемы (эдвайсы). Демотиваторы часто определяются как особый вид креолизованного текста, включающий в себя расположенное на черном или синем фоне изображение (реже — надпись) и лаконичный комментарий-слоган (чаще белым шрифтом) [Нежура 2013]. Как и для некоторых видов поэзии (например, лимериков или древнейшей скальдической поэзии), для демотиваторов форма не менее важна, чем содержание, а единство формы и содержания должно вызывать то, что в поэзии называют «поэтическим эффектом», исследова-

тели новых видов сетевого искусства определяют как «прикольность» [Голиков 2010: 130], мы же определяем как прагматический потенциал.

В классических демотиваторах соблюдается строгая графическая форма: на верхней строчке прописными буквами излагается основная идея (1—3 слова), на нижней — строчными — пояснения к ней. Классические (другое принятое в Рунете название — настоящие) демотиваторы создаются по аналогии с оригинальными демотивационными изображениями, сделанными компанией Despair, лозунг которой — «разрушать мечты суровой правдой жизни» (*crushing dreams with hard truths*) [Despair 2013].

В вербальной составляющей демотиваторов производства Despair все слова начинаются с больших букв, что традиционно для медиазаголовков в англоязычной лингвокультуре. Демотиваторы Рунета редко заимствуют эту черту — обычно только в тех случаях, когда демотиватор представляет собой перевод англоязычного оригинала. Также прописные буквы верхней строчки часто заменены более крупным шрифтом по сравнению со второй.

Считается, что демотиваторы появились как пародия на популярные в конце 1990-х гг. офисные плакаты, призванные создавать у работников положительную мотивацию и тем самым повышать производительность труда. Появление демотиваторов явилось скорее закономерным продуктом подобного «демотивационного мышления» — не столько пародией, сколько реакцией на повсеместно насаждаемое позитивное мышление (метод, основанный на убежденности, что вещи, которые человек считает «правдой», имеют тенденцию осуществляться в его жизни). Концепция позитивного мышления утверждает, что человек может добиться всего, если будет уверенно идти к своей цели, преодолевать преграды и верить в себя. Это предельно субъективистский взгляд на мир, предполагающий возможность модификации данного мира в угоду индивиду. При этом злоупотребление позитивным мышлением нередко приводит к тому, что человек закрывает глаза на все «негативное» и становится равнодушен к проблемам в социуме, которые, разумеется, нигде не исчезнут, если не обращать на них внимания. Но и злоупотребление демотиваторами может, по мнению исследователей, привести «к развитию так называемого „демотиваторного стиля мышления“, направленного на разрушение и высмеивание традиционных ценностей, авторитетов, шутовского отношения к серьезным вещам» [Бугаева 2011]. Это еще

раз позволяет подтвердить предположение о том, что прагматический потенциал данных новых форм коммуникации высок. Они могут выступать в роли дискурса власти наряду с уже устоявшимися и признанными как эффективные в процессах воспроизводства власти — дискурсом прессы, радио, телевидения, рекламы и т. д.

В качестве материала нашего исследования были выбраны демотиваторы, посвященные концептуализации времени — на первый взгляд, идеологически неангажированному объекту. Итак, согласно полученным данным, значительный объем составляют демотиваторы, посвященные определенным социально значимым дням недели: понедельнику и пятнице. Негативная коннотация наименования дня недели «понедельник» традиционно прослеживается и в русской лингвокультуре. Достаточно вспомнить выражение «понедельник — день тяжелый» или «ушедшую в народ» песню из кинофильма «Бриллиантовая рука» про невезучих дикарей, рожденных в понедельник (за которой многие склонны видеть более глубокий, аллегорический смысл: Остров Невезения — это СССР/Россия, чьим несчастьям в историческом масштабе нельзя найти никакого логического объяснения). Усиление негативного отношения к понедельнику связано в первую очередь с тем, что основную аудиторию демотиваторов составляют офисные работники, имеющие доступ к компьютеру на рабочем месте, а также студенты и старше школьники. Классический «понедельниковый демотиватор» состоит из изображения животного (кота, собаки) с утомленным «выражением» и подписи «ПОНЕДЕЛЬНИК. УТРО. Опять на работу» или прецедентной фразы «НАМ БЫ ПОНЕДЕЛЬНИКИ взять и отменить» (во всех примерах сохранена оригинальная орфография и пунктуация).

В конечном итоге демотиватор преследует те же цели, что и мотивирующие плакаты: он передает ощущение «разделенного страдания» — индивид не уникален в своем неприятии начала рабочей недели, а следовательно, не одинок. К примеру, демотиватор, изображающий сонное пернатое существо в стиле «angry birds» с кружкой кофе в руке (надпись: «НИЧТО НАК НЕ ДЕМОТИВИРУЕТ СТУДЕНТА, как необходимость тащиться в понедельник на первую пару»), позволяет почувствовать единение со всей массой студентов, которые испытывают одинаковые эмоции, т. е. почувствовать себя среди своих. Вызвать чувство единения у тысяч офисных работников, обнаруживающих в понедельник утром в своем элек-

тронном почтовом ящике массу заданий от начальства, призван демотиватор, изображающий слона рядом с огромной кучей навоза. Надпись гласит: «MONDAY. Look at that inbox! The boss was busy over the weekend!» При этом понедельник может позиционироваться как смертельно опасный отрезок времени (изображение сонных глаз, поддерживаемых в открытом состоянии с помощью спичек; надпись: «ПОНЕДЕЛЬНИК 1. Проснуться. 2. Выжить. 3. Вернуться в кровать»).

Противоположностью понедельнику выступает пятница: вечер пятницы — время, когда можно расслабиться после долгой рабочей недели. Интересно, что стереотипное представление о вечере с пятницы на субботу как о времени, когда люди злоупотребляют алкоголем и делают глупости, а утром ничего не помнят, не принадлежит собственно русской культуре с ее культом застолья, а в равной степени присутствует в англоязычных демотиваторах. (Ср. англоязычный демотиватор: изображение огромного количества бутылок со спиртным на лужайке у дома, надпись: «Your Soul with Hope is Waiting for Friday. But kidney and liver with fear are waiting for Monday». Демотиватор из Рунета: изображение перевернувшегося на трассе грузовика с алкогольными напитками, надпись: «ПЯТНИЦЫ не будет».)

Согласно стереотипным представлениям, вечером в пятницу офисные работники считают своим долгом веселиться как в последний раз, из-за чего должным образом проведенная пятница выпадает из жизни (демотиватор «черный квадрат» с лаконичной надписью: «FRIDAY»). Пятница так мучительна в своей вседозволенности, что ее, а не пресловутые понедельники, следовало бы отменить (изображение спящего в неестественной позе котенка, надпись: «Friday Can we just cancel it and move to Saturday?») Пятница, таким образом, вызывает страх (фотография пьяного молодого человека, надпись: «IT'S FRIDAY I gotta get drunk and I sure do dread it...»).

Интересно, как игра слов позволяет действовать сдвиг по классификации демотиваторов в качестве средства воздействия на реципиента. Демотиватор с изображением морского котика-белька и надписью «FRIDAY NIGHT Let's Go Clubbing That's Not What I Meant ... But, OK» на первый взгляд кажется традиционным пятничным «демотиватором без демотивации» [Голиков 2010]. Однако когда реципиент понимает, что слово «club» означает не клуб, а дубинку, которую используют для забоя бельков, то демотиватор переходит в разряд «социально-рек-

ламных», использующих демотивацию как метод воздействия на внеуродовое поведение человека [Голиков 2010].

Пятница и понедельник становятся метафорами эмоционального состояния: «НА УЛИЦЕ ПОНЕДЕЛЬНИК, а на душе вечер пятницы».

Некоторые аспекты пятницы, еще не до конца заимствованные русской корпоративной культурой, не заимствуются и не переносятся в демотиваторы Рунета. К примеру, понятие «casual Friday» («свободного стиля по пятницам», когда сотрудники могут на работу приходить в повседневной одежде) не обыгрывается на русскоязычном материале. В англоязычных же демотиваторах часто обыгрывается подобная ситуация: изображение мужчины в шортах и футболке на фоне людей в спецодежде и респираторах, явно пытающихся обезвредить нечто радиоактивное, или трое солдат в окопе, один из которых — в семейных трусах и шлепанцах, надпись: «CASUAL FRIDAY Isn't always a good idea». В той же степени некоторые демотиваторы рунета носят локальный характер: к примеру, кадр из исторического фильма, изображающий средневековое сражение, надпись: «ПОНЕДЕЛЬНИК, ПИТЕР. УТРО. Толпа у входа на станцию метро Василеостровская».

Рабочая неделя выступает микромоделлю человеческой жизни: завершение одного цикла позволяет начать новый цикл с чистого листа, поэтому понедельник — день невыполненных обещаний (изображение сидящего за компьютером мужчины, страдающего ожирением крайней степени, надпись: «ПОНЕДЕЛЬНИК „в понедельник я непременно запишусь в спортзал“»).

Время концептуализируется не просто как чередование коротких отрезков — неделя, а как чередование бесконечно повторяющихся отрезков. Другими словами, задействована циклическая, «языческая» модель времени. Вероятно, сказывается неудовлетворенность своей работой: человек чувствует, что он живет только вне работы (демотиватор, изображающий спящего младенца и надпись: «ПОНЕДЕЛЬНИК лучше бы я проснулся завтра или скажем в пятницу»).

Пятница — единственная доступная и достижимая цель в череде рабочих будней (изображение собаки, глядящей в камеру умоляющими глазами, надпись: «is it...FRIDAY?» или фраза-мем: «THAT MOMENT you realize it's still not Friday...»); изображение зебры, забравшейся на шею жирафу и смотрящей в даль: «FRIDAY Can you see it yet?»). Закономерно, что с таким нетерпением ожидаемые выходные проходят

молниеносно (удивленная кошачья мордочка с надписью: «IS IT MONDAY ALREADY? Friday was just yesterday»). Прецедентный характер демотиваторов позволяет приравнять чувства, испытываемые работником к пятнице, к чувствам, испытываемым к человеку: кадр из фильма о Робинзоне Крузо, надпись: «On Mondays I Feel Like Robinson Crusoe Because I miss Friday so much». Пятница метафоризируется как человек: изображение лежащего на боку кенгуру с пустой бутылкой, надпись: «FINALLY It took all week for Friday to get here!»

Соответственно время концептуализируется как нечто мимолетное, ускользающее сквозь пальцы, имеющее субъективную природу. В демотиваторах, относящихся к классу философских (классификация А. С. Голикова), эта мысль принимает следующий вид: «ВРЕМЯ сокращается в минуты счастья и растягивается в часы страданий». Стоит заметить, что философские демотиваторы, касающиеся времени, не обнаруживают тесной связи вербального и визуального компонентов, присущего креолизованному тексту. Как правило, изображение оригинально оформленного циферблата является простой иллюстрацией темы времени, не требует какой-либо мыслительной деятельности по сопоставлению картинки и текста. Анализ текстов подписей вскрывает традиционные метафоры времени (напомним, что многие фразы взяты из литературных произведений и сборников цитат великих людей): время — живое существо (врач, наставник, поводырь, птица), стихия (ветер, река); время — ценность, деньги, золото, средство передвижения; время неумолимо, неостановимо и невидимо. Многие вербальные компоненты демотиваторов утверждают единство человека и времени. Следовательно, основная задача демотиватора — заставить офисного работника наслаждаться каждым днем рабочей недели, каждым моментом своей жизни, так как «Жизнь — это то, что сейчас».

Примечательно, что, хотя демотиватор и является сетевым жанром, проведение времени в Сети позиционируется как пустое. Особенно это касается социальных сетей (к примеру, изображение покрытого паутиной заснувшего за компьютером молодого человека, надпись: «Я на минутку вконтакте»). В рассматриваемых ниже «апокалиптических демотиваторах» скриншот экрана компьютера содержит фразу о том, что доступ в социальную сеть «вконтакте» закрыт, и снабжен надписью: «Конец света».

Время жизни современного человека, таким образом, рассматривается как дискрет-

ное, состоящее из четко определенных временных отрезков — недель, что автоматически относит его к мифопоэтическому хронологу космоса, противостоящего аморфному, неделимому хаосу. Борьба порядка и беспорядка есть основная форма существования вселенной: хаос и космос неразлучны и враждебны, хаос стремится к самоограничению, а космос — к распаду и дезорганизации [Арутюнова 2003: 7]. Можно предположить, что упорядоченность жизни современного офисного работника достигла той точки насыщения, когда порядок стремится перейти в хаос, отсюда и стереотипизация «разгульной пятницы» (при этом, по данным Росстата, в выходные и праздничные дни в России не отдыхают и не веселятся 60 % работников) [Смолякова 2013].

Такое стремление к саморазрушению мы наблюдаем и на более глобальном уровне, проследив, как в демотиваторах отразились апокалиптические настроения 21.12.12. Самая частотная иллюстрация к демотиваторам на эту тему — постер к фильму-катастрофе «2012», уже успевший стать прецедентным. Во многих демотиваторах мы наблюдаем положительное отношение к прогнозируемому концу света: люди получили то, что заслужили. Некая неопределенная глобальная катастрофа воспринимается как заслуженная кара за все грехи человечества (к примеру, изображение ядерного облака, надпись: «И нет больше голода, нищеты, болезней, социального неравенства» — или картинка, изображающая пороки человечества, надпись: «Мы неумолимо движемся к концу света... и он нам необходим»). Создается впечатление, что традиционная мифологическая космология, предусматривающая цикличность бытия, активизируется у современного человека через компьютерную метафору: конец света как перезагрузка. В качестве пороков, за которые человечество заслуживает гибели, в визуальной составляющей демотиваторов представлено пьянство среди молодежи, падение нравственности, гомосексуализм, пластические операции, передача «Дом 2» (надписи: «Дом 3. Harry end. 2012»; «Уж лучше конец света, чем знать, что тебя ждет такое будущее»; «Скорее бы конец света!»; «Общество анонимных гетеросексуалов»).

Глобальная катастрофа приветствуется как радикальный способ пробудить в людях все лучшее (изображение врезающегося в Землю астероида, надпись: «45 СЕКУНД миллиарды поверят в Бога, простят обиды, забудут про невзгоды, обнимут ближнего, вспомнят о душе...»). Впрочем, присутствует и противоположная точка зрения: изображе-

ние массовых беспорядков, надпись: «СКАЖИ ЛЮДЯМ, ЧТО ЗАВТРА КОНЕЦ СВЕТА И они устроят апокалипсис сегодня».

В Рунете распространены демотиваторы, основанные на уникальной для русского языка омонимии «свет» («В 2012 году конец света? Ну и фиг с ним, без света посидим!») или всемирно известное изображение Бога Отца из Сикстинской капеллы, чья рука тянется не к Адаму, а к выключателю, лаконичная надпись: «КОНЕЦ СВЕТА»). Более философский смысл приобретает демотиватор с изображением постапокалиптического будущего и надписью: «Конец света — это всего лишь начало тьмы». К знанию российских реалий апеллирует демотиватор с надписью: «22 декабря — день энергетика. Конец света переносится на 23 декабря». Другой, также довольно распространенный в Сети демотиватор, основан на созвучии: «В 2012 году закончится календарь Майя. И начнется календарь Июня!»

Следует заметить, что демотиваторов на апокалиптическую тематику в Рунете несравнимо больше. Как правило, это своеобразная бравада на почве национальных стереотипов: «11.12.08. День, когда кончилась водка. Так вот ты какой, конец света...».

Такого рода демотиваторы апеллируют к таким национальным чертам россиян, как смекалка, невосприимчивость к морозу, знаменитое «авось». Например, изображение странного парового агрегата с надписью: «ГУДРОННЫЙ КОЛЛАЙДЕР Наш ответ концу света»; утверждение, что «дед Мазай всех спасет», изображение типичной сибирской зимы с надписью: «КОНЕЦ СВЕТА? Сибирякам все равно» (в некоторых вариантах изображен человек в противогазе и с винтовкой, сидящий на унитазе посреди заснеженного поля) и т. п.

Дата 21.12.12 сравнима по своей «медийности» с датой проведения Олимпиады в Сочи, что не могло остаться незамеченным: «ОЛИМПИАДЫ В СОЧИ НЕ БУДЕТ? Так вот почему нам так легко досталась победа за местопроведение»; «Продолжайте тратить деньги! Олимпиада отменяется»; «Сочи 2014. Два года после Апокалипсиса»; «Племена Майя предсказали конец света в 2012 году. А Россияне предсказали зимнюю Олимпиаду в Сочи в 2014. Прорвемся!»

Обыгрывается и уникальная для России особенность празднования Нового года по новому и старому стилю: «Россия — единственная страна, где конец света пройдет дважды: по старому и по новому стилю календаря». В связи с этим конец света в русле циклической модели мира позиционируется как некий глобальный новый год, нача-

ло новой эры (изображение пьяного Деда Мороза, надпись: «Декабрь 2013 года. Празднуем первую годовщину конца света»).

Противоположное такой «национальной браваде» (автостереотипизации) явление — демотиваторы, изображающие разруху в российской глубинке, алкоголизм и другие пороки, вызванные общей неустроенностью жизни, с надписями: «Мы не боимся конца света! Он у нас уже прошел!»; «Для кого-то конец света давно наступил»; «А что если конец света уже был и мы живем в аду?»; «Почему мы так ждем конец света? Просто хоть какие-то изменения к лучшему!» Такое восприятие демонстрирует мифологическое единение макрокосма и микрокосма и позволяет приравнять духовную гибель индивида к гибели целого мира.

Следующая группа демотиваторов, связанных с российскими реалиями, относится к политике. Например, диалогический демотиватор, изображающий первых лиц страны, обменивающихся репликами: «Что ты будешь делать, когда придет конец света? — Мы в России, он сюда не придет, он отсюда выйдет». Неоднократно обыгрывается коллаж, изображающий гигантскую летающую тарелку над Красной площадью: «Наиболее вероятный сценарий смены власти в Кремле»; «Пресс-конференция с Путиным пройдет 20 декабря. Почему? Потому что 21 числа он УЛЕ-ТА-ЕТ!» Широко распространен выбивающийся из правил оформления демотиватор, на котором вместо картинки — перечень бед, свалившихся на Россию в конце XX — нач. XXI в. («Я пережил кризис 1998, 2008, инфляцию, девальвацию рубля» и т. д.), а в качестве надписи — выраженное с помощью обценной лексики равнодушие к прогнозируемому концу света.

Реже апокалиптические демотиваторы Рунета относятся к категории собственно юмористических. Это может быть гротескно уродливое изображение «человека будущего по данным британских ученых» с надписью: «Лучше бы конец света!»; позирующий на фоне ядерного взрыва человек в остроконечной шляпе, надпись: «АПОКАЛИПСИС Даже если ты надел дурацкую шляпу, смеяться уже никто не будет»; астронавт, наблюдающий гибель Земли с поверхности Луны, надпись: «Уверен, что тебе повезло?» — или классические «пятничные» демотиваторы: «Мы все скоро умрем, поэтому можно как следует оттянуться напоследок» и «Отлично, на работу можно не идти!» Так, юмористический демотиватор, изображающий столкновение грузовика компании Coca-Cola с трейлером, везущим леденцы Mentos с надписью: «How the world will end»), эксплуа-

тирует так называемую «городскую легенду» о том, что соединение двух этих продуктов взрывоопасно.

Нередко апокалиптические демотиваторы задействуют мемы — распространенных в пространстве Интернета персонажей или же повсеместно применяемые устойчивые выражения [Нежура 2013]. Так, известные герои боевиков 1980-х—1990-х (Чак Норрис, Арнольд Шварцнеггер и др.), неоднократно спасавшие планету в блокбастерах, выступают своеобразными мифологизированными гарантами существования Земли: пока они живы, планета в безопасности. Визуальный мем подкрепляется использованием фразеологического мема: «Конец света? Не, не слышали!»

Как уже было отмечено, для максимально полного понимания заложенного в демотиватор смысла важна пресуппозиция [Беляков 2009: 3]. Интересно, что один и тот же демотиватор может существовать в нескольких вариантах: для тех, кто в состоянии увидеть содержание, скрывающееся за прецедентным изображением, и для тех, кто не обладает соответствующим культурным тезаурусом. Так, демотиватор с кадром из фильма «Назад в будущее» существует как с уже упомянутой надписью «Конец света? Не, не слышали!», так и с поясняющей расшифровкой: «Я знаю, что конца света в 2012 не будет, потому что Марти Макфлай путешествовал в 2015».

Демотиваторы, посвященные 21.12.12, активно задействуют и другие прецедентные конструкции Рунета: «А ты вырыл подземный бункер с отоплением на случай взрыва солнца?»; «Продлевать будете?»; «Конец света, ты пьян, иди домой!»

Еще одна группа демотиваторов направлена на поиск «знаков» приближающегося конца света или его «отмены» в окружающем бытовом пространстве: это могут быть фотографии товаров, чей срок годности истекает 21.12.12, или противоречащий логике вывод «КОНЦА СВЕТА НЕ БУДЕТ! У нас есть банка фасоли, срок годности которой истекает в 2013 году!»

Собственно философских демотиваторов, наводящих на размышления, не много. Это может быть, например, сравнительное изображение врезающейся в Землю кометы и сперматозоида, оплодотворяющего яйцеклетку, с надписью «Начало и конец очень похожи», или утверждение «Начинать жизнь с чистого листа надо так, чтобы некому было вспомнить прошлое» на фоне разрушенного города. Традиционная негативная реакция на позитивное мышление выражена в надписи к фотографии адронного коллаи-

дера: «Оптимисты верят в счастливый конец света».

Вообще образы разрушения и руин частотны для демотиваторов, даже в тех случаях, когда связь картинки и надписи сложно проследить: «СЧАСТЬЕ. Камни жизни рушат фундамент планов»; «ЖИЗНЬ. Конкуренция порождает жестокость»; «ОДИНОЧЕСТВО. Когда ты не нужен никому, ты не нужен и самому себе». Образ поросшей сорняком Красной площади и разрушенного Кремля часто используется в политических демотиваторах: «Такой станет вся страна, если коммуяки вернутся к власти»; «Сохраните кладбище на Красной? Получите такую же площадь». Грибовидное облако ядерного взрыва часто снабжается надписью: «КРАСОТА требует жертв»; «ТАК КРАСИВО что умереть можно»; «А что ты ей скажешь в такой момент?»

Визуальные ряды, вызывающие эсхатологические настроения, используются и в классических демотиваторах компании Despair: «OBSTACLE. Some Things Cannot Be Overcome With Determination And A Positive Attitude»; «WISHES. When you wish upon a star, your dreams can come true. Unless it's really a meteorite hurtling to the Earth which will destroy all life. Then you are pretty much hosed no matter what you wish for. Unless it's death by meteor». Вероятно, такая популярность картин разрушений и руин вызвана тем, что визуализация энтропии оказывает сильное воздействие на реципиента.

Итак, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Демотиватор, представляя собой относительно новую визуально-вербальную форму интернет-коммуникации, может выступать действенным средством и средой формирования стереотипизируемого восприятия транслируемой информации в глобальной мировой паутине и средством корректировки концептуальной картины мира глобального пользователя, обладающим высоким прагматическим потенциалом.

2. С помощью демотиваторов транслируются прецедентно-значимые ситуации, пришедшие в русскую лингвокультуру с распространением глобализации (различные мемы, специфика офисной жизни, корпоративная культура, casual Friday, вечер пятницы, американские городские легенды). Однако нельзя сказать, что в Рунете пассивно переводятся англоязычные демотиваторы. Новая информация (культурная, политическая, экономическая) смешивается с уже имеющимися установками у представителей определенной лингвокультуры. Так, рутинизированный способ воспроизводства с помощью

специальных онлайн-программ позволили создавать демотиваторы, так сказать, «на русской почве», затрагивающие специфические отечественные аспекты картины мира: извечный русский «авось», смекалку и находчивость, пьянство, тяжелую жизнь периферии, проблему «дураков и дорог», бюрократию и коррупцию.

3. Демотиваторы, наряду с функциями развлечения, воспитания, глобальной культурной интеграции, формирования чувства общности (принадлежности к той или иной группе), гетеро- и автостереотипизации, выполняют функции пропаганды и манипуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка. Космос и Хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М. : Индрик, 2003. С. 3—8.

2. Беляков И. М. Особенности баннерной интернет-рекламы как поликодового текста (лингвистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009.

3. Бугаева И. В. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика // Style : International Scientific and Scholarly Journal for Linguistics and Literary Stylistics. 2011. Is. 10. URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf> (дата обращения: 17.10.2012).

4. Голиков А. С., Калашикова А. А. Демотиваторы в интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология // Вестн. Харьков. гос. ун-та. 2010. Вып. 16. С. 124—130.

5. Дружилов С. А. Формирование модели мира человека в новой информационной реальности // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/6189> (дата обращения: 15.01.2013).

6. Иванова Н. С. Опыт лингвистического исследования мерфизмов: на материале американского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2008.

7. Колесникова Д. А. Фотография как способ конституирования социальной реальности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — СПб., 2011.

8. Нежура Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве Интернета // Теория языка и международная коммуникация. № 12. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=12> (дата обращения: 9.01.2013).

9. Савчук В. В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / ред. В. В. Савчука. — СПб. : С.-Петербург. филос. о-во, 2008. С. 7—39.

10. Смольякова Т. Капитал-шоу: Что показал опрос Росстата об отношении россиян к труду. Интервью с К. Лайкам, заместителем руководителя Росстата // Российская газета. № 184 (5857). URL: <http://www.rg.ru/2012/08/13/laykam.html> (дата обращения: 9.01.2013).

11. Ухова Л. В. Язык, речь, речевая коммуникация. Специфика языка пользователей социальных сетей // Перспективные разработки науки и техники : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 2011. URL: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia7_93862.doc.htm (дата обращения: 9.01.2013).

12. Шурина Ю. В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2010. № 57. С. 82—86.

13. *Despair.Inc.* URL: <http://www.despair.com/demotivators.html> (дата обращения: 9.01.2013).

14. *Levitt T.* The globalization of markets // *The McKinsey Quarterly*. 1984. URL: <http://www.lapres.net/levit.pdf> (дата обращения: 12.01.2013).

15. *Top-gid.ru.* URL: <http://top-gid.ru/demotivators/1089-nastoyashhie-demotivatory.html> (дата обращения: 9.01.2013).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

Г. Н. Кенжебалина
Павлодар, Казахстан

G. N. Kenzhebalina
Pavlodar, Kazakhstan

**КОДЫ КУЛЬТУРЫ
В ДИСКУРСЕ СМИ КАЗАХСТАНА**

**CULTURAL CODES IN KAZACHSTANS'
MASS-MEDIA DISCOURSE**

Аннотация. На материале русскоязычного дискурса СМИ Казахстана рассматривается проблема культурного кодирования. Роль культурных кодов в дискурсе СМИ велика, поскольку на их базе создается образ страны и ее жителей. Культурные коды активируют другие задействованные в тексте коды. Совокупность культурных кодов в тексте способствует более яркой передаче концептуальной информации.

Abstract. The article highlights the problem of cultural coding in mass-media discourse. The role of cultural codes is quite significant as they form the basis for the coding features of the country and the inhabitants. The cultural codes activate the other codes within the text. The sum of codes helps to render the conceptual information.

Ключевые слова: дискурс СМИ; культурный код; коды культуры; концептуальная метафора.

Key words: mass-media discourse; cultural codes; code of culture; conceptual metaphor.

Сведения об авторе: Кенжебалина Гульмира Негматовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии, руководитель медиа-центра, председатель Павлодарского регионального отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов.

About the author: Kenzhebalina Gulmira Negmatovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Russian Philology, Head of Media-Centre.

Место работы: Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова.

Place of employment: Pavlodar State University.

Контактная информация: 140008, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64.
e-mail: gulmira_negmatovna69@mail.ru.

В современных лингвокультурологических исследованиях активно разрабатывается тема культурного кодирования — таксономии, прочтения и интерпретации культурных кодов. Эта проблематика представляет немалый интерес для политической лингвистики. Лингвокультурный бинарный код был впервые исследован на материале доисторических обществ, в которых любое природное или социальное явление идентифицировалось как Священное или Мирское [Eliade 1979]. Устойчивость и целостность мифопоэтической картины мира обеспечивается строгой системой бинарных оппозиций: Священное vs. Мирское, Центр vs. Периферия, Верх vs. Низ, Свой vs. Чужой, Чет vs. Не чет и т. д. [Гуревич 1972; Топорова 1994].

Цель данной статьи — раскрыть систему культурных кодов, заложенных в тексте современного дискурса СМИ. Система взаимодействующих внутри одного текстового целого культурных кодов позволяет создавать целостный образ страны и ее жителей через концептуальную метафору. Материалом исследования служит русскоязычный дискурс СМИ Казахстана. Объект исследования составляют вербальные знаки, отсылающие к различным культурным кодам, предмет исследования — культурная кодификация информации в рамках современного дискурса СМИ.

Дадим определения основным терминам. Под кодом подразумевается система знаков, которая устанавливает как репертуар противопоставленных друг другу символов, так и соответствие между означающим и означаемым [Эко 2004: 47, 57]. Код упорядочивает и ограничивает комбинационные возможности задействованных элементов [Там же: 56]. Сам код также характеризуется определенной энтропией [Там же: 59], что естественным образом приводит к неоднозначности его прочтения. В целом код можно уподобить механизму порождения, модели, которая является «результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Там же: 83].

Язык — средство общения между членами общества — отражает актуальные аспекты данной культуры. Структура языка является порождением двух важных факторов: внутреннего (ум говорящего) и внешнего (культура, общая с другими говорящими на этом же языке): «В структурах представления знаний аккумулируются национально-культурные коды, составляющие когнитивную основу языка» [Пименова 2006: 17].

Когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, участвующий в кодировании информации. Люди мыслят концептами — кодируемыми единицами это-

го кода и составляющими базу универсального предметного кода (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов): «Язык — это средство передачи мысли и как таковой выступает главным образом в виде своеобразной „упаковки“. Однако знания, используемые при его декодировании, отнюдь не ограничиваются знаниями о языке. В их число входят также знания о мире, социальном контексте высказываний, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом и многое другое. При этом ни один из типов знания не является более важным для процесса понимания, ни одному из них не отдается явное предпочтение» [Герасимов, Петров 1988: 6]. Как указывает В. Н. Телия, культура — «это та часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющееся в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека. Из этого следует, что культура — это особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик» [Телия 1996: 18].

Культура — это общепризнанная знаковая система. Сейчас культуру исследуют в семиологическом аспекте. Знаки для воплощения своих смыслов культура заимствует из природы, артефактов, окружающего и внутреннего мира человека [Гудков, Ковшова 2007: 7—9]. Организованные определенным образом, эти знаки образуют сущности более высокого порядка, получившие в рамках Тартуско-Московской семиотической школы название вторичных моделирующих систем. Содержание культуры представлено различными областями: это нравы и обычаи, язык и письменность, одежда, поселения, работа (труд), воспитание, экономика, армия, общественно-политическое устройство, закон, наука, техника, искусство, религия, проявления духовного развития народа. Все эти области в языке реализуются в виде системы кодов культуры.

Культурные коды — вторичные знаковые системы, использующие разные средства для кодирования картины мира. М. В. Пименова пишет: «Код культуры — это макро-система характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это часть понятийной сетки, используя которую носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры. При переносе характеристик из одного кода в другой в языке возникает метафора или метонимия. Код культуры — это таксономия элементов

картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)» [Пименова 2006: 41].

Необходимо упомянуть замечание Р. Барта о характере соотношенности знаков культуры с общим культурным фоном, который он называет «книгой жизни», «книгой культуры», фоном «жизни как культуры» (У. Эко называет это кругозором получателя информационного сообщения [Эко 2004: 95]. Соответственно код — это система ожиданий [Там же: 96]).

Культурный код — это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках [Гудков, Ковшова 2007: 7—9]. Р. Барт указывает, что культурные коды «суть не что иное, как цитации — извлечения из какой-либо области знания или человеческой мудрости» [Барт 2001: 45]. (Необходимо напомнить, что Р. Барт выделял пять кодов, которые подлежат прочтению при анализе произведения как такового и соответствующего ему Текста, понимаемого как совокупность культурных смыслов. В интерпретации Р. Барта существуют герменевтический, проайретический, или нарративный, референциальный, или культурный, символический и коннотативный, или семный, коды [Там же: 44].) Р. Барт предупреждает: то, что он называет кодом, есть «не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой; код — это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает — вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы (как раз и подлежащие анализу) сами суть не что иное, как текстовые выходы <...>; все это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито; код и есть след этого уже» [Там же: 45]. Такой подход к определению термина «код культуры» полезен для исследования как в области лингвокульту-рологии, так и в области политической лингвистики. В данной интерпретации код культуры смыкается с явлениями интертекстуальности, гипертекста, стереотипов и архетипов.

Особенностью текстовых сообщений является то, что они содержат в себе коды различных уровней. Культурные коды создают ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре.

Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира. Сами категории фор-

мируются в нашем сознании в соответствии с конкретными требованиями окружения, среды, «при этом любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно значимых понятий и отношений» [Фрумкина 2001: 87]. Лингвисты подчеркивают матричную природу кодирования. Р. Барт уподобляет коды ячеистой сети, при забрасывании которой в текст можно вскрывать информацию разных уровней кодирования [Барт 2001: 20]. В рамках данной логики вполне понятным становится определение культурных кодов В. В. Красных: «...код культуры есть „сетка“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных 2003: 297]. Таким образом, код культуры содержит информацию о ценностях лингвокультурного сообщества, основных концептуальных системах внутри общего кода культуры, которые соответствуют категориям, их положению по отношению друг к другу и к окружающей действительности в целом.

Большое распространение получил перечень культурных кодов, предложенный В. В. Красных, которая выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды и добавляет, что таких кодов «не может быть много» [Там же: 298]. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова предлагают другую классификацию культурных кодов, выделяя вербальный, акциональный и реальный коды культуры. Отдавая приоритет вербальному, исследователи сосредоточивают свое внимание на реальном коде культуры, который, по их мнению, включает в себя природно-ландшафтный (лес, море, горы, вода, песок и др.), архитектурно-домообустроительный (дверь, порог, крыша и т. д.), вещный (нож, рубаха, нитка, карман и т. д.), а также зооморфный, в какой-то степени соматический и ряд других кодов [Гудков, Ковшова 2007: 28—29]. Указанные подходы дополняют друг друга, обобщают результаты культурного кодирования и выводят информацию о кодах во внешний для исследователя план.

В то же время предложенные классификации выполнены в разных системах координат. Культурное кодирование в концепции В. В. Красных базируется на социально значимых и освоенных сферах существования человеческого духа, а система вербального, акционального и реального кодов культуры предполагает наличие глобальных сфер проявления кодирования, т. е. кодирующих систем, элементы которых сами служат единицами кодирования. З. З. Чанышева пред-

лагают обобщающее определение кода культуры как (1) внутренне связанной системы носителей культурно-ценностной информации и установок, которая (2) формируется в пределах языков культуры в результате культурного соглашения и (3) выражает глубинное смысловое поле культуры [Иванова, Чанышева 2010: 282].

В когнитивной лингвистике при изучении языковых категорий исследователи интересуют конкретные принципы выделения категорий, их таксономия и установление иерархии, которые обусловлены языковой категоризацией. Дж. Лакофф выдвинул гипотезу о том, что категории формируются когнитивными структурами, получившими название идеализированных когнитивных моделей (*idealized cognitive models*), под которыми понимаются особые когнитивные сущности, лежащие в основе языковых категорий. Дж. Лакофф выделяет четыре их типа: 1) пропозициональные модели, определяющие характер элементов категории, их свойства и отношения между ними; 2) образ-схематические модели, отражающие основные образные представления, формирующие категориальные классы; 3) метафорические модели, позволяющие представить некоторую абстрактную область посредством отождествления ее с другой областью, обычно конкретной и доступной эмпирическому изучению; 4) метонимические модели, действующие совместно с тремя первыми типами идеализированных когнитивных моделей и обеспечивающие перенос характеристик одного элемента множества на всё множество [Lakoff 1987].

В когнитивной лингвистике сохраняется интерес к метафоре, причем проявляется повышенный интерес к метафоре концептуальной, что объясняется стремлением к объяснению основ мышления, процесса освоения мира, связи концепта с его реализацией в языке.

Особое внимание уделяется универсальным (свойственным большинству языков) моделям метафор. Приоритетными моделями метафор для носителей разных языков являются пространственная (ориентационная), временная и культурная. По мнению М. В. Пименовой, «самой обширной по видам и их разнообразию является культурная модель метафор. В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, перенести на физический мир и свой внутренний мир и его объекты антропоморфные, биоморфные и предметные характеристики. Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие

признаки, находится в основе существующих в каждой культуре системе культурных кодов, среди которых природный (стихийный и вещественный), растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, метеорологический, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный), галантерейный, игровой, математический, медицинский, музыкальный, этнографический, экологический, экономический. Растительный, зооморфный и антропоморфный коды иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира). Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления» [Пименова 2006: 46].

Большое разнообразие культурных кодов и отсутствие их конечного перечня было предугадано Ю. М. Лотманом, который в работах по проблематике культурного кодирования и функционирования культурной семиосферы указывал, что «во всякую живую культуру „встроен“ механизм умножения ее языков» [Лотман 1999: 164].

Дискурс СМИ характеризуется использованием разнородных, разносистемных культурных кодов. Каждый из них имеет свои особенности. Дискурс СМИ функционирует как сложная многоуровневая разнопорядковая семиотическая система.

Современные лингвистические исследования проявляют повышенный интерес к реконструкции политических концептов посредством анализа определенных способов и средств их репрезентации в языке, одним из которых является концептуальная метафора. Рассмотрим употребляющиеся в русскоязычном казахстанском дискурсе СМИ для описания конечной сферы «Казахстан» концептуальные метафоры из разных исходных сфер — «Оценка», «Пространство», «Время».

Актуальность такого исследования заключается в возросшем интересе со стороны ученых к проблемам концептуализации социальной действительности в языке и в первую очередь в языке политики. Изучение метафоры в качестве одного из главных способов упорядочивания знаний о сфере общественных отношений на материале ка-

захстанского политического дискурса является одним из приоритетных направлений современных концептуальных исследований в рамках когнитивной лингвистики.

Методология исследования сложилась под воздействием работ ведущих российских (Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика, В. В. Колесова, Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, В. Н. Телия) и зарубежных (А. Вежбицкой, Х. Бальдауф, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ф. Н. Джонсон-Лэрда, З. Кёвечеша) когнитологов, в том числе и занимающихся изучением концептуальной метафоры в политическом тексте и текстах СМИ (Ф. Риготти, К. Шефнер, О. Экеля, А. Н. Баранова, О. А. Гришиной, Д. О. Добровольского, О. А. Куданкиной, О. Г. Орловой, А. Б. Ряпосова, Н. А. Санцевич, Ю. Н. Точилиной, А. П. Чудинова, О. А. Шаовой).

Во второй половине XX в. появилась новая трактовка феномена метафоры, связанная с когнитивным направлением в исследовании языковых единиц. В аспекте когнитивного подхода анализируются концептуальные метафоры. Они так называются из-за того, что существуют одновременно в двух концептуальных сферах — сфере-источнике и сфере-мишени. Если связь между двумя сферами сопряжена с метафорическим переосмыслением, тогда реализуется метафорическая модель, под которой в настоящей работе, в соответствии с определением А. П. Чудинова, понимается «существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: 'X — это Y'» [Чудинов 2003: 64].

Концепт *Казахстан* вербализуется в текстах печатных СМИ с помощью таких репрезентантов, как *Казахстан, Республика Казахстан (РК), Астана, республика, страна, государство, Великая степь, казахский, казахстанский, казахстанец* (это далеко не полный список возможных актуализаторов исследуемого концепта).

Категориальные признаки концепта *Казахстан* разнородны. Для актуализации различных характеристик Казахстана используются признаки, относящиеся к категориям оценки, времени и пространства.

Страна в целом характеризуется признаками бенефактивной и утилитарной оценки: *Но существенным вопросом является то, насколько эффективно наши граждане используют плоды стабильности и благополучия* (Казахстанская Правда.10.07.2012), — а также нормативной оценки: *Стандарты жизни казахстанцев неуклонно повышаются* (Казахстанская Правда.10.07.2012).

В русскоязычных СМИ Казахстана исследуемый концепт объективируется через категориальные признаки времени. У Казахстана есть прошлое, настоящее и будущее. Время — это движение по вектору от прошлого к будущему. При этом будущее — впереди живущих,двигающихся по этому вектору: *Но еще больше свершений ожидает всех нас впереди* (Литер. 12.12.2012).

Прошлое страны делится на историческое прошлое — далекое и недавнее. Недавнее прошлое — это время, отсчитываемое от начала суверенитета государства: *Очевидный факт: в том, что за сравнительно небольшой период своего суверенитета Республика Казахстан добилась выдающихся успехов в политической, экономической, культурной отраслях развития, есть немалая заслуга молодежи — любознательной, целеустремленной, напористой* (Литер. 12.12.2012). Настоящее страны — это ее достижения, цели, которые стали реальностью: *Многого уже удалось достичь* (Литер. 12.12.2012). Будущее страны воспринимается как светлый период в ее жизни: *Молодые казахстанцы искренне верят в светлое будущее нашего государства!* (Литер. 12.12.12), как открытая перспектива: *Перед страной открыты новые перспективы* (Казахстанская Правда. 10.07.2012), как здание, которое воздвигнет молодежь страны: *И разве могло быть по-другому, ведь будущее государства предстоит созидать молодым* (Астана. 11.12.2012), как успех страны: *Именно по этой причине молодежи так необходимо осознавать всю полноту своей ответственности за казахстанский народ и успешное будущее нашей страны* (Астана. 11.12.2012).

Пространственные признаки Казахстана весьма убедительно показывают восприятие столицы как места встречи для общего диалога с общественно-политическими лидерами мира (*Однако, несмотря на суровый климат, Астана стала глобальной диалоговой площадкой, на которой проходят всемирно известные форумы, собирающие под сводом казахского шанырака лидеров ведущих государств мира и известных общественно-политических деятелей.* — Казахстанская Правда.10.07.2012), места для дискуссий и выработки решений (*Казахстанская модель толерантности стала своеобразным брендом в современном мире, а Астана — общепризнанной глобальной дискуссионной площадкой.* — Казахстанская Правда.10.07.2012), установления духовных и экономических контактов с дру-

гими странами и регионами (*Наряду с духовной сферой на астанинской диалоговой площадке проводится известный на весь мир Астанинский экономический форум, проведение которого по традиции привлекает внимание ведущих экономистов, банкиров и экспертов всего мира.* — Литер. 12.12.2012), экспериментальной площадки для архитекторов и места паломничества всех жителей страны (*Превратившись в экспериментальную площадку, на которой стали создавать свои творения известные на весь мир архитекторы, Астана стала местом паломничества казахстанцев, приезжающих со всех областей Казахстана.* — Казахстанская Правда. 10.07.2012), плацдарма благополучия (*Надо признать, казахстанская молодежь всегда была в авангарде всех общественных преобразований, являлась плацдармом благополучия республики.* — Литер. 12.12.12).

Принадлежность к уровню дискурса определяется тем, что метафора является продуктом того общества, в котором она была порождена. Поэтому метафора всегда несет на себе отпечаток культуры, истории, традиций и опыта того общества, в языковом и культурном пространстве которого она находится. Именно поэтому для расшифровки некоторых политических метафор нужно обладать набором фоновых знаний о ситуации в данной стране, знать политических деятелей и партии, историю и культуру страны в целом; ср.: *Фестиваль искусств ... проходил по трем номинациям: кобыз, духовые и смычковые инструменты. Его основная цель — сохранить музыкальное наследие Коркыта как общее достояние тюркоязычных народов. Мы хотим развивать традиционные школы кобыза в нашей стране, выявлять талантливую молодежь и давать ей возможность совершенствовать свое мастерство* (Астана. 11.12.12).

В казахстанском дискурсе СМИ концептуальная метафора выполняет различные функции, но ведущей является когнитивная, т. е. функция переработки и упорядочивания информации.

Рассматривая систему ведущих ценностей и символов, коллективных представлений (национальных стереотипов) различных наций, мы можем увидеть со стороны целостный образ «другой» или «своей» страны. Национальные стереотипы выступают в роли своего рода «понятийных орудий», отражающих прошлый опыт общества, и способствуют увековечению этого опыта в силу схематичности, устойчивости, консервативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р. S/Z.* — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. *Герасимов В. И., Петров В. В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1988. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. С. 5—11.
3. *Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. — М. : Гнозис, 2007.
4. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972.
5. *Иванова С. В., Чаньшиева З. З.* Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010.
6. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М. : Гнозис, 2003.
7. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М. : Языки русской культуры, 1999.
8. *Петров И. Г.* Субъект и его характеристики в научной парадигме и аксиологии // Человек как субъект культуры. — М. : Наука, 2002. С. 112—130.
9. *Пименова М. В.* Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык : коллективная моногр. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово : КемГУ, 2006. С. 16—61. (Сер. «Концептуальные исследования» ; вып. 7).
10. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки русской культуры, 1996.
11. *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. — М. : Эдиториал УРСС, 1994.
12. *Фрумкина Р. М.* Психоллингвистика. — М. : Academia, 2001.
13. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). — Екатеринбург, 2003.
14. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб. : Symposium, 2004.
15. *Eliade M.* Le sacré et le profane. — Paris : Gallimard, 1979.
16. *Lakoff J.* Women, Fire and Dangerous Things. What categories reveal about the mind. — Chicago ; London : The Univ. of Chicago Pr., 1987.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова

А. О. Лалетина
Нижний Новгород, Россия
**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ:
ОПЫТ РОССИИ И США**

Аннотация. Проводится сравнительный анализ языковой образовательной политики РФ и США. Рассматривается статус языков (государственного, доминирующего, миноритарных и иностранных) и комплекс мероприятий по их освоению. Особое внимание уделяется мерам языкового регулирования, вызванным глобализацией экономики, политики и культуры.

Ключевые слова: глобализация; язык; языковая политика; английский язык; миноритарные языки.

Сведения об авторе: Лалетина Александра Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии.

Место работы: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

Контактная информация: 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а.
e-mail: alalentina@yandex.ru.

A. O. Laletina
Nizhny Novgorod, Russia
**GLOBALIZATION AND LANGUAGE
ACQUISITION POLICY: RUSSIAN AND
AMERICAN PRACTICES**

Abstract. The article provides comparative analysis of language acquisition policies in Russia and the USA. The primary focus is status of different languages (state, dominant, minority and foreign) and educational policies of their acquisition. Practices of language planning are analyzed with reference to globalization of economy, politics and culture.

Key words: globalization; language; language policy; English; minority languages.

About the author: Laletina Alexandra Olegovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Doctoral Student of the Chair of English Philology.

Place of employment: Linguistics University of Nizhny Novgorod.

Освоение языка относится к практическим формам реализации языковой политики. Речь в данном случае идет не только о ценности знания языка и владения языковыми компетенциями, но и о предоставлении административных возможностей для построения эффективного процесса обучения. Политика в отношении государственного языка и других языков государства направлена на создание возможностей для общения внутри страны и на сохранение языкового многообразия. Политика в отношении иностранного языка уточняет, какие языки должны изучаться и каков их приоритетный порядок. От набора изучаемых иностранных языков зависит направление академической мобильности граждан. Уровень профессиональных языковых компетенций профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений определяет диапазон образовательных услуг для иностранных студентов. Образовательная языковая политика является неотъемлемой частью общей языковой политики государства и должна рассматриваться не только как составляющая образовательной политики и/или компонент содержания образования, но и как целенаправленная деятельность государства по планированию и регулированию своего международного статуса в долгосрочной перспективе.

В статье проведен сравнительный анализ языковой образовательной политики Российской Федерации и Соединенных Штатов

Америки. Несмотря на то, что современный мир считается многополярным, обращение к политическому опыту именно данных государств обусловлено следующими факторами:

1) схожая система политического устройства (федеративное многонациональное государство);

2) богатое наследие мирового доминирования в доглобализационную эпоху и ведущая роль в глобализационных процессах;

3) высокая (но разнонаправленная) динамика роли ведущего (государственного или доминирующего) языка за пределами государства.

**ЯЗЫКОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА США**

Несмотря на то что английский язык является государственным языком США только де-факто (решение о статусе английского языка принимается на уровне властей штата), овладение английским языком — важнейшее направлений языковой политики США. Английский язык является языком обучения во всех государственных средних и высших образовательных учреждениях. Однако проблема безграмотности взрослого населения США до настоящего времени является не решенной. В информационном бюллетене ЮНЕСКО отсутствуют статистические данные об уровне грамотности в США [Бюллетень]. Однако социальная реклама центров ликвидации неграмотности

свидетельствует об актуальности данной проблемы. Подобные службы (бесплатные курсы английского языка) работают и для новых граждан (вновь прибывших иммигрантов, получивших политическое убежище или вид на жительство по одной из государственных программ миграции).

Непоследовательность и противоречивость американской образовательной языковой политики прослеживается при внимательном рассмотрении требований, предъявляемых к студентам при зачислении, и в дальнейшем в службах оказания академических услуг для уже зачисленных студентов. Ксенофобские настроения после Первой мировой войны привели к реформированию иммиграционной политики: был введен контроль численности иммигрантов. Вместе с этим иммиграционное законодательство позволяло автоматически выдавать визы желающим учиться в американских школах и колледжах. В 1929 г. Комиссия по иммиграции предложила ввести обязательный тест для оценки уровня владения английским языком. После Второй мировой войны с увеличением числа иностранных студентов было сделано повторное предложение. Однако впоследствии выяснилось, что правительство, поддерживавшее введение теста, не могло предоставить достаточный уровень финансирования для реализации программы тестирования. В результате в начале 1960-х гг. тест был разработан Фондом Форда при поддержке Государственного департамента США. Б. Сполски [Spolsky 2004: 102] отмечает курьезность ситуации, в результате которой такой важный аспект национальной языковой политики был разработан и реализован частными организациями.

Каждый университет предъявляет свои требования к минимальному количеству баллов по английскому языку для иностранных студентов. Минимальный уровень владения английским языком варьирует также в зависимости от специальности или направления профессиональной подготовки. При необходимости университет может обязать иностранного студента прослушать дополнительный курс по английскому языку. Университеты также предоставляют возможность членам семей иностранных студентов изучать английский язык. Кроме того, в большинстве университетов работают центры помощи в овладении академическими жанрами письма. Они открыты как для иностранных, так и для англоязычных студентов. Широкое распространение «Центры письма» (Writing centers) получили в 1960-х гг., когда был отменен ряд требований при приеме в вуз, и университеты оказались не готовы обу-

чать студентов, не владеющих литературной нормой (стандартным языком).

Следует отметить, что полноценное овладение английским языком является актуальным направлением образовательной языковой политики не только для иностранных студентов, но и для граждан США, которые по умолчанию считаются владеющими английским языком. Неразрешенность данной проблемы вызвана во многом отказом от централизованного языкового регулирования и отсутствием централизованной образовательной политики. Любое разнородное общество в данном случае неизбежно делится на противоборствующие группы, а отстаивание собственных политических интересов не позволяет участникам дискуссии найти компромиссное решение. Так, полемика вокруг Закона о двуязычном обучении (Bilingual Education Act) велась в основном вокруг необходимости ассимилировать все культуры в «плавильном котле»: цель двуязычного образования — стимулировать овладение английским языком без прекращения преподавания общеобразовательных предметов; научно обоснованные и экспериментально проверенные данные об эффективности двуязычного обучения остались на периферии дискуссии.

В начале 1960-х гг. некоторые округа в штате Флорида столкнулись с проблемой школьного образования испаноговорящих детей из семей, бежавших с Кубы незадолго до революции в 1959 г. Как правило, дети кубинских беженцев обучались вместе с англоязычными сверстниками, и параллельно им оказывалась помощь в изучении английского языка. Однако в указанный период численность испаноговорящих детей превысила число англоязычных школьников. Более того, вынужденный характер миграции предполагал, что ситуация была временной и в дальнейшем дети беженцев смогут вернуться на родину. Руководители школ предложили двуязычную программу обучения, которая предполагала преподавание общеобразовательных предметов на родном языке школьников и интенсивное изучение английского языка. Успех данной программы послужил моделью для педагогов в других штатах, которые тоже сталкивались с проблемой плохой успеваемости среди латиноамериканских школьников по причине плохого владения английским языком. В результате в 1968 г. был принят Закон о двуязычном обучении. Срок его действия истек в январе 2002 г. Всё это время (1968—2002) не утихали дискуссии по поводу целесообразности подобных мер. Закон не был направлен на оказание поддержки языкам меньшинств,

хотя зачастую воспринимался как отступление от идеала «плавильного котла».

Критика двуязычного образования строится на предполагаемой угрозе единству нации, опасности сегрегации диаспор, экономической стоимости программы и ложных педагогических представлениях. Так, оппоненты полагают, что успешное освоение английского языка возможно только при полном исключении родного языка учащихся; выдвигается требование о невозможности и нецелесообразности предоставления образования на всех языках мира. Сторонники программы, напротив, убеждены, что двуязычное обучение позволяет повысить общую академическую успеваемость, так как не допускается отставания по всем предметам, качественные методические материалы и высококвалифицированные педагоги стимулируют овладение английским языком. Затраты на одного ученика в двуязычной программе ниже, чем в программах компенсаторного обучения. Непонимание того, что один и тот же язык может иметь несколько наименований (например, китайский, мандаринский диалект, путунхуа, пекинский диалект), ведет к неправильному пониманию экономической стоимости программы. Значительное место в дискуссии занимают вопросы глобальной экономики и экономического развития. В частности, необходимость двуязычного образования обусловлена высокими требованиями на рынке труда (образование — ключ к экономическому процветанию, в том числе для иммигрантов), а также потенциальной выгодой американских компаний при найме сотрудников, равноценно владеющих двумя языками [Wiley 1996].

Неопределенный статус афроамериканского варианта английского языка (African American Vernacular English) также является нерешенной проблемой американской образовательной языковой политики. Язык афроамериканского сообщества привлек всеобщее внимание американской общественности 18 декабря 1996 г., когда школьный совет округа г. Окленд в штате Калифорния принял резолюцию, провозгласившую эбоникс (Ebonics) родным языком 28 тысяч афроамериканских школьников, обучавшихся в данном округе. Педагоги-методисты в Окленде использовали термин «эбоникс» с целью включения афроамериканских школьников в программу двуязычного обучения, которая успешно применялась в образовании детей иммигрантов. Основная цель — стимулировать освоение стандартного американского варианта английского языка и повысить успеваемость учащихся. Однако именно выбор термина послужил поводом для научных дис-

куссий о статусе языка и критики со стороны как белого, так и черного населения.

Враждебная реакция общества привела к тому, что указанные законы со временем утратили свою актуальность в пределах страны. Однако становление глобальной культуры и доля музыкального направления «хип-хоп» в глобальной молодежной субкультуре говорит о том, что своеобразные языковые, в том числе коммуникативные и идеологические, практики чернокожего населения США служат основой для становления локальных лингвокультурных практик [Дуняшева 2012]. Курьезность ситуации заключается в том, что, несмотря на отсутствие институциональной поддержки, язык эбоникс расширяет сферу своего использования, что подчеркивает новизну глобализационной языковой ситуации.

Доминирование английского языка в глобальном пространстве оказывает негативное влияние на изучение иностранных языков. В англоязычных странах изучение иностранных языков не является приоритетом национальной образовательной политики, объем изучения значительно меньше, чем в других странах [Moys 1998]. В США некоторые правительства штатов включают иностранные языки в учебную программу, однако доля иностранного языка зависит от школьного округа или самой школы. Немаловажное значение имеет объем финансирования конкретного школьного округа, который определяется стоимостью жилой недвижимости.

Во всех 50 штатах иностранный язык изучается в средней школе, однако изучение иностранного языка не является обязательным требованием для получения аттестата; только в десяти штатах изучение языка является обязательным для учащихся, планирующих поступление в колледж. В отличие от других стран, в США студенты могут начать изучение иностранного языка только в учреждениях высшего образования. В 2002 г. в США 1,4 миллиона студентов было зарегистрировано на курсах иностранного языка в 780 колледжах и университетах. Однако, в отличие от стран, где студенты начинают изучение иностранного языка в начальной школе и продолжают в течение всего периода обучения в средней школе, в США изучение иностранного языка начинается в средней школе или колледже и сокращается в среднем на 50 % при переходе на следующий уровень.

Демографические показатели и направления внешней политики США оказывают влияние на приоритетность тех или иных иностранных языков. Значительная доля испаноговорящего населения и географическая близость испаноговорящих стран поддерживают

престиж испанского языка. В США в годы холодной войны федеральное правительство оказывало поддержку изучению русского языка. В настоящее время активная поддержка оказывается языкам Азии и Среднего Востока, особенно после событий 11 сентября 2000 г. В частности, в 2001 г. Государственный департамент США выделил дополнительные средства на финансирование программ межкультурного обмена, например Программы Фулбрайта для преподавателей иностранных языков. В результате число преподаваемых языков выросло с трех (испанский, французский, немецкий) до тридцати двух.

Идеологической доминантой американской языковой политики является стремление сохранить существующий паритет языков с английским на вершине языковой пирамиды. Изучение всех иных языков признается полезным только в связи с вопросами национальной безопасности или другими сиюминутными выгодами. Сосредоточенность на английском языке может служить основанием для того, чтобы рассматривать целью американской языковой политики распространение английского языка в глобальном масштабе. Однако децентрализация мер регулирования, прецедентность статусов языков и враждебность к «другому» не позволяет говорить о существовании целенаправленной внешней языковой политики США.

ЯЗЫКОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РФ

Регулирование образовательных программ в России принципиально отличается от американской практики, так как осуществляется централизованно и последовательно на основании законодательных актов, в том числе Закона «О языках народов РФ» и Закона «Об образовании».

Русский язык изучается как отдельный предмет и является языком обучения в 65 % школ Российской Федерации. Остальные 45 % школ — национальные, где обучение ведется на национальных языках. С начала 1990-х гг. доля национальных школ выросла с 13 до 45 %, что подтверждает тезис об увеличении статуса национальных языков и предоставлении возможности выбора языка обучения. Наибольшее число национальных школ в Тыве (80 %), Татарстане, Башкортостане и Якутии [Ивойлова 2011].

Равноправие русского и родного языка реализуется в возможности прохождения тестирования в рамках ЕГЭ. Экзамен по русскому языку как государственному языку России остается обязательным для всех. Родной язык и родную литературу можно сдавать как предметы по выбору. Объем преподавания и материалы тестирования

регламентируются федеральными стандартами. К структуре программ предъявляются единые требования, что должно обеспечить определенное качество преподавания. Подготовка текстов для сдачи экзамена по родному языку возложена на субъекты РФ.

Общепринятой практикой в национальных республиках является включение изучения местного языка в качестве одного из основных компонентов регионального стандарта образования для всех средних школ с русским языком обучения независимо от этнической принадлежности учащихся. Как отмечает О. Артеменко [Ивойлова 2011], в ряде случаев происходит «подмена понятий в федеральном и региональных законодательствах о языке: в школах, где преподается какой-либо национальный язык, сокращается количество часов на преподавание русского. В качестве примера приводится случай, когда в Федеральный институт развития образования в аспирантуру на специальность «Методика преподавания литературы» поступала выпускница тувинского вуза, которая в свое время окончила школу на родном языке. В поступлении ей было отказано, так как «она плохо читала по-русски». Ситуация является экстраординарной и показательной одновременно: девушка уже получила диплом о высшем образовании, языком обучения в вузах по закону является русский, однако именно слабое владение государственным языком послужило основным препятствием для академической мобильности. Информирование населения о невозможности продолжить обучение из-за незнания русского языка служит стимулом к его изучению.

К числу других мер по стимулированию изучения русского языка относится поправка о знании мигрантами русского языка, предусматривающая обязательное тестирование иностранных граждан по русскому языку как иностранному для получения разрешения на работу в сфере обслуживания, а также Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2011—2015 гг., направления деятельности которой включают подготовку учебных материалов по русскому языку как неродному, переподготовку консультантов (преподавателей-тьюторов) по преподаванию русского языка и разработку обучающих программ для студентов колледжей и вузов. В настоящее время обучение детей иностранцев строится по одной из двух систем: обучение в Школе русского языка и интеграция в обычный русскоговорящий класс. Школы русского языка существуют лишь в отдельных регионах и единичных школах. Программа обучения строится на интенсивном изучении русского языка в течение одного

учебного года, затем иностранец переходит в русскоговорящий класс, а по вечерам посещает дополнительное занятия по русскому языку. В школах, не имеющих подобных подразделений, интеграция детей-иностранцев происходит сразу, что вызывает трудности методического и педагогического характера: «В условиях функционирования полиэтнических классов учитель русского языка и литературы должен уметь совмещать при организации учебной деятельности методику преподавания русского языка как родного и методику преподавания русского языка как неродного» [Егорова].

Изучение иностранных языков в России не претерпело значительных преобразований в рассматриваемый период, все федеральные образовательные стандарты включают в себя развитие иноязычной компетенции. Обучение строится на коммуникативном принципе, первостепенной задачей считается развитие речевых умений. Интеграция России в международное образовательное пространство предполагает переход на Европейскую шкалу оценки языковых компетенций.

Особо следует отметить престиж изучения английского языка, другие иностранные языки хоть и присутствуют в образовательном процессе, не пользуются большой популярностью среди учащихся. В 2011 г. ЕГЭ по английскому языку сдавало 65 478 выпускников, в то время как по немецкому, французскому и испанскому — 3188, 1571 и 201 соответственно [Статистика ЕГЭ]. Думается, именно глобальное распространение английского языка и его использование как основного средства международного общения влияют на выбор школьников. Вероятно, данная тенденция сохранится, так как в настоящее время не разработано каких-либо значимых мер по языковому регулированию статуса английского языка как иностранного.

Рост экономического сектора в сфере образования, в частности предоставление дополнительных образовательных услуг, определяется увеличением числа образовательных учреждений, ориентированных на обучение иностранным языкам. В Нижнем Новгороде, по данным «городского портала покупателя» blizko.ru [blizko], насчитывается 81 образовательный центр, где ведется обучение иностранным языкам. Реальное число языковых школ может быть и выше, так как курсы иностранных языков открыты в большинстве вузов города, некоторые языковые школы работают на базе дошкольных образовательных учреждений, что позволяет им сэкономить на рекламе, также очень широк рынок услуг репетиторов. Свои услуги в качестве репетитора по иностранному языку в

Нижнем Новгороде на специализированных сайтах предлагают от 53 до 569 человек.

Престиж знания иностранного языка и зарубежного образования поддерживается президентской программой подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства, действующей с 1998 г. Назовем некоторые требования к участникам: опыт управленческой работы, возраст — не более 40 лет, обязательно наличие высшего образования, желательно знание иностранного языка. Одним из залогов успеха программы является мощная государственная экономическая поддержка: в 2010 г. из федерального бюджета на цели реализации программы планировалось выделить более 150 миллионов рублей [Интервью 2010]. Очевидно, что глобальные экономические процессы и возможность извлечения большей прибыли при интеграции в данные процессы являются основным фактором, стимулирующим изучение иностранных языков в России. Российская языковая образовательная политика последовательно и централизованно преследует цель сохранения языкового разнообразия. При этом спектр языков, включаемых в программу освоения, богаче языков народов страны и включает ведущие иностранные языки. Данное направление деятельности соответствует мировым тенденциям к интеграции и тем самым способствует интенсификации глобальных процессов. Практика других стран демонстрирует, что международный обмен опытом, как правило, является первой стадией международного сотрудничества, которое в дальнейшем перерастает во взаимозависимость экономик, считающуюся одним из проявлений глобализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт образовательной языковой политики США и России служит иллюстрацией политически ангажированных (оценочных) классификаций языковой политики. Несмотря на общность федеративного устройства и продолжительную историю доминирования в мире, образовательная языковая политика данных государств различна по характеру и масштабу предпринимаемых мер. Так, по ориентации на другие языки и государства и направленности американское общество в большей степени направлено на поддержку сложившейся языковой ситуации и доминирующего статуса английского языка. Ретроспективность языковой политики выражается и в отсутствии лингвокультурного интереса к другим языкам и культурам. Российская языковая политика, напротив, направлена и на сохранение собственного языкового разнообразия, и на преодоление языкового барьера в межгосударственном общении, в том числе

посредством обязательного освоения иностранного, и с этой точки зрения в большей степени перспективна (прогрессивна).

Принципы реализации образовательной языковой политики на практике определяются долгосрочными идеологическими установками общества. Российская языковая политика в большинстве случаев реализуется открыто, посредством языкового законодательства, которое устанавливает юридические права и ответственность. Особенностью американской системы образования является ориентация на получение общественной пользы, которая понимается весьма утилитарно. Затратные и не приносящие быстрого (осязаемого) дохода виды деятельности исключаются из содержания образования либо интегрируются с целью минимизации расходов. Цель образования — адаптация к общественной жизни, получение профессиональной квалификации. Миноритарные и иностранные языки в данную категорию знаний и компетенций не входят, что сказывается на их остаточном положении в американском образовании. Декларируется неантитагонистическое, справедливое отношение к нетитульным языкам. Однако экономические механизмы финансирования образования составляют важнейшую (хотя и скрытую) часть языковой политики. Противоречия, вызванные неоднородностью языковой ситуации, рассматриваются только в рамках общественных дискуссий, официальные органы власти занимают позицию локального большинства.

Суммируя сказанное, отметим, что несмотря на прецедентность статуса английского языка (исторически сложившееся доминирование) и многочисленные вызовы глобализации (поток иммигрантов, постоянное многоязычие, ксенофобия в обществе, давление экономических факторов, работа американских предприятий в других языковых ареалах) доминирующий статус английского языка остается неизменным [Лалетина 2010]. Политика России по сохранению высокого статуса русского языка как внутри страны, так и за ее пределами в настоящий момент не приносит сопоставимых результатов [Гриценко 2011, 2012; Лалетина 2012]. Эксплицитная идеологическая поддержка статуса английского языка и ориентация на Запад (ЕС и США) в области политики, экономики, науки и образования способствуют повышению социального престижа английского языка, что происходит одновременно с отсутствием сопоставимой идеологической работы по формированию в сознании населения положительного образа русского языка и культуры. Это приводит к недостаточному и неполному овладению русским языком.

Очевидно, что статус языка и престижность его освоения определяются не только официальными и неофициальными мерами поддержки. Важная проблема языковой политики в условиях глобализации — необходимость последовательной идеологической работы по формированию статуса государственного (доминирующего) языка, в том числе на институциональном уровне поддержания многоязычия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бюллетень ЮНЕСКО*. URL: <http://www.uis.unesco.org/literacy/Documents/fs20-literacy-day-2012-en-v3.pdf> (дата обращения: 15.01.2013).
2. *Гриценко Е. С.* Язык и безопасность в контексте глобализации // *Власть*. 2011. № 11. С. 9—12.
3. *Гриценко Е. С., Лалетина А. О.* Многоязычие в профессиональной коммуникации // *Вопросы психолингвистики*. 2012. № 15. С. 46—55.
4. *Дуняшева Л. Г.* Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2012.
5. *Лалетина А. О.* Английский язык в глобализирующемся мире: определение предмета и перспектив изучения // *Вестн. Нижегород. госуд. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова*. 2010. № 11. С. 73—80.
6. *Лалетина А. О.* Глобализация и идеология языка в современной России: анализ метаязыковой рефлексии в профессиональной среде // *Вопросы психолингвистики*. 2012. № 15. С. 56—65.
7. *Егорова Г. И.* Поликультурное образование, интеграция детей-мигрантов URL: <http://festival.1september.ru/articles/568676/> (дата обращения: 15.01.2013).
8. *Ивойлова И.* На чужом языке. Разрешено сдавать ЕГЭ по национальным языкам и литературе // *Российская газета* (Федеральный выпуск) № 5519 от 5 июля 2011 г. URL: <http://www.rg.ru/printable/2011/07/05/artemenko.html> (дата обращения: 15.01.2013).
9. *Интервью* директора Департамента экономики социального развития и приоритетных программ Минэкономразвития России Г. Ч. Махаковой «Курсы повышения инноваций» // *Российская Газета*. № 5177, 07.05.2010. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/press/interview/doc20100507_06 (дата обращения: 15.01.2013)
10. *Статистика ЕГЭ*. URL: <http://www.ege.edu.ru/main/satistics-ege/> (дата обращения: 15.01.13).
11. *Blizko*. Справочник покупателя Нижнего Новгорода. URL: http://nn.blizko.ru/naiti/kyda_poiti_uchitsiy/lingvisticheskie_kyrsi?page=2 (дата обращения: 15.01.2013).
12. *Moys A.* Where are we going with languages? // *Consultative Report of the Nuffield Languages Inquiry*. — London : Nuffield Foundation, 1998. P.4—5.
13. *Spolsky B.* Language policy. — Cambridge, England : Cambridge Univ. Pr., 2004.
14. *Wiley T. G. M.* English-Only and standard English ideologies in the United States // *TESOL Quarterly*. 1996. Vol. 3. P. 511—530.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. С. Гриценко

С. В. Ленская
Киев, Украина

S. V. Lenskaya
Kiev, Ukraine

**УКРАИНСКАЯ НОВЕЛЛИСТИКА
«РАССТРЕЛЯННОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»:
ПРОБЛЕМА РАЗМЫВАНИЯ
ЖАНРОВЫХ ГРАНИЦ В МАЛОЙ ПРОЗЕ**

**PROBLEM OF ERODE OF GENRE
BOUNDARIES IN SHORT STORIES (BASED ON
UKRAINIAN SHORT STORIES OF
“EXECUTED RENAISSANCE”)**

Аннотация. Рассматривается размывание границ в малых этических жанрах, истоки которого восходят к модернистским тенденциям конца XIX — начала XX века: всё осязаемое происходит тяготение жанра рассказа к романной масштабности, прозрачной становится грань между рассказом и повестью, новеллистика теряет свойственную каноническим жанрам генеологическую матрицу (наличие пуанта, остросоужетность и т. д.). Ведущей тенденцией в развитии украинской малой прозы, как и русской, становится синтез (жанровый, стилевой, структурный). На примере творчества Н. Хвильового, А. Любченко, С. Пилипенко раскрываются наиболее осязаемые тенденции, специфические черты поэтики малой прозы 1920—1930-х гг.

Abstract. The article deals with blurring in small epic genres, the origins of which date back to the modernist trends of the late XIX — early XX century: more tangible is the attraction of the genre of the story to the novel's scale, distinction between short stories and novels becomes vague, short stories lose inherent canonical genres of geneologic matrix (presence pointe, action, etc.). Leading trend in the development of Ukrainian short stories, as well as Russian, is the synthesis (of genre, style, structure). On the example of creative works of M. Khvylovy, A. Lubchenko, S. Pilipenko, the most visible trends, the specific features of the poetics of short stories of 1920 — 1930's are revealed.

Ключевые слова: малая проза; жанр; синтез; новелла; рассказ; поэтика; украинская литература «расстрелянного возрождения».

Key words: short prose; genre; synthesis; novel; short story; poetics; Ukrainian literature “Executed Renaissance”.

Сведения об авторе: Ленская Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант, Институт филологии.

About the author: Lenskaya Svetlana Vasiliievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Doctoral Student, Institute of Philology.

Место работы: Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Place of employment: Taras Shevchenko National University of Kiev.

Контактная информация: бульвар Тараса Шевченко, 14, г. Киев, Украина, 01601.
e-mail: svlenska@mail.ru.

Украинская литература постреволюционного десятилетия отличается небывалым всплеском малых жанров, масштабностью поставленных общественных и личностных вопросов, глубиной проникновения в психолого-мировоззренческие проблемы человека. Тематически и стилистически украинская малая проза вполне соотносима с аналогичным периодом русской литературы, хотя имеет национальные отличия.

очертили ведущие эстетические тенденции украинской литературы XX в., уделили внимание знаковым персоналиям эпохи «красного ренессанса», превратившегося в «расстрелянное возрождение». Однако в поле зрения упомянутых ученых попадала преимущественно романистика. В связи с этим одной из актуальных задач современной украинистики является воссоздание и целостное осмысление литературного процесса первой трети XX в., поскольку значительная часть талантливых произведений той драматической эпохи свыше шести десятков лет оставалась незнакомой не только обычному читателю, но и специалистам-филологам. Судьбы многих одаренных авторов до сих пор неизвестны. Архивная работа по восполнению этих лакунов ведется небольшой группой энтузиастов, вследствие чего объективное научное осмысление литературно-культурной среды послереволюционной Украины только формируется.

Вопросы специфики русской новеллистики означенного периода достаточно полно освещены в исследованиях Н. Л. Лейдермана [Лейдерман 2010: 179—214], Е. В. Пономаревой [Пономарева 2006], М. Н. Липовецкого, Л. Н. Анпиловой, С. И. Красовской и др. Однако аналогичных работ в украинистике пока еще не создано. Необходимо отметить научную ценность изысканий Ю. Н. Безхутрого [Безхутрый 2003], Г. Ф. Семенюка [Семенюк 2011], Ю. И. Ковалива, Л. И. Кавун [Кавун 2006], Р. В. Мовчан [Мовчан 2008] и других исследователей, которые внесли значительный вклад в изучение данного периода:

Целью данной статьи является анализ процессов трансформации жанров малой

прозы в украинской литературе «расстрелянного возрождения», когда границы между жанровыми матрицами стали настолько прозрачными, что нередко приводили к межжанровой диффузии или контаминации.

Базовыми для нас стали теоретические выводы Н. Д. Тмарченко [Тмарченко 2011] и В. И. Тюпы [Тюпа 1993] о том, что новелла относится к каноническим, а рассказ — неканоническим жанрам. В. И. Тюпа протожанром новеллы считает анекдот, рассказ же, по мнению Н. Д. Тмарченко и ряда других литературоведов, восходит к притче [Тюпа 1993: 15]. Противоположность смысловых и структурно-композиционных особенностей новеллы и рассказа обозначил В. И. Тюпа: «...важнейшей, поистине жанрообразующей особенностью рассказа является взаимодополнительность диаметрально противоположных интенций жанрового мышления — притчевой и анекдотической, — составляющая ту *внутреннюю меру жанра* (выделено автором. — С. Л.), которая сближает рассказ с романом и радикально отмежевывает его от канонических новеллы и повести <...>. Это взаимодополнительность, во-первых, жанровых картин мира: императивной (притчевой) и релятивно-случайностной (анекдотической); во-вторых, жанровых статусов героя: субъекта этически значимого выбора „типовой“ жизненной позиции и субъекта индивидуального самоопределения („выбора себя“); в-третьих, жанровых стилистик: авторитетного слова притчи, наделенного глубиной иносказательности, и окказионального, внутренне диалогизированного, „двуголосого“ анекдотического слова; наконец, взаимодополнительность коммуникативных ситуаций: монологического (иерархического) согласия между поучающим и внимающим и диалогического согласия равнодостоинных участников общения» [Тмарченко 2011: 74].

Жанрово-стилевая специфика украинской литературы постреволюционного десятилетия была подготовлена ранне модернистскими тенденциями конца XIX — начала XX в. Творчество В. Винниченко ярко отражает модернистскую трансформацию реализма, в стилистике и эстетике которого отчетливо проявляются элементы импрессионизма, сюрреализма, экзистенциализма, смешанные в разных пропорциях с элементами реалистической традиции, что и привело к размыванию жанровых границ между рассказом и повестью (например, «Красота и сила», «Возле машины»), к структурно-функциональным изменениям рассказа («Момент», «Студент» и др.). М. Коцюбинский мастерски овладел техникой «плэнэра», что нашло отражение в его известной

новелле «Intermezzo»; экспрессионистские тенденции стали доминирующими в новеллистике В. Стефаника (минимизация текста и в то же время романная масштабность изображения психологических проблем человека, предельная насыщенность словесных и внешних деталей, острота поставленных вопросов, как например, проблема де-тоубийства отцом в «Новости» или проблема «лишних ртов» в «Катеньке» («Катрусі»)).

Эта мощная традиция, которая вывела украинскую литературу начала XX в. на уровень наиболее развитых национальных литератур мира, была подхвачена и новаторски развита младшим поколением писателей. Как тонко и справедливо отметил Н. Л. Лейдерман, «рассказ набирает силу в ситуации духовного кризиса, на разломах историко-литературных циклов (периодов, этапов, эпох). В такую пору, когда отвергаются и разрушаются социальные, идеологические и художественные стереотипы, мифологемы, табу и клише, рассказ оказывается едва ли не единственным из прозаических жанров, который обладает способностью на основании самых первых, только-только „прорезавшихся“, доселе неведомых коллизий заявить новую концепцию личности. И не просто заявить, а „оконтурить“, сделать наглядно-зримой и тем самым подвергнуть ее проверке „целым миром“, воплощенным в нем эстетическим законом жизни» [Лейдерман 2010: 213—214]. По точному замечанию Н. Л. Лейдермана, литература XX в. отражает «хаографическую модель мира» [Лейдерман 2010: 610—615]. А вот «модусы художественности» (В. И. Тюпа), воплощающие эту модель, существенно разнятся в каждом конкретном тексте или художественном мире отдельного писателя: превалирует драматический модус, реализуемый в рассказах о гражданской войне (Г. Косынка — «Троекутный бой», «На золотых богов», А. Головка — «Красная косынка», Н. Хвылевой — «Кот в сапогах», «Я (Романтика)» и др.), или элегический (Н. Хвылевой — «Колонии, виллы...», «Синий листопад» и др.). Значительное место в украинской новеллистике данного периода занимают сатирические произведения (более известны братья Губенко, которые писали под псевдонимами Василий Чечвянский и Остап Вишня; популярными в те годы были и практически забыты сейчас Анатолий Гак, Кость Котко, Ефим Гедзь, Юрий Вухналь, младшее поколение представлено такими авторами, как А. Ковинька, Ф. Макивчук).

В первой трети XX в. интенсивно происходит процесс размывания жанровых границ, всё ощутимее становится тяготение

жанра рассказа к романной масштабности. Стремление писателей как можно ярче уловить и словесно выразить «дух эпохи», драматический, противоречивый, когда в каждом мгновении стремительно меняется целый мир, обусловило появление циклов рассказов (В. Вражливый — «Шесть рассказов», О. Громив — «Революция (три рассказа)», И. Сенченко — «Красноградский цикл», Г. Эпик — «Неспокойной ночью (три рассказа)», А. Копыленко — «Кара-Круча (три рассказа)» и «Именем украинского народа» (пять рассказов), Д. Косарик-Коваленко — «Красная купель» (четыре рассказа), С. Пилипенко — «Тысячи в единицах» и др.). Большинство из названных писателей возвращаются из забвения лишь в последние годы. Характерен в своем роде цикл «Тысячи в единицах» С. Пилипенко [Пилипенко 2007: 316—319], лидера крупнейшей по численности «спілки» — организации крестьянских писателей «Плуг», расстрелянный в Киеве в 1934 г. Талантливый и наблюдательный новеллист формирует сборник-цикл из небольших, по несколько абзацев, расставо-фрагментов, зарисовок, этюдов, собственных сентенций по различным поводам. Все вместе они рисуют яркую картину героизма и предательства, мужества и трусости в экстремальной ситуации, каковой является революция, попытку построить независимое государство УНР и последующее поражение, драматизм гражданской войны. Всё это пропущено через судьбы «маленьких людей» — прачки, солдата, ребенка и т. д. Для автора нет абстрактного понятия «народ», для него существенной и важной является судьба каждого человека, что и отражено в заглавии — «Тысячи в единицах». Стремление С. Пилипенко, образованного, говорящего на восьми языках, талантливого писателя и организатора, которого десятки начинающих литераторов называли по-своему «Папашей», развивать новую литературу закончилось трагически — расстрелом и репрессиями по отношению к семье.

С. Пилипенко — один из немногих, кто создал в украинской литературе 1920-х гг. новеллы канонического (основанного на анекдоте, парадоксе) типа: в новелле «Грех» рассказывается о бдительном чекисте, который якобы разоблачил контрреволюционный штаб, прятавшийся в гостинице провинциального городка. На поверку «заговорщиками» оказались актеры, репетирующие роли из пьесы В. Винниченко «Грех». В новелле же «Банда» за налет на сахарозавод была принята киносъемка. Однако подобные художественные опыты были единичны. Общей тенденцией времени стал синтез во

всех проявлениях и на всех уровнях (от микро- до макропоэтики). Художественный синтез реализовался на жанровом, стилевом и структурном уровнях.

«Миромоделирующая» функция жанра (Н. Л. Лейдерман) реализуется по-разному: путем изменения жанрового канона (матрицы), контаминацией элементов различных жанров, путем трансформации жанра. Например, в новелле Н. Хвылевого «Я (Романтика)» (1924) наблюдаем отсутствие канонических элементов — пуанта, остросюжетности, анекдотичности. Сюжетную основу произведения составляет сюрреалистически-экспрессионистическая ситуация убийства главным героем, Я, собственной матери, носящей имя, вызывающее ассоциации с Богородицей. В сознании главного героя происходит мучительная борьба между «двумя концами души»: *Я — чекист, но я и человек* [Хвильовий 1995: 269]. Противительный союз «но» демонстрирует непримиримые противоречия между призрачными идеями и законами человечности. Сюрреалистическая картина заседаний «черного трибунала коммуны» создается с помощью ряда художественных приемов и образов: действие происходит только ночью (рождается ассоциация с разгулом демонических сил), запах крови в старинном замке, где проходят суды и исполняются приговоры, противопоставлен успокоительному запаху мяты в материнском доме, образ матери, Марии (ассоциация с Богородицей), противоположен образу Я (воплощает образ антихриста); мотивы мрака, дождя, раскисшей дороги дополнены гулом приближающейся канонады (можно интерпретировать как приближение Страшного суда над грешниками, расстрелявшими монахинь и поправшими все Божьи и человеческие законы). Образ Я сюрреалистичен: изображается сумеречное, полубезумное сознание главного персонажа, пограничное состояние между бредом и явью, к тому же в новелле, кроме Я, функционируют образы доктора Тагабата (воплощает идейное, «с высоким лбом», зло — выносит приговоры), дегенерата (слепое орудие системы — исполняет казни) и Андруши (образ безвольного запуганного интеллигента, который ставит свои подписи под приговорами лишь затем, чтобы избежать подозрений в нелояльности). Как известно, в те годы происходили «суды троек». Система образов произведения (четыре действующих лица) натолкнули исследователей на мысль, что «черный трибунал коммуны» существует только в воспаленном сознании Я и отражает разные грани его внутреннего мира.

В произведении отсутствует пуант как «ударное место в новелле, как правило, короткая фраза, отличающаяся остротой и неожиданностью» [Реформатский 1983: 559]. Кульминационный момент — убийство матери — подготовлен всем развитием психологического сюжета, в нем отсутствует анекдотичность. На глазах читателя совершается выбор между фанатизмом и человечностью в пользу первого. Таким образом, мы воспринимаем «философскую основу» (М. М. Бахтин) новеллы Н. Хвильевого как притчу о деградации личности, воплощенную в хаографической модели мира.

Одной из ведущих тенденций в украинской новеллистике 1920-х гг., как и в русской, было тематическое расширение и усложнение жанровой модели рассказа: грань между рассказом и повестью практически стиралась, малая эпическая форма подражала средней и даже большой. В произведениях Н. Хвильевого «Синий листопад», «Пудель», «Арабески», Н. Кутинского «Без крыльев», «Последняя выдра», А. Бушли «На хуторе», Д. Борзяка «В монастырь», Н. Ивченко «Светляки», Г. Орливы «Илиштва (из жизни сурав)» текст членится на пронумерованные главы (от четырех до тринадцати), имеет отбивку или другие графические маркеры, подобно повестям и романам.

Размывание жанровых границ в украинской литературе 1920—1930-х гг. проявилось и в возникновении синтетического жанрового образования — романа в новеллах («Четыре сабли», «Всадники» Ю. Яновского, «Вертеп» А. Любченко). Жанр романа в новеллах был своеобразным экспериментом в литературе той поры. Роман «Четыре сабли» (1930) [Яновський 2008] изображает героиню борьбы за украинскую державу — УНР. Авторский взгляд на изображаемые события был обусловлен как личным опытом писателя (16-летним юношей он сражался в рядах петлюровского войска против большевиков), так и влиянием Ю. Тютюнника, одного из наиболее последовательных деятелей украинского партизанского движения 1917-го—1920-х гг. Романтическое мировосприятие Ю. Яновского позволило создать масштабное эпическое полотно, сквозь судьбы четырех героев — Шахая, Галата, Остюка и Марченко — воспеть могучую стихию национально-освободительного движения. Роман состоит из семи новелл, в каждой из которых функционирует славная четверка борцов, обрисованных в легендарно-былинных традициях. Поэтика произведения была новаторской для украинской литературы: романтический пафос пронизывает каждую строку повествования, главные герои изображены

как былинные богатыри или мифические герои, экспрессивность синтаксиса и диалогов отражает напряженность борьбы, так что герой, а вместе с ним и читатель ощущают себя «на пике», в гуще событий. Роману «Четыре сабли» предпослан эпиграф, взятый из сборника народных песен известного фольклориста XIX в. А. Метлинского. Каждую из семи новелл — «песен», как автор обозначил жанровую специфику частей произведения, — открывает песенный зачин. Эти зачины построены в традициях древнегреческого театра (с партиями голоса и хора), выполняют функцию очерчивания круга событий, о которых пойдет речь, а также формируют горизонт читательского ожидания.

За воспевание национальной борьбы (за «петлюровщину», как писали официальные источники тех лет) Ю. Яновский был подвергнут огульной критике, роман был запрещен, а его автор оказался на волосок от ареста. Тогда он написал в свое оправдание второй роман в новеллах — «Всадники» (1935). В нем идеологические акценты были откорректированы: на примере Половцев автор разворачивает картину идейного противостояния, в ходе которого братья поочередно уничтожают друг друга (деникинец, петлюровец, махновец — каждый перед смертью размышляет о будущем Родины, убеждая в правильности выбранного им пути). Победителем в схватке оказывается коммунист Иван. Однако критика проглядела еще один концептуальный момент: в живых остался 14-летний Сашко, петлюровец, на глазах которого погибли три родных человека. В подтексте автор намекает, что борьба не окончена — Сашко вырастет и отомстит. Выход этого романа в какой-то мере реабилитировал Ю. Яновского перед властью, однако дамоклов меч висел над его головой до самой смерти в 1954 г.

Одной из вершин в украинской литературе периода «расстрелянного возрождения» является лирическая повесть в новеллах А. Любченко «Вертеп» (1929). Автор был видным литературным деятелем — членом нескольких организаций («Гарт», ВАПЛИТЕ, «Пролитфронт»), дружил с Н. Хвильевым. В годы войны стал коллаборационистом. В повести «Вертеп» он осуществил попытку синтезировать фольклорную и литературную традицию и взглянуть на проблему исторических судеб Украины. Вводя образ Женщины, утратившей любимого (символический образ родины, стремившейся к обретению независимости, и крушения этих надежд в условиях тоталитарного государства), он ставит ряд важнейших мировоззренческих вопросов: о прошлом и будущем Украины,

об изменениях, которые должны были произойти (но произошли ли?) в человеке. В произведении раскрывается новый тип человека — ренессансно одухотворенного, живого, мятущегося и созидającego. Не случайно известный украинский литературовед в диаспоре Ю. Шевелёв (Шерех) сравнил значение «Вертепа» для бурной эпохи 1920-х гг., названной также «красным ренессансом», с присущей ей «романтикой витаизма» (Н. Хвелевой) и жизнеутверждения, со значением «Божественной комедии» Данте для католического средневековья [Шевельов 2008: 447—488].

Повесть состоит из одиннадцати новелл, объединенных не только общей идеей, но и вступительной новеллой под названием «Слово перед занавесом», которая играет структурно цементирующую роль и рождает многомерные интертекстуальные связи — от средневековых украинских вертепов (своеобразных кукольных передвижных театров, разыгрывавших на верхнем ярусе специального ящика сценки на церковно-религиозные темы, а внизу — на бытовые) до знаменитого шекспировского «весь мир — театр...». Каждая новелла является законченным произведением, но общее впечатление формируется в результате целостного восприятия этого лоскутного, пестрого, разностилевого полотна. Мажорное настроение повести выражено в следующих словах: «Взлеты и падения. Вера и голод. Жизнь и страх. Боль и победа! Обязательно — победа. <...> Слава разрушительной силе огня! Слава созидательным огненным шумам! Да! Завтра будет глубинно-творческий, богатый день!» [Любченко 2005: 51].

Возникновение синтетического жанра романа в новеллах демонстрировало тенденцию к циклизации, объединению малых эпических форм в большую — романизацию малой прозы. Однако в украинской литературе, как и в русской, наблюдалась и противоположная тенденция — к расподоблению, фрагментированию действительности. Так, например, К. Полищук создал цикл из семи новелл, которые так и озаглавил — «Фрагменты жизни» (1919—1921). «Метонимичность» (Н. Л. Лейдерман) жанровой природы новеллистики проявлялась на структурном уровне в мозаичности композиции, на уровне речевой организации текста — в «рубленых» синтаксических конструкциях, недомолвках, отрывочности и непоследовательности фраз, что отражалось и в заглавиях текстов: Д. Борзяк — «Записка (из прошлого)», Ю. Будяк — «Записки учителя», В. Вражливый — «Заметки молодого авто-

ра», А. Градовский — «Глава из ненаписанного (зарисовки в профиль)», Ю. Дольд — «Дневник стареющего человека» и т. п. Жанровое обозначение «зарисовки», «отрывки», «заметки» и подобное также указывают на синтезирование собственно художественного стиля с публицистическим, а иногда и с деловым.

В украинской малой прозе отмечаем не только межжанровое, но и межродовое размывание границ: например, юмористический рассказ В. Чечвянского «Хитрый врач: Шутка в одном действии» о глупом симулянте написан в форме сценария с обозначением реплик персонажей, с перечнем действующих лиц, как в драматическом произведении. Подобную структуру текста демонстрирует и произведение малоизвестного писателя О. Азовского «Земля (драматические рисунки)» (1927). Он единожды выступил в центральном харьковском журнале «Червоний шлях» («Красный путь») и больше не фигурирует ни в одном издании, не упоминается ни в одном литературном справочнике.

Наблюдается также явление интермедиального синтеза, связанное главным образом с нарастающим влиянием кинематографа: К. Полонник — «Вслед за судьбой (киносценарий)», «Жатва эпохи (отрывок из киносценария)». В русской литературе данный сегмент словесности представлен значительно шире, что же касается украинской культуры, то в Одессе только начинала деятельность кинофабрика, на которой редактором работал упомянутый выше Ю. Яновский вместе с молодым А. Довженко.

Таким образом, можно утверждать, что стратегия художественного синтеза, которая стала доминирующей тенденцией художественного развития постреволюционной эпохи и отразила развитие модернистских направлений, привела к размыванию жанровых границ: новелла, раньше относившаяся к каноническим жанрам, окончательно утратила каноничность и тесно взаимодействовала с такими жанровыми образованиями, как фрагмент, специфический для украинской литературы «образок», эскиз. Развивалась лирическая и психологическая новелла, которой уступила место анекдотическая, сюжетная. Рассказ же, будучи неканоническим жанровым образованием, вобрал в себя все стилевые искания тех лет, тяготел к романной масштабности в охвате действительности и занял на короткое время (по Н. Л. Лейдерману, на «время накопления сил романом») центральное место в жанровой системе украинской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безхутрий Ю. М.* Хвильовий: проблеми інтерпретації : моногр. — Харків : Фоліо, 2003.
2. *Кавун Л. І.* «М'ятежні» романтики вітаїзму: проза ВАПЛІТЕ : моногр. — Черкаси : Брама-Україна, 2006.
3. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра : моногр. — Екатеринбург: Ин-т филолог. исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Урал. гос. пед. ун-т, 2010.
4. *Любченко А.* Вертеп. Оповідання. Щоденник / упоряд., авт. післямови В. А. Любченко; авт. передм., комент., приміт. І.Л. Михайлин. — Харків : Основа, 2005.
5. *Мовчан Р. В.* Український модернізм 1920-х : портрет в історичному інтер'єрі : моногр. — Київ : ВД «Стилос», 2008.
6. *Пилипенко С.* Вибрані твори / упоряд., передм., прим. Р. Мельникова. — Київ : Смолоскип, 2007.
7. *Пономарева Е. В.* Стратегия художественного синтеза в русской литературе 1920-х годов : моногр. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2006.
8. *Реформатский А. А.* Опыт анализа новеллистической композиции // Семиотика. — М., 1983. С. 559—578.
9. *Семенюк Г. Ф., Ткачук М. П.* [та ін.]. Українська література. Підручник з української літератури для 11 класу загальноосвітніх навчальних закладів / За загальною редакцією доктора філологічних наук, проф. Г. Ф. Семенюка. — Київ : Освіта, 2011.
10. *Тамарченко Н. Д.* [ред.]. Теория литературных жанров : учеб. пос. для студ. учрежд. высш. проф. образования / М. Н. Дарвин, Д. М. Магомедова, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа; под. ред. Н. Д. Тамарченко. — М. : Академия, 2011.
11. *Тюпа В. И.* Новелла и аполог // Русская новелла. Проблемы теории и истории. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993. С. 13—25.
12. *Хвильовий М.* Новели, оповідання, «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Поетичні твори. Памфлети / вступ. ст., упор. і примітки В. П. Агєєвої. — Київ : Наукова думка, 1995.
13. *Шевельов Ю.* Колір нестримних палахтінь («Вертеп» Аркадія Любченка) // Шевельов Ю. Вибрані праці: у 2 кн. Кн. 2. Літературознавство / упоряд. І. Дзюба. — Київ : ВД «Києво-Могилянська академія», 2008. С. 447—488.
14. *Яновський Ю.* Вершники. Чотири шаблі. — Київ : Національний книжний проект, 2008.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Г. Ф. Семенюк

И. В. Пасько I. V. Pasko

Днепропетровск, Украина Dnepropetrovsk, Ukraine

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
КАТАСТРОФИЗМА МИРА
В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ОРЕСТА**

**THE POETICAL INTERPRETATION OF
WORLD-CATASTROPHISM IN MICHAILO
OREST'S POETRY**

Аннотация. Исследуется проблема поэтической интерпретации катастрофизма в творчестве Михаила Ореста, украинского поэта-эмигранта середины XX в. Рассматриваются связанные с катастрофическим мироощущением образы и мотивы, особое внимание уделяется проблеме противоречия между человеческой цивилизацией и гармонией природы, а также библейским реминисценциям в интерпретации эсхатологических мотивов.

Abstract. The article researches the problem of poetic interpretation of catastrophism in the works of Mikhailo Orest, Ukrainian emigre poet of the mid-20th century. The article covers the motives of catastrophic world perception, and the most precise attention is given to the problem of antagonism between human civilization and the harmony of nature, and also to the Biblical reminiscences interpreted within the eschatological paradigm.

Ключевые слова: катастрофизм; цивилизация; мотив войны; эсхатология; библейские реминисценции.

Key words: catastrophism; civilization; motive of war; eschatology; Bible reminiscences.

Сведения об авторе: Пасько Ирина Владимировна, аспирант кафедры украинской литературы.

About the author: Pasko Irina Vladimirovna, Post-graduate Student of the Chair of Ukrainian Literature.

Место работы: Днепропетровский национальный университет им. Олесья Гончара, Украина.

Place of employment: Dnepropetrovsk National University, Ukraine.

Контактная информация: Украина, 49010, г. Днепропетровск, пр-т Гагарина, 72
e-mail: pasko_irina@mail.ru.

Михаил Орест (Зеров, 1901—1963), младший брат неоклассика Николая Зерова — поэт, несмотря на творческую самобытность и художественную ценность творческого наследия, к сожалению, до сих пор менее известный, чем многие представители его эпохи. В то время, когда Михаил Орест делал первые попытки войти в литературу, его брат уже был известным поэтом и переводчиком, лидером группы, ориентировавшейся в творчестве на лучшие образцы античной и классической европейской литературы и провозгласившей своей целью возвращение в литературу «классической пластики и строгого контура» поэзии. Всё это возлагало на младшего Зерова двойную ответственность. До Второй мировой войны на Украине его не публиковали — все сборники стихов вышли уже в эмиграции. Кроме того, в ходе репрессий против Николая Зерова и других неоклассиков Михаилу Оресту «предназначалась роль Иуды» [Мусиенко 1996: 6] — роль, которую поэт отказывался исполнять, пока старший брат был жив и оставался на свободе. После ареста Николая Зерова по сфабрикованному обвинению Михаил Орест, согласно архивным сведениям, под пытками «сознался» в своей «контрреволюционной» деятельности. Освобожденный из тюрьмы перед началом войны 1941—1945 гг., поэт эмигрировал в Германию и навсегда остался в Аугсбурге, где много лет плодотворно ра-

ботал и как писатель, и как переводчик, и как хранитель и популяризатор творческого наследия неоклассиков. Последовательно придерживаясь их принципов в собственном творчестве, младший Зеров был в большей мере открыт для влияния других литературных направлений, в особенности немецкого символизма. Будучи полиглотом с превосходным чувством языка, Михаил Орест обогатил украинскую литературу многими блестящими переводами произведений мировой классики. В его мировоззрении соединились рационалистические, христианские и пантеистические (индуистского толка) убеждения, благодаря чему в поэзии Михаила Ореста выкристаллизовалась самобытная модель мира, в которой природа потерянной Родины представляется средоточием добра и гармонии, надеждой на спасение и выступает в роли традиционной оппозиции социуму, миру человеческой цивилизации. Несмотря на наличие основательных работ, посвященных творчеству Михаила Ореста (статей И. Качуровского, И. Заславского, В. Державина, Ю. Шереха, С. Павличко, диссертаций О. Бросалиной, Н. Кириенко, И. Процик), проблема катастрофизма в его поэзии раскрыта недостаточно глубоко. В связи с этим целью данной статьи является анализ представленной в творчестве поэта антиномии природы и цивилизации, апокалиптического видения последней в контексте событий первой половины XX в.

О людський світе, згубний і підступний, / Ти, душе вбивче, тут не владен, ні: / Зелений храм для тебе неприступний [Орест 1995: 67] / *О человеческий мир, губительный и подлый, / Ты, убийца души, тут не властен, нет: / Зеленый храм неприступен для тебя* (здесь и далее русский перевод стихотворений принадлежит автору статьи), — именно так непосредственно заявлена Михаилом Орестом концепция противостояния человека и природы, являющаяся сквозной в его творчестве. Будучи носителем определенной системы моральных ценностей и руководствуясь ими в качестве поведенческого ориентира, человек взаимодействует с действительностью — обществом глобального самоуничтожения, каким представлялся поэту мир 30—40-х гг. XX в. Во многих произведениях, в том числе в трех циклах «Афоризмов», Михаил Орест со свойственными ему наблюдательностью и точностью высказывания прибегает к разоблачению нравственного потенциала человечества. Воспринимая человека как противоречивое социальное существо, он признает за ним как положительные, так и отрицательные качества: *Окрасою землі, звичайно, є людина; / Проказою землі є теж вона, людина* [Там же: 63] / *Украшением земли, конечно, является человек; / Проказой земли тоже является человек*. Орест осознает амбивалентность человеческой природы вследствие раскола общества на большинство, которое руководствуется законами получения выгоды, и меньшинство, пытающееся исповедовать принципы нравственности. Последние противопоставляются обществу как носители высшей духовности: *Безгрішні ангели і демони зловтішні / За нього <людський рід — І. П.> борються — і хто у тій борні / Край добрих сил стоїть і прославляє вишне, / Тому діла людей немилі і трудні* [Там же: 65—66] / *Безгрешные ангелы и демоны злорадные / За него <род людской — И. П.> борются — и кто в этой борьбе / Стоит за добрые силы и прославляет вышнее, / Тому дела людей немилы и трудны*.

Лирический герой поэзии Михаила Ореста отождествляет себя с сословием духовной аристократии, с «чистыми братьями», «вельможной элитой» [Там же: 63], для которой обычная человеческая жизнь «преступна и дика» [Там же: 61]. В творчестве Михаила Ореста резко противопоставлены силы созидательные и разрушительные, воплощенные в символических человеческих фигурах: *Те, що буде святий, руйнує тиран темнодухий, / І вітарі мудреця воїн рубає мечем* [Там же: 113] / *То, что возводит святой, разрушает тиран темноду-*

хий, / И алтари мудреца воин рубит мечом. Процитированное гекзаметрическое четверостишие написано во время пребывания поэта в тюрьме в 1937 г., после суда над неоклассиками по ложному обвинению в «контрреволюционной террористической националистической организации», соответственно и образы «мудреца», «святого», «воина», «темнодухого тирана» ассоциативно связаны с реальными событиями и личностями.

Несмотря на обреченность абсурдного мира, лирический герой Михаила Ореста стремится пробудить в себе веру в человека, в то, что духовное начало победит «ужас телесности»: *Коли закликий в путах земнонародний, / Збагнувши жах тілесності в людині, / Осяйних прагне доказів на те, / Що ми не можемо назвати повно, / Осяйних доказів — через людину, / Людину саме* [Там же: 191] / *Когда застрявший в путах земнонародный, / постигнув ужас телесности в человеке, / Сияющих доказательств требует того, / Что мы не можем полно называть, / Сияющих доказательств — из-за человека, / Именно человека*. Это непрочная вера, основанная на существовании немногих людей-творцов, носителей идей добра и природной гармонии. Однако настоящим «властителем мира является зло» [Там же: 63], утверждает поэт, и социум, у которого отсутствуют четкие нравственные ориентиры, постоянное следование которым естественным образом регулировало бы отношения между людьми, обречен на самоуничтожение. Концепция обреченной цивилизации, развернутая в творчестве Михаила Ореста, созвучна шпенглеровскому определению дихотомии культуры и цивилизации, согласно которому последняя — логическое завершение существования «культуры», промежуточный этап между ней и пустотой. Общество в рамках созданной Михаилом Орестом модели мира подобно римскому в противовес эллинскому, что соответствует концепции О. Шпенглера: «Бездушные, чуждые философии и искусства, наделенные животными инстинктами, доходящими до полной грубости, ценящие одни материальные успехи, они стоят между эллинской культурой и пустотой. Их воображение, направленное только на практическое — у них существовало сакральное право, регулировавшее отношения между богами и людьми, словно между частными лицами, но у них не было даже и следа мифа — представляет собою такое душевное качество, которое совершенно не наблюдается в Афинах. Перед нами греческая душа и римский интеллект. Так отличается культура от цивилизации» [Шпенглер]. Противопоставление носителей творческой «души» и «без-

душного», варварского «интеллекта», нравственное преимущество первых над вторыми актуализированы в характеристике отношений между человеком и человеком в модели мира Ореста и демонстрируют неоклассицистическую связь творчества с античностью — значительно более глубокую, нежели та, что отслеживается на уровне формальной организации стихотворений и уровне образов и мотивов.

Как упадок Римской империи ознаменовался чередой кровопролитных войн, так в истории XX в. подобные признаки катастрофизма демонстрируют революционные события и мировые войны. Мотив войны как предтечи гибели мира показателен для поэзии Михаила Ореста 40-х годов XX в. Первая мировая война стала причиной кризиса гуманизма в европейской культуре: «...войну <...> люди искусства восприняли как убедительную демонстрацию сумасшествия, порожденного интеллектом, как „безумное зверское представление“» [Левчук 2002: 241]. Для тех, кто, как Михаил Орест, еще в 1930-х гг. попал под жернова советской репрессивной системы, Вторая мировая война стала столкновением двух одинаково страшных тоталитарных систем. Закономерно, что в таких условиях трудно было сохранить веру в человека как в «венец творения». Осознание абсурдности войны порождало разочарование в цивилизации в целом, восприятие мира как фатально несчастного, лишённого будущего. Именно такая интерпретация мира цивилизации периода войны нашла свое отражение в поэзии Михаила Ореста. В последних строках стихотворения «2 октября 1943 г.» дана лаконичная характеристика современности, при этом лирический герой резко противопоставлен человеческому, «земному» миру: *Нещасний той, хто світ земний одвідав / В його фатальні, демонічні дні* [Орест 1995: 60] / *Несчастен тот, кто посетил земной мир / В его фатальные, демонические дни*. Характерная черта мира — «демоничность» — ассоциативно связывается с понятием ада, «низа» традиционного религиозного мироустройства, что свидетельствует об окончательной победе низменного в человеке. Подобные выводы о судьбе общества звучат и в стихотворении «Письмо», датированном 1944 г. Михаил Орест с сожалением констатирует: *Добро забуло свій у світ дороговказ, / Глухий на жалощі поинятий адом час* [Там же: 104] / *Добро забыло свой указатель в мир, / Время ада глухо к жалобам*, — современность — «эпоха злодеяний и позора» [Там же: 104]. Однако, несмотря на такой приговор миру, лирическое «я» в поэзии противо-

поставляется обществу через выражение надежды на утверждение справедливости и исполнение желаний: *Але бурханню тьми коритись я не хочу / І тужного кінця для себе не пророчу. / Повірмо в чудеса на цій землі старій: Що signus temporis <знак часу — І. П.> відміниться як стій, / Що пропадуть дими скитальства і жалоби* [Там же: 104] / *Но тьми бурленню я не хочу подчиняться / І грустного кінця себе не предрекаю. / Давайте поверим в чудеса на этой старой земле: / Что signus temporis <знак времени — И. П.> отменится как таковой, / Что пропадут дыма скитания и траура*. Вера в чудо — в проявление «небесного», в провидение, волю высших сил — выделяет лирического субъекта из среды охваченного безумием уничтожения общества и возносит над ним.

Для лирического героя Михаила Ореста в целом типична позиция наблюдателя. Только в 1948 г. в стихотворении «Продолжение» («Тривання») лирический субъект самоидентифицируется с умирающим солдатом — непосредственным участником боевых действий. Это отождествление осуществлено в духе пантеистических представлений о продолжении существовании духа в природе родной земли. Монолог воина, возвращение которого на родину так и не состоялось, лишен гневных инвектив: *Без лун погасли клекоти атаки... / Про мене, дорога моя, в житах / Твоїй дитині шепчуть теплі маки* [Там же: 159] / *Без эха погасли клекоты атаки... / Обо мне, дорогая моя, во ржи / Твоему ребенку шепчут теплые маки*. Обобщение, звучащее в этом стихотворении, можно было сделать, только темпорально дистанцировавшись от войны, очистившись от отчаяния и разочарования в мире и снова поверив в доминирование духовного над «животным»: *тлінне, є нетлінне. І минуле, / Із себе визернивши понадбуле, / Нам житиме в істотах і речах* [Орест 1995, 159] / *Есть тленное, есть нетленное. И прошлое, / Из себя выжав приобретенное, / Будет для нас жить в существах и вещах*.

Именно в связи с образом войны возникает мотив конца света, катаклизма, который ознаменует окончательное завершение существования человеческой цивилизации. Еще в 1939 г., до начала боевых действий на территории СССР, Михаил Орест, будучи в заключении, пророчески: *Загине світ! Безумством і війною / Потоптано його найкращий цвіт; / Свариться хаос чорною рукою: / загине світ!* [Там же: 60] / *Погибнет мир! Безумством и войной / Истоптан его лучший цвет; / Грозится хаос черною рукою: / погибнет мир!* При помощи рефрена

поэт, усиливая впечатление провиденциальности от своего приговора, разворачивает символически неоднозначный образ бури, который в данной модели мира чаще всего интерпретируется как предтеча темных времен, апокалипсиса. С одной стороны, социальное содержание стихотворения наталкивает на трактовку бури как революции, общественного восстания, вред от которого едва ли не больше пользы. С другой стороны, наличествует прямое указание на бурю как порождение хаоса, существовавшего до «упорядоченного» космоса, а это демонстрирует убеждение автора в том, что высшие силы обязательно накажут общество, уничтожив мир, т. е. вернув его в первоначальное состояние. Лирический герой читает во круг знаки неотвратимой гибели: *Вже бурі ринуть дикою ордою, / Ревуть і стогнуть, рвуть замки воріт. / Страшної помсти час! Повитий тьмою, / Загине світ* [Там же: 60] / *Уже бури рвутся дикою ордою, / Ревут и стонут, рвут замки ворот. / Мести страшной час! Повитый тьмою, / Погибнет мир.*

Рефрен «Погибнет мир!» (последняя строка первой и третьей строфы процитированного стихотворения) — усеченный, короткий. Он меняет ритм, его отрывистость создает впечатление порыва ветра, что углубляет содержание бури. Такая игра с ритмом, воплощение идеи метрико-ритмическими средствами достигают апогея в стихотворении «Ночной ураган», объединяющем несколько временно-пространственных плоскостей изображаемого: фабульное внутреннее (лирический герой слышит звуки урагана), фабульное внешнее (господство урагана в природе) и визионерское (фантазия героя касательно метафизической сущности урагана) время. Хронотоп лирического героя является своеобразным «перекрестком» трех миров (микромира комнаты, мира «за ее пределами» и видения), и в сознании его отражается объемная, полифоническая картина. Ураган обозначен как «порождение хаоса», разрушительная сила, однако, согласно видению лирического героя, эта сила в состоянии выбирать тех, кто достоин наказания в соответствии с общечеловеческими нравственными ориентирами. В образе урагана воплощена метафорическая надежда на осуществление справедливого суда над теми, кто присвоил себе право распоряжаться человеческой жизнью: *Пекельний сик, геєни ріг / і мариц по покрівлях біг! / Нечисті душі / убивць мерзенних і жаских — / розплати час упав на них* [Там же: 73] / *Адское шипение, геенны рычание / И призраков по кровлям бег! / Нечистые души /*

убийц. Такой суд представляется проявлением высшей справедливости, естественных законов существования — автор не высказывает надежды на то, что суд над животным в человеке осуществится руками человека. Герою кажется, что грешники, которых не принимает ни хаос, ни тьма, ни тем более рай, видят один выход: «захватить» чье-нибудь тело, чтобы снова воплотиться. В этом видении закодировано глубокое убеждение автора в том, что легко и безболезненно с земным существованием расстается только чистая душа, которая может раствориться в природе, соединиться со вселенной. Христианское мировосприятие (идеи греха, искупления, воскрешения мертвых, связанного с Судным днем) соединяется с пантеистическим представлением о магической силе стихии, об очищении ветром, который может превратиться в карающий ураган, вызывающий у грешника и праведника одинаковый ужас.

Образ бури как воплощения Хаоса, приносящего в мир природы и людей беспорядок, встречается и в стихотворении «Пошатнула хмурая буря...» («Похитнула буря похмура...»): *Похитнула буря похмура / Шпили гордовитих веж, / Сколихнула цвинтарні мури / І плити глухих набереж* [Там же: 77] / *Пошатнула хмурая буря / Шпили гордых башен, / Покачнула кладбищенские стены / И плиты глухих бережных.* Оппозиция «чаща — город» в этом стихотворении оттеняет выражение сочувствия мудрой природы неразумному человеку, который сам является причиной своего несчастья: *І в прознанні, що біди кишуці / Розриватимуть душу міст, / У поблідлій осипався пуці / Осик найчуйніший лист* [Там же: 77] / *И в осознании, что кипящие беды / Будут разрывать душу городов, / В побледневшей осыпался чаще / Осин чувствительный лист.* Это стихотворение из сборника «Душа и судьба», к сожалению, не датировано, что исключает возможность однозначного ответа на вопрос, имеет ли место предвосхищение Второй мировой войны или ретроспективное изображение мира накануне (сборник «Душа и судьба» издан в 1946 г.). Однако образ бури наделен выразительным социальным подтекстом, может быть истолкован как символ социального кризиса, который приводит к кровопролитию и разрушению.

Оппозиция «человеческая цивилизация — мир природы» связана с мотивом завершения времени мира. Исследователи творчества Михаила Ореста неоднократно отмечали значимость в его поэзии эсхатологических мотивов. Конец света у Ореста трактуется в религиозном аспекте — как Суд, как

наказание за грехи, количество которых перевесило на чаше весов мироустройства. Действительно, только в сборнике «Эхо лет» («Луни літ») не заявлен мотив Страшного суда. В сборнике «Держава слова», в частности в гексаметре «Могущество», автор с горечью призывает человека признаться самому себе в том, что он является причиной собственной гибели: *Правду жажливу збагнім: не потоп, не комета зловісна — / Злочин людини несе нашій землі катаклізм* [Там же: 114] / *Давайте осознаем ужасную правду: не потоп, не комета зловеющая — / Преступление человека несет нашей земле катаклізм*. Человек как социальное существо в Орестовой модели мира обречен, техногенное общество, знаковым для которого является упадок нравственности, способно только к самоуничтожению; социум — упорядоченная, стратифицированная система — предстает неосознанно тяготеющим к Хаосу.

В стихотворении «Добра и добродетели друзья...» («Добра і чесноти друзі...») из сборника «Держава слова» мотив Страшного суда закономерно возникает в связи с темой войны. В его развитии акцентирована идея абсурдного человеческого мира, жестокого и чужого для каждого его представителя. В этом контексте объясняется и уничтожение мира: *Але він проб'є — спасенний / Кінець! Бо злочин і жах / Переросли допущенне / В темних і грішних віках* [Там же: 132] / *Но он пробьет — спасительный / Конец! Ведь преступление и ужас / Переросли допущенное / В темных и грешных веках*. Образ человека в этом стихотворении, как и в произведении «Облако, тело незримое...», служит воплощением причины катастрофы, а нравственная подоплека его действий интерпретируется как первооснова законов существования общества, антитетичного гармоничному миру без человека.

В стихотворении «Облако, тело незримое...» («Оболоня, незриме тіло...») мотив Судного дня предстает в необычном ракурсе, через фузию прошлого и будущего, когда события многих столетий происходят одновременно, через упоминание библейского воскрешения мертвых, ожидающих своей участи. Как антитеза к картине конца света разворачивается образ Города, который мнут ужасы апокалипсиса, потому что, как убежден лирический герой, он страданием заслужил себе право на спасение: *Нагороді радій: безпровинний / Твій біль і тавро зневаг / Кінецьсвіття оберне година / На перло беззахідних благ* [Там же: 12] / *Радуйся награді: неповинний / Твою боль и клеймо унижений / Час конца света превратит / В жемчуга немеркнувших благ*. Таким образом, про-

странство малой родины сакрализируется, выносится за границы греха и раскаяния, противопоставляется враждебному миру.

Закрывает ряд «апокалиптических» произведений сборника «Держава слова» поэма «Восстание мертвых» («Повстання мертвих»), в которой встречаются и мотив войны, и образ «родной земли». В поэме разворачивается тема воскрешения мертвых и возвращения их в родные края в качестве предвестия Страшного суда: *...слухайте ходу залізу: / З могил, з усіх усюд, з усіх чужин / Спішать воскреслі у свою отчизну / На чин нечуваний, визвольний чин* [Там же: 134] / *...слушайте железную поступь: / Изо всех могил, изо всех краев, из всех чужбин / Спешат воскресшие в свою отчизну, / Чтобы дело небывалое свершить*. Эта картина ассоциативно может быть интерпретирована как «восстание» тех, кто погиб во время Второй мировой войны вдали от Родины (на такую трактовку наталкивает и дата написания стихотворения — 1944 г.). Убитые не только мстят своим обидчикам, они возвращаются домой с новой верой. В такой трактовке Страшный суд знаменует не конец света, но новое, праведное его начало, возвращение к истокам, к природе, отход от технократии: *В естві живущих, плоттю обважнілим, / Духовності нової смолоскип / Вони розпалють радісним зусиллям / І в серці збудять аромати лип* [Там же: 133] / *В естестве живущих, отягощенных плотью, / Духовности новой факел / Они разожгут радостным усилием / И в сердце пробудят ароматы лип*. Развивая эту мысль, поэт настаивает на том, что миссией воскресших воинов является и более «практическое» деяние — освобождение Родины от захватчиков и тиранического режима: *Спішать воскреслі у свою отчизну / На чин нечуваний, визвольний чин* [Там же: 134] / *Спешат воскресшие в свое отечество / К неслыханному освободительному деянию*. Противниками восставших являются «слуги зла», которые «топтали предписания и границы», «сеяли порок, растление, смерть» [Там же: 134], руководствуясь «черными порывами» своего «надменного разума» [Там же: 134]. С помощью подобных образов выделены основные черты современной автору «прогрессивной» цивилизации: слепое отрицание традиций и норм и чрезмерное упование на «холодный» интеллект даже в сфере этики. В поэзии Михаила Ореста образы тех, кто отдал жизнь за Родину, освящаются через сопоставление с ангелами, присоединяющимися к сонму небожителей, и тем самым поднимаются по вертикали мироустройства: *І на чолі невітської дружини, / Керуючи*

*квадриг навальний біг, / У блискавичнім леті
грізно рине / З мечем сліпучим сам Архістратиг* [Там же: 134] / *И во главе немирской
дружины, / Руководя стремительным бегом
квадриг, / В молниеносном полете грозно
несется / С мечом слепящим сам Архистратиг.*

Аналогичный мотив Суда есть и в стихотворении «Лунають кроки, дзвенять ключі» («Звучат шаги, звенят ключи...»), открывающем сборник «Поздние всходы» («Пізнi вруна»). Мистическая картина попытки символических «убийцы, тирана и татя» *розкути останній жах, / Що землю скорботну оберне в прах* [Там же: 180] (*расковать последний ужас, / Который землю скорбную обернет в прах*) завершается образом тревожного расцвета грядущего Суда над злом. Высказывание подобных убеждений касательно правосудия соединено с выражением сугубо онтологических представлений о конце света и законах кармы (расплаты за преступление), что свидетельствует о глубокой вере поэта в справедливость мироустройства.

Итак, мотив Судного дня как естественного конца испорченного цивилизацией человеческого мира в творчестве Михаила Ореста неразрывно связан с темой абсурдности существующего мироустройства, знаковой чертой которого является война. Как отрицание ужаса последней развернут мотив единения лирического героя с родиной. Поэт выделяет два типа людей: «обычных», склонных к разрушению, и тех, кто пытается

придерживаться высших законов и норм морали, — своеобразную духовную элиту. Первый тип является основой общества, описанного как общество цивилизации в шпенглеровском понимании. Михаил Орест подчеркивает абсурдность самоуничтожения, к которому тяготеет окружающий мир людей, и предвещает неотвратимую катастрофу глобального масштаба. Эсхатология мироустройства связана именно с завершением существования нравственно испорченного человеческого мира и трактуется в контексте христианского религиозного канона (мотив Страшного суда и воскрешения мертвых), буддистско-индуистской идеи кармы и возвращения мира в состояние первобытного хаоса. В развитии этой темы доминирует образ бури, трактуемый амбивалентно — в социальном (ужас войны и тоталитаризма) и философском (естественная расплата общества за грехи) контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левчук Л. Психоаналіз: історія, теорія, мистецька практика. — К. : Либідь, 2002.
2. Мусієнко О. Михайло Орест (Зеров) // Літературна Україна. 1996. 4 квітня. С. 6.
3. Орест М. Держава слова: вірші та переклади / упор. та авт. передмови С. Павличко. — К. : Основи, 1995.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. Т. 1. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng/index.php.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. И. Заверталоук

А. Н. Цепенникова А. N. Tsepennikova
Лесной, Россия Lesnoy, Russia

**ОБРАЗЫ
РУССКИХ ЭМИГРАНТОК XX И XXI ВВ.
В РАССКАЗАХ Н. ТЭФФИ И Д. РУБИНОЙ**

**IMAGES OF THE RUSSIAN EMIGRANTS OF
THE XX AND XXI CENTURIES IN THE
STORIES BY N. TEFFI AND D. RUBINA**

Аннотация. В настоящее время наблюдается возрастающий интерес к литературе «четвертой волны» эмиграции. На материале сопоставительного анализа героинь из двух рассказов писательниц-эмигранток Н. Тэффи и Д. Рубиной рассматриваются те изменения, которые претерпели за прошедший век типажи, ключевые сюжеты, приемы поэтики, способы выражения авторского сознания в литературе русского зарубежья.

Abstract. The interest to the literature of “the fourth wave” of emigrants is growing today. On the basis of comparative analysis of the two female characters from the stories by emigrant writers N. Teffi and D. Rubina it is possible to single out the changes of characters, plots, poetic methods, ways of expressing the author’s mind that occurred during the last century in the literature of Russian emigrants.

Ключевые слова: русское зарубежье; речевая маска; Тэффи; Рубина; комическое; гендерная роль; маргиналы.

Key words: Russian emigrants; speech mask; Teffi; Rubina; comic; gender role; marginal person.

Сведения об авторе: Цепенникова Алла Николаевна, методист, преподаватель по договору.

About the author: Tsepennikova Alla Nikolayevna, Specialist, Teacher on the contract basis

Место работы: Лесной филиал Уральского института экономики, управления и права.

Place of employment: Lesnoy Branch of Ural Institute of Economics, Management and Law.

Контактная информация: 624202 г. Лесной, ул. Чаноева, д. 2.
e-mail: semuhkina@mail.ru.

Произведения авторов «четвертой волны» эмиграции все чаще становятся предметом анализа [Минеева 2012], однако многое еще остается не до конца проясненным. Как изменились за прошедший век типажи, конфликты, ключевые сюжеты, приемы поэтики, способы выражения авторского сознания в литературе русского зарубежья?

образов женщин в рассказах, перекликающихся сюжетными ситуациями, но разделенных хронологически почти столетием.

Для анализа мы выбрали два сходных по тематике и проблематике рассказа разных писательниц: рассказ «Маркита» Надежды Тэффи, эмигрировавшей в Париж в 1919 г., и рассказ «Итак, продолжаем!» Дины Рубиной, переехавшей в Израиль в 1990 г.

Тэффи описывает жизнь эмигрантов во Франции, а Рубина — в Израиле. Героиней рассказа Тэффи «Маркита» является Сашенька — русская эмигрантка, зарабатывающая на жизнь себе и своему маленькому сыну тем, что поет русские песни по вечерам в русском кафе: «Голосок у нее был чистый, и слова она выговаривала просто и убедительно. Публике понравилось». [Тэффи 2008: 222].

Авторами обоих произведений являются женщины. Это позволяет отнести анализируемые рассказы к женской литературе. «Самое интересное в женской литературе — то, что есть только в ней и нигде больше: образ женщины <...> увиденный, осмысленный и воссозданный самой женщиной» [Жена, которая умела летать 1993: 393]. Известно, что традиционно саму женскую литературу долгое время не рассматривали как явление серьезное, отношение к ней колебалось в пределах от крайне критичного, неоправданно предвзятого и насмешливого до терпимого. Однако в начале XXI в. уже никого не удивляет обилие авторов-женщин, вполне равноправных с мужчинами. Такое изменение гендерных стереотипов как в действительности, так и в литературе, особенно ярко проявляется при сопоставлении

Главная героиня рассказа Д. Рубиной «Итак, продолжаем!» — Рая, тоже эмигрантка. Она работает уборщицей у одной состоятельной старушки и подрабатывает натурщицей в местной художественной мастерской, чтобы прокормиться вместе с сыном. Таким образом, в центре обоих рассказов стоит личность героини-эмигрантки с ребенком, пытающейся выжить в другой стране.

И Н. Тэффи, и Д. Рубина работают с «бытовым» материалом, т. е. в обоих рассказах описываются повседневные реалии жизни эмигрантов из России, существование женщины-эмигрантки, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.

Как известно, основное ощущение эмигранта — чувство отчужденности, одиночества, сломанной жизни. Вызвано оно отрывом от привычной обстановки, окружения, культуры, языка: «Эмигранту, находящемуся в пространстве двух культур, приходится вес-

ти своего рода жизнь-игру. Он ощущает себя словно на сцене, открытой с обеих сторон, под пристальным наблюдением как страны исхода, так и страны проживания, в силу чего ориентируется и на ту, и на другую культуру одновременно. В результате эмигрант пребывает в состоянии непрекращающегося „пересечения границы“, переходя из одного культурного пространства (своего) в другое (чужое) и обратно» [Демидова 2004: 71]. Такое положение культурной «двупринадлежности» приводит к двойственному мироощущению, к жизни «на границе», что, в свою очередь, вызывает потерю у эмигранта чувства своей жизни и провоцирует возникновение ощущения не своей, чужой жизни, чужой роли. Героини Тэффи и Рубиной также испытывают ощущение растерянности. С одной стороны, Сашенька в рассказе Тэффи поет русские душевные песни. Героиня Рубиной Рая вспоминает свою прошлую жизнь, сопоставляет две реальности — тут — там, наше — их, тогда — теперь: *Да что я не понимаю — эти ребята художники, что наши, что ихние — все нищие; Я и там никогда на него своих неприятностей не вешала* [Рубина 2010: 87].

С другой стороны, они оказались в новой реальности: *Да что ж это такое, думаю — куда ж это я приехала?!* [Там же: 84]. Ощущение чуждой жизни заставляет Сашеньку (героиню Тэффи) перевоплощаться и играть перед богатым поклонником совершенно несвойственную ей роль страстной Кармен: *Я люблю красоту, безумие, блеск, я по натуре Кармен. Я — Маркиза...* [Тэффи 2008: 225]. Такое существование в двух мирах порождает определенное эмоциональное и психическое состояние, называемое маргинальностью, состояние, диссонирующее с фактически занимаемым местом в новом социуме. «Н. А. Тэффи облекла в юмористическую форму очень сложную социокультурную проблему, с которой столкнулось старшее поколение эмигрантов: отсутствие национальной самоидентификации, постепенное стирание воспоминаний о покинутой родине, или появление комплекса примитивных представлений о ней, почерпнутого из рассказов родителей, приводили в результате к появлению той самой „пограничной ситуации“, характеризовавшей начало процесса маргинализации» [Львов 2002: 33]. «В ситуации границы персонаж находит приемлемое „решение“ проблемы, вовсе не связанной с границей; это решение совершенно иллюзорно, а граница есть очевидный артефакт» [Каганский 2003: 116].

Обе героини живут в обществе точно таких же маргиналов — неустроенных, отчуж-

денных, вынужденных зарабатывать как придется, выживать в новой обстановке, приспосабливаться: *Ходит к нам рисовать Сашка Конякин, из Воронежа. Он к Израиллю через бывшую жену отношение имеет, милый такой парень. Так вот, он в Меа Шеарим муку на мацу мелет на маленьком частном заводике, за шесть рублей в час, в смысле — шекелей, — повествует Рая. ...Сам здоровенный такой голландец, говорит: „Май фазер — гой“ <...> Он здесь работает охранником у Стены Плача* [Рубина 2010: 82]. У Тэффи, с присущей ее стилю иронией, показана обстановка русского кафе в Париже с его обитателями: *...Услужившие девицы, все губернаторские дочки (думали ли мы когда-нибудь, что у наших губернаторов окажется столько дочек), поджимая животы, протискивались между столами, растерянно повторяя: — Один шоколад, один пирожное и один молоко...* [Тэффи 2008: 225]. Из речи персонажей ясно видно, что «губернаторские дочки» слабо владеют французским языком, поэтому делают в речи много ошибок, типичных для иностранцев. «Речь героев в произведениях писательницы является основным средством создания образа» [Барковская 2003: 189]. Тэффи намеренно приводит речь героев, чтобы максимально полно охарактеризовать изображаемые типы, подчеркнуть то состояние растерянности, в котором пребывают русские эмигранты во Франции.

Эмигранты вынуждены взаимодействовать с окружающим миром, общаться с местным населением, которое настроено по отношению к ним напряженно, недоверчиво, предвзято, зачастую враждебно, что только усугубляет неустойчивое эмоциональное состояние эмигранта. Например, в рассказе «Итак, продолжаем!» героиня описывает ситуацию, когда ее несправедливо обвинили в краже: *Вышел на крыльцо внучок ее, парнишка лет шестнадцати, славный такой, с серьгой в ухе. Убирайся, кричит, русская вора! Ага, именно так — „хусская воха“* [Рубина 2010: 86].

Характерно и то, что обе героини — и Сашенька, и Рая — не замужем, они одиноки. От Сашеньки ушел на содержание к богатым дамам муж-танцор: *Вспоминала мужа, красивого, нехорошего: „Котьку не пожалел. Танцует по дансингам. Видели в собственном автомобиле с желтой англичанкой“* [Тэффи 2008: 224]. У Раи позиция иная — она, по ее словам, принципиально не выходила замуж: *А сейчас мне этого замужа и даром не надо. Навидалась* [Рубина 2010: 87], но обе героини живут ради сыновей, которых очень любят: *У меня Сержант*

с детства очень задумчивый мальчик. Я из-за этой его задумчивости и замуж не вышла, чтоб ему лишнего повода к мыслям не давать, — рассказывает Рая. Сашенька поцеловала и, вернувшись на свое место, поцеловала Котьку еще дрожащими губами [Тэффи 2008: 222]; ...Я спешу... мой мальчик дома [Тэффи 2008: 223]. Для обеих героинь характерно очень нежное, заботливое отношение к сыновьям.

Сходство героинь проявляется еще и в роде их деятельности — обе они зарабатывают на своей природной женственности. Так, Рая подрабатывает в мастерской художников натурщицей, Сашенька — певичка в кафе. И, естественно, обе героини живут в очень стесненных финансовых условиях, выживают на грани нищеты. Из рассказа Раи это обнаруживается наиболее ярко: *Пятнадцать рублей в час — в смысле шекелей — это ж не валяется. По три часа дважды в неделю — посчитайте-ка. Да мы с Сержантом до его армии на это питались; ...Израильтянкам, конечно, платят больше — по двадцать пять. Но Ави Коэн обещал мне с Песаха накинуть рублик, в смысле — шекель...* [Рубина 2010: 80].

Однако интересно то, что на родине у Раи была профессия — инженер-электрик, более того, она была начальницей на заводе. Это профессия, требующая определенной подготовки, высокой квалификации, образования. В эмиграции Рая стала уборщицей и подрабатывает натурщицей. То есть на смену высококвалифицированному — мужскому! — труду, которым Рая занималась в России, пришел вынужденный мало-квалифицированный типично женский труд, позволяющий выживать в новых экономических условиях. К. В. Львов в книге «Маргиналы русского зарубежья» так пишет об этом явлении: «Здесь мы сталкиваемся с совершенно новым, не изученным явлением: „само-маргинализацией“, умышленным понижением человеком собственного интеллектуального, культурного уровня ради возможности заниматься малоквалифицированным трудом; ради соответствия общепринятым в данной среде стандартам поведения; соответствия устоявшемуся в данном социуме образу „простого рабочего“» [Львов 2002: 55]. Такое положение еще более усугубляет и без того тяжелое эмоциональное состояние эмигранта. И видно, что это «задевает» Раю, она несколько раз упоминает о том, что у нее есть хорошее образование, есть профессия: *Бывшая инженер-электрик...; Тем более, что в прошлой жизни я — инженер-электрик* [Рубина 2010: 79]. *Я говорю ему — у меня высшее образование, я инженер-*

электрик. У меня на заводе, знаешь, сколько таких как ты мужиков в подчинении ходило? [Рубина 2010: 85].

В рассказах прослеживается и сходство сюжетных линий: обеим героиням представился шанс изменить жизнь к лучшему — выйти замуж. Обе этот шанс упустили. Схожи и финалы: Сашенька плачет в конце с сыном на руках, Рая понимает, что преждевременно состарилась душой, устала жить, хотела бы умереть, но должна жить ради сына.

Таким образом, перед читателями предстают два, казалось бы, похожих образа женщин-эмигранток, что, очевидно, свидетельствует о некоторых типологически общих проблемах, всегда встающих перед людьми, перебравшимися в чужую страну. Однако Сашенька и Рая — люди совершенно разных эпох, руководствуются абсолютно различными жизненными установками в поведении. Вековой промежуток, разделяющий героинь, существенно преобразил как социокультурную жизнь в России, так и мотивы эмиграции и характеры людей.

Сашенька — чуткая, ранимая, трепетная, искренняя натура. Именно это и увидел первоначально богатый поклонник-татарин: *Она мэнэ сердце взяла. Она своего малыша поцеловала — в ней душа есть* [Тэффи 2008: 223]. В рассказе Тэффи представлена традиционная женская (гендерная) роль: женщина может быть благополучной только при муже. Она должна быть нежной, кроткой, чистосердечной, мягкой, естественной, доброй, порядочной, душевной, жалостливой. Сашенька живет чувствами, интуицией. Татарин Асаев был некрасив, но она хотела бы его любить: *Вспоминала татарина, умилялась, что такой некрасивый. „Беденький он какой-то. Любить его надо бы ласково, а нельзя. Нужно быть гордой и жгучей, и вообще Кармен. Куплю завтра лакированные туфли. Нос у него в каких-то дырочках и сопит. Жалко. Верно, одинокий, непригретый“* [Тэффи 2008: 223]. Поддавшись на уговоры и советы «опытной» подруги, на первое свидание с Асаевым она идет в совершенно для нее нехарактерном образе страстной женщины, «жестокой, огненной Кармен». Однако роль «роковой женщины» оказалась ей чужда. Своим поведением она разочаровывает недавнего кавалера, которому она понравилась такой, какая есть на самом деле — естественной, чистой, наивной, способной любить. И, не успев начаться, их отношения завершаются.

Тэффи искусно передает внутренний разлад в душе своей героини, она с иронией смотрит на переживания Сашеньки и по-

пытки ее казаться иной: *В Раичкиной шляпе, с розой у пояса, Сашенька почувствовала себя совсем демонической женщиной. — Вы думаете, я такая простенькая? — говорила она Раичке. — Хо! Вы меня еще не знаете. Я всякого вокруг пальца обведу. И неужели вы думаете, что я придаю значение этому армяшке? Да я захочу, так у меня их сотни будут. Раичка смотрела недоверчиво и посоветовала ярче подмазать губы* [Там же: 225]. При создании комического эффекта используется прием речевой маски — героиня выбирает такие речевые средства и такое построение предложений, которые помогают укрепить в сознании окружающих «примеряемый» ею образ страстной Маркиты: *„Надо быть Кармен“, — вспомнила Сашенька. — Вы способны на безумие? — спросила она, томно прищурилась глаза. — Нэ знаю, нэ приходилось. Я жил в провинции. Не зная, что говорить дальше, Сашенька отколола свою розу и, вертя ею около щеки, стала напевать: „Маркита! Маркита! Красотка моя!..“ Татарин смотрел грустно* [Там же: 225]. Психологическое состояние Сашеньки передается с помощью внутреннего монолога. Настоящая Сашенька предстает перед нами, когда, продолжая играть роль пламенной Кармен, она говорит татарину: *„Я люблю красоту, безумие, блеск, я по натуре Кармен. Я — Маркита... Этот ребенок... я даже не могу считать его своим — до такой степени мое прошлое стало мне теперь чуждым“; И вдруг душа тихо заплакала! „Отреклась! Отреклась от Котыки! От худенького, от голубенького, от бедного...“* [Там же: 225]. Такой комизм только усиливает грустное звучание рассказа и дополнительно создает его лирическую атмосферу.

У Рубиной же мы видим героиню противоположного склада. Автор явно отталкивается от мифа о советской женщине, свободной работнице, сознательной строительнице светлого будущего, коллективистки. Рая эмансипированная, самостоятельная, деятельная, проникнутая идеей женской независимости, самодостаточности. Да и профессия у нее не совсем «женская» — инженер-электрик. Перед читателем нарисован образ такой феминистки, уже недоверчивой, озлобленной, которая подчеркивает, что ей на всех плевать, но в душе глубоко переживает, когда старуха ее несправедливо обвинила в краже: *Ну на это мне, положим, плевать. Я к этим словесам бесчувственна... Я человек в основе своей не лирический* [Рубина 2010: 86]. Таким образом, мы понимаем, что Рая тоже пользуется утрированной речевой маской самостоятель-

ной, самодостаточной женщины, привыкшей за себя платить и не быть никому должной: *У меня жизненная установка — никогда ни у кого не одалживаться* [Там же: 89—90]. Рая, согласно надетой на себя маске самостоятельной эмансипированной женщины, негативно реагирует на попытки ей помочь. Когда марокканец в супермаркете доплатил за нее мелочь, она категорически не хотела этого принимать: *Я аж взвилась. Да ты что, говорю, мотек, спасибо, конечно, но ты не беспокойся, я человек обеспеченный!* [Там же: 83]. Из ее случайных оговорок, обмолвок ясно, что ей пришлось многое пережить, набраться горького опыта жизненных разочарований: *А, может, он просто неплохой мужик, а я на воду дую... После того... молочка...; Я даже расхохоталась. На, говорю. Тащи сюда свой детектор. Нашел чем испугать российского еврея; Даже смешно, что меня заело — подписка о невыезде! Как будто я вот сейчас бы за границу подалась. Чего я там не видала — во-первых. Во-вторых, у нас с Сержантом есть на что другое тратить... А вот заело! Лежу ночами и грызет меня, грызет...* [Там же: 84]. Рая понимает, что преждевременно состарилась душой, устала жить, хотела бы умереть, но должна жить ради сына: *Мне вообще-то тридцать девять только, и вроде, фигура на месте. Но у меня такое ощущение, что мне триста восемьдесят — я ж училась еще в эпоху промокашек; А Сержант, ну, как маленький — а где, спрашивает, где бы ты вообще хотела жить?.. А я, вообще-то нигде бы не хотела... Я уже нажилась — во!... Но у меня Сержант...* [Рубина 2010: 96].

Феминистские черты и поведение в образе Раи автор намеренно заостряет. Таким образом, у Рубиной «антилиризм» «работает» на ироническую подсветку образа героини.

Жизнь подарила Рае шанс избавиться от одиночества. Она встречает марокканца, «мачо»: *Мужик — по виду явно марокканец <...> Стопроцентный марокканец, никаких сомнений* [Там же: 94]; *Стоит верзила, на шее цепь золотая* [Там же: 92] — встречает мужчину, который ею заинтересовался, по-мужски на нее посмотрел и помог. *Помог он мне картины вытащить и поднять на третий этаж. Стоит, смотрит как я ключом дверь отпираю. Слушай, говорит, раз такое дело, может пригласишь кофе выпить? — Нет уж, говорю, не собираюсь кормить ваш местный фольклор новой историей о русских проститутках. Ну, он стал спускаться вниз, медленно так... На нижней площадке остановился, смотрел как я картины в дом втаскиваю. Да... Стоит на площадке и снизу вверх смотрит*

[Там же: 94]. Однако «железная маска» героини не позволяет ей рассматривать его как возможного спутника жизни: *Так что на меня смотри — не смотри — не действует. Я человек в основе своей не лирический* [Там же: 95].

Таким образом, мы видим, что как Сашеньке, так и Рае представился шанс изменить свою жизнь к лучшему — выйти замуж. Сашенька упускает этот шанс из-за насильно надетой на себя маски «роковой женщины», а Рая — из-за насильно надетой на себя маски «феминистки». Беда обеих героинь в том, что они пытаются что-то доказать отчужденным от них людям вместо того, чтобы прислушаться к собственному внутреннему голосу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барковская Н. В. Страна без территории: русские парижане в изображении Н. А. Тэффи // Русское Зарубежье — духовный и культурный феномен : материалы Междунар. науч. конф. — М., 2003. Ч. 1. С. 188—192.
2. Демидова О. Р. Эмиграция: жизнь на границе двух миров // Космополис. 2004. № 1 (7). С. 70—73.
3. Жена, которая умела летать / ред.-сост. Г. Г. Скворцова ; ред. Р. Г. Мустонен, А. М. Марченко. — Петрозаводск : ИНКА, 1993.
4. Каганский В. Л. Этюды о границах. Ситуация границы и граница // Мир психологии. 1999. № 4 (20). С. 103—116.
5. Львов К. В. Маргиналы русского зарубежья. — М. : Изд-во Ипполитова, 2002.
6. Маркита // Тэффи. — М. : Эксмо, 2008. С. 221—227. (Антология сатиры и юмора России XX века ; т. 12).
7. Минеева И. Н. Литература русского зарубежья (XX — начало XXI вв.) : учеб. пособие. — Петрозаводск : Изд-во КГПА, 2012.
8. Рубина Д. И. Двойная фамилия : рассказы . — М. : Эксмо, 2012. — 144 с.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'23
ББК Ш100.4

ГСНТИ 16.21.27; 16.31.02

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

М. Б. Ворошилова М. В. Voroshilova

К. В. Злоказов К. V. Zlokazov

А. А. Карапетян А. A. Karapetyan

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ОТРЫВОК ПРО СКИНХЕДА: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

AN EXTRACT ABOUT A SKINHEAD: EXPERIENCE OF COMPLEX PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC EXPERTISE

Аннотация. Представлены материалы комплексной психолого-лингвистической экспертизы видеоматериалов, размещенных в социальной сети «ВКонтакте», по делу о преступлении экстремистской направленности.

Abstract. Results of the complex psychological and linguistics expertise of videos, published in social networking site "Vkontakte" on the crime with extremist purpose, are given.

Ключевые слова: экспертиза; экстремизм; экстремистские материалы; деструктивность; креолизованный текст.

Key words: expertise; extremism; extremist materials; destructivity; creolized text.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 285.

e-mail: shinkari@mail.ru.

Сведения об авторе: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

About the author: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Chair of Psychology.

Место работы: Уральский юридический институт (Екатеринбург).

Place of employment: the Ural Law Institute (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

e-mail: zkkrivit@yandex.ru.

Сведения об авторе: Карапетян Артур Андраникович, соискатель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, оперуполномоченный по особо важным делам, майор полиции.

About the author: Karapetyan Artur Andranikovich, Competitor for a Degree of the Chair of Criminal Law, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs, Police Officer for Specially Important Cases, Police Major.

Место работы: Центр по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области (Екатеринбург).

Place of employment: Center for Extremism Opposition, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Sverdlovsk region (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, ул. М. Жукова, 4а.

e-mail: andranikovich85@mail.ru.

В 2011 г. сотрудниками Центра противодействия экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области был установлен факт размещения в социальной сети «ВКонтакте» на персональной странице пользователя под псевдонимом «гражданин Иванов» (мы используем вымышленное имя, дабы не распространять персональную информацию и не посягать на право защиты личных данных героя, да и сама ситуация и представленный материал настолько типичны, что их персонализация не имеет значения; наша цель —

показать общую логику подобных исследований) видеороликов, содержащих сцены избияния «скинхедами» лиц неславянской внешности, что и было зафиксировано в виде акта документирования электронного ресурса.

В октябре 2011 г. материалы, полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий, были зарегистрированы в КУСП ГУ МВД России по Свердловской области. В результате проведенной проверки Первоуральским межрайонным следственным отделом следственного управления Следст-

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность»

© Ворошилова М. Б., Злоказов К. В., Карапетян А. А., 2013

венного комитета Российской Федерации по Свердловской области возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ: «1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, — наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет» [УК РФ].

В рамках уголовного дела гражданин Иванов был допрошен в качестве подозреваемого. В ходе допроса он пояснил, что обладает специальными познаниями в области компьютерной техники и компьютерного программного обеспечения. В сети Интернет последний зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте.ру», где разместил для всеобщего обозрения и распространения видеоматериалы праворадикального движения «скинхеды». На данных видеозаписях изображаются сцены насилия, избиения и убийств, совершенных «скинхедами» в отношении лиц неславянской внешности, а также демонстрируется фашистская атрибутика. Помимо изложенного, гражданин Иванов пояснил, что видеоматериалы он разместил с целью донести до большого числа пользователей сети Интернет свои идеи, касающиеся проблем пребывания и проживания выходцев с Кавказа и Средней Азии на территории России. Также Иванов отметил, что он сознательно распространял видеоматериалы экстремистского характера.

В рамках уголовного дела были допрошены близкие и друзья Иванова. В ходе проведения следственных действий они пояснили, что во время дружеских встреч Иванов неоднократно высказывал свое негативное мнение по отношению к лицам неславянской внешности, постоянно говорил о том, что нерусские заполнили рынки и рабочие места, а также придерживался позиции и мнения, что Россия должна существовать для русских, все остальные национальности должны покинуть территорию России.

В ходе расследования уголовного дела системный блок персонального компьютера, принадлежащий гражданину Иванову, с которого происходило распространение вышеупомянутых файлов, был изъят. Проведенная компьютерно-техническая экспертиза факт распространения файлов в сети Интернет подтвердила.

С целью установления характера информации и выявления признаков, направленных на возбуждение национальной, расовой ненависти и вражды, унижение национального достоинства, в содержании распространяемых гражданином Ивановым материалов, экспертами Уральского государственного педагогического университета в области филологии и социальной психологии была проведена психолого-лингвистическая экспертиза.

Выбор именно комплексной экспертизы был обусловлен целым рядом причин. Во-первых, именно комплексные исследования позволяют избежать одностороннего и не-объективного изучения свойств представленных материалов. Во-вторых, проведение комплексного исследования позволяет расширить предмет экспертизы. Так, например, используя традиционный инструментарий, лингвист, как правило, может ответить только на вопрос, «о чем анализируемый текст», но не о том, как данный текст воспринимается адресатом и в какой степени воздействует на его сознание: эти вопросы относятся к компетенции психолога. Кроме того, перлокутивный эффект нередко достигается за счет манипулятивных приемов социально-психологического воздействия, также «ускользающих» от лингвиста в силу специфики его профессии. В практике современной экспертизы текстов существуют подходы, позволяющие оценить наличие признаков экстремистского призыва — например, формирование ксенофобической установки [Ратинов и др.: 63—83].

В рамках наших исследований разрабатывается практика оценки воздействующего потенциала текста путем контент-анализа видеофрагментов, сопровождаемого психологической диагностикой процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализом его психофизиологического состояния в процессе просмотра видеофрагментов [Ворошилова Злоказов 2011].

Итак, на разрешение экспертов были поставлены следующие вопросы:

1. Содержится ли в представленных материалах информация, содержание которой направлено на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к какой-либо расе, нации, религии, социальной группе или отдельных лиц как ее представителей? Если

содержится, то какими языковыми или визуальными формами они выражены?

2. Имеются ли в представленных материалах данные о возможной принадлежности лиц к определенным организациям, сообществам? Если имеются, то к каким?

3. Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных лиц эмоциональные переживания ненависти и вражды? Если содержатся, то по отношению к кому возбуждаются эмоциональные переживания ненависти?

4. Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных психологическую готовность к унижению человеческого достоинства?

5. Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных лиц психологическую установку поведения на осуществление насильственных действий в отношении другого человека?

6. Содержатся ли в представленных материалах элементы, унижающие достоинство человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения?

7. Содержатся ли в представленных материалах элементы, оказывающие при их просмотре психологическое воздействие на неустановленных лиц? Какого характера это воздействие?

8. Содержатся ли в представленных материалах элементы, вызывающие при их просмотре изменения в ценностно-смысловой сфере у неустановленных лиц?

9. Содержатся ли в представленных материалах элементы, вызывающие при их просмотре изменения в поведении у неустановленных лиц? Если изменения возникают, то в чем они выражаются, проявляются?

Материалы, представленные для экспертизы.

Для экспертизы были представлены 12 видеофайлов.

На начальном этапе экспертизы были восстановлены первоначальные имена видеофайлов, так как имя (название, заголовок) является неотъемлемой частью текста и выполняет важную прагматическую функцию — создает базу для восприятия и интерпретации текста.

Отметим, что в ходе проведения экспертизы мы использовали термин «текст» для обозначения семиотически осложненной формы поликодового текста, сочетающего как языковые единицы, так и единицы иных знаковых систем, в том числе визуальных.

Таблица 1

Название видеофайла	Название текста
Banda Moskvy — Vivat, Rossiya!	Банда Москвы — Виват, Россия!
Bogatyrskaya.240	Богатырская
Boris' za Rossiyu!	Борис за Россию!
f59f97e60937-136686974.vk	СВР
HARDLINE sXe Ns !!!	HARDLINE sXe Ns !!!
otryvok pro skinhedov...est' nad chem zadumat'sya	Отрывок при скинхедов ... есть над чем задуматься
Ross Kemp_ Bandy (Moskva)	Росс Кемп: Банды (Москва)
Slava Rusi. Ot serdca k solncu!	Слава Руси! От сердца к солнцу!
Social'naya reklama 2010.240	Социальная реклама 2010
Soprotivlenie.KeNIG.240	Сопrotивление. КЕНИГ
SS-Slovyanskij Soyuz (1)	СС — Славянский союз
Zames.240	Замес

Лингвистическая часть экспертного заключения

Для решения вопросов лингвистической части экспертизы исследование проводилось методами контент-анализа, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа ключевых слов, а также логико-грамматического и лингвистического анализа текста в контексте видеосюжета.

Кроме того, учитывались положения Рекомендаций об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, утвержденные заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым.

Экспертом был представлен комплексный анализ каждого видеофрагмента.

В видеофайле «Банда Москвы — Виват, Россия!» основным лозунгом звучит призыв «За Родину, за Родину борись!». Он поддержан личным обращением «Ты уличный солдат», что несомненно усиливает его воздействующий потенциал. Также авторы используют манипулятивный прием обращения к историческому, героическому прошлому (образ военных), что служит неким оправданием, а значит, и косвенным призывом.

Образ врага, с которым призывают бороться, создается не только на вербальном (звучковом сопровождении), но и на визуальном уровне, что также является ярким примером манипуляции. Врагами в тексте названы «хачики», «негры», «евреи», «кавказцы». Таким образом, критерием определения врага является национальный, расовый или религиозный принцип.

Образ врага формируется через возбуждение социальной, расовой, национальной

или религиозной розни. «Хачики», «негры», «евреи», «кавказцы» представлены как носители одного из социальных зол, как агрессоры, от которых необходимо защищаться. Изображение человека с темной кожей, держащего в руках поднятый нож, сопровождается текстом: «Русский! Покажи негру, кто в России хозяин!»

Данный манипулятивный прием поддержан частотным обращением к образу женщин и детей, защищать которых — долг каждого мужчины. Фраза «Ну что? так и будешь сидеть на диване, пока хачики пристаю́т ко мне на улице» сопровождается изображением красивой молодой девушки (данный текст используется и в видеофрагменте «Борись за Россию!»).

В одном из следующих видеофрагментах еврейская звезда (звезда Давида), исламский полумесяц следуют за бутылкой, которая разбивается кулаком. Данное изображение сопровождается следующим текстом: «Сначала спиртное — а потом все остальное», — таким образом, мировые религии ставятся в один ряд с таким общепризнанным социальным пороком, как алкоголизм.

Также подчеркнем, что образ врага создается в том числе и за счет противопоставления «белому человеку». Данный прием свойственен экстремистским текстам, направленным на пропаганду исключительности, превосходства человека по признаку его расовой, национальной принадлежности.

Второй признак экстремизма, отмеченный в данном файле, — пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. В тексте неоднократно демонстрируется свастика, кельтский крест, арийский кулак и др.

Манипулятивный прием обращения к историческому, героическому прошлому является основным в видеофайле «Богатырская» и также служит косвенным призывом к борьбе (сопровождается постоянными призывами «За Россию!»). Авторы обращаются к следующим образам:

- русских богатырей. Ключевым является образ Евпатия Коловрата — воеводы и славянского богатыря, героя рязанского народного сказания XIII в. (времен нашествия Батыя). В анализируемом контексте данное прецедентное имя отсылает и к названию современной музыкальной группы, известной своими националистскими текстами;

- богов восточных славян — Сварога и Перуна. Обращение к данным именам направлено на провозглашение превосходства славянской расы;

- военных героев разных эпох. Обращение к этим фигурам выполняет функцию косвенного призыва, они служат неким примером.

Аналогичные призывы к борьбе за Россию звучат в роликах «Борись за Россию!», «Слава Руси! От сердца к солнцу!». В качестве врагов вновь обозначены как социальные пороки общества (алкоголь и др.: «Алкоголь убивает Русскую Нацию! Не пей!»), так и «нерусские» («Ты защитишь ее от черных!»).

Частотное использование приема противопоставления «русских нерусским» в анализируемом видеотексте акцентирует национальную подоплеку «войны», к которой призывают авторы. Написание слова «русский» с прописной буквы может быть истолковано в анализируемом дискурсе как способ превозношения русской нации.

Национальная и религиозная рознь наиболее ярко и открыто выражена в ролике «Слава Руси! От сердца к солнцу!». Авторы используют классические приемы разжигания вражды: косвенные угрозы («Мечетей здесь не будет!»), приписывание враждебных действий и опасных намерений («Не будет порядка на русской земле, пока жи́ды сидят в кремле!») и др.

Основным приемом манипуляции в данных видеофрагментах, наравне с описанными выше (использование образов женщин и детей, приема противопоставления, призывов «к защите» и др.), является обращение к рекламным и плакатным формам. Видео ряд роликов представляет собой монтаж отдельных текстов, построенных по принципам социальной рекламы или военного плаката. Большинство текстов содержат или вопрос, или призыв, что направлено как на привлечения внимания, так и на активизацию реципиента.

Ролики «СВР», «HARDLINE sXe Ns !!!» построены по классическим канонам текстов экстремистского дискурса. Характерными являются следующие черты:

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (свастик, кельтского креста, арийского кулака, традиционного приветствия и др.);

- прямые призывы и лозунги («Бери оружие — стреляй оккупантов»; «Мы сохраним белую расу»; «Мы идем. Бегите мрази»; «Держи кровь чистой»);

- демонстрация физической и военной силы (многочисленные образы физически сильных молодых людей с оружием в руках).

Основной манипулятивный прием данных роликов также традиционен для анализируемого дискурса: главным «врагом» обозначаются такие социальные пороки, как алкоголь, наркотики, но в этом же ряду оказываются и национальные и религиозные про-

тивники, что позволяет завуалировать национальную и религиозную рознь, придать борьбе ореол «честности».

Данный прием также положен в основу видеофрагмента «Сопrotивление. КЕНИГ», представляющего собой манифест соответствующей организации. Агитация за здоровую нацию сопровождается, с одной стороны, демонстрацией нацистской символики, с другой — постоянным акцентированием национального превосходства: «...наше движение отстаивает приоритеты русского народа...»

Видеоролик «Социальная реклама 2010» построен на одной из самых действенных манипулятивных технологий — запугивания и оправдания. Данный прием описывался нами и ранее. Первая часть ролика представляет собой обращение «террористов к россиянам», содержащее прямые угрозы к уничтожению, вторая часть демонстрирует силу молодых и желание вступить в войну («освободительную»). Этот прием является ярким примером косвенного призыва, действенность которого давно доказано и лингвистами, и психологами. Однако справедливости ради мы должны отметить, что в указанном видеофрагменте нет прямо выраженной национальной или религиозной подоплеки.

Следующий видеофрагмент, «СС — Славянский союз», представляет собой яркую пропаганду Славянского союза и его идей. В основе ролика — параллель между СС и Славянским союзом, что заложено уже в самом названии и выражается на всех уровнях текста. Это, бесспорно, является одним из признаков экстремизма, а именно пропагандой и публичным демонстрационным нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

Отметим также, что при создании образа врага авторы большинства анализируемых видеофрагментов нередко используют инвективную лексику и фразеологию. В анализируемых текстах употребляются и экспрессивные онимы (*хачи, жиды* и др.), как правило, не входящие в литературный русский язык и имеющие жаргонное происхождение, а значит, обладающие яркой эмоциональной оценкой, причем исключительно отрицательной (*черный* и др.), и прямые инвективы, отмеченные в словарях как единицы просторечной, бранной лексики, выражающие презрительное или пренебрежительное отношение (*мразь* и др.).

Используемая инвективная лексика (т. е. слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценоч-

ном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме) в данном тексте, помимо своей основной функции — оскорбить, унижить, опорочить адресата речи, — также выполняет функцию идентификации «своих» и «чужих» и выражения неприятия «чужих».

В заключение отметим, что содержание представленных видеофайлов (видеоматериалов) направлено на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к какой-либо расе, нации, религии, социальной группе или отдельных лиц как ее представителей.

С этой целью в материалах активно используются манипулятивные приемы (дискредитация врага, свехобобщение), многочисленные образы, обладающие ярко выраженным агрессивным-прагматическим потенциалом (как на языковом, так и на визуальном уровне), инвективная лексика и фразеология, а также побудительные конструкции, в том числе прямые и косвенные призывы.

Помимо этого, в представленных материалах неоднократно используются элементы, унижающие достоинство человека либо групп лиц по признакам расы, национальности, происхождения, в частности инвективная лексика и фразеология.

В подавляющем большинстве видеофайлов были отмечены и признаки принадлежности изображенных лиц к различным организациям, поддерживающим экстремистские взгляды, в том числе к известному межрегиональному объединению скинхедов «Формат 18». Вдобавок к этому активно используется нацистская символика, являющаяся одним из основных признаков принадлежности к подобным группам.

Психологическая часть экспертного заключения

Для решения поставленных вопросов психологическая экспертиза проводилась путем контент-анализа видеофрагментов, психологической диагностики процессов, состояний и свойств психики субъекта в связи с просмотром видеофрагментов.

С целью объективного изучения влияния видеофрагментов была сформирована выборочная совокупность из 47 человек, включающая 41 мужчину в возрасте от 18 до 20 лет и 6 девушек в возрасте от 18 до 20 лет.

В процессе экспертизы испытуемым были показаны видеофрагменты, находящиеся на диске. Просмотр видеофрагментов осуществлялся на персональном компьютере

с помощью стандартного приложения для просмотра видеофрагментов в операционной системе «Windows» — «Windows media player». После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый заполнял анкету, составленную по типу стандартизованного самоотчета. Полученные в ходе анкетирования данные вводились в таблицу Excel для дальнейшей математико-статистической обработки. Обработка результатов проводилась с помощью пакета математико-статистических программ «Statistica for Windows 6.0».

Таким образом, в ходе обследования группы испытуемых были получены данные объективных самоотчетов после просмотра видеофрагментов, что позволило определить особенности влияния представленных для экспертизы видеофрагментов на психические процессы и состояния испытуемых.

Экспертиза проводилась в соответствии с методиками производства психодиагностических исследований процессов, состояний и свойств психики, принятых в психологической диагностике. Кроме того, учитывались положения Рекомендаций об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, утвержденных заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым.

По результатам проведенного нами контент-анализа отметим, что в ряде видеофрагментов («Banda Moskvу — Vivat, Rossiya!», «Bogatyrskaya.240», «Boris' za Rossiyu!», «f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!», «Slava Rusi. Ot serdca k solncu!», «Social'naya reklama 2010.240») испытуемые наблюдают видеоряд, содержащий набор изображений, различные текстовые фрагменты и сопровождающийся музыкальным оформлением. Совокупность перечисленных элементов в видеофрагменте воспринимается при просмотре как целостное и непротиворечивое, содержащее в себе определенный смысл, единство. Трансляция смысла осуществляется за счет специально подобранного видеоряда, уточняемого текстовыми пояснениями. Отрывки музыкальных произведений формируют определенное эмоциональное состояние лица, просматривающего видеофрагменты.

В ряде зарубежных экспериментов [Anderson, Craig A: 81—110] утверждается что просмотр видеофрагментов с демонстрацией насилия способствует росту агрессивно-насильственных реакций у просматривающих субъектов.

Изучение проблем формирования агрессивного и насильственного поведения опирается на теоретические положения бихе-

виористического направления в психологии [Бэрн, Ричардсон: 48—49], в частности на исследования А. Бандуры, Д. Долларда, Б. Скинера, показывающих, что вероятность повторения агрессивных действий людьми тем выше, чем шире диапазон способов усвоения этих действий, факторов, провоцирующих появление насильственных действий и условий, при которых агрессивные реакции закрепляются. Важным аспектом усвоения агрессивных реакций выступают факторы, регулирующие агрессивное поведение (сохраняющие, усиливающие, контролирующие его). В качестве механизмов контроля могут выступать формы поощрения (общественное одобрение или порицание, наблюдение за ситуациями, в которых поощряют агрессивных лиц, вознаграждают их либо наказывают).

Контент-анализ, проведенный нами, показывает, что в видеофрагментах, представленных на экспертизу, демонстрация насильственных действий не заканчивается их порицанием, соответственно не выражены механизмы контроля за агрессивными реакциями, что способствует формированию агрессивных форм поведения путем vicarious learning у лиц, просматривающих их.

Осуществленный нами ранее эксперимент показал, что с психофизиологической точки зрения просмотр подобных видеофрагментов сопровождается вегетососудистыми реакциями и изменениями в ЭЭГ активности мозга, характерными для стресса [Злоказов 2011: 210—216]. Зритель в процессе просмотра переживает эмоции страха, которые оказывают влияние на восприятие информации.

В современной психологической практике обобщены значительные эмпирические данные, свидетельствующие о том, что всплески насилия детей, подростков и молодежи связаны с качеством, частотой и степенью детализации представления агрессивно-насильственных реакций. Эта точка зрения эмпирически подтверждена значительным количеством исследований, в частности, в работе [James: 705—711] приводятся результаты 636 научных публикаций за период с 1975 по 2000 г.

В представленных видеофрагментах (f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!») показаны формы насильственных действий как одного субъекта (единичные: удары ногой, рукой, комплексные: использование поручней в метро для опоры и ударов ногами), так и действия группы нападающих (в том числе и согласованные). В видеофрагменте «format_Прямое действие2» проводится детализация действий субъекта в ситуации группового нападения. Наглядно

показано, что смысл происходящего интерпретируется просматривающими однозначно как убийство.

Особо отметим, что агрессивно-насильственные действия осуществляются малой группой без выраженных идентификационных признаков — лица нападающих скрыты от наблюдаемого, что облегчает процесс идентификации лица просматривающего видеофрагменты с агрессорами, осуществляющими насильственные действия при обозначенном (с заранее определенными половыми, социальными и прочими признаками) объекте агрессивных действий. З. Фрейд указывал, что идентификация — механизм психологической защиты, обеспечивающий снижение тревоги (страха) за счет воплощения себя в качестве агрессора [Фрейд: 91—148]. Таким образом, одной из форм подкрепления агрессивного поведения является отождествление с лицами, осуществляющими насильственные действия, получившее название «Стокгольмский синдром» [James: 705—711].

Психологический анализ особенностей восприятия видеофрагментов

С целью уточнения особенностей восприятия видеофрагментов было организовано эмпирическое исследование, в ходе которого группе испытуемых (47 человек в возрасте от 18 до 20 лет) был представлен ряд видеофрагментов. Одним из условий успешной идентификации зрителей с действующими лицами видеофрагментов выступает общность половых, возрастных, социальных признаков зрителей и фигурирующих в видеофрагменте лиц. Поэтому возраст, пол и социальный статус выборки подбирались с учетом представленного в видеофрагментах, что, помимо облегчения процесса идентификации, создавало предпосылки для дополнительной активизации восприятия испытуемых.

Процесс исследования заключался в следующем. После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый отвечал на вопросы анкеты (см. табл. 2.), состоящей из открытых и закрытых вопросов, направленных на оценку эмоционального состояния в связи с просмотром видеофрагмента, краткой интерпретацией увиденного («Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите»), субъективной интерпретацией смысла видеофрагмента испытуемым («Какие идеи, по вашему мнению содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите»), присвоением (ассимиляцией) опыта, представленного в видеофрагменте («После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного?»), соци-

альной оценкой испытуемым видеофрагмента («Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?»).

Таблица 2

Структура анкеты-самоотчета для оценки видеофрагмента

Пункты самоотчета	Индикатор
Оцените свое настроение до просмотра видеофрагмента и после просмотра (в связи с ним)	Анализ эмоционального состояния
Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите	Восприятие видеофрагмента
Что вы поняли из просмотренного видеофрагмента? Кратко опишите	Представление о смысле видеофрагмента
Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите	Субъективная интерпретация видеофрагмента
Просмотрев видеофрагмент, выразите ваше мнение по поводу его основных идей.	Субъективная интерпретация видеофрагмента
После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного в дальнейшем (идеи, мысли, действия, способы, приемы)?	Ассимиляция опыта
Если бы вы могли повлиять на ход событий в видеофрагменте, что бы вы выбрали?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Оказавшись в похожей ситуации, на месте главных героев, что вы будете делать?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Дайте оценку происходящему на видеофрагменте	Субъективная оценка видеофрагмента
Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?	Субъективная оценка видеофрагмента
Полезным ли был просмотренный видеофрагмент для вас? Кратко опишите	Субъективная оценка видеофрагмента

Для оценки ответов испытуемых был проведен контент-анализ, в результате которого были сформированы критерии оценки, представленные в виде модифицированной шкалы Лайкерта [Бурлачук, Морозов: 127]. Данная шкала использовалась при математической обработке заполненных испытуемыми анкет.

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что видеофрагменты изменяют эмоциональное состояние испытуемых в процессе просмотра, во многом вследствие содержания (изображения актов насилия, агрессии, музыкального сопровождения) и особенностей его предъявления испытуемому (фокуса, расстояния до объекта в процессе съемки, экспозиции и пр.).

Например, видеофрагмент «Zames.240» отличается большей вариацией субъективных представлений (ср. знач. 4,1 при $\sigma = 2,4$)

испытуемых, что свидетельствует о неоднозначности формируемого в процессе просмотра когнитивного (испытуемые объясняют видеотрейлер как тренировку, занятие спортом либо массовую драку).

Оценка содержания видеотрейлеров («Banda Moskvy — Vivat, Rossiya!», «Bogatyrskaya.240», «Boris' za Rossiyu!», «f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!», «Slava Rusi. Ot serdca k solncu!», «Social'naya reklama 2010.240») испытуемыми проводится преимущественно с опорой на текстовые комментарии к видеотрейлерам («За возрождение Руси»; «против чурок»; «умереть за Русь»; «Драка»; ср. знач. 6,8; 6,7; 5,9 при $\sigma = 0,7; 0,6; 1,3$), с использованием указаний на целевую аудиторию и субъектов агрессии («националисты снимали»; «скинхеды, пропаганда скинхедов») и лиц, выступающих целями агрессивных действий («нерусские»; «черные»; «нохча»).

Отметим и то, что восприятие и субъективная интерпретация испытуемыми содержания видеотрейлеров определяется социальной актуальностью темы. Так, в видеотрейлере «Ross Kemp_ Bandy (Moskva)» интерпретируемые испытуемыми как высказывания о недопустимости противоправных действий скинхедов, необходимости действий в соответствии с законом понимаются испытуемыми достаточно точно (ср. знач. 4,6—4,2 при $\sigma = 1,8—1,9$). Можно заключить, что использование тем, имеющих общественную значимость, повышает точность интерпретации содержания видеотрейлера испытуемым и способствует ассимиляции опыта, что проявляется в изменении субъективного отношения к видеотрейлеру от негативно-равнодушного до принятия его идей (характерно для видеотрейлеров «Bogatyrskaya.240», «Sopro tivlenie. KeNIG.240»).

Оценка представлений субъекта и стратегий поведения в ситуации, аналогичной показанной, у испытуемых осуществлялась следующим образом. Испытуемый оценивал характер собственных действий в случае позитивного принятия (*активное участие, действие наравне со всеми, пассивное присутствие*); в случае отрицания (*остановиться, отойти в сторону, убежать*). Наравне с этим оценивались действия испытуемого в аспекте его социальной роли (как члена общества) — в виде стратегии защиты (*не вмешиваться, звать на помощь, защищать*) и стратегии коммуникации (*опровергать, не разговаривать, соглашаться*).

При субъективной оценке видеотрейлеров «Bogatyrskaya.240», «Soprotivlenie. KeNIG.240» избирается стратегия активного действия — соучастия (ср. знач. 3,00 при $\sigma =$

$= 0,01$), базовая стратегия отрицания рассматривается как «Остановиться» (ср. знач. 1,00 при $\sigma = 0,01$), с позиций социальной роли избирается стратегия «Не вмешиваться» (ср. знач. 1,8 при $\sigma = 0,45$).

Рассматривая собственные действия в ситуации, которая может произойти в жизни, испытуемые избирают стратегию бегства (ср. знач. 3,00 при $\sigma = 0,01$). С позиций социальной роли преимущественной стратегией является «Не вмешиваться» (ср. знач. 1,83 при $\sigma = 0,41$), на коммуникативном уровне стратегия «Соглашаться» (ср. знач. 3,00 при $\sigma = 0,01$).

Анализируя характер оценок, данных испытуемыми видеотрейлерам, отметим, что повышенным значением оценки (на уровне частичного принятия содержания, частичного разделения идей) характеризуются фрагменты «Banda Moskvy — Vivat, Rossiya!», «Bogatyrskaya.240», «Boris' za Rossiyu!», «f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!», «Slava Rusi. Ot serdca k solncu!», «Social'naya reklama 2010.240» (ср. знач. 2,63 при $\sigma = 1,39$). Это свидетельствует о процессе дифференциации содержания видео в связи с индивидуальными особенностями культуры, ценностными, мотивационно-смысловыми характеристиками респондентов. Степень принятия (ассимиляции) смысловых единиц достаточно высока (ср. знач. 2,75 при $\sigma = 0,45$), что, впрочем, может быть обусловлено жанровой составляющей [Злоказов 2011: 210—216]. Испытуемые с высокой степенью согласованности ответов производят оценку представленных им материалов, что свидетельствует о точности и непротиворечивости восприятия смысловых единиц экстремистского текста и их интерпретации.

Субъективная оценка испытуемыми полезности просмотренных видеотрейлеров показывает ассимиляцию информации на уровне частичного принятия (одобрения) видеотрейлеров, в том числе содержащих элементы насилия («Social'naya reklama 2010.240»; ср. знач. 2,75 при $\sigma = 1,06$). Одобрение увиденного, инструментализация опыта испытуемыми вызывает настороженность, поскольку содержательно видеоряд направлен на формирование ксенофобской установки у лиц, просматривающего его.

Чем вызвана подобная реакция зрителя? Разберемся подробнее. В видео «Social'naya reklama 2010.240» последовательно смонтированы два видеоряда, различные по своему образному, темпо-ритмовому и смысловому содержанию. На первом изображены кадры с мест совершения террористических актов, сопровождаемые пояснением диктора

о противоборстве между «войной за веру против войны за бензин в бензобаке». Испытуемые интерпретируют эту часть видео как «несущую угрозу», «угрожающую», «объявляющую войну» (ср. знач. 2,81 при $\sigma = 0,51$). Воюющими выступают с одной стороны «Запад», «США», «Богачи», с другой — «мусульмане», «шахиды», «муслимы», «Иран». Вторая часть видео «Social'naya reklama 2010.240» представляет собой «традиционный» образец экстремистко-пропагандистского текста: видеоряд содержит кадры стрельбы из огнестрельного оружия, нанесения ударов по боксерскому мешку, образы молодых людей в спортивной одежде, в сознании зрителя фиксируются надписи на футболках «White boy». Для музыкального сопровождения используется рок-композиция с различным текстом: «Хочешь ты этого или не хочешь, война, война». С 2 мин. 50 сек. ролика в кадр выводятся надписи «Когда настанет час» (2 секунды), «Ты должен быть готов» (2 секунды), «У тебя осталось мало времени» (4 секунды). Смысл данной части испытуемыми описывается как призывы к «обороне», «подготовке», «тренировке» (ср. знач. 2,74 при $\sigma = 0,66$). Как уже отмечалось, ассимилирующий эффект подобного видеофрагмента достаточно значителен. В самоотчетах испытуемых ответ на вопрос «Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?» в 100 % случаев дается от имени потенциальных «жертв террористической угрозы», не фиксируется ни одного от имени «шахидов», что указывает на то, с какой стороной ассоциирует себя зритель. Усредненный ответ на вопрос — в подавляющем большинстве «да» (ср. знач. 2,63 при $\sigma = 1,39$), и, как уже отмечалось ранее, полезным видеоролик «Social'naya reklama 2010.240» признает большинство опрошенных. В целом данный материал представляет собой образец белой пропаганды (Г. Лассуэл) [Кара-Мурза 2000: 250], в котором используется манипулятивный прием формирования установки «врага», но не происходит его обозначение, а доводится до реципиента идея о необходимости «сопротивления» вероятному насилию. При этом зрители из числа опрошенных нами в самоотчетах достаточно согласованно формулируют смысл видеофрагмента в выражениях «оборона против нерусских», «война с мусульманами», «быть готовым к войне». Размытый образ врага и призыв к противодействию — классический манипулятивный прием, реализуемый в канве политической пропаганды Г. Лассуэла [Schramm 1971: 84—99].

Отметим и тот факт, что развитие идеи о сопротивлении «угрозе» в данном видео-

фрагменте не сопровождается ее «брендингом». Это достаточно часто встречается в экстремистском видео. Введение же «бренда» (символа) позволяет пользователю легко находить в дальнейшем в пространстве интернет-ресурсов видеофрагменты данного автора либо группы.

Также в отчетах испытуемых фигурируют ценности, не являющиеся значимыми в экстремистском дискурсе, но сопровождающие его — «спорт», «борьба», «здоровье», «дружба». Эти ценности — продукт субъективной интерпретации видео испытуемыми, результат сопутствующего эффекта данного видео, возникающего в сознании просматривающих запись лиц. Актуальность описываемых символов-ценностей может превышать экстремистский призыв и выступать самостоятельной причиной для просмотра и последующей трансляции (например, в социальной сети). Особое внимание в связи с этим следует уделить мотивам просмотра и сохранения на социальных экстремистских видео. Как представляется нам, мотивы подобных действий могут быть не только идеологическими, но и, например, пассивными, корыстными, а также деструктивными, т. е. связанными с возведением агрессии и насилия в ранг ценности. Более того, криминологическая характеристика преступлений, совершенных экстремистскими группировками, показывает их отягощенность насильственными действиями в отношении потерпевших, в том числе совершаемых с особой жестокостью. Нередко экстремистские действия маскируют собой корысть, что характерно, в частности, для экстремистских группировок, действующих на территории Юга России (например, собираемый ими на борьбу с неверными «закят» (пожертвование)). В отличие от ритуализированных религиозных экстремистских практик, имеющих свое обоснование в религиозном тексте, националистический экстремизм нуждается в постоянном подкреплении, и не последнюю роль в этом играет форма его трансляции. Креолизованные экстремистский текст обладает достаточной результативностью, поскольку содержит в себе не только идею или образцы поведения, но имеет обучающее, подкрепляющее и регулирующее воздействие. Другими словами, экстремистское видео транслирует деструктивность как ценность, обогащая зрителя опытом насилия, сведениями об инструментах его совершения, подкрепляя и развивая уже имеющийся деструктивный потенциал личности. Этим и обусловлена частная гипотеза наших исследований — предположение о связи между особенностями восприятия экстремистского

текста и деструктивностью личности зрителя. Интерес к этому процессу вызван специфичностью экстремистского текста как жанра, демонстрирующего подлинное насилие. Подлинность для зрителя заключается не только в применении для съемок камер сотовых телефонов, чем обеспечивается субъективно переживаемая «близость» к агрессии одних и боли других, но и в целенаправленности: мотив, цель и результат агрессии отделены друг от друга несколькими десятками секунд записи. В дальнейших исследованиях обсуждаемая гипотеза найдет свое эмпирическое разрешение.

Отметим и то, что просмотр видеофрагментов экстремистского жанра сопровождается активным восприятием и интерпретацией испытуемыми их содержания. Экстремистское видео с точки зрения воздействия на лиц, просматривающих его, характеризуется ростом негативных (астенических) эмоциональных переживаний, частичным принятием демонстрируемых в видеофрагментах моделей поведения.

Интерпретируемый испытуемыми смысл видеофрагментов, построенных по модели ксенофобской установки, не отрицается, а оценивается как положительный и полезный (применимый) в жизни.

В ходе проведенного комплекса следственно-оперативных мероприятий установлено, что, придерживаясь националистической идеологии и обладая специальными познаниями в области компьютерной техники и компьютерного программного обеспечения, гражданин Иванов осознавал, что совершает публичные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признакам расы, национальности и происхождения, так как размещенные им в сети Интернет видеофайлы экстремистского содержания стали доступны для ознакомления и копирования другими пользователями сети Интернет.

Уже в 2012 г. Иванов был привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. В ходе следственных действий Иванов отказался от рассмотрения уголовного дела в особом порядке, свою вину не признал.

В марте 2012 г. судьей Н-кого районного суда гражданин Иванов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного

ч. 1 ст. 282 УК РФ, и ему назначено наказание в виде 180 часов исправительных работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цена слова*: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. — М., 2001.
2. Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А. Как слово наше отзовется? // Российская юстиция. 1998. № 4—7.
3. *Рекомендации* об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : (Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым. 26.06.1999).
4. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб. : Питер, 1997.
5. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. — СПб. : Питер, 2001.
6. Ворошилова М. Б., Злоказов К. В. Комплексное психолого-лингвистическое исследование креолизованного текста: методы психологического исследования // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. — Ростов н/Д : Ростиздат, 2011. С. 83—89.
7. Злоказов К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 210—216.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2000.
9. Ратинов А. Р., Коньшова Л. П., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Психолого-правовая оценка враждебной направленности материалов СМИ и публичных выступлений // Юридическая психология : сб. науч. тр. / под ред. Г. Х. Ефремовой, О. Д. Ситковской. — М., 2005. Вып. 3. Ч. 1. С. 63—83.
10. *Уголовный кодекс* Российской Федерации = УК РФ. Ст. 282. URL: <http://www.uk.ru/code/10/282/>.
11. Фрейд З. Автобиография // З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. — М., 1992. С. 91—148.
12. Anderson C. A., Berkowitz L., Donnerstein E., Huesmann L. R., Johnson J. D., Linz D., Malamuth N. M., Wartella E. The influence of media violence on youth // [Peer Reviewed Journal]. Psychological Science in the Public Interest. 2003. Vol 4 (3), Dec. 2003. P. 81—110.
13. *Factors Influencing the Development of the Hostage Identification Syndrome* Author(s) / James T. Turner Source // Political Psychology. 1985. Vol. 6, No. 4 (Dec.). P. 705—711.
14. Schramm W. ve R. D. F. The Process and Effects of Mass Communication. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

И. А. Стернин I. A. Sternin
Воронеж, Россия Voronezh, Russia

**НЕПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ
НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА**

**POLITICALLY INCORRECT
NATIONAL NAMES
IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF LANGUAGE'S POSSESSOR**

Аннотация. В статье рассматриваются психолингвистические значения неодобрительных наименований лиц по национальности в современном русском языке.

Abstract. The article reveals psycholinguistic meanings of derogatory people names in the modern Russian language.

Ключевые слова: психолингвистика; психолингвистическое значение; наименования лиц.

Key words: psycholinguistics; psycholinguistic meaning; people names.

Сведения об авторе: Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского университета.

About the author: Sternin Isosif Abramovitch, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics and Stylistics.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Place of employment: Voronezh State University.

Контактная информация: 394006, Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: sterninia@mail.ru.

Лингвистическая экспертиза текста часто сталкивается с необходимостью анализировать значения неполиткорректных наименований лиц — сниженных, пренебрежительных, оскорбительных, грубых наименований лиц по национальной принадлежности.

В толковых словарях такие значения обычно либо отсутствуют, либо даются в самом обобщенном виде с указанием на функциональный компонент значения — *грубо, пренебрежительно, неодобрительно* и т. д., что не позволяет в полной мере описать передаваемую ими в конкретном словоупотреблении семантику.

Важно получить достоверные сведения о содержании данных слов в реальном языковом сознании, т. е. выявить психологически реальное (психолингвистическое) значение этих слов, что позволит судить о реально связываемых с ними смыслах в современном языковом сознании носителей русского языка.

Психолингвистические значения слов находят отражение в психолингвистическом толковом словаре, который разрабатывается на кафедре общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета. О принципах разработки этого словаря см.: [Стернин, Рудакова 2011].

Психолингвистический толковый словарь составляется по материалам ассоциативных экспериментов со словом, которые подвергаются семантической интерпретации и семному описанию.

Покажем образцы словарных статей такого словаря на примерах неполиткорректных наименований лиц по национальной принадлежности.

Подчеркнем, что психолингвистический словарь в той своей части, в которой он представляет сниженную, ненормативную, неполиткорректную лексику, в принципе предназначен для научных целей, а не для широкого употребления. Эта лексика не может быть и никогда не будет опубликована для широкого круга пользователей, так как может быть в таком случае использована в частности в целях популяризации негативных национальных стереотипов, для оправдания оскорбительных характеристик лиц по национальности и подобного. Лексика ограниченного словоупотребления будет опубликована в отдельном выпуске словаря для служебного пользования. Такой словарь имеет сугубо научное назначение и призван дать исследователям языка, педагогам, политикам, силовым ведомствам, лингвистам — экспертам объективное представление о значениях тех или иных слов для использования в профессиональной деятельности и оптимизации межнациональных отношений.

Статья состоит из ассоциативного поля слова-стимула, кратких и полных дефиниций с указанием симиларов, оппозитивов, стилистических, оценочных и эмоциональных характеристик, индекса яркости каждой семы (частотности актуализации семы в экспери-

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Теоретические проблемы разработки и создания психолингвистического толкового словаря современного русского языка», номер госрегистрации 1204-00128а от 14 марта 2012 НИЧ 12059.

© Стернин И. А., 2013

менте) и совокупного индекса яркости (СИЯ) каждой семемы (совокупности индексов яркости образующих ее сем как показателя яркости значения в языковом сознании), а также примера употребления.

Приведем примеры словарных статей.

АЗЕР <100>: чурка <4>; азербайджанец, кавказец, чёрный <3>; лицо нерусской национальности, нерусский, озеро, юзер <2>; ара, армяшки, базар, байджан, борцуха, враг, гастарбайтер, житель Азербайджана, житель Средней Азии, зверёк, зверь, иммигрант, иностранец, ислам, кафе, лазер, лицо кавказской национальности, Майтан, национальность, нация, непонятно, нос, опять, парень, позёр, приезжий, сокращение от Азербайджан, таджик, фижня какая-то, хачик, человек, человек из Азербайджана, черкизовский, штукатурщик, эмигрант, юзеры <1>; отказ <45>.

Психолингвистическое значение

1. Азербайджанец.

Нерусский <5> человек <2>, по национальности <2> азербайджанец <3>, относится к числу кавказских народов <15>, родился и проживает в Азербайджане <7> или в другом регионе <3>; имеет типичную внешность: черные волосы <3>, смуглую кожу <3> и своеобразной формы нос <1>; исповедует ислам <1>; является гастарбайтером <1>, работает штукатурщиком <1>, торгует на Черкизовском <1> рынке <1>, в кафе <1>, занимается борьбой <1>; любит произвести впечатление <1>, является врагом <1>.

То же, что азербайджанец <3>, чурка <4>, кавказец <3>, чёрный <3>, лицо кавказской национальности <1>, зверёк <1>, зверь <1>, хачик <1>.

неоценочное <40>, *неодобрительное* <13> (чурка <4>; чёрный <3>; враг, зверёк, зверь, лицо кавказской национальности, позёр, хачик)

неэмоциональное <44>, *пренебрежительное* <9> (чурка <4>; чёрный <3>; хачик, армяшки)

сленговое

СИЯ 53

Пример употребления: *Какой-то азер продает теперь овощи у нас на углу.*

2. Нерусский человек, кавказец.

Человек <2> нерусской <5> национальности <2>, кавказец <17>, таджик <1> или азиат <1>, приехавший откуда-либо <4>; имеет типичную внешность: черные волосы <3>, смуглую кожу <3> и своеобразной формы нос <1>; исповедует ислам <1>; является гастарбайтером <1>, работает штукатуром <1>, торгует на Черкизовском <1> рынке <1>, в кафе <1>, занимается борьбой <1>; любит произвести впечатление <1>, враг <1>.

То же, что чурка <4>, кавказец <3>, чёрный <3>, лицо кавказской национальности <1>, зверёк <1>, зверь <1>, хачик <1>.

неоценочное <35>, *неодобрительное* <13> (чурка <4>; чёрный <3>; враг, зверёк, зверь, лицо кавказской национальности, позёр, хачик)

неэмоциональное <39>, *пренебрежительное* <9> (чурка <4>; чёрный <3>; хачик, армяшки)

сленговое

СИЯ 48

Пример употребления: *Азеры понаехали — русским людям прохода нет.*

3. Азербайджан.

Сокращенное наименование страны Азербайджан <2> (*сокращение от Азербайджан, байджан*).

Сокращенное наименование страны Азербайджан <2>.

неоценочное

неэмоциональное

разговорное

СИЯ 2

Пример употребления: *Он только вчера из Азера приехал.*

Неактуально <45>

Не интерпретированы <11> (озеро <2>, юзер <2>, юзеры, лазер, Майтан, опять, фижня какая-то, непонятно)

ЖИД <100>: еврей <45>; жадный <8>; воробей <4>; жмот, пархатый <3>; гад, жадность, жлоб, скупой <2>; брат сестры, вода, гид, городской, ель, жадина, жадный человек, жмотяра, индус, иудей, лиса, он и есть жид, предатель, прозвище еврея, скупердяй, хитрец, хитрый, человек <1>; отказ <11>.

Психолингвистическое значение

1. Еврей.

Прозвище <1> человека <1> еврейской национальности <46>, отличается от индуса <1>; жадный <66>, хитрый <3>, может предать <1>, по вероисповеданию иудей <1>; вызывает неодобрение <5>.

То же, что еврей <46>, иудей <1>.

идентификация <3> — *брат сестры, городской, гид*

актуализация прецедентных текстов <4> — пословица «жид как воробей: где бы ни сел, там и наестся» <4> (*воробей* <4>)

неоценочное <102>, *неодобрительное* <30> (жадный <8>; жмот <3>, пархатый <3>; гад <2>, жадность <2>, жлоб <2>, скупой <2>; жадина, жадный человек, жмотяра, скупердяй, лиса, хитрец, хитрый, предатель)

неэмоциональное <125>, *презрительное* <7> (пархатый <3>; гад <2>, жмотяра, скупердяй)

разговорное, бранное

СИЯ 132

Пример употребления: *Осторожный кашель разбудил меня; я открыл глаза и увидел перед собою жид а лет сорока, в долгополом сером кафтане, башмаках и черной ермолке.*

2. Жадный человек.

Жадный <63>, скупой <3> человек <2>; хитрый <3>, предатель <1>; вызывает неодобрение <5>.

То же, что еврей <45>, жмот <3>, жади-на <1>, жмотяра <1>, скупердяй <1>.

идентификация <3> — брат сестры, городской, гид

неоценочное <50>, неодобрительное <30> (жадный <8>; жмот <3>, пархатый <3>; гад <2>, жадность <2>, жлоб <2>, скупой <2>; жадина, жадный человек, жмотяра, скупердяй, лиса, хитрец, хитрый, предатель)

неэмоциональное <73>, презрительное <7> (пархатый <3>; гад <2>, жмотяра, скупердяй)

разговорно-сниженное, бранное

СИЯ 80

Пример употребления: *У нее муж настоящий жид: денег никогда в долг не даст.*

3. Воробей.

Воробей <4> (воробей <4>).

неоценочное

неэмоциональное

разговорное

СИЯ 4

Пример употребления: *Вчера жиды как налетели — все семена поклевали.*

Неактуально <11>

Не интерпретировано <3> (вода, ель, он и есть жид)

КАЦАП <100>: русский <23>; хохол <6>; Украина <4>; человек <3>; Бендер, Валера, москаль, фильм <2>; борода, вульгаризм, еврей, жалкий, жмот, кинд-дза, козёл, кю, Москва, наш сосед, пацан, русский человек, свой, унижительное прозвище русских, холоп, цапать, пришлый в страну, не хохол, смесь русского с другой национальностью, танец, чуб <1>; отказ <35>.

Психолингвистическое значение

Прозвище русского человека, на Украине.

На Украине <4> прозвище <1> русского <28> человека <5>, приехавшего в страну <1> из Москвы <1>, противоположно — хохол <7>, отличается от еврея <1>, с бородой <2>, с чубом <1>, жадный <2>; вызывает чувство жалости <1>, неодобрение <1>.

То же, что русский <24>, москаль <2>.

идентификация <5> — Бендер <2> (Бендер <2>), это Валера <2> (Валера <2>), это наш сосед <1> (наш сосед)

актуализация прецедентных текстов <4> — фильм «Кин-дза-дза» <4> (фильм <2>; Кин-дза-за, кю);

сочетаемость <1> — свой

неоценочное <57>, неодобрительное <8> (москаль <2>; вульгаризм, еврей, жалкий, жмот, козёл, унижительное прозвище русских)

неэмоциональное <59>, презрительное <5> (москаль <2>; еврей, козёл, унижительное прозвище русских), *негативно-эмоциональное <1>* (жалкий)

разговорно-сниженное, презрительное
СИЯ 65

Пример употребления: *Твой кацап опять у меня денег занял.*

Неактуально <32>

Не интерпретировано <3> (холоп, цапать, танец)

МОСКАЛЬ <100>: москвич <28>; хохол <16>; украинец <5>; оскорбление, русский, человек <3>; буржуй, вид, житель Москвы в понимании украинца, книга, коренной, монстр, паскаль, погода, подчинённый, Россия, рыба, старое слово, Украина, украинский язык, человек из Москвы, шестёрка <1>; отказ <26>.

Психолингвистическое значение

1. Москвич, русский человек, на Украине.

На Украине <3> русский <4> человек <4>, родившийся и/или проживающий в Москве <30>, России <1>; вызывает неодобрение <6>.

То же, что москвич <28>, русский <3>.

Противоположно — хохол <16>, украинец <5>.

сочетаемость <1> — коренной

актуализация прецедентных текстов <1> — роман М. Попова «Москаль» <1> (книга)

неоценочное <66>, неодобрительное <6> (оскорбление <3>, монстр, буржуй, шестёрка)

неэмоциональное <67>, пренебрежительное <5> (оскорбление <3>, буржуй, шестёрка)

современное <71>, устаревшее <1> (старое слово)

разговорное, пренебрежительное, бранное

СИЯ 72

Пример употребления: *Надпись на украинской футболке: „Спасибо Тебе, Боже, что я не москаль“. Вставай, Украина, москаль уже час не спит.*

2. Населенный пункт Москали.

Наименование населенного пункта в Белоруссии — Москали <2> (погода, вид).

неоценочное

неэмоциональное

разговорное, пренебрежительное, бранное

СИЯ 2

Пример употребления: *Погода в Москалях несколько испортилась.*

Неактуально <26>

Не интерпретировано <3> (паскаль, подчиненный, рыба)

РАФИК <100>: график <7>; машина <6>; грузин, жирафик, трафик <4>; автобус, хач <3>; автомобиль, жираф, имя, хачик <2>; беляш, в свитере, водитель, восточное лакомство, выходец из Азии, Гарик Мартиросян, двери, Джамшут, журфак, Земфира «трафик», знакомый, имя грузина, кавказец, лицо кавказской национальности, мясо, Наша Раша, нелегальный эмигрант, песня, продавец, радик, Ремарк, Рустам, сахар, синий, собачка, собачья кличка, таксист, торговец апельсинами, транспорт, циркуль, чебуреки, чебуречная <1>; отказ <29>.

Психолингвистическое значение

1. Представитель кавказских народов, грузин.

Представитель кавказских народов <7>, по национальности грузин <5>, родился и проживает в Азии <1>, является нелегальным эмигрантом <1>, работает продавцом <2> в чебуречной <1>, торгует чебуреками <1>, мясом <1>, беляшами <1>, апельсинами <1>, восточными лакомствами <1>, работает водителем <1> такси <1>.

То же, что грузин <4>, хач <3>, хачик <2>, кавказец <1>, лицо кавказской национальности <1>.

идентификация <7> — герои телесериала «Наша Раша» <2> (*Джамшут, Наша Раша*); знакомый <2> (*знакомый, журфак*); Гарик Мартиросян <1> (*Гарик Мартиросян*) — «Рафик» «Камеди Клаб»; Рустам <1> (*Рустам*), Радик <1>

сочетаемость <1> — в свитере *неоценочное* <27>, *неодобрительное* <5> (хач <3>; хачик <2>) *неэмоциональное* <27>, *презрительное* <5> (хач <3>; хачик <2>)

разговорно-сниженное
СИЯ 32

Пример употребления: *Рафики держат весь рынок, пробиться невозможно.*

2. Грузинское имя.

Имя человека <3> (*имя* <2>, *имя грузина*), широко распространенное среди кавказцев <7> (*хач* <3>; *хачик* <2>; *кавказец, лицо кавказской национальности*), грузин <5> (*грузин* <4>, *имя грузина*), азиатов <2> (*выходец из Азии*).

Имя человека <3>, широко распространенное среди кавказцев <7>, грузин <5>, азиатов <2>.

идентификация <11> — *Рустам, Джамшут, радик, знакомый, журфак, Гарик Мартиросян, водитель, таксист, продавец, торговец апельсинами*, герои шоу «Наша Раша» <1> (*Наша Раша*)

сочетаемость <1> — в свитере *неоценочное*
неэмоциональное
межстилевое
СИЯ 29

Пример употребления: *Я знаю очень много грузин по имени Рафик.*

3. Автобус РАФ.

Транспортное средство <8>, автобус <3>, имеет двери <1>, управляется водителем <2>, может использоваться как маршрутное такси <1>, синего цвета <1>.

неоценочное
неэмоциональное
разговорное
СИЯ 16

Пример употребления: *На рафике можно перевезти много пассажиров.*

4. Кличка животного.

Кличка <1> собаки <2>.

идентификация <6> — персонаж интернет-шоу Гаффи Гафа жирафик Рафик (*жирафик* <4>, *жираф* <2>)

неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
СИЯ 9

Пример употребления: *У жирафика Рафика появились новые истории для детей.*

5. Сахар-рафинад.

Сахар-рафинад <1> (*сахар*).

неоценочное
неэмоциональное
разговорное
СИЯ 1

Пример употребления: *Рафик будешь? Неактуально* <29>

Не интерпретировано <15> (*график* <7>, песня Земфиры «Трафик» <6> (*трафик* <4>; *Земфира «трафик», песня, циркуль, Ремарк*))

ХАЧИК <100>: нерусский <32>; кавказец <9>; лицо кавказской национальности, чурка <5>; армянин, чёрный <4>; еда <3>; ага, Армения, армяник, Ашотович, беляш, гастарбайтер, глупый, грузин, идиот, имя, иностранец, капитальный красавчик, кафе и ресторан, крест, крестик, лицо другой национальности, национальность, ненавижу!, нерусский говнюк, нерусский христианин, нос большой, плохой мужичок, расизм, русские гопники, русский, смерть, таджик, тупой, урод, человек, человек кавказской внешности, человек неславянской внешности, черномазый, южанин <1>; отказ <4>.

Психолингвистическое значение

1. Нерусский человек, армянин.

Нерусский <38> человек <9>, представитель кавказских народов <27>, по национальности <1> армянин <5>, отличается от грузин <1>, таджиков <1>, родился и/или проживает в Армении <1>, на Юге <1>; по вероисповеданию христианин <3>; имеет типичную кавказскую внешность <2>, смуглокожий <5>; с крупным носом <1>, внешне непривлекательный <2>; глупый <8>; работает в ресторанах и кафе <5>, является

гастарбайтером <1>; является объектом расизма <3>; вызывает неодобрение <10>.

То же, что кавказец <9>, чурка <5>, лицо кавказской национальности <6>, черномазый <1>.

идентификация <1> — Ашотович
неоценочное <108>, *неодобрительное* <17> (чурка <5>, чёрный <4>; плохой мужичок, нерусский говнюк, тупой, урод, черномазый, глупый, идиот, капитальный красавчик)

неэмоциональное <110>, *негативно-эмоциональное* <3> (ненавижу!, урод, идиот), *ироническое* <1> (капитальный красавчик), *презрительное* <11> (чурка <5>, чёрный <4>; нерусский говнюк, черномазый)

сленговое

СИЯ 125

Пример употребления: *Хачики и в Армении, и в России чувствуют себя хозяевами жизни.*

2. Нерусский человек, кавказец.

Нерусский <38> человек <9>, кавказец <27>, по национальности <1> армянин <5>, грузин <1>, таджик <1>, родился и/или проживает в Армении <1>, на Юге <1>; имеет типичную кавказскую внешность <2>, смуглокожий <5>; с крупным носом <1>, внешне непривлекательный <2>; глупый <8>; работает в ресторанах и кафе <5>, является гастарбайтером <1>; является объектом расизма <3>; вызывает неодобрение <10>.

То же, что кавказец <9>, чурка <5>, лицо кавказской национальности <6>, черномазый <1>.

идентификация <1> — Ашотович
неоценочное <105>, *неодобрительное* <17> (чурка <5>, чёрный <4>; плохой мужичок, нерусский говнюк, тупой, урод, черномазый, глупый, идиот, капитальный красавчик)

неэмоциональное <107>, *негативно-эмоциональное* <3> (ненавижу!, урод, идиот), *ироническое* <1> (капитальный красавчик), *презрительное* <11> (чурка <5>, чёрный <4>; нерусский говнюк, черномазый)

сленговое

СИЯ 122

Пример употребления: *Хачики на всех рынках торгуют.*

3. Армянское имя.

Армянское <6> имя <2>.

идентификация <1> — Ашотович

неоценочное

неэмоциональное

межстилевое

СИЯ 9

Пример употребления: *Зовут меня Хачик Ашотович Бартамян.*

4. Еда.

Еда <3>, например беляш <1>, продаваемая в кафе и ресторане <1>.

неоценочное

неэмоциональное

разговорное

СИЯ 5

Пример употребления: *Хачик принесли?*

Ложная дефиниция — фонетическая реакция на «харчи», «хавчик» — еда.

5. Нательный крест.

Нательный крест <2> (*крест, крестик*).

неоценочное

неэмоциональное

межстилевое

СИЯ 2

Пример употребления: *Я потерял свой хачик.*

Неактуально <4>.

Не интерпретировано — нет.

ХОХОЛ <101>: украинец <26>; Украина <15>; сало <7>; чуб <3>; вихор, деревня, москаль, Тарас Бульба <2>; бендеровец, брат, Варенуха, волынский, дерево, жадина с чубом и борщом, жадные люди, жадный, житель Украины, жмот, земляк, казак, кацап, конкретный человек, макушка, мужик, не кацап, несчастный, отец, попугай, поселок, радиация, салод, свой человек, селянин, сосед, украшение на голове, усы, хитрость с акцентом, хохол, хохольский район, шаровары <1>; отказ <9>.

Психолингвистическое значение

1. Украинец, житель Украины.

Человек <3> украинской национальности <26>, казак <1>, рожденный и/или живущий на Украине <16>, в Волынской области <1>, в селе <1> Петровка <1>; противоположно — москаль <2>, кацап <2>; носит чуб <8> и усы <1>; жадный <4>, хитрый <1>; носит шаровары <1>; любит сало <8>, борщ <1>, варенуху <1>; говорит по-русски с акцентом <1>; член Украинской повстанческой армии до 1956 г. <1>; вызывает одобрение <1>.

То же, что украинец <26>.

сочетаемость <1> — *несчастный элемент* *окружающей действительности* <1> — *радиация*

идентификация <8> — *конкретный человек*, герой повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» <2> (*Тарас Бульба* <2>); *брат, земляк, сосед, отец*, герой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита <1> (*Варенуха*)

неоценочное <83>, *неодобрительное* <7> (бендеровец, несчастный, жадина с чубом и борщом, жадные люди, жадный, жмот, хитрость с акцентом), *одобрительное* <1> (свой человек)

неэмоциональное <88>, *негативно-эмоциональное* <1> (несчастный), *презрительное* <2> (жмот, бендеровец)

разговорно-сниженное, бранное

СИЯ 91

Пример употребления: *Хохлы опять выиграла. Хохол не соврет, да и правды не скажет.*

2. Жадный человек.

Жадный <4>, хитрый <1> человек <3>.

То же, что жмот <1>.

сочетаемость <1> — несчастный идентификация <6> — конкретный человек, брат, земляк, сосед, отец, герой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» <1> (Варенуха)

неоценочное <9>, неодобрительное <6> (несчастный, жадина с чубом и борщом, жадные люди, жадный, жмот, хитрость с акцентом), одобрительное <1> (свой человек)

неэмоциональное <14>, негативно-эмоциональное <1> (несчастный), презрительное <1> (жмот)

разговорное, бранное, презрительное

СИЯ 16

Пример употребления: *Этот хохол меня опять обдурил: сказал придет, а сам...*

3. Чуб на голове человека.

Торчащий клок волос <5> на голове <2> человека, служащий для украшения <1>.

То же, что чуб <3>, вихор <2>.

идентификация <2> — герой повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» <2> (Тарас Бульба <2>);

неоценочное

неэмоциональное

межстилевое

СИЯ 10

Пример употребления: *Казаки бреют головы и носят на маковке длинный хохол, завивая его за ухо: этот клок волос называется оселедец.*

4. Пучок перьев у птицы.

Пучок перьев на голове <2> попугая <1>, служащий для украшения <1>.

неоценочное

неэмоциональное

межстилевое

СИЯ 4

Пример употребления: *У синички хохол на голове был синего цвета. Различия в перьях между селезнем и уткой я не замечал, но другие охотники сказывали мне, что селезень отличается большим отличием кофейного цвета, большею величиной и чёрным хохлом.*

5. Населенный пункт Воронежской области.

Районный центр <1>, село <3> в Воронежской области.

неоценочное

неэмоциональное

межстилевое

СИЯ 4

Пример употребления: *Завтра в Хохол еду, к родителям. Хохол — селение в Воронежской губернии, Нижнедевицкого уезда, в тридцати верстах от уездного города, при речках Хохол и Девица.*

Неактуально <9>

Не интерпретировано <2> (хохол, дерево)

ЧУРКА <100>: нерусский <14>; иностранец <7>; хач, хачик <6>; бревно, деревянная, кавказец, полено, чурбан <3>; дрова, кавказ, лицо кавказской национальности, нерусь, пенёк, чеченец <2>; армянин, бокал, везде, гад, гастарбайтер, глупость, даги, деревяшка, житель Кавказа, идиот, картонная, козёл, лица кавказской национальности, лишний, молдаван, мразь, на рынке, ненавижу, нерусской нации, печка, плохой человек, СССР, таджик, террорист, туземец, узбек, узкоглазые, хачонок, человек, человек другой национальности, «чубака» из к/ф «Звёздные войны», чудной <1>; отказ <8>.

Психолингвистическое значение

1. Нерусский человек, кавказец или азиат.

Нерусский <25> человек <6>; по национальности <1> кавказец <22>, азиат <3>, чеченец <2>, армянин <1>, молдаванин <1>, таджик <1>, узбек <1>, живет на Кавказе <3> или в другом регионе <2>; глупый <7>, узкоглазый <1>, является гастарбайтером <1>, торгует на рынке <1>, участвует в террористических актах <1>, умеет произносить тосты <1>; вызывает неодобрение <13>.

То же, что хач <6>, хачик <6>, кавказец <3>, чурбан <3>, лица кавказской национальности <3>, хачонок <1>.

неоценочное <64>, неодобрительное <29> (хач <6>, хачик <6>; чурбан <3>; нерусь <2>, пенёк <2>, везде, гад, идиот, глупость, козёл, мразь, плохой человек, ненавижу, хачонок, чудной)

неэмоциональное <70>, негативно-эмоциональное <3> (ненавижу, гад, чудной), презрительное <20> (хач <6>, хачик <6>; чурбан <3>; нерусь <2>, козёл, мразь, хачонок)

разговорно-сниженное, бранное

СИЯ 93

Пример употребления: *В Москве живут сплошные чурки.*

2. Обрубок дерева.

Обрубок дерева <14>, использующийся в качестве топлива в печке <6>; бревно <3>.

То же, что полено <3>, чурбан <3>, бревно <3>, дрова <2>, пенек <2>, деревяшка <1>.

неоценочное

неэмоциональное

межстилевое

СИЯ 23

Пример употребления: *Подкинь ещё чурку в огонь!*

3. Глупый человек.

Глупый <7> человек <2>; вызывает неодобрение <10>.

То же, что чурбан <3>, пенек <2>, идиот <1>.

неоценочное <4>, *неодобрительное* <15> (чурбан <3>; пенёк <2>, гад, идиот, глупость, козёл, мразь, плохой человек, ненавижу, деревянная <3>)

неэмоциональное <16>, *негативно-эмоциональное* <3> (ненавижу, гад, чудной)

разговорно-сниженное, бранное

СИЯ 19

Пример употребления: *Ты что, чурка? Совсем не понимаешь моих слов?*

4. Бесчувственный человек.

Бесчувственный <4> человек <2>; вызывает неодобрение <6>.

То же, что деревяшка <1>, бревно <3>.

актуализация прецедентных текстов <3> — чурка деревянная <3> (деревянная <3>)

неоценочное <6>, *неодобрительное* <9> (гад, идиот, козёл, мразь, плохой человек, деревянная <3>, чудной)

неэмоциональное <12>, *негативно-эмоциональное* <3> (ненавижу, гад, чудной)

разговорно-сниженное, бранное

СИЯ 15

Пример употребления: *Ты что, чурка? Тебе меня совсем не жалко?*

Неактуально <8>

Не интерпретировано <4> («чубака» из к/ф «Звёздные войны», даги, картонная, лишней)

ЧУЧМЕК <100>: нерусский <24>; чурка <11>; иностранец <5>; национальность <3>; Бешмек, Карим, нерусский человек, хачик, человек, чукча <2>; азиат, жаргон, житель Кавказа, жопошник, некультурный, нерусь, парень, Равшан, разновидность людей, скинхеды, смешной, социум, таджик, тупой, узбек, химер, человек кавказской внешности, черножопый, черномазый <1>; отказ <26>.

Психолингвистическое значение

1. Нерусский человек, кавказец или азиат.

Нерусский <32> человек <8>, по национальности <3> кавказец <16>, азиат <14>, таджик <1>, узбек <1>, отличается от чукчи <2>, родился и/или проживает на Кавказе <1>, является объектом преследования скинхедов <1>; смуглокожий <3>; глупый <12>; некультурный <1>; вызывает неодобрение <17>.

То же, что чурка <11>, хачик <2>, азиат <1>.

идентификация <5> — *Бешмек* <2>, *Карим* <2>, герой телесериала «Наша Раша» таджик Равшан <1> (*Равшан*)

неоценочное <93>, *неодобрительное* <24> (чурка <11>, хачик <2>, чукча <2>; жаргон, жопошник, некультурный, нерусь, смешной, тупой, химер, черножопый, черномазый)

неэмоциональное <97>, *презрительное* <20> (чурка <11>; хачик <2>, чукча <2>; жаргон, жопошник, нерусь, черножопый, черномазый)

разговорно-сниженное, бранное

СИЯ 117

Пример употребления: *Я курагу всегда у чучмеков покупаю, она вкуснее.*

2. Тупой, недалекий человек.

Тупой <14> человек <5>, некультурный <1>; вызывает неодобрение <3>, насмешку <1>.

То же, что чурка <11>, чукча <2>.

неоценочное <5>, *неодобрительное* <19> (чурка <11>; чукча <2>, тупой, смешной, химер, жопошник, жаргон, некультурный)

неэмоциональное <8>, *презрительное* <15> (чурка <11>; чукча <2>; жаргон, жопошник), *отрицательно-эмоциональное* <1> (смешной)

разговорно-сниженное, бранное

СИЯ 24

Пример употребления: *Ну ты чучмек! Не мог вовремя повернуться?*

Неактуально <26>

Не интерпретировано — нет

Анализ полученных дефиниций показывает многозначность описанных наименований лиц по национальности, наличие ложных значений в языковом сознании носителей языка, высокую неодобрительную оценочность и эмоциональность, а также явную неполиткорректность данных наименований, что дает основания для мотивированной оценки употребления данных единиц в устной речи и текстах и указывает на важность работы по формированию этнической политкорректности и культуры общения в современном российском обществе.

Полученные данные о психологически реальных значениях этих слов могут быть использованы для описания значений данных языковых единиц в спорных текстах, являющихся предметом лингвокриминалистической экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин И. А., Рудакова А. В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publ., 2011.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'371
ББК Ш147.11

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.09

Код ВАК 10.02.19

Д. В. Спиридонов D. V. Spiridonov

К. Л. Филатова K. L. Filatova

А. П. Чудинов A. P. Chudinov

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ: АНДРЕ МАЗОН

Аннотация. Характеристика роли французского слависта Андре Мазона в становлении лингвистической советологии.

Ключевые слова: политическая лингвистика; лингвистическая советология; французский славист Андре Мазон.

Сведения об авторе: Спиридонов Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания.

Место работы: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, ком. 111.

e-mail: dspiridonov@mail.ru.

Сведения об авторе: Филатова Ксения Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках.

Место работы: Уральский федеральный университет.

Контактная информация: 620083, Екатеринбург, Тургенева, 4, к. 390.

e-mail: ksenya.filatova@gmail.com.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.

e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

FRENCH LINGUISTIC SOVIETOLOGY: ANDRÉ MAZON

Abstract. Information about the academic biography of the French slavist, professor Andre Mazon.

Key words: political linguistics; French slavist Andre Mazon.

About the author: Spiridonov Dmitry Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Romance Linguistics.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

About the author: Filatova Ksenya Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

История лингвистической советологии начинается вскоре после возникновения Советского государства, когда в западных СМИ появились первые материалы, освещающие революционные изменения в России, в том числе ту роль, которую играли пропаганда и агитация. Коммуникативные особенности революционного дискурса закономерно привлекали внимание зарубежных специалистов, которые стремились понять, почему народ поверил большевикам и как им удалось удержать власть. Эти материалы сначала носили исключительно информационный характер, они относились к дискурсу СМИ, но постепенно при изучении советской политической коммуникации начали использоваться научно-исследовательские методики.

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на невежестве и клевете на социалистическое государство, а советологи — малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие всё русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей недостаточно информированных, ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и «страшилками». Среди академических советологов действительно нередко встречались ушедшие в отставку сотрудники специальных служб или иных государственных структур. Можно предположить, что эти люди так или иначе сохраняли связь со своими прежними рабо-

тодателями и поэтому транслировали официальную точку зрения на Советский Союз, который в течение многих десятилетий враждовал со всем западным миром.

Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые, возможно, ошибались, но искренне стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Именно такие исследователи и заслуживают подлинной благодарности потомков. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приемов. К счастью, среди советологов всегда были специалисты, которые любили или хотя бы уважали нашу страну и изучали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

В лингвистической советологии отчетливо различаются европейская и американская ветви, специфика которых определяется не только местом, где проводились и публиковались исследования [Будаев, Чудинов 2009].

Так случилось, что первые крупные публикации по проблемам советологии появились в Соединенных Штатах. Уже в 1918 г. вышла книга Луизы Брайант «Шесть месяцев в красной России», а год спустя появилась книга Бесси Биттик «Красное сердце Петрограда»; в 1919 г. вышла из печати книга Альберта Вильямса «Ленин. Человек и его дело», еще через несколько лет — его же «Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917—1918».

В Советском Союзе максимально высокую оценку и широкую известность получила книга американского публициста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (первое американское издание — март 1919 г.; впоследствии книга была переведена на десятки языков и переиздана в самых разных странах). По существу, Дж. Рид показал технологию захвата власти большевиками, и в основе этой технологии было вовсе не вооруженное восстание и штурм Зимнего дворца, а коммуникативные методы — пропаганда и агитация. Как сообщает американский журналист, «день за днем большевистские ораторы обходили казармы и фабрики, яростно нападая на правительство» [Рид 1987: 42], обещая мир, землю и народовластие и

проклиная врагов народа — капиталистов, контрреволюционеров и Керенского. Эту же мысль внушали своим читателям большевистские газеты, тираж которых постоянно возрастал. Яростные коммуникативные столкновения происходили на всевозможных митингах, собраниях, диспутах, съездах и конференциях. Американский журналист ярко продемонстрировал, что победа революции в 1917 г. ковалась агитаторами и ораторами. Красная гвардия и ЧК были созданы позднее.

Подобные наблюдения представлены и в публикациях многих других зарубежных очевидцев российской революции. Это свидетельствовало, что революция и гражданская война в России начинались с коммуникативной войны. Российские технологии революционной пропаганды впоследствии тщательно изучались (а нередко — и применялись) специалистами из самых различных стран.

В публицистических книгах, подготовленных журналистами, помимо прочего, содержится богатый фактический материал, много метких наблюдений над особенностями российской политической коммуникации в эпоху революции и Гражданской войны, а поэтому они могут рассматриваться как открывающие первый этап лингвистической советологии. Собственно научные исследования, для которых необходимы отточенная методология и некоторая «отстраненность», беспристрастность, появились несколько позднее.

Среди первых европейских исследований советского политического языка выделяется книга знаменитого французского филолога и, возможно, разведчика Андре Мазона [Mazon 1920].

Для лучшего понимания рассматриваемой книги и обстоятельств ее создания полезно обратиться к биографии автора. Французский (и отчасти российский) профессор¹ Андре Мазон (в России его нередко называли Андрей Альбинович) прожил долгую жизнь (1881—1967). Он известен как славист, автор трудов по русской литературе, русскому, македонскому и чешскому языкам, славянскому фольклору, один из основоположников лингвистической советологии. Значительно меньше известно об его деятельности офицера, дипломата и разведчика.

Андре Мазон получил образование в Сорбонне и Пражском университете. Был учеником А. Мейе в «Школе высших иссле-

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность профессору университета Лозанны (Швейцария) Патрику Серию за ценные сведения о научной биографии Андре Мазона.

дований» (дипломная работа по морфологии русского глагола).

Преподавал французский язык в Харьковском университете (1905—1908). Ученый секретарь Института живых восточных языков в Париже (1909—1914), профессор Страсбургского университета (1919—1923) и Коллеж де Франс (1924—1952). Руководитель Института славяноведения в Париже (с 1937 г.), вице-президент Международного комитета славистов (1958—1967). Один из основателей и член редколлегии парижского славистического журнала «Revue des études slaves» (1921—1928), который считался несколько более правым, чем журнал «Le monde slave», многие авторы которого симпатизировали русской революции и Советскому Союзу.

Среди лингвистических исследований известен очерк о видовых формах русского глагола («Emplos des aspects du verbe russe», 1914), в котором автор «освободил изучение глагольного вида от смешения несовершенного вида с итеративностью и обосновал его на прочной морфологической основе» (Andre Vaillant). Создал краткие грамматики чешского (1921) и русского (1943) языков.

Как литературовед и фольклорист занимался описанием фольклора балканских славян и русской классической литературой XIX в. Защитил диссертацию о творчестве И. А. Гончарова («Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov», Париж, 1914). Известна полемика Андре Мазона и Романа Якобсона по проблемам аутентичности «Слова о полку Игореве», в процессе которой французский славист доказывал, что «Слово...» является фальсификацией конца XVIII в., а «Задонщина» послужила для автора «Слова...» источником для подражания. Как известно, Р. Якобсон придерживался противоположной точки зрения о соотношении «Слова...» и «Задонщины». Достаточно полная библиография трудов Мазона представлена в специальных обзорах [Train 1951; Aslanoff 1969].

Во время Первой мировой войны А. Мазон служил во французской военной миссии на Балканах, где изучал македонский язык и пришел к выводу о том, что он «является болгаро-македонским диалектом, отличающимся как от болгарского, так и от сербского языков».

Позднее, в 1918—1919 гг., работал при французской военной миссии в России. Строго говоря, Мазон не был сотрудником французской военной миссии (ФРАМИС): официально он находился в России в научной командировке по заданию французского Министерства общественного образования.

Существует мнение, что эта командировка была по существу «легендой» для деятельности разведчика.

Летом 1918 г., когда представители ФРАМИС и сотрудники французского консульства покинули Петроград, Мазон остался в столице. При нем была охранная грамота, выданная датским посольством, а также рекомендательное письмо, подписанное заместителем наркома иностранных дел Л. М. Караханом. Несмотря на это, после начала красного террора, вызванного убийством Урицкого, Мазон был арестован сотрудниками ВЧК. Он оказался в числе нескольких французов, которых, как, например, вице-президента русско-французской промышленной палаты, видного металлурга Пьера Дарси, советское правительство отказалось признать дипломатами и включило в список членов расформированной военной миссии. Все они в течение нескольких месяцев фактически были заложниками советского правительства и находились в тюрьме — сначала в Петрограде, затем в Москве, в Бутырке. В ответ на арест своих граждан «по обвинению в заговоре против советской власти» Франция пригрозила приостановить репатриацию почти 40 тысяч русских солдат (об этом эпизоде русско-французских отношений см.: [Попова 1995]). В отличие от того же Дарси, умершего в лазарете Бутырской тюрьмы, Мазону повезло: по приказу Н. А. Скрипника он был выпущен из тюрьмы 12 декабря 1918 г., и в начале 1919 г. вернулся во Францию. Его впечатления о пребывании в большевистских застенках были вскоре опубликованы в «Ревю де Пари» [Mazon 1919].

Несмотря на столь печальные обстоятельства пребывания в России, Мазон постоянно фиксировал факты, отражающие развитие русского языка в эпоху Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Именно эти наблюдения и послужили основой для книги «Lexique de la guerre et de la révolution en Russie» [Mazon 1920]. В этой работе автор рассматривает аббревиатуры, заимствования, имена собственные, особенности деривации, семантико-стилистические новообразования в русском языке периода Первой мировой войны и революции.

Впоследствии многие другие исследователи обратили внимание на первые этапы советизации русского языка (С. Карцевский, Э. Мендрас, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, А. и Т. Фесенко, Р. О. Якобсон, Л. П. Якубинский и др.). Но именно работа Андре Мазона стала первой зарубежной монографией, в которой была предпринята попытка зафиксировать и осмыслить измене-

ния в русском языке в годы Первой мировой войны и русской революции.

Как известно, в публикациях зарубежных ученых отчетливо выделяются два направления: «советофобское» и «советофильское». Андре Мазон не относится ни к той, ни к другой ветви. Особенность его книги заключается в том, что ее нельзя назвать первой в цикле идеологизированных работ по исследованию русско-советского языка, в которых собственно лингвистические размышления перемежаются с антисоветскими высказываниями и пророчествами. Одновременно Андре Мазону совершенно чуждо восхваление «пролетарского преобразования» русского языка, что было характерно для исследований этой тематики в советской науке, а также для некоторых зарубежных «советофилов». Многие высказывания Мазона о русской революции носят весьма критический характер.

Среди наиболее заметных инноваций Мазон отмечает такие явления, как активизацию аббревиации, экспансию нелитературной лексики (жаргонизмов, диалектизмов, просторечных слов), значительное иноязычное воздействие, а также стремление к созданию новых обозначений (милиция вместо полиции, народный комиссар вместо министра, советский служащий вместо чиновника), к переименованию городов и изобретению новых личных имен.

В разделе, посвященном стилистическим и семантическим преобразованиям, которые происходили под воздействием войны и революции, Мазон выделяет слова, у которых появились новые значения: *брататься*, *братанье* (раньше эти слова обозначали крестьянский обычай), *мешочник* (ранее — производитель или продавец мешков), *шкурник* (ранее — человек, торгующий шкурами), *шкурный интерес*.

Андре Мазон последовательно выделяет также слова, вернувшиеся в активное словоупотребление с обновленным значением. Примером могут служить существительное *беженец* (по мнению автора, оно возникло в период русско-турецкой войны для обозначения славян, спасающихся от турок), а также существительное *фронтвик* (исследователь пишет, что в мирные времена это слово обозначало «красующегося карьерного военного, строго и неукоснительно соблюдающего правила, как, например, Скалозуб у А. С. Грибоедова»). Исследователь отмечает также, что слово *инструктор* большевики стали использовать в значении *пропагандист* (прежнее значение — человек, который обучал военному или морскому делу).

Автор фиксирует также «политическую смерть», дискредитацию и переход в разряд историзмов многих слов, обозначающих прежние реалии, а также замену этих слов новыми обозначениями (*городовой* — *милиционер*, *чиновник* — *советский служащий*, *правительство* — *советская власть*).

Андре Мазон пишет также о своего рода языковой игре, особом «черном юморе», который получил широкое распространение в те годы: *совдеп твою мать* (новое ругательство), *совет кретинских и собачьих депутатов* (Совет крестьянских и солдатских депутатов), — и об антисемитских намеках при искаженном произношении слов *центрожид*, *Шмольный* (Смольный институт), *прежидиум* и др.

С некоторыми утверждениями французского специалиста трудно в полной мере согласиться. В частности, он пишет: «Сами лозунги, которые организаторы торжеств по поводу юбилея Октябрьской революции написали большими буквами на московских стенах, выдают отсутствие у авторов уверенного языкового чутья: „Религия — опиум для народа“ (вместо „Религия — народу опиум“) и „Революция — локомотив истории“ (вместо „Революция — паровоз истории“, ибо слово локомотив наверняка непонятно русскому крестьянину)».

Многие лексические единицы, зафиксированные А. Мазоном, давно уже перешли в разряд историзмов и архаизмов. Это такие советизмы, как *совдеп* (Совет депутатов), *реввоенсовет* (Революционный военный совет), *совнархоз* (Совет народного хозяйства), *комбед* (Комитет бедноты), *пролеткульт* (пролетарская культура).

Наши современники едва ли поймут многие аббревиатуры, зафиксированные французским славистом. Примером могут служить обозначения *срисд* (Совет рабочих и солдатских депутатов) *совжедор* (Совет железнодорожников), *комгосоор* (Комитет государственных сооружений), *расмеко* (Комитет по распределению металла), *всеобуч* (всеобщее военное обучение), *компочель* (комиссар почт и телеграфа), *загаздив* (заведующий газовой обороной дивизии), *благдив* (дивизионный благочинный), *коринт* (корпусный интендант), *корвет* (корпусный ветеринар) и т. д.

Некоторые зафиксированные А. Мазоном слова — это результат языковой игры, окказионализмы, которые уже в те годы не воспринимались как общеупотребительные стилистически нейтральные лексемы. Это относится, в частности, к слову *сестрит*, которое в революционные годы обозначало венерическую болезнь, полученную от медсестры.

Результатом языковой игры являются и некоторые вторичные значения общеупотребительных слов. Например, прилагательное *федеративная* в те годы могло обозначать проститутку, общедоступную женщину.

Приметой тех страшных лет стали многие эвфемизмы, которые Мазон обозначает как «прозрачные формулы». Ср.: *отправить на митинг* (в жаргоне матросов означало «утопить офицеров»), *отправить в штаб Духонина* (отправить на тот свет, расстрелять), *в конверт и на почту* (сначала посадить в тюрьму, а потом расстрелять), *отдавать деньги в земельный банк* (прятать ценности в земле).

Рассматриваемая книга ранее не публиковалась на русском языке, хотя ссылки на нее даются во множестве публикаций. К сожалению, пока нет возможности опубликовать этот перевод полностью, однако «Политическая лингвистика» продолжает публикацию ее фрагментов. Ниже предлагается перевод раздела «Аббревиация» и «Введение», ознакомление с которым помогает лучше понять теоретическую основу этой книги и представленный в ней материал. Ранее в нашем журнале были опубликованы два фрагмента из рассматриваемой книги:

один из них посвящен словоупотреблению, семантике и стилистике, а второй — именам собственным [Мазон 2009а; Мазон 2009б].

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Американская лингвистическая советология: начальный этап // Политическая лингвистика. 2010. № 2.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология: моногр. — Екатеринбург, 2009.
3. Мазон А. Словоупотребление: семантика и стилистика // Политическая лингвистика. 2009а. № 2.
4. Мазон А. Имена собственные // Политическая лингвистика. 2009б. № 2.
5. Попова С. С. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам военного министерства Франции // Россия и Франция: XVIII—XX века. М., 1995. Вып. 1.
6. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. — М., 1987.
7. Aslanoff S. Bibliographie des ouvrages et articles d'André Mazon // Revue des études slaves. Vol. 48.
8. Mazon A. Prisons russes // La Revue de Paris. XXVI, 12 (15 juin 1919); XXVI, 13 (1 juillet 1919).
9. Mazon A. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918). — Paris, 1920.
10. Train J. Bibliographie des ouvrages et articles d'André Mazon // Revue des études slaves. Vol. 27.

УДК 811.133.1 (Мазон А.)
ББК Ш5(4Фра)

ГСНТИ 16.01.09; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

А. Мазон
Страсбург, Франция
Пер. с фр. К. Л. Филатовой, Д. В. Спиридонова
**ЛЕКСИКА ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ В
РОССИИ (1914—1918).
ВВЕДЕНИЕ. АББРЕВИАЦИЯ**

A. Mazon
Strasbourg, France
Translated from French
by K. L. Filatova, D. V. Spiridonov
**LEXIS OF WAR AND REVOLUTION IN RUSSIA
(1914—1918). INTRODUCTION.
ABBREVIATION**

Аннотация. Перевод двух разделов, «Введение» и «Аббревиация», знаменитой книги выдающегося французского лингвиста Андре Мазона «Лексика войны и революции в России (1914—1918)» («Lexique de la guerre et de la revolution en Russie (1914—1918)»). Оригинальный текст был опубликован в 1920 году.

Abstract. This is a translation of the two parts: “Introduction” and “Abbreviation”, of the book written by the famous French linguist Andre Mazon “Lexis of War and Revolution in Russia (1914—1918)”. («Lexique de la guerre et de la revolution en Russie (1914—1918)»). The original was published in 1920.

Ключевые слова: язык революции; лексика; политическая лингвистика; история русского языка; лингвистическая советология; аббревиация; французский славист Андре Мазон.

Key words: language of revolution; lexis; political linguistics; history of the Russian Language; linguistic Sovietology; abbreviation; French Slavist Andre Mazon.

Сведения об авторе: Андре Мазон (1881—1967), доцент филологического факультета.

About the author: Andre Mazon (1881—1967) Associate Professor of the Faculty of Philology.

Место работы: Страсбургский университет.

Place of employment: Strasbourg University.

Сведения о переводчиках:

About the translators:

Филатова Ксения Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках.

Filatova Ksenya Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages.

Место работы: Уральский федеральный университет.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Контактная информация: 620083, Екатеринбург, Тургенева, 4, к. 390.
e-mail: ksenya.filatova@gmail.com.

Spiridonov Dmitry Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Romance Linguistics.

Спиридонов Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Место работы: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, ком. 111.
e-mail: dspiridonov@mail.ru.

ВВЕДЕНИЕ

По завершению кризиса, переживаемого ныне русским народом, язык, на котором он говорит, во всяком случае, его лексический фонд, обнаружит заметное развитие. Впрочем, сейчас было бы преждевременным пытаться определить направленность оногo. В данный момент нам едва ли удалось бы установить даже полный перечень словесных новообразований, тем более что некоторые из них, несомненно, окажутся не менее долговечными, чем те революционные потрясения, которым эти новообразования обязаны своим появлением. Несмотря на всю ограниченность доступного нам материала, записанного по случаю — во время повседневных бесед или чтения [печатных

изданий] — несмотря на, быть может, недолговечность значительной его части, нам показалось интересным классифицировать его и представить в целостном виде хотя бы для того, чтобы наметить основные линии лексического развития, переживаемого в данный момент русским языком.

Это развитие отражает две разновидности несходных фактов: *социальные* и *политические*, с одной стороны, и *языковые*, с другой. Эти факты, как одни, так и другие, восходят к двум известным большим событиям: войне и, позже, революции.

Война создает своего рода широкое языковое движение, осуществляющееся во времени и пространстве. Она возвращает к жизни целую вереницу свойственных ей слов,

использовавшихся во время предыдущей войны, но уже не известным молодому поколению. Вызывая на территории воюющих сторон притоки и оттоки солдат, осужденных и беженцев, она тем самым способствует контактам между людьми, говорящими на разных языках и на разных диалектах одного и того же языка. Внутри армий она порождает широкие сообщества, быстро создающие свое особое аргю: штабное аргю и окопное аргю. В то же время она ускоряет развитие военных технологий, которые язык фиксирует с помощью новых терминов. Война заставляет работать быстро, и полевой телеграф, ставший главным средством коммуникации, заимствует из торговли и промышленности прием аббревиации условных наименований, умножая разного рода сокращенные формы. Наконец, в тылу война неизбежно порождает явления, которые народная смекалка стремится заклеить, придумывая разнообразные иронические номинации: агрессивный шовинизм одних, «пораженчество» [défaitisme] других и в особенности спекуляцию и «тыловщину» [embusquage].

Что до революции, то она выводит на первый план политические вопросы и тем самым обеспечивает невероятный расцвет политическому аргю: на повестку дня выходят названия партий и партийных фракций; таким образом специфичный для парламентской среды ученый латинизм спускается до уровня толпы и уходит в народ; таким же образом, приобретая неожиданное значение, возвращается к жизни устаревший канцеляризм времен Петра Великого. Из партийных споров рождается батальный словарь, в котором получает свободное проявление воодушевление каждого человека: воодушевление большевистское и антибольшевистское, реакционное, антисемитское и просто воодушевление, т. е. воодушевление всеобщее. Партия большевиков, только придя к власти, увековечивает деятельность своих революционных институтов в терминологии, которой она нарочно придает необычный и даже странный вид, с тем чтобы сыграть на воображении обычных людей: она в изобилии пользуется некоторыми лаконичными формулами, которые, несомненно, останутся в истории в качестве девизов Октябрьской революции; в то же время ее лидеры всякий раз, когда они говорят или пишут, несмотря на блестящее владение языком, обнаруживают [следы] долгих лет эмиграции, сохранившийся в них отпечаток германской культуры и преобладание в их среде инородных элементов.

Война и революция в лингвистическом, равно как и в историческом, смысле тесно свя-

заны между собой. Революция служит всего лишь продолжением войны, и одних только языковых свидетельств хватило бы, чтобы показать ту роль, которую сыграли в русской революции, в тылу и в армии мобилизованные крестьяне и рабочие, солдаты и матросы.

Вместе с социальными и политическими фактами развитие русского языка за последние годы отражает и другие факты, которые лингвист без труда способен уловить и назвать. Прежде всего это создание *новых основ* (или корпуса новых слов) либо с помощью разнообразных способов аббревиации, либо путем заимствования из иностранных языков, либо употреблением некоторых собственных имен в качестве нарицательных. Через эту деривационную игру проявляется большая или меньшая способность той или иной грамматической формы к расширению своих [смысловых] границ, большая или меньшая продуктивность разных суффиксов, оттенка или оттенков значений, которые придает каждый из них. Это также развитие сложных слов. Наконец, это тонкие колебания, проявляющиеся в семантике и стилистике: «омоложение» некоторых слов путем специализации значения, смерть или, скорее, «политическая казнь» других слов, образование новых «словесных сочетаний», расширение употребления эвфемизмов и парафраз, наплыв военных и революционных клише, наконец, вторжение в русский язык иностранной, в частности немецкой фразеологии.

Эти две группы явлений — социально-политических и языковых — находятся в тесной связи друг с другом. Первая из них представляется нам источником, из которого исторгается живой поток, несущий с собой новые элементы, обновляющий уже существующие и увлекающий в небытие те из них, что внезапно устарели. Тогда как вторая являет собою своего рода разветвленную систему каналов, по которым этот поток растекается в разных направлениях, подчиняясь причудливому ландшафту. Именно эту систему мы и намереваемся рассмотреть хотя бы в общем, правда, не столько саму по себе, сколько в качестве оригинальной формы, которую она налагает на питающие ее реалии. Мы будем следовать ее очертаниям, стараясь не потерять из виду ни источник, ни движение потока.

Записи, составившие материал для данного исследования, были сделаны во время нашего последнего пребывания в России в течение всего 1918 и первых недель 1919 года — уже этим объясняется тот факт, что революционные элементы занимают в них большее место, нежели элементы собственно военные.

К тому же среди последних мы сохранили лишь те, что являются или являлись в интересующий нас момент общеупотребительными. Тем самым узкотехнические термины намеренно не рассматривались нами.

Основными документами, чтение которых дополнило живое общение, стали публикации разных партий и партийная пресса, в частности, в большевистский период: «Сборник законов и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», выходящий с 1918 года, «Сборникъ декретовъ и постановлений по народному хозяйству» (25 октября 1917 г. — 25 октября 1918 г., М., 1918 г.) — и два крупных ежедневных издания: правительственные «Известия» (сокращенно — Из.) и газета правящей партии «Правда» (сокращенно — Пр.).

Элементы, имеющие отчетливый большевистский характер, даны в орфографии, соответствующей декрету наркома просвещения Луначарского от 23 декабря 1917 года, при том что применение этого декрета даже в официальных публикациях происходило много позже и самым непосредственным образом (так, упомянутый выше «Сборникъ декретовъ и постановлений по народному хозяйству», а также сборники Зиновьева и Демьяна Бедного вплоть до последних недель 1918 года выходили в старой орфографии). Нам показалось интересным, пусть и ценой несколько вольной унификации написания, подчеркнуть таким образом языковые новшества, привнесенные Октябрьской революцией. Нами выделялись лишь новые слова, приводимые отдельно ^[1].

Для проверки мы использовали Словарь Даля (3-е издание), издаваемый с 1891 года Словарь Академии наук, недавнее исследование И. И. Огиенко (Иноземные элементы в русском языке, Киев, 1915) ^[2] и самые значительные словари наиболее употребительных иностранных слов, в большом количестве появившиеся после Февральской революции (в частности, словарь Бурдона и Михельсона ^[3], И. В. Владиславлева ^[4], Н. Денисюка ^[5], А. Звягинцева ^[6], Союза солдат-республиканцев ^[7], газеты «Трудъ и воля» ^[8]). Однако же ни одно из этих вспомогательных средств не было для нас более полезным, нежели живое указание надежного свидетеля. В этом отношении особенно ценной была помощь наших русских коллег Серг. Иос. Карцевского ^[9] и Ив. Ив. Шика. Мы благодарим их за это.

НОВЫЕ ОСНОВЫ

Основы новых слов, или корпус новых слов, образуются с помощью одного из трех следующих способов: а) аббревиации;

б) заимствования из иностранного языка; в) придания имени собственному символического значения и использования его в повседневном общении в функции имени нарицательного.

А. Аббревиация

Из указанных выше трех способов за последние несколько лет аббревиация получила в русском языке наибольшее распространение; впрочем, мы хорошо знаем, какова ее судьба в настоящее время, особенно с начала войны, в большинстве европейских языков, в частности во французском, английском и немецком ^[10]. Аббревиация может быть *буквенной* или *слоговой* в зависимости от того, сохраняют сокращенные слова или группы слов одну или несколько букв или же один или несколько слогов; так, например, во французском мы имеем, с одной стороны, R.P.R. (religion prétendue réformée [протестанство]) ^[11] или C.G.T. (confédération générale de travail [всеобщая конфедерация труда]), а с другой — *caf-conc* (café-concert [концертный зал]).

1. *Буквенная аббревиация.* — Будучи самым распространенным способом аббревиации, буквенная аббревиация представляет собой простое последовательное соединение начальных букв слов, образующих устойчивое сочетание. Полученное таким образом соединение функционирует либо как неизменяемое целое, либо как всякое живое слово, имеющее склонение, наподобие названий алфавита: *азбука*, *алфавитъ*, *абевéга*. Чаще всего первое состояние (несклоняемое) предшествует второму (склоняемому).

Так, революция 1905 года дала прописку в русском языке политическому жаргону, привезенному эмигрантами из-за границы, в частности буквенным сокращениями *эсь-эръ*, *ка-дэ* (соответственно социаль-революционеръ и конституционный демократъ), из которых первое всегда склонялось (род. п. *эсь-эра*), с раннего времени писалось *эсэръ* и дало такие производные, как *эсэрка*, *эсэрский* и *эсэровский* (простые дублеты: *эсэрская партія*, или *эсэровская партія*), а второе изначально было неизменяемым, но со временем благодаря журналистам превратилось в склоняемое существительное *ка-дэть*, откуда производные *ка-дэтка* и *ка-дэтскій*. Позже к этому списку добавилось сокращение *энь-эсь*, *энёсь* (народный социалистъ) со своими производными *энёска* и *энёсовскій*. Что касается *цекá* (центральный комитетъ), то оно употреблялось лишь в узких политических кругах, приобретая популярность во время революции.

Революция же породила и такие сокращения, как *Ц.И.К.* (произносится *цеика́* — Центральный Исполнительный Комитет), *В.Ч.К.* или *Ч.К.* (произносится *вэчекá, чекá* — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия) и *М.Ч.К.* (произносится *мэчекá* или *эмчекá* — Московская Чрезвычайная Комиссия). Первое из этих сокращений, *Ц.И.К.*, осталось несклоняемым, а два других, *В.Ч.К.* и *М.Ч.К.*, продолжили свое существование в существительных женского рода *вэчка* и *мэчка*, которые постоянно использовались заключенными Чрезвычайной комиссии осенью и зимой 1918 года в Москве. Следует заметить, что эти самые заключенные в подражание членам Комиссии активно используют несклоняемые аббревиатуры *к.р.* (произносится *каэръ* — контрреволюционеръ) и *п.д.* (произносится *пэдэ́* = преступление по должности), обозначающие два основных вида преступлений, которые могут быть им вменены.

Также существует второй тип буквенного сокращения, который вместо последовательного соединения начальных букв слов, образующих словосочетание, использует начальные буквы для формирования искусственного фонетического целого, представляющего собой обычно склоняемое существительное, например: *Ропитъ* (Русское общество пароходства и торговли), *Юротатъ* (Южно-Русское общество торговли аптекарскими товарами) или французское *Anzac*, т. е. солдат Australia New Zealand Army Corps [Австралийско-Новозеландского армейского корпуса]. Таким образом с начала войны появились слова *Гау* (Главное артиллерийское Управление), *Гушь* (Главное управление Генерального Штаба), *Гукъ* (Главное управление кораблестроения), *нэхó* (начальник этапно-хозяйственного отдѣла); после переворота 1917 года — *срисдъ* (Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатов), скоро замененный на *совдѣль*; позже, при большевистском режиме — *свив* (союз взаимопомощи интеллигентныхъ воинов), также все еще можно кое-где услышать то несклоняемое, то склоняемое *Цик* (Центральный Исполнительный комитетъ), правда, не так часто, как упомянутое выше *Ц.И.К.* (цеика́); наконец, на Украине — *бул* (Бюро украинской печати).

Слово *зсдэкъ, зсдэкъ* (соціаль-демократъ, на письме сокращаемое как с.д.к.), ставшее расхожим с 1905 года вместе со своими производными *зсдэчка, зсдэковскій* и *зсдэчій* (последнее имеет уничижительную окраску: *зсдечья литература*), образовано двумя означенными выше способами буквенной аббревиации: первый дает элемент *зс-*, простое наименование начальной буквы, второй — *-декъ*, сплавляющий в одном слогѣ

начальные буквы слогов *д* и *к*. Так же образовано слово *поёр* (Потребительское общество юга России).

2. *Слоговая аббревиация.* — Слоговая аббревиация создает слова, используя либо начальный слог отдельно взятого слова, либо начальные слоги слов, образующих устойчивое сочетание, и все это совершенно произвольно, без использования каких-либо постоянных фонетических приемов и часто без соблюдения порядка слов. Так, слово *экспроприация* в революционном просторечии превратилось в *эксъ*, например, говорят: «онъ сидитъ за то, что ходилъ на эксъ». Аналогичным образом *Совѣтъ депутатовъ* (то есть *Совѣтъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ*), позже превратившийся в *Совет рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов*, был сокращен до *совдѣль*. Иногда, чаще всего в тех случаях, когда начальный слог слова образован приставкой, в сокращение входят сразу два первых слога, как в слове *исполком* (исполнительный комитет). Также в ряде случаев второй элемент сокращения может быть образован целым словом, например: *земсоюзъ* (земскій союзъ).

Ранее этот тип сокращения был представлен в русском языке очень незначительным числом примеров, как *осу* или *су* (вместо *государь*) и *надо* (вместо *надобь*)^[12]; однако за пятнадцать предвоенных лет их число несколько увеличилось, в частности, в сфере торговли и промышленности. Именно в это время появились такие наименования предприятий, как *Продамѣта* (Общество для продажи издѣлій русскихъ металлургическихъ заводовъ, основано в 1901 г.), *Продуголь* (Общество для продажи угля, основано в 1903), *Монотопъ* (Монополия топлива) и такие названия товаров, как *хатопъ* (харьковское топливо) или *ростопъ* (ростовское топливо). Изначально это были условные телеграфные обозначения, постоянное употребление которых превратило их в полноценные склоняемые существительные. Во время войны полевой телеграф еще больше умножил число таких слов. В свою очередь, революция узаконила их и поспособствовала существенному их развитию. Тем временем склонение этих неологизмов становилось явлением общепринятым, и такое, например, слово, как *Продамѣта*, долгие годы остававшееся неизменяемым, стало склоняться как существительное женского рода: род. п. *Продамѣты* (см. Сборникъ декр. и пост. по нар. хоз., с. 553).

Среди военных сокращений, бывших в ходу во время войны, в качестве самых частотных и самых характерных назовем следующие:

главковёрхъ (верховный главнокомандующий), *главкофронтъ* (главнокомандующий фронтомъ), *главкоствъ* (главнокомандующий съвернымъ фронтомъ), *главкозѣпъ* (главнокомандующий западнымъ фронтомъ), *главкокавъ* (главнокомандующий кавказскимъ фронтомъ);

комѣрмъ (командующий арміей), *штѣкоръ* (штабъ корпуса), *штѣдѣвъ* (штабъ дивизии) и образованные по образцу этих слов сверхстянутые формы *наштѣрмъ* (начальникъ штаба арміи), *наштѣкоръ* (начальникъ штаба корпуса), *наштѣдѣвъ* (начальникъ штаба дивизии); таким же образом — для различных фронтов: *штѣствъ* (штабъ съвернаго фронта) и *наштѣствъ* (начальникъ штаба съвернаго фронта) и т. д.;

дегенѣрмъ (дежурный генераль арміи), *генкѣармъ* (генераль квартирмейстеръ арміи), *штѣадѣ* (адъютантъ штаба), *старѣдѣ* (старшій адъютантъ);

загаздѣвъ (завѣдующий газовой обороной дивизіи), *благдѣвъ* (дивизионный благочинный), *корѣнтъ* (корпусный интендантъ), *корвѣтъ* (корпусный ветеринаръ) и т. д.

В это время Военное министерство обычно именовалось *Военмѣнъ*, а Морское министерство — *Мормѣнъ*.

Разумеется, что как только прием был отработан, число новых искусственных аббревиатур должно было постоянно и неуклонно расти, и происходило это не только в центрах (Военное министерство и штаб главнокомандующаго), но на всем протяжении российского фронта. Мы можем упомянуть только некоторые аббревиатуры из огромного числа сокращений, распространенных в той или иной области, не претендуя на полный их перечень: *помглаворѣмъ* (помощникъ Августѣйшаго главнокомандующаго румынскимъ фронтомъ), *дегенрѣмъ* (дежурный генераль румынскаго фронта), *начрѣсидѣнъ* (начальникъ рѣчныхъ сил Дуная).

Следует отметить, что некоторые из этих сокращений, появившихся во время революции, получили столь широкое распространение ввиду той роли, которую играли обозначаемые ими учреждения, например *искомзѣпъ* (Исполнительный комитетъ западнаго фронта) и *румчерѣдѣ* (румынскій прифронтной, черноморскій и одесскій комитеты): «Но какими же средствами располагали все эти Румчероды и Искомзапы?» — читаем мы в журнале «Голосъ Минувшаго» (1918, № 1—3, с. 292). *Румчерѣдѣ* был позднее преобразован в *румрѣдѣ* (румынскій прифронтной и одесскій комитеты), комитет черноморскаго флота был выведен из этой организации, но оставил фонетический след своего там пребывания — звук -р- от слова

«черноморскій», оставшийся между *рум-* (румынскій) и *-одѣ* (одесскій).

Ко времени войны относится появление, с одной стороны, сокращений *Земсоюзъ* (Земскій союзъ), *Согѣоръ* (Союзъ городовъ) и *Земгѣоръ* (Земскій и городской союзъ), а с другой стороны — шуточного прозвища для «тыловиковъ» *земгѣсаръ*, или, чаще, в уменьшительной форме *земгѣсарикъ* (буквально «земскій гусарикъ»), в котором содержится ироническая аллюзия на переведенный с немецкаго романс «Гусарики» (*Die Blauen Hussaren* Гейне), пользовавшийся большою популярностью во время войны^[13].

Февральская революция 1917 года робко попыталась перенести уже процветавшую к этому времени в армии систему слоговых сокращений в сферу наименования политических и общественных институтов. Ей языкъ обязан лишь, с одной стороны, словом *совдѣпъ* (Совѣтъ депутатовъ), которое быстро вытеснило *срисдѣ* (Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ), а с другой — скорее военными, нежели гражданскими, именованиями фронтовых комиссаров: *армкѣмъ* (комиссаръ при арміи) и *политкѣмъ* (политическій комиссаръ).

Напротив, Октябрьская революция распространила на весь правительственный, административный и общественный аппарат, который она пыталась создать, условную терминологию, построенную по принципу слоговой аббревиации, впрочем, терминологию часто неудачную или, во всяком случае, странную. Основные новые термины, которые она произвела на свет, могут быть классифицированы, как это сделано ниже, по слову, от которого они образованы:

- От слова *совѣт* (сов-, -совет). По модели унаследованнаго от Временнаго правительства слова *совдѣпъ* были образованы, с одной стороны, слова *губсовдѣпъ* (губернскій советъ депутатовъ), *горсовдѣпъ* (городской советъ депутатовъ), *усовдѣпъ* (уездный советъ депутатовъ), *волсовдѣпъ* (волостной советъ депутатовъ) и, с другой стороны, слова *продсовдѣпъ* (продовольственный советъ депутатовъ), *губпродсовдѣпъ* (губернскій продовольственный советъ депутатовъ) и *горпродсовдѣпъ* (городской продовольственный советъ депутатовъ). Также были образованы: в сфере военной обороны завоеваний Октябрьской революции — *Реввоенсовѣт* (Революционнй военный советъ); в сфере народнаго хозяйства — *Высовнархѣз* (Высшій советъ народнаго хозяйства) со всеми его ответвлениями, обозначаемыми общим термином *совнархѣзы*, и с их региональными отделениями — *губсовнархѣзами* (губернскіе советы народнаго хозяйства); в сфере профес-

сиональной организации — *профсовёты* (профессиональные советы), такие как *совжедёр* (совет железнодорожников).

- От слова *комитет* (ком-, -ком или -ко-). Различные «исполнительные комитеты» стали именоваться словом *исполкóm*, которое использовалось либо в общем значении «исполнительный комитет», либо, реже, для обозначения «центрального исполнительного комитета» (в этом случае обычно употребляют аббревиатуру *Ц.И.К.*), либо в сочетании в словах *губисполкóm* (губернский исполнительный комитет), *горисполкóm* (городской исполнительный комитет), *исполкомлэс* (исполнительный комитет центрального лесозаготовительного союза). Комитет государственных сооружений называется *комгосообр.* Продовольственные комитеты обозначаются словом *продкóмы* и подразделяются на *горпродкóm* (городской продовольственный комитет), *облпродкóm* (областной продовольственный комитет), *губпродкóm* (губернский продовольственный комитет), *упродкóm* (уездный продовольственный комитет). Комитеты бедноты, занимающиеся как нищими крестьянами, так и городскими рабочими, обозначаются в повседневном общении не иначе как аббревиатурой *комбёд* (мн. ч. *комбёды*). Общие термины: «революционный комитет» (например, в только что занятом городе или городе, недавно ставшем площадкой контрреволюционного мятежа), «революционный исполнительный комитет», «областной комитет», «губернский комитет», «окружной комитет», «революционный военный комитет», — которые могут быть использованы для именовании различных комитетов, сокращаются соответственно до *ревкóмъ*, *ревисполкóm*, *облкóm*, *губкóm*, *окркóm*, *реввоенкóm*. Слово «комитет» сокращено до *-ко-* в словах *главконефть* (см. ниже) и *расмеко* (Центральный комитет по распределению металла)^[14].

- От слов *комиссар* и *комиссариат* (ком- или -ком). Вероятно, в большевистский период первой по времени аббревиатурой, образованной от слова *комиссар*, было составное слово *Совнарком* (Совет народных комиссаров^[15]). Затем от него естественным образом отделился элемент *нарком* (самостоятельно употребляемый в значении «народный комиссар»), или просто *ком-* (также в составе сложного сокращения), которые, также в образованных с их помощью аббревиатурах, могли интерпретироваться двояко: как «народный комиссар» или «народный комиссариат», — так что никакой внешний признак, кроме контекста, не мог подсказать, в каком из двух возможных значений это слово употреблено в том или ином случае.

Эта же двойственность значения — «комиссар» или «комиссариат» — проявляется в сокращениях: *нарком-* или *ком-инодёл* (иностранных дел), *-внудёл* (внутренних дел) или, еще более кратко, *-внуд*, *-воён* (военный), *-финáнс* и *-фún* (финансов), *-юст* (юстиции), *-зём* (земледелия), *-прóд* (продовольствия), *-трúд* (труда), *-здрав* (здоровоохранения), *-потэль* (почт и телеграфов), *-горхóз* (городского хозяйства; этот комиссариат является особенностью Северной коммуны) и *нацкóm* (по делам национальностей). Единственным значением «комиссар» наделены лишь слова *военкóm* (военный комиссар, не путать с *наркомвоён* — народный комиссар по военным делам), который противопоставляется *политкóму* (политический комиссар), *совкóm* (совет комиссаров, в частности, совет комиссаров Северной коммуны), *комснаб* (комиссар по снабжению).

- От слова *комиссия* (-кóm). Создание «Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией» породило сокращения: *чрезкóm* (чрезвычайная комиссия), *губчрезкóm* (губернская чрезвычайная комиссия), *уездчрезкóm* (уездная чрезвычайная комиссия).

- От прилагательного *коммунистический* (сокращенного до ком-): *комячэйка* (коммунистическая ячейка, т. е. ядро местной организации коммунистической партии).

- От слова *культура* (сокращенного до -кúльт): *пролеткúльт* (пролетарская культура), *латпролеткúльт* (латышская пролетарская культура).

- От слова *обучение* (-обúч): *всеобúч* (Союз всеобщего военного обучения).

- От слова *отдел*: *военотдёл*, *здравотдёл*, *земотдёл*, *продотдёл*, *снаботдёл*, *отделупрáв* и *финоотдёл* — названия различных комиссий каждого Совета (соответственно по военным делам, по здравоохранению, по земельным делам, по продовольствию, по снабжению, по управлению и по финансам).

- От слов *пленный* и *беженец*: *центропленбёж* и *губпленбёж* — центральная и губернская организации по репатриации пленных и беженцев (см. далее слово «беженец»).

- От прилагательного *продовольственный* (прод-): общие термины *продóрган* (продовольственный орган) и *губпродóрган*, а также особые наименования новых учреждений, такие как *продáрмия* (продовольственная армия), *продотрýд* (продовольственный отряд), *продбюро* (продовольственное бюро в городском районе), *Продпúть* (название журнала — органа центрального продовольственного бюро всероссийского железнодоро-

рожного союза) и приводившиеся выше сложные сокращения со словами *совет* (как *продсовдѣл*), *комитет* (*продкóмы* и их подразделения), *отдел* (*продотдѣл*).

- От слова *руководитель* (-рúк): *военрúк* (военный руководитель).

- От слова *топливо* (топ- или -тóп): *топ-сою́з* (союз торговопромышленников по топливу) и *осотóп* (особое совещание по топливу).

- От словосочетания *железная дорога*, сокращенного до -жель: *ревжель* (революционный комитет железных дорог).

Сложные сочетания со словом *главный* (сокращение *глав-*, обычно означающее Главный комитет или Главное управление) заслуживают того, чтобы упомянуть их отдельно, ибо они составляют важную категорию: это всегда либо составные номинации, обе части которых являются сокращениями, как *главбум* (главный комитет по делам бумажной промышленности), *главбóд* (главный комитет по делам водного транспорта), *главкóж* (главный комитет по кожевенным делам), *главкóп* (главное управление кооперативов), *главлéс* (главный комитет лесной политики и деревообрабатывающей промышленности), либо составные номинации, в которых второй элемент не является сокращением: *главкрахмáл* (главный крахмальный комитет), *главпродúкт* (главный комитет по закупке продуктов), *главсáхар* (главный сахарный комитет), *главсóль* (главный комитет по соли), *главспúчка* (главный спичечный комитет), *главтабáк* (главный табачный комитет), *главтóрф* (главный торфяной комитет), *главúголь* (главный угольный комитет). Также следует особо упомянуть *главконéфть* (главный нефтяной комитет), где за сокращением *глав-* следует -ко- (от «комитет»), и дублет женского рода *главкóжа* (род. п. *главкóжи*), функционирующий наряду со словом мужского рода *главкóж* (род. п. *главкóжа*).

Все эти сложные аббревиатуры, равно как и такие же сокращения с элементом *центро-* (см. далее), обозначают централизованные органы промышленности и торговли, находящиеся либо под непосредственным управлением, либо под контролем Верховного совета народного хозяйства (Высовнархоз)^[16]. От этих аббревиатур, частота употребления которых объясняется значимостью обозначаемых ими учреждений, произошло существительное мужского рода множественного числа *главки* (род. п. *главков*, дат. п. *галвкам* и т. д.), составляющее пару существительному *центры*, например: «склады *главков*, *центров* и *отделов* В.С.Н.Х.

[Высовнархоза]...» (Из., 24 ноября 1918 г.). Форме множественного числа *главки* не соответствует никакая общеупотребительная форма единственного числа; впрочем, такая совершенно необычная форма родительного падежа единственного числа, как *главка*, свидетельствует о том, что язык стремится заполнить образовавшуюся лауну: «...централизация, под которой они понимают образование сто первого *главка* или центра» (московские «Вечерние известия», 23 января 1919 г.).

Следует упомянуть также различные изолированные слоговые аббревиации либо имен нарицательных, например *Разгрúз* (комиссия по разгрузке города Москвы), *Продрасмёт* (комиссия по продаже и распределению металлов), *Парбриг* (союз паровозных бригад), либо имен собственных, например *Ирту́р* (управление ирригационных работ Туркестана) или *Кавомар* (управление каспийско-волжско-мариинской системой)^[17].

3. *Смешанная аббревиация*. — Буквенная и слоговая аббревиация иногда совмещаются в одном слове. Таковы, в частности:

- некоторые сложные слова с буквенным сокращением *вик-* (Всероссийский исполнительный комитет), например, *Викжель* (Всероссийский исполнительный комитет желѣзныхъ дорогъ), *Викжедóр* (Всероссийский исполнительный комитет железных дорог) и *Викжевойск* (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных войск);

- слова, содержащие буквенное сокращение *цек-* (центральный комитет), например: *Цекувъ* (центральный комитетъ увѣченныхъ воинов) или *Цеквод* (центральный комитет работников водного транспорта);

- составные слова с конечными буквенными сочетаниями *-юзъ* (юго-западный) и *гукъ* (главнаго управления кораблестроенія), например: *гавкóюзъ* (Главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ), или *мингúкъ* (Минный отдѣлъ Главнаго управления кораблестроенія), или *подгúкъ*, или *коргúкъ* (соответственно подводный отдѣлъ и кораблестроительный отдѣлъ Главнаго управления кораблестроенія);

- некоторые отдельные сложные слова, как например, в период войны: *довмíнь* (Домъ Военнаго Министра въ Петроградѣ) или *огенвáрь* (округъ генераль-квартиной части Генеральнаго штаба) — и уже при большевистском режиме: *Всепрóжфéль* (Всероссийский совет профессиональных железнодорожных союзов) или *Всесатéрд* (Всероссийский железнодорожный профессиональный союз агентов техничеко-распорядительного движения).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В данном издании курсивом выделяются все разбираемые языковые единицы в соответствии с современными правилами оформления, однако значения единиц подаются, как в оригинале — в кавычках или в скобках. — *Прим. перев.*

[2] Огиенко Иван Иванович (1882—1972) — украинский филолог и епископ Польской православной церкви, затем глава неканонической Украинской греко-православной церкви в Канаде (1951—1972), известный как митрополит Иларион. Упомянутая работа, написанная им в бытность приват-доцентом кафедры языка и литературы Киевского университета, была недавно переиздана: *Иноземные элементы в русском языке: история проникновения заимствованных слов в русский язык. М., 2010.*

[3] Имеется в виду словарь: *Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д. Полный словарь иностранных слов (115 000), вошедших в употребление в русском языке, со значением их корней. 12-е изд. Спб., 1917. — Прим. перев.*

[4] Владиславлев Игнатий Владиславович (наст. фам. Гульбинский, 1880—1962), библиограф, автор многочисленных указателей. Имеется в виду изданный под его редакцией «Краткий политический словарь: пособие при чтении газет и книг по общественным вопросам» (Минск, 1917). — *Прим. перев.*

[5] Имеется в виду книга: *Денисюк Н. Ф. Народный политический словарь. Пособие при чтении газет, журналов, брошюр и политической литературы. Петроград, 1917. — Прим. перев.*

[6] Ошибка при указании инициалов: Евгений Алексеевич Звягинцев (1869—1945) — краевед-методист, деятель народного образования, автор многочисленных работ по педагогике, учебников, книг для чтения. Здесь имеется в виду его «Словарь внешкольного образования» (М., 1918), на который Мазон далее несколько раз ссылается в работе. — *Прим. перев.*

[7] Имеется в виду следующее издание: *Народный словарь. Петроград: Союз солдат-республиканцев, 1917. — Прим. перев.*

[8] «Труд и воля» (1919) — газета «Московского Союза анархистов-синдикалистов-коммунистов». Издавалась раз в две недели. Вышло 6 номеров, последний — 20 мая 1919. Закрыта ЧК. Возможно также, что имеется в виду одно из изданий анархистско-социалистического издательства «Труд и воля», существовавшего с 1905 по 1918 г. — *Прим. перев.*

[9] Карцевский Сергей Осипович (1884—1955), лингвист, специалист по грамматике русского языка. В 1923 г. Карцевский издает в Берлине сходную по тематике книгу: «Язык, война и революция». — *Прим. перев.*

[10] См., например: Kr. Nyrop *Etudes de grammaire française*. Copenhague, 1919, P. 13—26. (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab: historisk-filologiske Meddelelser, II, 6); Albert Dauzat, *L'argot de la guerre*, Paris, 1918, P. 188—194; Otto Mauser, *Deutsche Soldatensprache*, Strasbourg, 1917.

[11] Аббревиатура, используемая с XVII в., см.: Ernest Lavisse, *Histoire de France depuis les origines jusqu'à la révolution*. Т. VII, 2-я часть, с. 40 и далее.

[12] См.: *Лекції по исторіи русскаго языка А.И. Соболевскаго, М., 1903 (3-е изд.), с. 147—148.*

[13] Имеется в виду стихотворение Гейне «Es blasen die blauen Husaren...» («Трубят голубые гусары...») из цикла «Возвращение домой». Однако перевод этой баллады со словом «гусарик» нам не известен, не ясны и смысловые переключки между номинацией «земгусарик» и содержанием стихотворения. Более вероятной представляется аллюзия на популярную в годы войны народную песню, в которой обыгрывается мотив приезда солдата на постой: «Люблю я гусарика, // Люблю молодого. // Дарю я гусарика // Коня вороного. // Коня ль молодого, // Седеличко ново. // Недавно ль гусарик // Из полка приехал; // Недавно он приехал, // Опять уезжает: // Его разлюбезная // Все плачет-рыдает! // Плакала-рыдала, // Ночевать унимала. // „Заночуйка, гусарик, // Ты ночку со мною: // Заночуй, молодецкий, // Хоть ночку со мною“. // „Если заночую, // Взбуди меня раньше: // Ранешенько, рано. // Чтобы не светало; // Чтобы барабанщики // В барабан не били; // Чтобы музыканты // В трубы не играли; // Молоды гусары // Коней не седлали, // Коней не седлали. // С двора не съезжали“. // Проснулся гусарик — // На дворе светленько: // „Что ж ты разлюбезная // Надо мной сробила? // Надо мной сробила, // Навеки сгубила!“» (Антология военной песни. М., 2006). — *Прим. перев.*

[14] Две организации, называемые *продамета* (см. выше) и *расмеко*, решением от 17 июля 1918 г. были слиты в одну организацию, обозначаемую комбинацией этих двух аббревиатур — *продрасмет*.

[15] Подробнее об обстоятельствах, при которых большевики делали выбор в пользу сочетания «народный комиссар» см.: *Из. 6-го ноября 1918 г.* (первая годовщина Октябрьской революции).

[16] Подробнее см.: *Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству, изд. В.С.Н.Х., М., 1918.* Общий обзор см. в статье «Основные моменты в ходе развития главков и центров» в журнале «Новый путь», 1918, № 11, стр. 1—5. В той же статье без каких-либо дополнительных разъяснений упоминаются *главрасмасло* и *главстекло*.

[17] Addenda: [Сложная аббревиатура *всеведомлад*, по всей видимости, обозначает «союз младших служащих всех ведомств»].

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'276.5
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.03; 10.02.21

М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

**ЮРИСЛИНГВИСТИКА: СУДЕБНАЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА,
ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЯ,
ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ГЕРМЕНЕВТИКА**

**JURIDICAL LINGUISTICS: FORENSIC
LINGUISTIC EXPERTISE, LINGO-
CONFLICTOLOGY, JURIDICAL-LINGUISTIC
HERMENEUTICS**

Аннотация. Отчет о второй международной интернет-конференции «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика».

Abstract. This is a report on the second international Internet-conference "Juridical Linguistics: Forensic Linguistic Expertise, Longo-conflictology, Juridical-Linguistic Hermeneutics"

Ключевые слова: юрислингвистика; судебная лингвистическая экспертиза; лингвистическая конференция; лингвоконфликтология; юридико-лингвистическая герменевтика.

Key words: Juridical Linguistics; forensic linguistic expertise; linguistic conference; lingo-conflictology; juridical-linguistic hermeneutics.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, оф. 221.
e-mail: shinkari@mail.ru.

В декабре 2012 года успешно прошла вторая международная интернет-конференция «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика», вновь собравшая за монитором единомышленников, «преданных науке и ее прекрасной дочери — лингвистической экспертизе» (мы используем оценку участников конференции, предложенную Н. Д. Голевым).

Конференция была организована силами Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов, Лаборатории юрислингвистики и документоведения Кемеровского университета, Лаборатории юрислингвистики и документоведения Алтайского государственного университета и кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии и работала 15 дней (с 15.12.2012 по 30.12.2012) на сайте Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов (<http://siberia-expert.com/>).

За это время, по данным организаторов:

- На обсуждение было вынесено 54 темы.
- На страницы обсуждения было добавлено 776 сообщений.

- Общее количество просмотров тем обсуждения составило 3240.
- В среднем за сутки сайт посещало около 100 человек.

Все представленные на конференцию доклады были распределены по трем секциям:

- Секция 1. Язык права. Юридико-лингвистическая герменевтика (руководитель секции — д-р филол. наук, проф. Т. В. Дубровская).
- Секция 2. Лингвоэкспертология (руководитель секции — канд. филол. наук, доц. Г. С. Иваненко).
- Секция 3. Лингвоконфликтология (руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. В. Кишина).

В качестве бесспорного плюса конференции можно отметить широкую тематику докладов: от истории судебного дискурса до наиострейших практических вопросов современной практики судебной экспертизы в самых различных областях.

Организаторы конференции составили рейтинг среди всех представленных материалов и выделили 10 самых просматриваемых докладов к моменту окончания мероприятия:

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность»

© Ворошилова М. Б., 2013

1. Аблин М. В. Косвенные призывы в современных идеолого-религиозных текстах разных жанров.
2. Хазимуллина Е. Е. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием.
3. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме.
4. Голев Н. Д. Научные и правовые термины в аспекте стихийного функционирования языка: соображения для дискуссии.
5. Яковлева Е. А. Креолизованный текст как объект юрислингвистики (стратегии и тактики исследования).
6. Шибаяев М. В. К вопросу о толковании фразеологизма *срань господня* в рамках судебной лингвистической экспертизы.
7. Ворошилова М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте.
8. Иваненко Г. С. Утверждение о факте: форма и содержание.
9. Голиков Л. М. Семиотика экстремистского текста.
10. Ахунзянова Ф. Т. Экспертиза конфликтного исламского текста.

Познакомиться с материалами конференции можно на сайте: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/4.

Позже материалы конференции будут опубликованы в журнале «Юрислингвистика» (Кемерово, Барнаул) [URL: <http://siberia-expert.com/index/0-102>]. Данный журнал адресован научным сотрудникам в области языкознания, юриспруденции, журналистики, рекламного дела, преподавателям филологических и юридических факультетов, лингвистам-экспертам, работникам административных и правоохранительных органов.

Как мы видим, в центре внимания ученых оказались в основном практические аспекты судебной лингвистической экспертизы, связанные с дискуссионными вопросами выявления и оценки ряда языковых и речевых явлений, в частности косвенных призывов, утверждений о фактах и др.

Среди теоретических вновь были подняты действительно актуальные вопросы, среди них — вечный вопрос о правовой терминологии.

Наше внимание, бесспорно, привлеч доклад о креолизованном тексте как объекте юрислингвистики, ведь именно креолизованный текст все чаще оказывается в поле зре-

ния экспертов, о чем, кстати, свидетельствуют и дискуссии, развернувшиеся на самой конференции, где специалисты обсуждали конкретные рекламные тексты, политические плакаты и экстремистские листовки.

Отметим и тот факт, что большинство популярных докладов было посвящено проблематике судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремисткой направленности, что свидетельствует о высоком интересе к данной проблематике, об актуальности проблемы экстремизма для современной России.

Стоит отметить высокую активность участников конференции: ни один доклад не остался без внимания, а постоянно вспыхивающие дискуссии нередко походили на настоящие баталии. Действительно, обсуждение было напряженным и иногда даже эмоциональным, что свидетельствует о его высоком качестве.

Среди наиболее обсуждаемых оказались все-таки вопросы практического характера, при обсуждении которых участники обменивались как опытом экспертных исследований, так и интересными материалами.

Так, богатый материал был собран участниками темы «Лингвистический контроль рекламы»: и примеры рекламных текстов, и примеры экспертиз, подчас неоднозначных, спорных, а потому и интересных.

Вообще проблема разночтения, неоднозначности лингвистической экспертизы стала центральной на конференции, одной из самых острых: этот вопрос обсуждался в рамках сразу нескольких тем (вопреки всем стараниям организаторов вынести его в отдельную тему).

Впервые эта проблема была поднята в рамках темы «Разные результаты экспертизы — один материал» по предложению Е. Е. Хазимуллиной. В теме предлагалось обсудить примеры разночтений экспертов на материале конкретных экспертиз. Но позже подобные вопросы поднимались и в разделах «Кто заказал эксперта, или Еще раз об экспертных заключениях», «Эксперимент по квалификации (однозначно или нет?)» и др.

Итак, в целом конференция прошла успешно, о чем свидетельствуют отклики ее участников, которые единодушно отмечали «живую, необыкновенную критически-накаленную и не зависящую от авторитетов атмосферу конференции», которая для многих стала «возможностью плодотворной апробации новейших результатов исследований».

УДК 82-991
ББК Ш100

ГСНТИ 16.01.21

Н. А. Пирогов
Екатеринбург, Россия

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ХРОНИКА РАБОТЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО
СОВЕТА Д 212.283.02 В 2012 ГОДУ**

Аннотация. Информация о работе совета по присуждению ученых степеней кандидата и доктора наук по лингвистике.

Ключевые слова: лингвистика; ученая степень; диссертационный совет.

Сведения об авторе: Пирогов Николай Александрович, кандидат филологических наук, профессор.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: pirogov@r66.ru.

Код ВАК10.02.01; 10.02.20; 10.02.19; 10.01.03

N. A. Pirogov
Ekaterinburg, Russia

**PROMISING TRENDS
IN LINGUISTIC RESEARCH WORKS:
CHRONICLE OF DISSERTATION COUNCIL
D 212.283.02 IN 2012**

Abstract. The presented data is the information about the work of Dissertation Council for the conferment of academic degrees of candidate and doctor in linguistics.

Key words: linguistics, Academic degree, Dissertation Council.

About the author: Pirogov Nikolay Alexandrovich, Candidate of Philology, Professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Код диссертационного совета Д 212.283.02

Год открытия совета 1994

Утвержден после реорганизации в Уральском государственном педагогическом университете г. Екатеринбурга приказом Минобразования Российской Федерации от 2 ноября 2012 года № 714/нк.

Специальности совета 10.02.01 — Русский язык (по филологическим наукам)

10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание (по филологическим наукам)

Председатель Чудинов Анатолий Прокопьевич, д-р филол. наук, проф.

Зам. председателя Кусова Маргарита Львовна, д-р филол. наук, проф.

Ученый секретарь Пирогов Николай Александрович, канд. филол. наук, проф.

В 2012 г. диссертационный совет Д 212.283.02 провел 14 заседаний.

По специальности «10.02.01 — русский язык» защищены 2 кандидатские диссертации; по специальности «10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» защищено 7 кандидатских диссертаций.

11 марта

1. Полякова Ирина Сергеевна (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Прецедентные имена в институциональном политическом дискурсе Кондолизы Райс и Ирины Хакамады (2000—2008 гг.)». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, доц. М. Ю. Олешков. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова и д-р филол. наук, доц. Е. В. Шустрова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Ю. В. Горшунов и канд. филол. наук, доц. О. Г. Скворцов. Ведущая организация — Самарская государственная академия культуры и искусства.

2. Каган Елена Борисовна (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Метафорические заголовки в российских, американских и британских СМИ: когнитивный, текстовый и психолингвистический аспекты». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Э. А. Лазарева и канд. филол. наук, проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Э. А. Лазарева и канд. филол. наук, доц. С. Л. Кушнерук. Ведущая организация — Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

3. Романенко Татьяна Анатольевна (Кемеровский государственный университет). Кандидатская диссертация «Реконструкция и анализ структур русского концепта СЕРДЦЕ и немецкого концепта HERZ». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. В. Пестова и канд. филол. наук, проф. Н. А. Пи-

рогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. С. Л. Мишланова и д-р филол. наук, проф. О. А. Алимуратов. Ведущая организация — Кубанский государственный университет.

13 апреля

4. *Ивинских Наталья Петровна* (Пермский научно-исследовательский политехнический университет). Кандидатская диссертация «Динамика метафоризации в англоязычном и русскоязычном методическом дискурсе». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. С. Л. Мишланова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов и д-р филол. наук, проф. К. И. Демидова. Оппоненты — д-р филол. наук, доц. Э. В. Будаев и канд. филол. наук, доц. Е. В. Колотнина. Ведущая организация — Пермский государственный технический университет.

25 мая

5. *Айданова Юлия Файзиевна* (Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского). Кандидатская диссертация «Интертекстуальные знаки советской прототекста в современной российской прозе и стратегии их перевода». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. А. Кузьмина. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова и д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Оппоненты — д-р филол. наук, доц. М. Ю. Мухин и канд. филол. наук, доц. Н. А. Красильникова. Ведущая организация — Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

6. *Юдина Оксана Леонидовна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Метафоры и метафорические модели в русском и англо-американском управленческом дискурсе: параллели и взаимодействие». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. Г. Скворцов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева и д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Ю. В. Горшунов и канд. филол. наук,

доц. С. М. Поляков. Ведущая организация — Челябинский государственный университет.

28 сентября

7. *Баранова Анна Александровна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Репрезентация политических субъектов и политических текстов в передачах радиостанций „Радио России“ и „Эхо Москвы“». Специальность — 10.02.01. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. А. Нахимова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева и д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова. Оппоненты — д-р филол. наук А. Ю. Ларионова и канд. филол. наук, доц. Ю. Б. Феденева. Ведущая организация — Омский государственный университет.

30 ноября

8. *Очеретина Мария Александровна* (Уральская государственная архитектурно-художественная академия). Кандидатская диссертация «Мелодраматический дискурс современного российского телевидения: структурно-коммуникативный аспект». Специальность — 10.02.01. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Э. А. Лазарева. Эксперты — д-р филол. наук, проф. М. Л. Кусова и д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Оппоненты — д-р филол. наук, доц. М. Ю. Мухин и канд. филол. наук, доц. Е. А. Нахимова. Ведущая организация — Алтайский государственный университет.

9. *Плотникова Мария Вячеславовна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Стилистическое и когнитивное исследование тропов в балладах Ф. Вийона и их переводах на русский язык». Специальность — 10.02.01. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. В. Ерофеева. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова и канд. филол. наук, проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Н. Н. Лыкова и канд. филол. наук, доц. И. В. Донская. Ведущая организация — Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

Дискуссии. Раздел предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

1. Теория политической лингвистики. Этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т. е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

3. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в предыдущий раздел.

4. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

5. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение — статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров. С аспирантов плата за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника не взимается.

С 2012 г. все присылаемые материалы проверяются в системе «Антиплагиат». В случае заимствования чужих идей без указания источника цитирования в соответствии с принятыми в научном сообществе нормами статьи возвращаются авторам.

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера — не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А. П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень;
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации;
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Институт Языковедения им. А. А. Потебни Национальной Академии Наук (Украина)
Одесский национальный университет (Украина)
Кемеровский государственный университет (Россия)
Кемеровское региональное отделение Российской Ассоциации лингвистов-когнитологов
Международная распределенная лаборатория когнитивной лингвистики
и концептуальных исследований (ЛКЛиКИ):
Кемерово — Севастополь — Армавир — Ставрополь

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО № 1
XI Международная Летняя научная школа
«Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования»

XI Международная научная конференция
«Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике»

В период с 15 по 28 июля 2013 г. на базе Одесского национального университета будет проводиться **XI Международная Летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования»**, среди лекторов которой выступят известные когнитологи России, Белоруссии, Украины, Польши (**Любовь Викторовна Балашова, Виктор Михайлович Брицын, Наталья Владимировна Васильева, Виктор Алексеевич Виноградов, Сергей Григорьевич Воркачев, Вадим Викторович Дементьев, Ирина Андреевна Казимилова, Алла Алексеевна Камалова, Владимир Ильич Карасик, Наталья Васильевна Кондратенко, Валерия Андреевна Кухаренко, Валентина Авраамовна Маслова, Марина Васильевна Пименова, Вячеслав Исаевич Теркулов, Татьяна Васильевна Симашко, Светлана Алексеевна Швачко, Анатолий Прокопьевич Чудинов**).

По результатам работы Школы слушателям будет выдан документ о прохождении научной стажировки на базе ИЯ НАН Украины.

Проживание слушателей Летней школы и конференции — в Центре отдыха «Мирный», который находится на 9 станции Большого Фонтана, недалеко от моря, и отличается высоким уровнем комфорта. Его сайт: <http://mirniy.odessa.ua/>. Цена проживания от 200 грн. (25 долларов) на человека в 2-местном номере. Одноместный номер — от 300 грн. Количество номеров в пансионатах ограничено! Цены на проживание могут незначительно измениться.

Цена за обучение в Летней школе — 4 800 руб. (160 \$). Оплата будет приниматься только по наличному расчету!

Заявки, подтверждающие Ваше участие в работе Летней школы, просим присылать на электронные адреса: summer-school2013@yandex.ru — на имя Татьяны Вадимовны Захаровой — и MVPimenova@yandex.ru — на имя Пименовой Марины Владимировны — до 31 марта 2013 года.

Основные направления Летней школы и конференции:

- Теоретические аспекты когнитивных и концептуальных исследований.
- Ментальность народа и его язык.
- Языковая, обыденная (наивная), индивидуально-авторская картины мира.
- Концептуальная система и концептуальная картина мира.
- Сопоставительная концептология.
- Концепт и культура.
- Методика исследования и типология концептов.
- Жанры речи в когнитивном аспекте.
- Лингвокультурология и лингвострановедение.
- Гендерная и политическая лингвистика.

В период с 15 по 16 июля 2013 г. в рамках Летней научной школы будет проводиться **XI Международная научная конференция «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике»**. **Формы участия в конференции:**

- выступление слушателей Летней школы с докладом, сообщением на пленарном или секционном заседании конференции;
- заочное участие с представлением материала доклада и опубликованием его в сборнике материалов, который будет отправлен по адресу, указанному в заявке.

До 31 марта 2013 г. просим представить в адрес оргкомитета конференции:

• статью объемом 6—10 страниц машинописного текста формата А4 в виде файла, набранного в редакторе Word (шрифт Times New Roman, размер 14, английский и русский текст) через полуторный интервал. Поля — 2 мм со всех сторон. Абзацный отступ — 1,25 см.

Текст, набранный с использованием трудночитаемых шрифтов, сканируется Автором и вставляется в статью в виде графического элемента (рисунка); аналогично обрабатываются графики, картинки и т. д., за исключением таблиц.

Над заголовком статьи через 1 интервал слева печатается индекс УДК, ниже — ББК, ниже справа строчными буквами печатаются инициалы и фамилия автора статьи на двух языках. Ниже строчными буквами приводятся город, страна. Заголовок статьи печатается прописными буквами по центру. Если название занимает 2 строчки и более, то расстояние между строчками должно составлять 1 интервал. Точки в заголовке не ставятся. Аннотация и ключевые слова на русском и английском языках печатаются ниже под заголовком; ниже дается информация об авторе, контактная информация и e-mail, список литературы. Постарайтесь, пожалуйста, обходиться без сносок. Текст статьи печатается с красной строки через 1 интервал после заголовка статьи (форматирование текста — по ширине).

Название статьи печатается прописными буквами посередине. Под названием через 1 интервал справа строчными буквами печатаются инициалы и фамилия автора статьи. Ниже строчными буквами печатается полное название учреждения, представившего статью. Если название занимает 2 строчки и более, то расстояние между строчками должно быть 1 интервал. Точки в заголовке не ставятся. Текст статьи печатается с красной строки через 1 интервал после названия учреждения.

Образец оформления статьи:

- **А. А. Иванова**
- **Кемеровский государственный университет**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ КОНЦЕПТОВ

Текст, текст, текст,

текст.....

Литература:

1. Агафонова Н. Н. Лингвострановедение: учебное пособие для вузов / Н. Н. Агафонова, Т. В. Богатырева; под. общ. ред. А. Г. Калпина. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : ЭКСМО, 2002. — 542 с.

2. Белозеров И. В. Религиозные русские концепты XIII-XIV вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 : / Белозеров Иван Евгеньевич. — М., 2003. — 218 с.

3. Гаврюшина О. Н. Методы концептуальных исследований // Этнопсихоллингвистика. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. — 164 с. — С. 101—120.

4. Иванов И. И. К вопросу о концептах // Семантические исследования. — М. : Инфо-Пресс, 1998. — С. 23—45.

(далее по алфавиту). Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется таким образом: [1: 25].

Если в Вашей работе используются особые шрифты, просим обязательно их выслать отдельным файлом. В материалах конференции сохраняется авторский стиль. Оргкомитет конференции по результатам экспертизы материалов оставляет за собой право решения вопроса о публикации доклада в сборнике.

Оплата статьи. Объем статей 6—10 страниц. Стоимость 1 страницы — 160 рублей.

Оплату за публикацию просим присылать до 31 марта 2013 г. в России по адресу: 652420, г. Берёзовский, Кемеровская область, Молодежный бульвар, д. 1, кв. 43, Рольгайзер Анастасии Александровне.

Статьи и заявки на участие в конференции присылайте по адресам: summer-school2013@yandex.ru (на имя Татьяны Вадимовны Захаровой) и MVPimenova@yandex.ru (на имя Пименовой Марины Владимировны). С возникающими вопросами обращайтесь, пожалуйста, по этим же адресам. Если Вам не подтвердили получение статьи и заявки, просим еще раз отправить их с другого компьютера.

Образец заявки на участие в Международной Летней школе

Фамилия, имя, отчество:

Вуз / организация:

Ученая степень, ученое звание, должность:

Почтовый адрес:

Контактный телефон и e-mail:

Заявка и статья, отправленная по e-mail, называются по следующему образцу: ИвановаАА_заявка и ИвановаАА_статья.

Убедительно просим Вас обратить внимание на корректность и четкость формулируемых положений, а также на синтаксическое и стилистическое оформление Вашей работы.

Сопредседатель оргкомитета XI Международной Летней научной школы д-р филол. наук, проф. **Наталья Васильевна Кондратенко.**

Сопредседатель оргкомитета XI Международной Летней научной школы и международной научной конференции «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике», отв. редактор сборника материалов конференции, д-р филол. наук, проф. **Марина Владимировна Пименова.**